

ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2023

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

www.sciencejournals.ru

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2023

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN: 0869-6063

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша),
докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей,
д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Зав. редакцией
Д.В. Пушкина

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499) 124-34-42

E-mail: ra@iaran.ru

Москва
ООО «Объединённая редакция»

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИКЦ «АКАДЕМКНИГА»

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2023

Систематизация приемов лоскутного налёпа

Е. В. Волкова 7

Западное и Южное Предкавказье в посткатакомбную эпоху:
от кубанской культурной группы к невинномысской культуре

Р. А. Мимоход 20

Элитные погребения начала эпохи железа Сургутского и Нижнего Приобья

В. А. Борзунов 34

Основание навершия меча из Суздальского Ополья: реконструкция декора

*Н. А. Макаров, Е. С. Коваленко, М. М. Мурашев, К. М. Подурец,
С. Ю. Каинов, О. А. Кондратьев, П. В. Гурьева, И. Е. Зайцева,
А. Н. Федорина, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина* 52

Усадьбы московской знати XIV–XV вв. на Подоле Московского Кремля

К. И. Панченко, Н. А. Макаров, А. А. Карпунин, В. Ю. Коваль 64

К 75-ЛЕТИЮ Л. А. БЕЛЯЕВА

К юбилею Леонида Андреевича Беляева

*Дирекция Института археологии РАН, Редакция и редакция
журнала “Российская археология”* 81

Деревянная модель храма Гроба Господня в России и Конрад Шик

К. А. Вах 83

Археологические свидетельства металлургии железа в византийском
и раннеисламском Иерихоне

А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова 92

Бронзовые вотивные предметы “рука с крестом”: экземпляр
из коллекции архимандрита Антонина (Капустина)

Л. А. Голофаст 108

Перспективы Нессаны: новые исследования “Караванного города”
на юге Израиля

Я. Чехановец 121

О локализации иудейского позднеантичного некрополя
близ Павловского мыса в Керчи

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова, А. В. Куликов 131

ПУБЛИКАЦИИ

Клад боспорских монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья
(поселение Тиховский 1)

М. Г. Абрамзон, С. Н. Остапенко, А. В. Сурков 149

Денежно-вещевой клад из окрестностей деревни Старая Мельница
под Новгородом

А. А. Кудрявцев, А. А. Гомзин, П. Г. Гайдуков, О. П. Доброва, В. А. Волхонский 162

Берестяная грамота из Переяславля Рязанского

А. А. Гиппиус, В. И. Завьялов 179

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Schibille N. Islamic Glass in the Making: Chronological and Geographical Dimensions. Leuven: Leuven University Press, 2002. 261 P. (Studies in Archaeological Sciences 7)

О. С. Румянцева

187

Чижов С. И. Русская нумизматика. библиографический опыт / под ред. П. Г. Гайдукова, М. А. Смирновой. М.: ООО “Русское слово”. Учебник, 2022. LXVI+. 582 с.: ил. (История русской науки. Исследования и материалы. IV)

А. В. Чернецов

194

ХРОНИКА

IX Всероссийская научная конференция с международным участием им. профессора В.В. Зайкова “Геоархеология и археологическая минералогия — 2022” (ЮУ ФНЦ МИГ УрО РАН, г. Миасс, 19–21 сентября 2022 г.)

П. С. Анкушева, Н. Н. Анкушева, А. В. Епимахов

202

К юбилею Наталии Николаевны Тереховой

В. И. Завьялов, А. С. Алешинская, С. В. Кузьминых

206

CONTENTS

Number 2, 2023

Systematization of patch working pottery techniques <i>E. V. Volkova</i>	7
Western and Southern Ciscaucasia in the post-Catacomb period: from the Kuban cultural group to the Nevinomyssk culture <i>R. A. Mimokhod</i>	20
Elite burials of the beginning of the Iron Age in the Surgut and Lower Ob River region <i>V. A. Borzunov</i>	34
The pommel base of a sword from Suzdal Opolye: decor reconstruction <i>N. A. Makarov, E. S. Kovalenko, M. M. Murashev, K. M. Podurets, S. Yu. Kainov, O. A. Kondratev, P. V. Guryeva, I. E. Zaytseva, A. N. Fedorina, E. Yu. Tereschenko, E. B. Yatsishina</i>	52
Estates of the Moscow nobility of the 14th–15th centuries in the Podol (lower area) of the Moscow Kremlin <i>K. I. Panchenko, N. A. Makarov, A. A. Karpukhin, V. Yu. Koval</i>	64

TO THE 75th ANNIVERSARY OF L. A. BELYAEV

To the anniversary of Leonid Andreevich Belyaev <i>Directorate of the Institute of Archaeology RAS, Editorial Board and Editorial Staff of the Russian Archaeology journal</i>	81
A wooden model of the church of the Holy Sepulcher in Russia and Conrad Schick <i>K. A. Vakh</i>	83
Archaeological evidence of iron smelting in Byzantine and early Islamic Jericho <i>A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova</i>	92
Bronze votive objects of “a hand with a cross” type: an item from the collection of Archimandrite Antonin (Kapustin) <i>L. A. Golofast</i>	108
The perspectives of Nessana: new studies of the “caravan city” in Southern Israel <i>Ya. Tchekhanovets</i>	121
On the localization of the Late Antiquity Jewish necropolis near Cape Pavlovsky in Kerch <i>D. V. Beylin, I. V. Rukavishnikova, A. V. Kulikov</i>	131

PUBLICATIONS

A hoard of the early third-century BC Bosphoran coins from the Eastern Azov region (the settlement of Tikhovsky 1) <i>M. G. Abramzon, S. N. Ostapenko, A. V. Surkov</i>	149
The hoard of coins and artefacts from the vicinity of the Staraya Melnitsa village near Novgorod <i>A. A. Kudryavtsev, A. A. Gomzin, P. G. Gaidukov, O. P. Dobrova, V. A. Volkhonsky</i>	162
Birchbark letter from Pereyaslavl Ryazansky <i>A. A. Gippius, V. I. Zavyalov</i>	179

REVIEW OF BOOKS

Schibille N. Islamic Glass in the Making: Chronological and Geographical Dimensions. Leuven: Leuven University Press, 2002. 261 p. (Studies in archaeological sciences 7) <i>O. S. Rumyantseva</i>	187
--	-----

Chizhov S. I. Russian numismatics. An experience in bibliography. Eds. P. G. Gaidukov, M. A. Smirnova. Moscow: Russkoye slovo. Textbook, 2022. LXVI+. 582 p.:ill. (History of Russian science. Research and materials. IV)

A. V. Chernetsov

194

CHRONICLE

IX All-Russian Prof. V. V. Zaykov scientific conference with international participation
“Geoarchaeology and archaeological mineralogy 2022” (South Ural Federal
Research Centre for Mineralogy and Geoecology at the Ural Branch RAS,
Miass, September 19–21, 2022)

P. S. Ankusheva, N. N. Ankusheva, A. V. Epimakhov

202

To the anniversary of Nataliya Nikolaevna Terekhova

V. I. Zavyalov, A. S. Aleshinskaya, S. V. Kuzminykh

206

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). Оформление: **1.5 интервала**, шрифт **Times New Roman**, кегль **14**.

К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должно быть приложено краткое **резюме на русском и английском языках**, а также **ключевые слова на русском и английском языках** (не более 10 слов).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе «Хроника», не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2022 г. М. В. Андреева^{1,*}, М. А. Очир-Горяева^{2, 3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала «Российская археология» по адресу: http://www.ra.ian.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИЕМОВ ЛОСКУТНОГО НАЛЕПА

© 2023 г. Е. В. Волкова*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: volk_h@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.06.2022 г.

После доработки 26.08.2022 г.

Принята к публикации 11.10.2022 г.

Статья посвящена уточнению терминологии, связанной с технологией “лоскутного налёпа”. Существующая в российской археологической литературе неоднозначность при использовании некоторых специальных терминов заставила автора статьи предпринять попытку систематизации терминов, характеризующих этот прием конструирования глиняных сосудов. В результате предлагаются следующие уточнения: 1) лоскут как строительный элемент может быть комковатым и жгутовым; 2) по способам наложения комковатый лоскутный налёп бывает бессистемным, веерообразным и зонально-кольцевым, а жгутовой лоскутный налёп чаще всего спиралевидным, кольцевым зональным или спирально-зональным. В статье дается развернутое обоснование предложений автора. Устойчивая связь строительных элементов и способов их наложения часто помогает сделать более строгие и однозначные определения способов конструирования археологической керамики.

Ключевые слова: археология, этнография, эксперимент, керамика, способы конструирования глиняных сосудов, лоскутный налёп.

DOI: 10.31857/S086960632301021X, **EDN:** MCUAXX

Постановка проблемы. В древней гончарной технологии известны два основных способа конструирования глиняных сосудов — из одного комка формовочной массы (путем выдавливания, выбивания или вытягивания на круге) и из отдельных порций такой массы, присоединяемых друг к другу. Второй способ конструирования сосудов относится, по А.А. Бобринскому, к группе составных (1978. С. 157). К данной группе относится и так называемый лоскутный налёп.

Сам этот термин ввел в российскую археологию А.А. Бобринский в своей монографии “Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения” (1978). Он выделил признаки лоскутного налёпа отдельно при конструировании начала и полого тела сосуда. Бобринский отметил две разновидности наращивания донной части лоскутным налёпом: веерообразная и спиралеобразная (1978. С. 139). При описании навыков конструирования полого тела лоскутный налёп включен им в группу составных и подгруппу лоскутных. В этой подгруппе выделено 3 вида: 1 — комковатая разновидность лоскутного налёпа, 2 — спиралевидная разновидность лоскутного налёпа, 3 — спирально-зональный налёп (Бобринский, 1978. С. 157). Второй и третий виды связаны с лепкой лоскутом, оторванным от жгута (Бобринский, 1978. С. 158).

В 2010 г. в сборнике “Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения” вышла статья И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной “Лоскутный налёп”, специально посвященная этому способу конструирования. В ней подробно изложены результаты экспериментального исследования авторов по программе “Лоскутный налёп”. Основной целью исследования “являлось расширение состава признаков, необходимых для идентификации разновидностей лоскутного налёпа при анализе археологической керамики, и их обоснование” (Васильева, Салугина, 2010. С. 75). В эксперименте использованы два вида лоскутного налёпа: 1) комковатый, для которого характерно бессистемное соединение строительных элементов, и 2) спиралевидный — наложение строительных элементов по спиральной траектории. Для комковатого лоскутного налёпа использовались округлые лепешки диаметром примерно 3 см, а для спиралевидного — короткие цилиндры длиной 3–5 см и диаметром 1–1.5 см, нарезанные из жгута (Васильева, Салугина, 2010. С. 75, 76). В этой статье авторами не рассматривалась спирально-зональная разновидность лоскутного налёпа, выделенного А.А. Бобринским. Ее изучение планировалось ими в будущем (Васильева, Салугина, 2010. С. 87). В статье этих же авторов 2015 г. проанализированы результаты физического моделирования больших ямочно-ребенчатых нео-

литических сосудов зональным лоскутным налепом: комковатым кольцевым и спирально-зональным из жгутового лоскута. Даны признаки, по которым отличаются эти способы лепки от конструирования сосудов лентами (Васильева, Салугина, 2015).

В монографии «Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода» Ю.Б. Цетлин пишет, что налепливание из отдельных порций глины, как технологический прием конструирования сосуда, «включает шесть видов: 1 — бесформенное обмазывание формы-модели, 2 — веерообразное налепливание, 3 — спиралевидное налепливание..., 4 — кольцевое налепливание, 5 — спиральное налепливание и 6 — спирально-зональное налепливание»; для лоскутного налета характерны 1–3 и 6 виды (Цетлин, 2017. С. 130). По Цетлину, лоскутный налеп, представляющий собой один из архаичных способов конструирования сосудов, состоит в изготовлении сосудов из отдельных небольших порций формовочной массы («лоскутов»), которые последовательно присоединяются друг к другу. «Лоскуты могут иметь форму трех видов: 1 — бесформенного уплощенного с одного конца куска формовочной массы, 2 — округлой уплощенной лепешки (из комка) и 3 — короткого цилиндрического жгута...» (Цетлин, 2017. С. 112).

Во всех указанных работах (А.А. Бобринского, И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной, Ю.Б. Цетлина) описаны признаки, по которым возможно фиксировать лоскутный налеп как способ лепки сосудов, но четкой систематизации терминов, связанных с этим способом конструирования в нашей археологии пока нет, а в зарубежной археологии эта тема вообще не разрабатывалась, и все случаи лепки сосуда небольшими порциями глины обозначаются одним термином — *slab modelling* (Rice, 1987. P. 124, 125) или *slab construction*.

Здесь, правда, стоит отметить, что Д. Дрост еще в 1967 г. в своей монографии «Гончарство Африки. Технология» при обобщении им этнографических данных по Африканскому гончарству отделял «кусковую» или лоскутную технику лепки, как наиболее раннюю, от валиковой (жгутовой) кольцевой или спиралевидной. Под кусковым налепом у него понимались 1) непосредственно комки, 2) комки, раздавленные пальцами в лепешки, 3) небольшие жгутики, скатанные из комочка между ладонями, и 4) небольшие полоски глины (Drost, 1967. P. 89–102). Так как он пользовался при написании своей работы сведениями других исследователей, не всегда было ясно, о каком конкретно виде кускового налета идет речь в каждом случае.

За 45 лет, прошедших со времени издания классической монографии А.А. Бобринского, выделенный им по керамике раннего железного

века, раннего средневековья и реликтовым этнографическим данным у восточноевропейского населения лоскутный налеп значительно расширил свои как территориальные, так и хронологические границы. Это произошло в основном благодаря работам российских археологов и главным образом исследователей, относящихся к школе А.А. Бобринского.

В настоящее время лоскутный налеп зафиксирован по керамике, начиная с раннего неолита (XI тыс. до н.э.) до развитого средневековья (XV вв. н.э.). Территория его распространения охватывает сейчас практически всю Россию до Дальнего Востока и Японии (Цетлин, Медведев, 2015; Жушиховская, 2004; Yanshina, Kovalenko, 2021) на востоке, до Казахстана (Ломан, 1993б; Краева, 2008) и Северной Месопотамии на юге (Петрова, 2021).

По мере расширения территории и времени бытования традиций конструирования сосудов лоскутным налепом в статьях российских археологов проявилась тенденция, связанная с разнообразием и неоднозначностью терминов, используемых для обозначения разных особенностей лоскутной технологии. Эта неоднозначность проявляется на разных уровнях анализа.

Начнем с определения *вида строительного элемента*. Здесь большинство исследователей говорит о «комках» и «лоскутах». Под первыми понимаются округлые строительные элементы, а под вторыми — продолговатые, оторванные от жгута. Таким образом, комковатый налеп как бы противопоставляется лоскутному, хотя по Бобринскому тот и другой относятся к одной подгруппе «лоскутных».

Еще один терминологический момент касается спиралевидного жгутового лоскутного налета и спирально-зонального лоскутного налета. Под первым термином должно пониматься налепливание лоскута, оторванного от жгута, по спиральной траектории, а под вторым — создание такими же лоскутами спиралевидной зоны по периметру сосуда. В настоящее время в публикуемых статьях для обозначения этих двух ситуаций часто авторами используются различные термины. Поэтому при отсутствии рисунков не всегда можно строго понять, что имеет в виду исследователь.

Третий «сбой» связан с термином «двухслойный лоскутный налеп». Данный термин предполагает целенаправленное создание последовательно сначала одного, а потом второго слоя лоскутного налета на значительную часть поверхности сосуда или на всем сосуде (последнее выявить сложно). При анализе небольших фрагментов сосуда в изломе часто фиксируется многослойность, которая связана с сильным наложением отдельных лоскутов друг на друга и последующим выбиванием. Особенно часто это возникает

при комковатом бессистемном способе конструирования сосудов. Однако данная многослойность излома никак не связана с двухслойным лоскутным налепом.

Все эти обстоятельства делают необходимым уточнение и, более строго, определение всех терминов, связанных с использованием и фиксацией лоскутного налепа как способа конструирования сосудов.

Цель данной работы — предложить, по возможности, строгую систематизацию вариантов лоскутного налепа и уточнить содержание используемых терминов. В первую очередь это касается необходимости различения *лоскута как особого строительного элемента* и *лоскутного налепа как способа конструирования сосуда*.

Лоскут как строительный элемент. Как строительный элемент лоскут может быть комковатым и жгутовым.

Комковатый лоскут не имеет правильной формы, так как это сравнительно одинаковые небольшие порции формовочной массы, каждый раз отрываемые гончаром от большого комка, предназначенного для изготовления, как минимум, одного сосуда. При этом такие порции 1) либо уплощались непосредственно в процессе их примазывания на жесткой или полужесткой (например, корзина, покрытая тканью или кожей, мешочек с песком и т.п.) форме-модели, 2) либо сначала расплющивались пальцами в лепешку неправильной формы, а уже затем примазывались к предыдущему лоскуту.

Все эти варианты фиксируются в этнографии. Так, индейцы племени атапасков (ингалики), обитавшие в нижнем течении р. Юкон (Аляска), делали из комочков формовочной массы небольшие продолговатые лепешки нужной толщины (Osgood, 1940. P. 147). В африканском гончарстве зафиксированы все три варианта. Наиболее интересными представляются наблюдения Мартина в 1941 г. в одной мастерской гончарии *ньика*. Он наблюдал за параллельной работой двух женщин — пожилой опытной гончарицы и ее невестки. Вогнутой формой-емкостью служили плоская корзина и эмалированная миска без дна. Первым делом гончарицы делали из лежащего на земле кома глины грубое кольцо. Затем вдоль его верхнего края налеплялись куски глины толщиной и длиной вдвое крупнее большого пальца. Старшая из женщин просто разминала глину перед тем, как ее использовать, а молодая раскатывала глину между ладонями. Валики у молодой и куски глины у опытной гончарицы прижимались быстрым, наклонным придавливанием большого пальца и добавлялись по всей окружности, пока из них не образовывалась стенка. Старшая гончарица брала заранее размятые куски глины, в то время как младшая скатывала короткие (длиной примерно

8–10 см) валики и укладывала их кольцом по порядку, один рядом с другим (Drost, 1967, с. 89). Подобные валики молодой гончарицы нам сложно будет отличить по керамике от жгутового лоскута.

Если формовочная масса очень влажная, то отрываемые от нее куски сильно размазываются по поверхности формы-модели и практически не имеют хорошо читаемой формы.

Жгутовой лоскут представляет собой кусочек, оторванный при примазывании от предварительно сделанного более длинного жгута. Гончар наращивает дно и стенки сосуда, постоянно отрывая от жгута кусочки примерно одинаковой длины, каждый из которых сразу прилепливается к предыдущему. В результате при анализе керамики мы фиксируем элемент, длина которого обычно больше чем в 2 раза превышает его ширину.

Лоскутный налеп как способ конструирования сосуда.

Комковатый лоскутный налеп может быть: 1) бессистемным, 2) веерообразным, 3) зональным кольцевым. Все эти виды лоскутного налепа могут сочетаться с использованием формы-модели или без нее, т.е. быть выполненными свободной лепкой на плоскости. Они могут быть также однослойными или двухслойными.

Бессистемный комковатый лоскутный налеп. При таком налепе бесформенные кусочки примазываются друг к другу в хаотичном порядке. Так, ингалики в начале XX в. лепили свои сосуды в форме простых банок. У женщин в хозяйстве было три-четыре сосуда четырех разных размеров. Максимальный объем таких сосудов не превышал 20 л. К монолитному донному начину в виде лепешки хаотично наращивались стенки достаточно бесформенными лепешками из кусочков формовочной массы примерно в 5 см шириной, 8 см длиной и требуемой толщины (Osgood C., 1940. C. 147). В Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства (руководители И.Н. Васильева и Н.П. Салугина) в 2021 г. мы пытались слепить сосуд, подобный сосудам ингаликов, из соответствующей их традиции формовочной массы: глины с большой концентрацией резанного птичьего пера. При имеющемся достаточно большом опыте лепки сосудов лоскутным налепом из данной формовочной массы сосуд удалось слепить только способом, описанным Осгудом (рис. 1).

Возможно, именно бессистемный комковатый лоскутный налеп фиксируется в Африке у гончаров *лемба* и *ндау*. У *лемба* гончарицы лепят свои большие горшки “начиная от донной части, с помощью небольших кусков глины”. “Гончарица *ндау* тоже начинает с маленького кусочка и присоединяет к нему другие кусочки, которые она сжимала в руке” (Drost, 1967. P. 89).

Рис. 1. Физическое моделирование лепки сосудов ингаликов.

Fig. 1. Physical modeling of the making of Ingalic ware

В археологической керамике такая бессистемность будет читаться как в вертикальном, так и в горизонтальном изломах разнонаправленными спаями между строительными элементами и бессистемном течении формовочной массы на дне и стенках сосуда.

В древнейших археологических керамических комплексах осиповской культуры Приамурья (13–11 тыс. л.н.) (Цетлин, Медведев, 2015. С. 298), таких как Осиповка 1, Госян, Гася, Хумми фиксировался комковатый бессистемный лоскутный налеп из достаточно влажной формовочной массы, размазанный по твердой форме-основе с сильным наложением лоскутов при конструировании (Цетлин, Медведев, 2015. С. 306). В ранне-неолитическом комплексе керамики громатухской культуры бассейна р. Амур, синхронной осиповской, О.В. Яншина и С.В. Коваленко видят “технику использования больших глиняных кусков не ясной формы” в два слоя через прослойку травы, которую они называют “сэндвич-техника” (Yanshina, Kovalenko. 2021. С. 14), т.е. в нашем представлении это мог быть двухслойный комковатый бессистемный лоскутный налеп. В нижневолжской археологической культуре VI–V тыс. до н.э. в Северном Прикаспии И.Н. Васильевой фиксируется керамика, сделанная бессис-

темным лоскутным комковатым налепом (Васильева, 1999. С. 75, 86). Донные части сосудов, вылепленных таким образом, часто двухслойные (Васильева, 1999. С. 87). Такой же налеп определен Васильевой в керамическом комплексе (неолит-энеолит) памятника Ракушечный Яр в Ростовской области. Налеп был двухслойный обычно в донных частях, выполнен на жесткой форме-модели с последующим выбиванием (Васильева, 2018. С. 148, 149).

Бессистемный комковатый лоскутный налеп, наложенный в два слоя и затем выбитый колушкой, зафиксирован Н.Ю. Петровой в керамическом комплексе архаического периода поселений Телль Сотто и Ярым-тепе I (2021. С. 62, 76). Возможно, именно комковатый лоскутный налеп использовался при конструировании ранне-неолитической керамики поселения Мулымья 3 (Кондинская низменность Западной Сибири, VII тыс. до н.э. (кал. дата) – Дубовцева, 2021. С. 166). По крайней мере, автор исследования этого материала пишет: “Строительными элементами выступали лоскуты, которые накладывались бессистемно в 2–3 слоя” (Дубовцева, 2021. С. 175). Комковатый лоскутный налеп выделен В.В. Илюшиной в комплексе керамики козловской культуры Нижнего Приишимья поселения Мergenъ 7.

Он сочетался с использованием форм-моделей (Илюшина, Еньшин, 2015. С. 9).

По керамике андроновского населения Центрального Казахстана (вторая половина II тыс. до н.э.) В.Г. Ломан выявил лоскутный комковатый налеп в один или два слоя с использованием формы-модели (1993а. С. 5, 8–24). В керамическом комплексе поселения Кент (Казахстан) саргаринско-алексеевской культуры (конец II – начало I тыс. до н.э.) имеется керамика, донно-емкостный начин и полое тело которой изготовлены комковатым лоскутом в один и в два слоя (Ломан, 2015. С. 243, 244). В комплексе керамики поселения бронзового века синташтинской культуры Аркаим (4000 – 3500 л.н. – Иванов, 1995. С. 18) А.И. Гудков выделил двухслойный лоскутный комковатый налеп в сочетании с формами-основами (1995. С. 139). Комковатый и, судя по рисунку, бессистемный лоскутный налеп в два слоя с использованием формы-основы отмечает Л.А. Краева в сарматской керамике VI – I вв. до н.э. (2008. С. 121, 122, 286, рис. 32).

Комковатый бессистемный лоскутный налеп, как способ лепки начина и полого тела в сочетании с твердыми формами-моделями, зафиксирован Н.П. Салугиной по керамике оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем Средневековье (городецкая культура, Славкинский тип керамики, городище Лбище, именьевская культура) (2000. С. 221–246). Комковатый лоскутный налеп обнаружен И.Н. Васильевой при лепке донного начина одной из групп керамика Волжской Болгарии домонгольского периода (1993. С. 57, 58). Изучая технологию конструирования керамики “джукетау” Среднего Поволжья X–XV вв. (это один из компонентов культур Волжской Болгарии), В.Н. Бахматова приходит к выводу, что вся керамика лепилась лоскутным налепом по донно-емкостной программе начинов с использованием жестких форм-моделей с прокладками (2021. Т. I. С. 122). Ею также отмечается “бессистемное наращивание комков” при создании полого тела сосудов (Бахматова, 2021. С. 125).

Веерообразный комковатый лоскутный налеп фиксируется только при создании донных начинов на плоскости. При этом налепе отрываются от большого куска порции глины примазываются короткими движениями руки от центра к периферии. Такой налеп зафиксирован А.А. Бобринским на керамике городища Кузина Гора раннего железного века (1978. С. 140, рис. 49, 2, 3).

Зонально-кольцевой комковатый лоскутный налеп известен по этнографическим материалам Африки. Чаще всего такой способ наращивания стенок сосуда сочетается с донно-емкостным монолитным начином. Из комка выдавливается или выбивается нижняя часть сосуда, а затем стенки

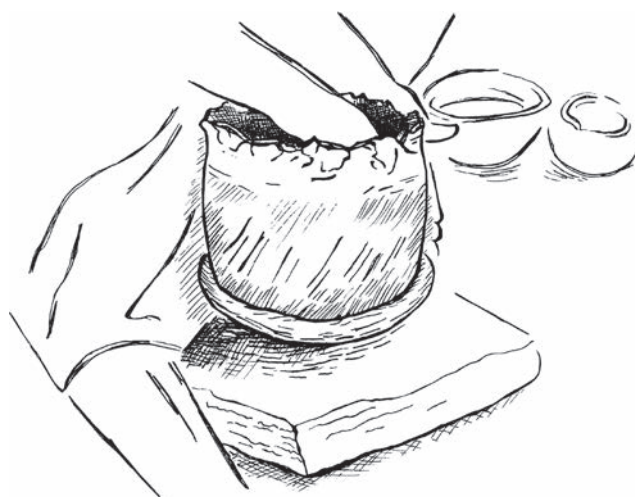

Рис. 2. Изготовление сосуда гончарницей догонов (рисунок выполнен А.Д. Семеновым по Gallay A., Huysecom E., Mayor A. 1998. Planche 27: 130).

Fig. 2. Making a vessel by a Dogon potter (drawing by A.D. Semanova after Gallay A., Huysecom E., Mayor A. 1998. Planche 27: 130)

наращиваются порциями глины, примазанными под небольшим углом с наложением друг на друга. Наращивание идет по кольцу, по периметру начина, образуя ленту из наклонных лоскутов (Drost, 1967. Р. 89–102). Так, у *нгиндо* в Барикива гончарница лепит руками полусферическую миску, далее сосуд “строится добавлением комочков, соскобленных с пола еще толстого базиса” (т.е. с толстых стенок и дна этой миски). Очевидно, что эти “комочки” представляют собой маленькие куски глины (Drost, 1967. Р. 90). В книге “Народы и керамика дельты внутренней Нигерии (Мали)” авторы поместили фотографию гончарницы догонов, которая выскребает из толстого донно-емкостного начина кусочки формовочной массы и наращивает ими зоной по кольцу стенки будущего сосуда (Gallay, Huysecom, Mayor, 1998. Planche 27: 130) (рис. 2).

В керамических комплексах Байкало-Енисейской Сибири зафиксирован такой способ конструирования как на наиболее ранней, так и на более поздней неолитической керамике. По определению исследователей при изготовлении всей керамики раннего неолита использовался емкостный начин, выполненный зональным лоскутным налепом отдельными кусочками глины (Бердников, Иланов, Соколова, 2017. С. 283). Часто фиксируются следы формы-основы. У хайтинских сосудов (7400–6000 ¹⁴С л.н., – Бердников, Иланов, Соколова, 2017. С. 276), изготовленных двухслойным лоскутным налепом, на поверхности первого слоя сохраняются следы выбивания его рельефной (обмотанной шнуром) колотушкой, аналогичные тем, которые присут-

ствуют на внешней поверхности сосуда, образованной вторым слоем лоскутов (Бердников, Иланов, Соколова, 2017. С. 283, рис. 5: 7–9). Авторы предполагают, что сосуд выбивался колотушкой по мере изготовления последовательных горизонтальных зон, поэтому у хайтинских и посольских сосудов ее отпечатки сохранились внутри спаев наложенных друг на друга зон: первоначальной и последующей (Бердников, Иланов, Соколова, 2017. С. 292). В памятниках с более поздней неолитической керамикой (усть-бельской, серовской и аплинской) также фиксируется использование формы-основы, зонального лоскутного налёпа и выбивания колотушкой (Бердников, Иланов, Соколова, 2017. С. 285). Зоны либо распадаются на ленты, либо по ним идут трещины, но внутри каждой из них и в вертикальном, и в горизонтальном изломе под микроскопом видны строительные элементы в виде лоскутов. Анализ ранне-неолитической керамики (ранняя сетчатая и шнуровая хайтинская (8160–7000 кал. л.н.) поселений побережья озера Байкал (Бугульдейка I, Итырхей и Характа I) позволил выделить для обеих культурных групп лепку сосудов по ёмкостной программе зональным лоскутным налёпом на форме-основе и выбивание как прием формообразования (Горюнов, Новиков, Соколова, 2020. С. 182). Здесь также имеются сосуды, у которых в спаих читаются следы выбивания рельефной колотушкой (Горюнов, Новиков, Соколова, 2020. С. 181, рис. 5а. С. 182, 183).

В керамике упомянутой выше нижеволжской культуры И.Н. Васильевой фиксируется комковатый зональный кольцевой налёп (1999. С. 89). В.Н. Бахматовой на некоторых памятниках в комплексах керамики “джукетау” выделен “способ кольцевидного наложения комков” при конструировании полого тела сосудов (2021. С. 124).

Жгутовой лоскутный налёп может быть: спиралевидным и зональным. Причем зональный лоскутный налёп может наращиваться как по кольцу, так и по спирали. Эти способы конструирования сосудов могут сочетаться с формами-моделями и также выполняться в один или два слоя.

Спиралевидный жгутовой лоскутный налёп был выделен А.А. Бобринским при создании начина и полого тела сосудов.

При спиралевидном наращивании донных или мелкочашевидных донно-ёмкостных начин рука гончара естественным образом движется по дуге от центра к краю начина. Такой налёп был зафиксирован по керамике поселений Чаплин, Ягнятин и городище Старая Ладога (X–XI вв.) (Бобринский, 1978. С. 141, рис. 50, 3–5). Спиралевидное наращивание днищ из лоскутов отмечено также И.Н. Васильевой по днищам сосудов ниж-

неволжской археологической культуры (1999. С. 87).

При создании спиралевидным лоскутным налёпом полого тела сосуда гончар прижимал конец жгута к началу стенки будущего сосуда с внутренней стороны и коротким движением на себя отрывал его. Эта процедура затем повторялась. “В силу специфики самих движений руки (на себя и чуть в сторону) чаще они (жгутовые лоскуты — Е.В.) располагались наклонно по отношению к основанию” (Бобринский, 1978. С. 159). Кроме того, также из-за специфики движения руки лоскут принимал немного дуговидную форму.

В керамике репинской культуры (или репинского типа ямной культуры) Волго-Уральского региона раннего бронзового века (конец IV–III тыс. до н.э.) Н.П. Салугина фиксирует донно-ёмкостные и ёмкостные начини, изготовленные с применением твердых форм-моделей. При их конструировании использовались “небольшие порции глины — лоскуты, наращиваемые по спиралевидной траектории”, затем они выдавливались и слабо выбивались (Салугина, 2005. С. 85, 90; 2019. С. 14–19). Спиралевидный налёп из жгутовых лоскутов удалось выделить В.В. Илюшиной в комплексе федоровской керамики Нижнего Притоболья поселения Щетково 2 (2015. С. 42, 43). Здесь он сочетается с использованием формы-модели и иногда с выбиванием (Илюшина, Еньшин, 2015. С. 9). Такой же прием был отмечен О.Ю. Зиминой и В.В. Илюшиной по керамике бархатовской культуры поселений Мостовое 1 и Чечкино 4 в подтаежном Притоболье. И если на поселении Мостовое 1 сосуды были сделаны на форме-основе, то на поселении Чечкино 4 они лепились на плоскости. Форму сосудам придавали как выдавливанием, так и выбиванием (Зимина, Илюшина, 2013. С. 51). Скорее всего именно этот вид налёпа имеет в виду В.Г. Ломан, говоря о “спирально-лоскутном” налёпе в керамике андроновской культуры Центрального Казахстана, который сочетался с формами-моделями (1993а. С. 8–24). Об этом свидетельствуют приведенные им фотографии и рисунки (Ломан, 1993б. С. 237, рис. 14). Значительно позднее “донно-ёмкостный лоскутно-спиральный начин с лоскутно-спиральным полым телом” зафиксированы им в керамике саргаринско-алексеевского поселения Кент (Ломан, 2015. С. 244). А.И. Гудков также пользуется термином “спирально-лоскутный налёп” при его фиксации по керамике Аркаима. Он наносился в два слоя, и при этом в основном использовалась форма-основа (Гудков, 1995. С. 139). Спиралевидный лоскут фиксируется в керамическом комплексе срубной культуры Предуралья могильника I у с. Твердилово. Сосуды предположительно были изготовлены с помощью форм-моделей и затем выбиты (Файзулин, Купцова, Мухаметдинов, 2021. С. 12).

Рис. 3. Физическое моделирование кольцевого зонального и спирально-зонального жгутового лоскутного налепа: 1 — исходный длинный жгут, 2 — налп зоной по кольцу, 3 — налп зоной по спирали.

Fig. 3. Physical modeling of ring-zonal and spiral-zonal coil building: 1 — initial long coil, 2 — patch building in a ring zone, 3 — patch building in a spiral zone

Спиралевидный жгутовой лоскутный налп был отмечен А.А. Бобринским и по значительно более поздней посуде памятников роменско-боршевской культуры (поселение Горналь, Большое и Малое Боршевское городища), а также в ранне-средневековых памятниках Побужья (поселение Кальник) (третья четверть I тыс. н.э. — Бобринский, 1978. С. 160). Спиралевидный налп из лоскутов глины как при изготовлении начина, так и полого тела зафиксирован по керамике родановской культуры (IX—XV вв. н.э.) (Васильева, 1993. С. 80), керамике турбаслинской культуры, где он сочетался с формами-емкостями, сделанными из шкур животных (V—VII вв. н.э.) (Васильева, 1993. С. 82, 83), в материалах памятников I тыс. н.э. Южного Казахстана (Васильева, 1993. С. 84) и в некоторых группах керамики Волжской Болгарии домонгольского и золотоордыского периодов (Васильева, 1993. С. 46—124).

Спиралевидным жгутовым лоскутным налпом могли быть сделаны любые виды начин (донный, донно-емкостный, емкостный, емкостно-донный) и полое тело сосудов. При изготовлении сосудов такой налп может наращиваться либо по кольцевой, либо по спиральной траектории. В первом случае он обозначается как “кольцевой зональный жгутовой лоскутный на-

лп”, во втором случае — как “спирально-зональный жгутовой лоскутный налп”. При кольцевом налпе получаемые из лоскутов зоны имеют горизонтальное положение (рис. 3, 2). При спирально-зональном лоскутном налпе дно и стенки сосуда наращиваются последовательными зонами, пока не закончится длинный жгут, от которого отрываются лоскуты. Эти зоны располагаются не горизонтально, а идут под небольшим наклоном, представляя собой спираль (рис. 3, 3). К сожалению, по фрагментированному керамическому материалу не всегда возможно отличить кольцевой зональный налп от спирально-зонального.

Зональный спиралевидный лоскутный налп в сочетании с формой-моделью и последующим выбиванием выявлен И.Н. Васильевой по керамике елшанской культуры Волго-Уралья (VI — середина V тыс. до н.э.) (2011. С. 71—77). Зональный спиралевидный налп из жгутовых лоскутов в сочетании с формой-моделью отмечен И.Н. Васильевой в керамике нижеволжской археологической культуры (1999. С. 90, 91). В описанных выше случаях автору, вероятно, не удалось установить, как шло наращивание зон: по спирали или по кольцу.

В памятниках милоградской культуры (Нижняя Ольба, Асаревичи, Мохов I и др.) А.А. Боб-

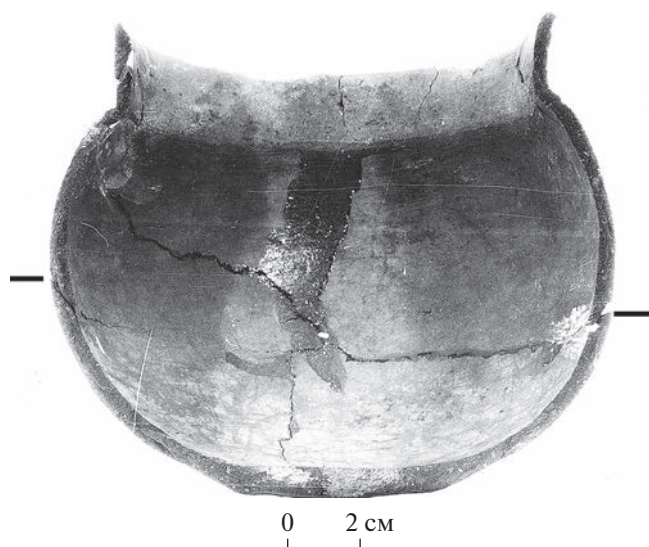

Рис. 4. Фото фатьяновского сосуда из могильника Новинки 2.

Fig. 4. Photo of a Fatyanovo vessel from the Novinki 2 cemetery

ринским был отмечен кольцевой зональный лоскутный налеп из жгутов, где “наращивание кусочков глины производилось для создания широких колец или зон, составляющих стенки больших сосудов” (1978. С. 159).

Оба вида зонального лоскутного налепа (и кольцевой, и спиральный) зафиксированы И.Н. Васильевой по керамике неолита и энеолита памятника Ракушечный Яр. Сосуды лепились с

помощью форм-моделей и затем выбивались (Васильева, 2018. С. 149). Двухслойный спирально-зональный лоскутный налеп из жгутов выявлен А.И. Гудковым в керамическом комплексе Аркаима. Лепка сосудов производилась в основном на форме-основе (Гудков, 1995. С. 139).

У скотоводов бронзового века также был распространен спирально-зональный жгутовой лоскутный налеп. Его особенность состояла в том, что лепка производилась с помощью формы-модели, и часто налеп был двухслойным. Фатьяновские гончары, жившие на территории Верхней Волги в эпоху бронзы, лепили свои сосуды преимущественно таким способом. В твердой форме-емкости с прокладкой, возможно, из кожи наращивание лоскутов, оторванных от тонкого длинного жгута, производилось зонами по спиральной траектории. После завершения всего первого слоя он заглаживался пальцами и поверх него наращивался таким же способом второй слой формовочной массы. После заглаживания получившийся донно-емкостный начин помещался на форму-основу и выбивался. После того, как была сделана нижняя часть сосуда, также лепилась его верхняя часть, и затем обе части соединялись друг с другом либо внахлест, либо в стык с использованием дополнительного горизонтального жгута, примазанного изнутри по линии соединения частей (обычно у больших “амфор”). Шея делалась отдельно и вставлялась внутрь отверстия в верхней части (Волкова, 1996. С.48–56; 1998). На фотографии фатьяновского сосуда из Второго Новинковского могильника (рис. 4) отчетливо видно место соединения двух частей по-

Рис. 5. Донные части балановских сосудов из поселения Галанкина Гора: 1 – жилище № 5, 2–4 – без шифра.

Fig. 5. Bottom parts of Balanovo vessels from the settlement of Galankina Gora: 1 – dwelling No. 5, 2–4 – without reference numbers

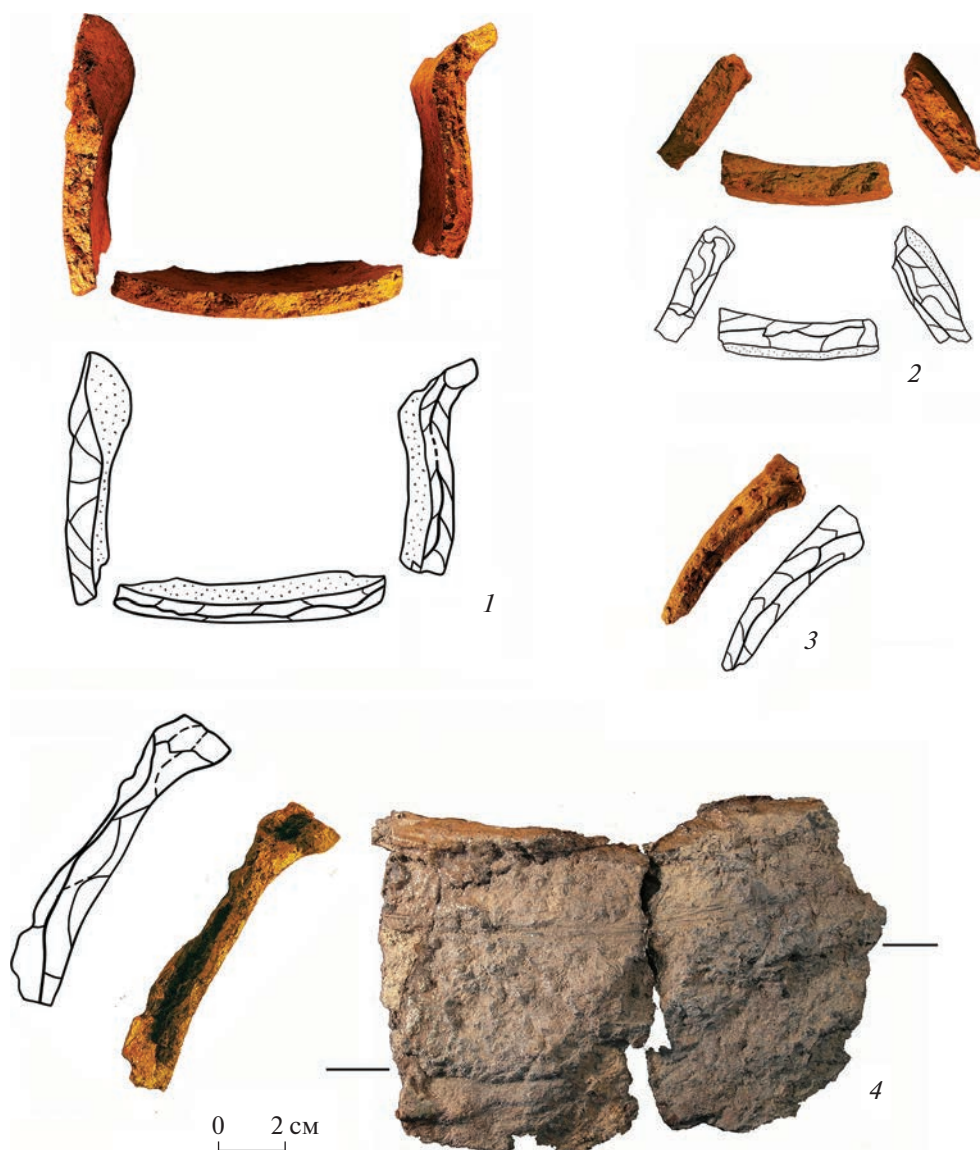

Рис. 6. Фрагменты балановских сосудов из поселения Галанкина Гора: 1 — шея сосуда из жилища № 1, 2 — плечо сосуда из жилища № 9, 3 — плечо сосуда из жилища № 1, 4 — плечо сосуда из жилищ № 3, 4.

Fig. 6. Fragments of Balanovo vessels from the settlement of Galankina Gora: 1 — neck of a vessel from dwelling No. 1, 2 — shoulder of a vessel from dwelling No. 9, 3 — shoulder of a vessel from dwelling No. 1, 4 — shoulder of a vessel from dwellings No. 3, 4

лого тела. Тот факт, что верхний край нижней половины формы заканчивается на разной высоте от дна, ярко свидетельствует об использовании мастером спирально-зонального налепа. Данный способ лепки давал возможность получить не только изумительно правильные шарообразные формы сосудов, но и очень тонкие и прочные стенки. Несмотря на сильное выбивание, лоскутность хорошо читается как в вертикальных, так и в горизонтальных изломах (Волкова, 1996. С. 50–53, рис. 3–6). На фатьяновских сосудах часто проявляются горизонтальные трещины, в местах соединения двух частей полого тела или по зонам, создающим видимость широких лент. При мик-

роскопическом анализе как свежих, так и старых изломов хорошо видны лоскуты из коротких жгутов и двухслойность их наращивания. Двухслойность лоскутного налепа часто фиксируется также по расслоению фрагментов стенок сосуда по слоям.

Гончары балановской культуры (бронзовый век, Средняя Волга), родственной фатьяновской, также лепили сосуды в основном двухслойным спирально-зональным жгутовым лоскутным наделом (рис. 5, 6). На фотографии фрагмента верхней части емкости балановского сосуда с поселения Галанкина Гора хорошо видно, что отслоился слой внешней поверхности, а на внутренней ча-

сти второго слоя прослеживаются спиралевидные жгутовые лоскуты, образующие спиральные зоны наращивания (рис. 6, 4). Возможно, балановцы лепили свои сосуды по другой программе конструирования. Об этом говорят часто встречающиеся в балановской керамике мелкочашевидные донные части сосудов (рис. 5). Их отслоение от полого тела сосуда может свидетельствовать о емкостном начине.

Очень любопытно, что аналогичный способ конструирования сосудов зафиксирован Н.Ю. Петровой на поселении Ярым-тепе I в керамическом комплексе периода Архаичной хассуны: там выявлен сосуд, верхняя и нижняя части которого были изготовлены отдельно лоскутным налепом и затем соединены (2021. Т. 1. С. 76, рис. 48). “Лоскутный спирально-зональный налеп” выявлен В.Г. Ломаном у андроновского населения Центрального Казахстана (1993б. С. 242). Спирально-зональный налеп из жгутового лоскута зафиксирован А.А. Бобринским в милоградских и юхновских памятниках бассейна Днестра эпохи раннего железа: “...особенно в юхновских памятниках частой находкой оказались образцы с явными признаками спиралеобразного (точнее спиралевидного — *Е.В.*) наращивания стенок отдельными кусочками глины продолговатой формы” (1978. С. 159).

В результате процессов смешения носителей традиции изготовления сосудов лоскутным налепом с группами населения, владевшими более совершенными приемами конструирования — такими как спиральный жгутовой и кольцевой ленточный налепы, в течение I тыс. н.э. в Восточной Европе жгутовой лоскутный налеп начал исчезать, и почти совсем был вытеснен другими способами лепки (Бобринский, 1978. С. 160). По керамике XV–XVII вв. Новгорода Бобринскому удалось зафиксировать приемы наращивания сосудов жгутом, восходящие к лоскутному налепу. “Средневековые мастера не отрывали каждый раз примазанный кусочек глины от остальной части жгута, а, ослабив давление на него, перемещали руку, сжимавшую жгут на 1–2 см и вновь примазывали очередной участок”. Удивительно, что этот же прием сохранился у некоторых современных гончаров (Бобринский, 1978. С. 161–163, рис. 62, 63).

Итак, в настоящее время мы можем выделять два вида лоскутного налепа как строительного материала: *комковатый* и *жгутовой* и различные приемы налепливания этих порций формовочной массы при конструировании глиняных сосудов. Некоторые приемы связаны только с одним из видов лоскутного налепа. Так, только комковатый лоскутный налеп может быть бессистемным и веерообразным. В то же время только жгутовой лоскутный налеп бывает спиралевидным и спи-

ралльно-зональным. Эта устойчивая взаимосвязь строительных элементов и способов их наложения часто помогает сделать более строгие определения способов конструирования при изучении технологии древней керамики. При этом нельзя забывать о том, что степень детализации наших определений обычно связана не столько с нашими возможностями, сколько с анализируемым материалом.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН “Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем” (№ НИОКТР 122011200264-9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахматова В.Н.* Керамика “джукетау” в гончарстве населения Среднего Поволжья X–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. Элиста, 2021. 257 с.
- Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б.* Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 275–300.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 248 с.
- Васильева И.Н.* Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 1. Самара, 1999. С. 72–96.
- Васильева И.Н.* Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2011. 2 (46). С. 70–81.
- Васильева И.Н.* Некоторые итоги технико-технологического анализа керамики поселения Ракушечный Яр // *Самарский научный вестник*. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 137–153.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Лоскутный налеп // *Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения* / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин и др. М.: ИА РАН, 2010. С. 72–87.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Опыт применения зонального лоскутного налепа в реконструкции способов изготовления крупных сосудов эпохи неолита // *Самарский научный вестник*. 2015. № 3. С. 28–37.
- Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 122 с.
- Волкова Е.В.* Роль эксперимента в реконструкции фатьяновской гончарной технологии // *Тверской археологический сборник*. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 125–134.
- Горюнов О.И., Новиков А.Г., Соколова Н.Б.* Сравнительный анализ керамики с ранненеолитических поселений побережья озера Байкал // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 63. С. 175–185.

- Гудков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск: Творческое объединение “Каменный пояс”, 1995. С. 135–146.
- Дубовцева Е.Н. Керамика раннего неолита таежной зоны Западной Сибири // Вестник “История керамики”. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2021. С. 164–182.
- Жутиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отд. РАН, 2004. 312 с.
- Зими́на О.Ю., Илю́шина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 40–53.
- Иванов И.В. Аркаим — ландшафтно-исторический заповедник. Проблемы и феномены // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск: Творческое объединение “Каменный пояс”, 1995. С. 9–20.
- Илю́шина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притоболье (результаты технико-технологического анализа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 38–47.
- Илю́шина В.В., Еньшин Д.Н. Гончарное производство козловской культуры по материалам поселения Мирень 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 4–14.
- Краева Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI—I вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 299 с.
- Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993а. 31 с.
- Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1993б. 249 с.
- Ломан В.Г. К вопросу о генезисе и составе населения саргаринско-алексеевской культуры // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: междунар. симп. (2013 г.) / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2015. С. 243–247.
- Петрова Н.Ю. Неолитическая керамика Загроса и Северной Месопотамии как исторический источник (технико-технологическое исследование): дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. М., 2021. 160 с.
- Салугина Н.П. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 216–246.
- Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнейшей культуры Волго-Уралья // Российская археология. 2005. № 3. С. 85–92.
- Салугина Н.П. Результат изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. 2 (46). С. 82–94.
- Салугина Н.П. Технология изготовления керамики репинской культуры // Вопросы археологии Поволжья. 2019. Вып. 7. С. 14–22.
- Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И. Гончарное производство срубной культуры Предуралья по материалам курганного могильника I у села Твердилово // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 8–23.
- Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
- Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. л.н.) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: междунар. симп. (2013 г.) / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2015. С. 298–312.
- Drost D. Töpferei in Afrika: Technologie. Leipzig: Akademie-Verlag, 1967. 289 p.
- Gallay A., Huysecom E., Mayor A. Peuples et céramiques du Delta intérieur du Niger (Mali): un bilan de cinq années de missions (1988–1993). Mainz: P. von Zabern, 1998. 130 p.
- Osgood C. Ingalik Material culture. London, 1940 (Yale University Publications in Anthropology). 500 p.
- Rice P.M. Pottery analysis. A sourcebook. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. 487 p.
- Yanshina O. V., Kovalenko S.V. New data and insights into how pottery appeared along the Amur river // Quaternary International. 2022. V. 608–609. P. 154–177.

SYSTEMATIZATION OF PATCH WORKING POTTERY TECHNIQUES

Elena V. Volkova^{a, #}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#] E-mail: volk_h@mail.ru

The article focuses on clarifying the terms for the technology of “patch making”. The ambiguity in the use of some specific terms in the Russian archaeological literature prompted the author to attempt to systematize the terms that characterize this mode of pottery making. As a result, the following clarifications are proposed: 1) a patch as a construction element can be lumpy and coiled; 2) according to the methods of application, lumpy patch can be unsystematic, fan-shaped and ring-zonal, while coil patch making is most often spiral-shaped, ring-zonal or spiral-zonal one. The article provides a detailed substantiation of the author’s propos-

als. A stable connection between construction elements and the ways in which they are pressed up together often enables to do more rigorous and unambiguous definitions of the technique of archaeological ceramics making.

Keywords: archaeology, ethnography, experiment, pottery, techniques of clay vessels construction, patch making.

REFERENCES

- Bakhmatova V.N., 2021. Keramika “dzhuketau” v goncharstve naseleniya Srednego Povolzh'ya X–XV vv.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [“Juketau” ware in the pottery of the Middle Volga population of the 10th–15th AD centuries: a Doctoral Thesis in History], 1. Elista. 257 p.
- Berdnikov I.M., Ulanov I.V., Sokolova N.B., 2017. Neolithic pottery of Baikal-Yenisei Siberia: technological traditions in the territorial and chronological context. *Stratum plus*, 2, pp. 275–300. (In Russ.)
- Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istotchniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Drost D., 1967. Töpferei in Afrika: Technologie. Leipzig: Akademieverlag. 289 p.
- Dubovtseva E.N., 2021. The Early Neolithic ceramics of the taiga zone of Western Siberia. *Vestnik “Istoriya keramiki”* [“History of ceramics” bulletin], 3. Moscow: IA RAN, pp. 164–182. (In Russ.)
- Fayzullin I.A., Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I., 2021. Pottery production of the Timber Grave culture of the Cis-Urals based on materials from mound cemetery I near the village of Tverdilovo. *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskii vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 8–23. (In Russ.)
- Gallay A., Huysecom E., Mayor A., 1998. Peuples et céramiques du Delta intérieur du Niger (Mali): un bilan de cinq années de missions (1988–1993). Mainz: P. von Zabern. 130 p.
- Goryunov O.I., Novikov A.G., Sokolova N.B., 2020. Comparative analysis of pottery from the Early Neolithic settlements on the coast of Lake Baikal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 63, pp. 175–185. (In Russ.)
- Gudkov A.I., 1995. Technique and technology for the pottery manufacturing from Arkaim. Arkaim. *Issledovaniya, poiski, otkrytiya* [Arkaim. Investigation, search, discoveries]. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob"edinenie “Kamennyy poyas”, pp. 135–146. (In Russ.)
- Ilyushina V.V., 2015. Pottery of the Fyodorovo culture from the settlement of Shchetkovo 2 in the Lower Tobol region (results of a technical and technological analysis). *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)], 4 (31), pp. 38–47. (In Russ.)
- Ilyushina V.V., En'shin D.N., 2015. Pottery production of the Kozlov Mys culture based on materials from the Mirgen settlement 7. *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)], № 3 (30), pp. 4–14. (In Russ.)
- Ivanov I.V., 1995. Arkaim — a landscape-historical reserve. Problems and phenomena. *Arkaim. Issledovaniya, poiski, otkrytiya* [Arkaim. Investigation, search, discoveries]. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob"edinenie “Kamennyy poyas”, pp. 9–20. (In Russ.)
- Kraeva L.A., 2008. Goncharstvo rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v VI–I vv. do n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Pottery of the early nomads of the Southern Urals in the 6th–1st centuries BC: a Doctoral Thesis in History]. Moscow. 299 p.
- Loman V.G., 1993a. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana vtoroy poloviny II-go tysyacheletiya do n.e.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Pottery technology of the Central Kazakhstan population in the second half of the 2nd millennium BC: an author's abstract of the Doctoral Thesis in History]. Moscow. 31 p.
- Loman V.G., 1993b. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana vtoroy poloviny II-go tysyacheletiya do n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Pottery technology of the Central Kazakhstan population in the second half of the 2nd millennium BC: a Doctoral Thesis in History]. Moscow. 249 p.
- Loman V.G., 2015. To the genesis and composition of the population of the Sargary-Alekseevskaya culture. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkhеologii: mezhdunarodnyy simpozium (2013 g.)* [Modern approaches to the study of ancient pottery in archaeology: International symposium (2013)]. Yu.B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 243–247. (In Russ.)
- Osgood C., 1940. Ingalik Material culture. London. 500 p. (Yale University Publications in Anthropology).
- Petrova N.Yu., 2021. Neoliticheskaya keramika Zagrosa i Severnoy Mesopotamii kak istoricheskiy istochnik (tekhniko-tekhnologicheskoe issledovanie): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Neolithic pottery of Zagros and Northern Mesopotamia as a historical source (technical and technological research): a Doctoral Thesis in History], 1. Moscow. 160 p.
- Rice P.M., 1987. Pottery analysis. A sourcebook. Chicago; London: The University of Chicago Press. 487 p.
- Salugina N.P., 2000. Results of the technological analysis of pottery from sedentary tribes of the Samara Volga region in the Early Iron Age and the early Middle Ages. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e* [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Early Iron Age and Middle Ages]. I.N. Vasil'eva, G.I. Matveeva, eds. Moscow: Nauka, pp. 216–246. (In Russ.)
- Salugina N.P., 2005. Repin-khutor type pottery technology from the Pit Grave culture burials of the Volga-Urals region. *Rossiyskaya arkhеologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 85–92. (In Russ.)

- Salugina N.P., 2011. The result of studying the pottery-making technology of the Pit Grave culture of the Volga-Urals as a source on the history of the population. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], 2 (46), pp. 82–94. (In Russ.)
- Salugina N.P., 2019. Pottery-making technology of the Repin-khutor culture. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Issues of the Volga region archaeology], 7, pp. 14–22. (In Russ.)
- Tsetlin Yu.B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Pottery. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN. 346 p.
- Tsetlin Yu.B., Medvedev V.E., 2015. Pottery of the Osipovka culture of the Amur River region (11–13 thousand y.a.). *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii: mezhdunarodnyy simpozium (2013 g.)* [Modern approaches to the study of ancient pottery in archaeology: International symposium (2013)]. Yu.B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 298–312. (In Russ.)
- Vasil'eva I.N., 1993. Goncharstvo Volzhskoy Bolgarii v X–XIV vv. [Pottery of the Volga Bulgaria in the 10th–14th AD centuries]. Ekaterinburg: Nauka. 248 p.
- Vasil'eva I.N., 1999. Pottery of the Northern Caspian population in the Neolithic. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Issues of the Volga region archaeology], 1. Samara, pp. 72–96. (In Russ.)
- Vasil'eva I.N., 2011. Early Neolithic pottery of the Volga-Urals (based on the materials of the Elshanka culture). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], 2 (46), pp. 70–81. (In Russ.)
- Vasileva I.N., 2018. Some results of the technical and technological analysis of pottery from the Rakushechny Yar settlement. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara journal of science], vol. 7, no. 3 (24), pp. 137–153. (In Russ.)
- Vasileva I.N., Salugina N.P., 2010. Patch making techniques. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery: results and perspectives of study]. Yu.B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 72–87. (In Russ.)
- Vasileva I.N., Salugina N.P., 2015. Experience in the applying zonal patch making modeling in the reconstruction of pottery making of large Neolithic vessels. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara journal of science], 3, pp. 28–37. (In Russ.)
- Volkova H.V., 1996. Goncharstvo fat'yanovskikh plemen [Pottery of the Fatyanovo tribes]. Moscow: Nauka. 122 p.
- Volkova H.V., 1998. The role of experiment in the reconstruction of Fatyanovo pottery technology. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik* [Tver archaeological collection of articles], 3. Tver', pp. 125–134. (In Russ.)
- Yanshina O. V., Kovalenko S.V., 2022. New data and insights into how pottery appeared along the Amur river. *Quaternary International*, 608–609, pp. 154–177.
- Zhushchikhovskaya I.S., 2004. Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii [Studies on the history of ancient pottery in the Russian Far East]. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 312 p.
- Zimina O.Yu., Ilyushina V.V., 2013. Pottery of the Barkhatovo culture of the sub-Taiga Tobol region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Archaeology, Anthropology and Ethnography], 3 (22), pp. 40–53. (In Russ.)

ЗАПАДНОЕ И ЮЖНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В ПОСТКАТАКОМБНУЮ ЭПОХУ: ОТ КУБАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ К НЕВИННОМЫССКОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2023 г. Р. А. Мимоход*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: mimokhod@gmail.com*

Поступила в редакцию 27.11.2022 г.

После доработки 23.12.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

Статья посвящена характеристике нового культурного образования в Западном и Южном Предкавказье посткатакомбного времени — невинномысской культуре, представленной погребальными памятниками. Захоронения совершены в ямах и изредка в подбойных могилах, скелеты находятся в скорченной адоративной позиции, черепами ориентированы преимущественно на восток и юго-восток. Инвентарь представлен керамической посудой, орудийным металлокомплексом, костяными поясными пряжками и подвесками, гарнитуром разнообразных украшений. Анализ материала позволил выделить в невинномысской культуре два локальных варианта: юго-восточный и северо-западный. В материалах первого ощутимы влияния соседней днепро-донской бабинской культуры, второго — лолинской. В своем развитии культура прошла три этапа в пределах 2200–1800 CalBC. Она является неотъемлемой частью блока посткатакомбных культурных образований и важной составляющей культурного круга Лола.

Ключевые слова: невинномысская культура, блок посткатакомбных культурных образований, культурный круг Лола, лолинская культура, днепро-донская бабинская культура, локальный вариант, периодизация, хронология.

DOI: 10.31857/S0869606323020149, **EDN:** RGHVBG

При выделении лолинской культуры в Северо-Западном Прикаспии мне пришлось обратить внимание на то, что в бассейне Кубани есть небольшая группа посткатакомбных погребений, чьи обрядово-инвентарные характеристики близки, но не тождественны Лоле. Явное своеобразие этих памятников позволило поставить вопрос о наличии в Западном Предкавказье особой кубанской культурной группы посткатакомбного времени (Мимоход, 2006). Неоднозначность ситуации придавало и то, что целый ряд комплексов южной части Ставрополя, которые были отнесены к лолинской культуре (Мимоход, 2007. Рис. 1; 2013. Илл. 1), также демонстрировали определенную локальную специфику, сближающих их с кубанскими комплексами.

Полный сбор источниковой базы на территории Краснодарского края, юга Ставрополя, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечни позволили объединить памятники финала средней бронзы в рамках новой невинномысской культуры. При этом пришлось переформатировать банк данных лолинских комплексов: часть из них была исключена из

него и отнесена к невинномысским древностям. Эпонимными для новой культуры стали курганные могильники, исследованные у г. Невинномысск (Ставропольский край) в 2012 и 2014 г. (раскопки С.В. Мячина). Здесь были найдены яркие материалы всех периодов развития культуры. Кроме того, невинномысские курганы находятся в самом центре ареала (рис. 1). Предварительная характеристика нового культурного образования была представлена недавно в обобщающей работе по посткатакомбной проблематике на уровне иллюстративных таблиц (Мимоход и др., 2022. Рис. 2, V; 3, V). Пришло время более развернуто охарактеризовать невинномысскую культуру. Я далек от мысли, что в рамках журнального объема можно осветить все стороны этого культурного феномена, но основные структурные элементы кратко показать возможно, поэтому статья будет носить отчасти декларативный характер.

На сегодняшний день известно 339 захоронений невинномысской культуры из 140 могильников. Подавляющее большинство погребений находится в бассейнах рек Кубань, Кума и Терек (рис. 1). Ареал включает в себя в западной части

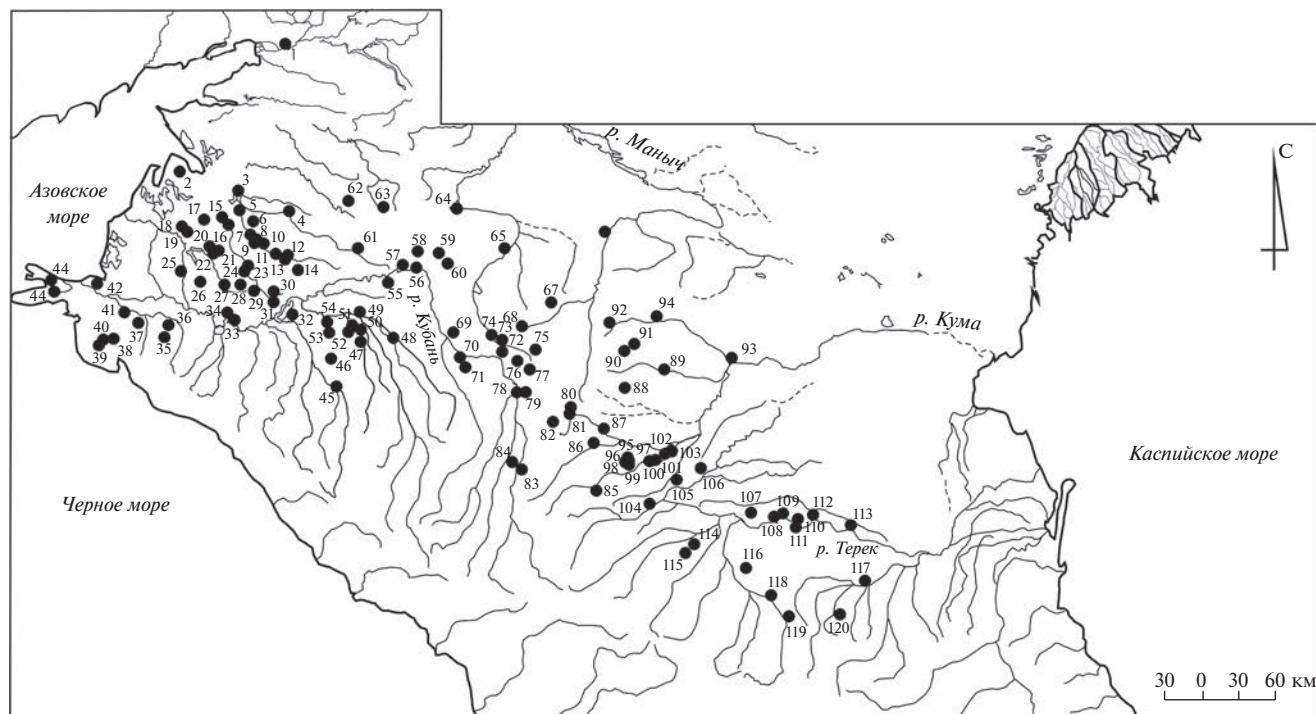

Рис. 1. Территория невинномысской культуры: 1 – Ростов-Западный 5/3; 2 – Курганная группа (2 насыпи) 1/1,3,7–9, Приморско-Ахтарский район; 3 – Курганная группа (2 насыпи) 1/6, Брюховецкий район; 4 – Полтавская 3 5/4; 5 – Брюховецкая I 2/3, II 1/1; 6 – Батуриная I 3/2, 5/2; 7 – Медведовский I 9/3,11,12; 8 – Старомышастовская I 1/20; 9 – Курганная группа 9 насыпей (27 насыпей) 19/1; 10 – Новокорсунская 2/1; 11 – Пролетарский 2/7, Пролетарский–86 1/6; 12 – Бейсужек 36 1/1; 13 – Бураковский 1/6; 14 – Раздольная 16/4; 15 – Роговская 3/5; 16 – Ольховский 1/13; 17 – Греки I 2/49,56,59, III 1/4; 18 – Лебеди I 3/4, II 5/7, IV 7/7,11, 8/11,49, VI 1/6, 2/1,3,6, 3/6,7; 19 – ПКОС–79 42/2,6, ПКОС–80 48/5; 20 – Олений 2/8, 3/11; 21 – Рассвет 2/3; 22 – Малаи I 9/3, II 1/16; 23 – Пластуновская 52 2/4, 53 6/9; 24 – Красносельский 9 6/12, 10 2/2; 25 – Старонижестеблиевская–86 4/2; 26 – Останний I 13/9; 27 – Новотитаровская 14 1/12; 28 – Текучка I 2/12,15; 29 – Белевцы I 1/4; 30 – Украинский I 8/1; 31 – Динская 4 3/7, 29 1/об.1, 6/8; 32 – Чишко п.1; 33 – Колос 2 1/10,17; 34 – Ханьков 48/4,7; 35 – Бугундырь VI 4/2; 36 – Общественный I 3/5,9; 37 – Курганная группа № 1708; 38 – Анапская 1/8, 10/6; 39 – Натухаевская 4 1/2; 40 – Граничная 1/3; 41 – Адагум I 7/3, 10 1/5,8,9–13; 42 – Комсомольский 1/1,2; 43 – Старотитаровская 4960Б 4/20, 5/19,24,29, 4962 4/7; 44 – За Родину 98/7, 4885/8; 45 – Советское 29 од.кург./5; 46 – Келермеская 28/1, 31/1,2; 47 – Чернышевская I 4/3,4, 6/2, 5/81,197,274; 48 – Михайловская 11/8, 12/17; 49 – Садовый 4/10; 50 – Серегинский 1/14,15,28; 51 – Зарево 5 1/1; 52 – Уахшиту I 2/28, 2 2/1; 53 – Дукма-совский 2/2; 54 – Уляп 16/3; 55 – Венцы I 1/5,нах.; 56 – КРОС 616га 6/7; 57 – Челбас 5/3; 58 – Радуга 7/1; 59 – Расше-ватский I 22/14, 23/4, 4 3/6; 60 – Новоалександровск 1/4; 61 – Хоперская 1/10, 2/4; 62 – Терновка 10 2/1; 63 – Южный–84 1/1,3,4; 64 – Красногвардейское од.кург./7; 65 – Птичье 3 5/16, 6/1,8, 7/1, 9/2; 66 – Ипатово 5 3/1; 67 – Тугулук 3 4/2; 68 – курган Ставрополь п.5,15,19; 69 – Каблук 1 4/10; 70 – Коноково I од.кург./8; 71 – Успенский од.кург./5; 72 – Тоннельный 9 2/2; 73 – Сентилеевский 7 9/2; 74 – Левоегорлыкский 3 1/3; 75 – Калужный 1 1/1–13, 2/1,2, 3/2,5,6,8; 76 – Новоекатериновская 4 2/7; 77 – Бударка 3 10/2; 78 – Невинномысский I 13/1–3,5–7, 3 1/2, 4, 4/2, 5/1,4,5, 6/5–8,12, 7/10,8,18,19, 22/2, 4 1/12, VI 1/6; 79 – Каскадский 2 1/3; 80 – Николаевский 3 2/6, 3/5, 5/6; 81 – Кунаковский 3 5/4,5, 6/4; 82 – Воровскольская 2/6; 83 – Усть–Джегутинский 26/2,3; 84 – Бесленей 6/1, 7/13; 85 – Аликоновка 1/1; 86 – Суворовская 9/1–3, Суворовский I 1/16, 5/1,3; 87 – Ульяновский I 1/7, 3/3,5,6; 88 – Петровка I 2/1, 4/1; 89 – Но-вый Маяк разр.кург./2,4; 90 – Калиновский 1/3,6,7–9, 2/2,3/1,2, 4/1, 5/1, 9/1; 91 – Грушевка II 2/4; 92 – Ореховка 1/3, 2/3,5, 5/3, 6/1, 7/1–3, 8/1–3,5,7, 9/1,4,5, 10/1,2; 93 – Буйвола I 4/2, 5/3,7; 94 – Александрия 1/1; 95 – Иноземцево I 1/1,2, 3/1, 7/3–5; 96 – Бородыновка 3 3/16; 97 – Винсады 4 2/7,9; 98 – Константиновский 4 2/1–4, 3/3, Константинов-ская 10 1/1,17 11 1/2,3,11; 99 – Вонючка I 1/1; 100 – Незлобная VII 1/2; 101 – Георгиевская станица 6 1/3,4, VII 2/2, VIII 1/5; 102 – Георгиевский 3 1/3, 2/10; 103 – Новозаведенное 3 1/2,6; 104 – Прогресс 2 3/4; 105 – Комсомолец I кург./31; 106 – Новосредненское I 1/5,9,30,36,40; 107 – Чернорская 2/19,20; 108 – Павлодольская 1/2,3; 109 – Троицкое 3/9; 110 – Комарово 7/1; 111 – Терская 2/1; 112 – Галюгаевская–85 1/5, 3/1, 4/2, Галюгаевская–88 1/6; 113 – Мекенская 4/10; 114 – Учебный I 14/1; 115 – Нальчик кург./18,31; 116 – Заманкул 1/4; 117 – Алхан–Кала 10/1; 118 – Беслан–2006 комп.334,387; 119 – Сунжа–89 2/3, Сунжа–90 4/2/1–III,3–6,10–12; 120 – Бамут–64 1/3,4,5,8, 2/2–4,12, 3/1,2, 8/1, 9/1, Бамут–65 6/9; Бамут–66 2/1,4–7,9,11, 3/2,9, 4/2,4,5,7, Бамутские сады 1/1,2

Fig. 1. Burial sites of the Nevinnomysk culture

Приазовскую, Прикубанскую и Закубанскую низменности, а также Азово-Кубанскую равнину. Восточная часть располагается на южных территориях Ставропольской возвышенности, на Тер-

ско-Кумской низменности и Прикумской возвышенности.

Невинномысская культура, равно как и родственная долинская, представлена исключитель-

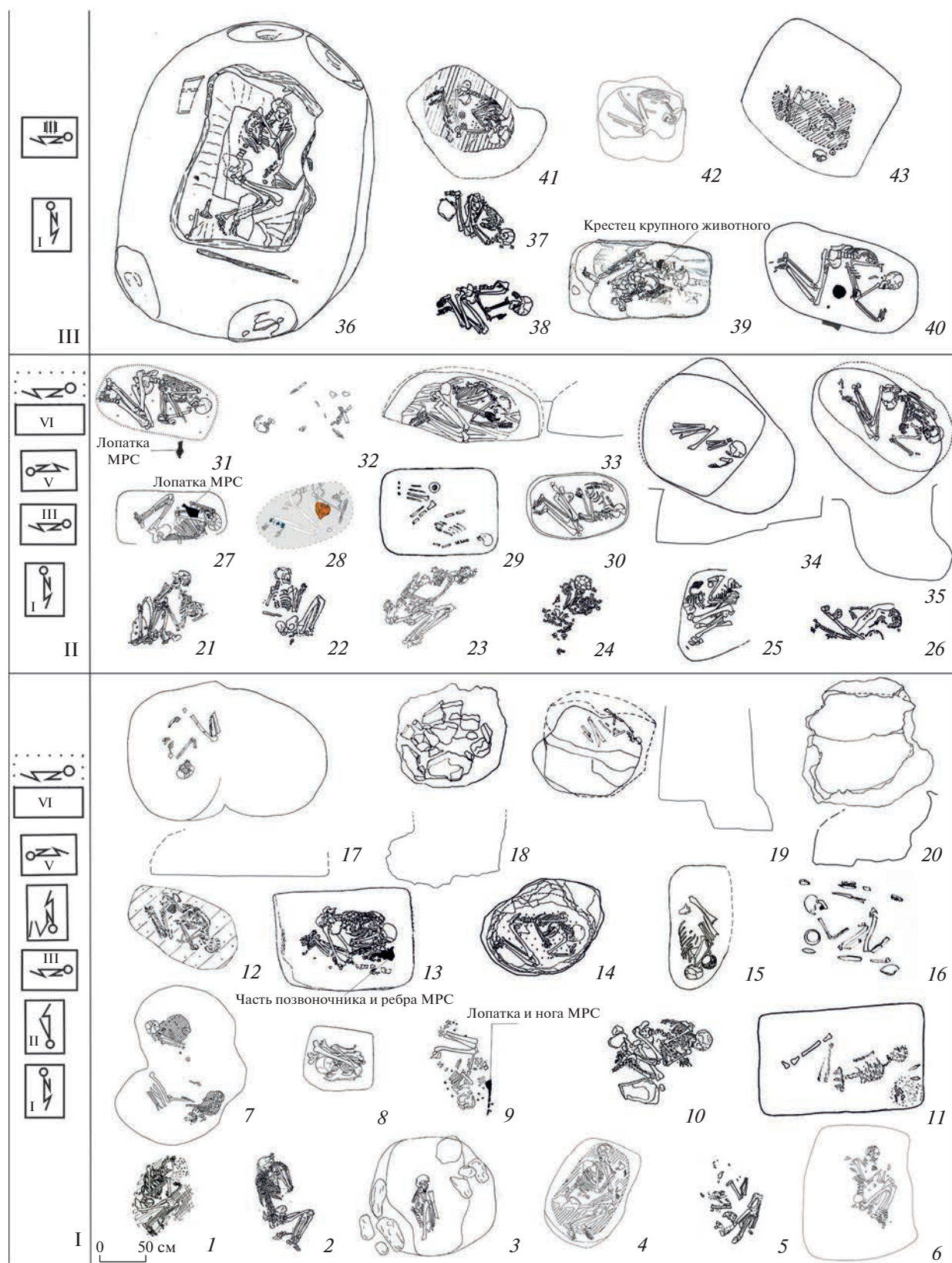

Рис. 2. Погребальный обряд.

Fig. 2. Burial rite

но курганными захоронениями. В отличие от Лолы, она не обладает развитым курганным строительством, тем не менее, известны отдельные насыпи в составе курганных групп. Они небольшие, высотой до 1 м, диаметром до 40 м. Основные погребения и погребения, сопровождавшиеся досыпками, составляли 8.5% от всех захоронений. Из дополнительных сооружений известны только каменные кромлехи и крепиды, также в отличие от лолинской культуры, где большая часть подкурганных конструкций представлена ровиками.

Невинномысские погребения в основном одиночные, но представлены и коллективные: парные и одно с четырьмя скелетами (Невинномысский 1 13/5). Известны расчлененные и/или вторичные захоронения (рис. 2, 8). Большая часть коллективных и расчлененных/вторичных погребений относится к раннему этапу культуры.

Погребения совершены, главным образом, в ямах и изредка в подбойных могилах (редуцированные катакомбы) (рис. 2, 17–20, 33–35). Остатки внутримогильных конструкций зафиксированы в 48 захоронениях. Они представлены фрагментами и целыми деревянными перекрытиями, изредка рамами, каменными закладами, забутовками, оградами.

Основное положение умерших в невинномысской обрядности — скорченно на боку. Расположение на левом боку доминирует и составляет 78.2% от всех комплексов с установленным положением скелета. Невинномысскую культуру выделяет в посткатакомбном блоке сравнительно высокий показатель правобочных костяков (рис. 2, 15, 21, 27, 29, 34, 39). Он составляет соответственно 21.8%. Характерна средняя и сильная скорченность скелетов.

В ориентировке скелетов полностью доминируют восточное и юго-восточное направления. Это кардинально отличает невинномысскую культуру от лолинской, где господствующими были северные векторы. Еще одним отличием является присутствие в невинномысских материалах небольшой серии западных ориентировок, которые в Лоле отсутствуют вовсе.

Из шести вариантов положения рук, зафиксированных в невинномысских комплексах, господствует поза адорации и близкие к ней позиции (рис. 2). Они составляют 69.2% от всех захоронений.

Характерной чертой невинномысского обряда является помещение в могилу костей мелкого рогатого скота: преимущественно лопаток (рис. 2, 9, 27, 31), частей таза и хребта (рис. 2, 13, 39).

Анализ имеющихся данных позволяет разделить невинномысские погребения на шесть обрядовых групп (ОГ). Общим для всех групп является скорченное положение скелета чаще на левом,

реже на правом боку и для подавляющего большинства из них (ОГ I, III–VI) — адоративная позиция рук. Основанием для разделения служат признаки: “могильная конструкция” и “ориентировка костяка”. Обрядовые группы — это не только классификационные единицы: в них отражаются, с одной стороны, эволюция погребального ритуала и соответственно внутренняя периодизация невинномысских памятников, а с другой — культурные составляющие и механизмы сложения культуры.

Погребальный обряд носителей невинномысских традиций, равно как и лолинских, достаточно специфичен. В нем прослеживаются сложение черт последующей эпохи поздней бронзы и распад катакомбных культурных стереотипов.

Анализ стратиграфических данных показывает, что в курганах невинномысские погребения следуют за катакомбными комплексами, в частности, восточномамыскими (23 случая). К сожалению, пока неизвестны стратиграфические связки между невинномысскими и срубными погребениями. Здесь сказывается региональный фактор. Как уже отмечалось, курганное строительство у невинномысской культуры было развито слабо, особенно это касается западной части ареала, где курганы и досыпки единичны. В этом регионе в отличие от Ставрополя и более восточных территорий, памятники срубной культуры присутствуют, но обладают теми же негативными для построения относительной хронологии характеристиками неразвитого курганного строительства, а для срубных древностей Кубани и его отсутствием. В такой ситуации можно рассчитывать только на так называемую прямую стратиграфию между невинномысскими и срубными погребениями, но вероятность выявления таких случаев крайне мала, и пока они не встречены.

Для разработки внутренней периодизации культуры важное значение имеют стратиграфические связки между самими невинномысскими захоронениями. Они зафиксированы в 9 курганах в восточной части ареала, где традиция курганного строительства была развита сильнее, чем в Западном Предкавказье. Корреляция стратиграфических данных с рядом обрядовых черт и датирующими категориями инвентаря позволяет разработать трехэтапную периодизацию невинномысской культуры (рис. 2–4).

I этап. В обряде на стадии формирования у невинномысской культуры наблюдается наибольшая вариативность погребальных традиций. В этот период представлены все обрядовые группы (ОГ I–VI) (рис. 2, 1–19). Именно к этому этапу относится подавляющее большинство курганов, где невинномысские захоронения были основными. Ранние захоронения совершены в ямах (рис. 2, 3, 6, 7, 11, 13–15) и немногочисленных ре-

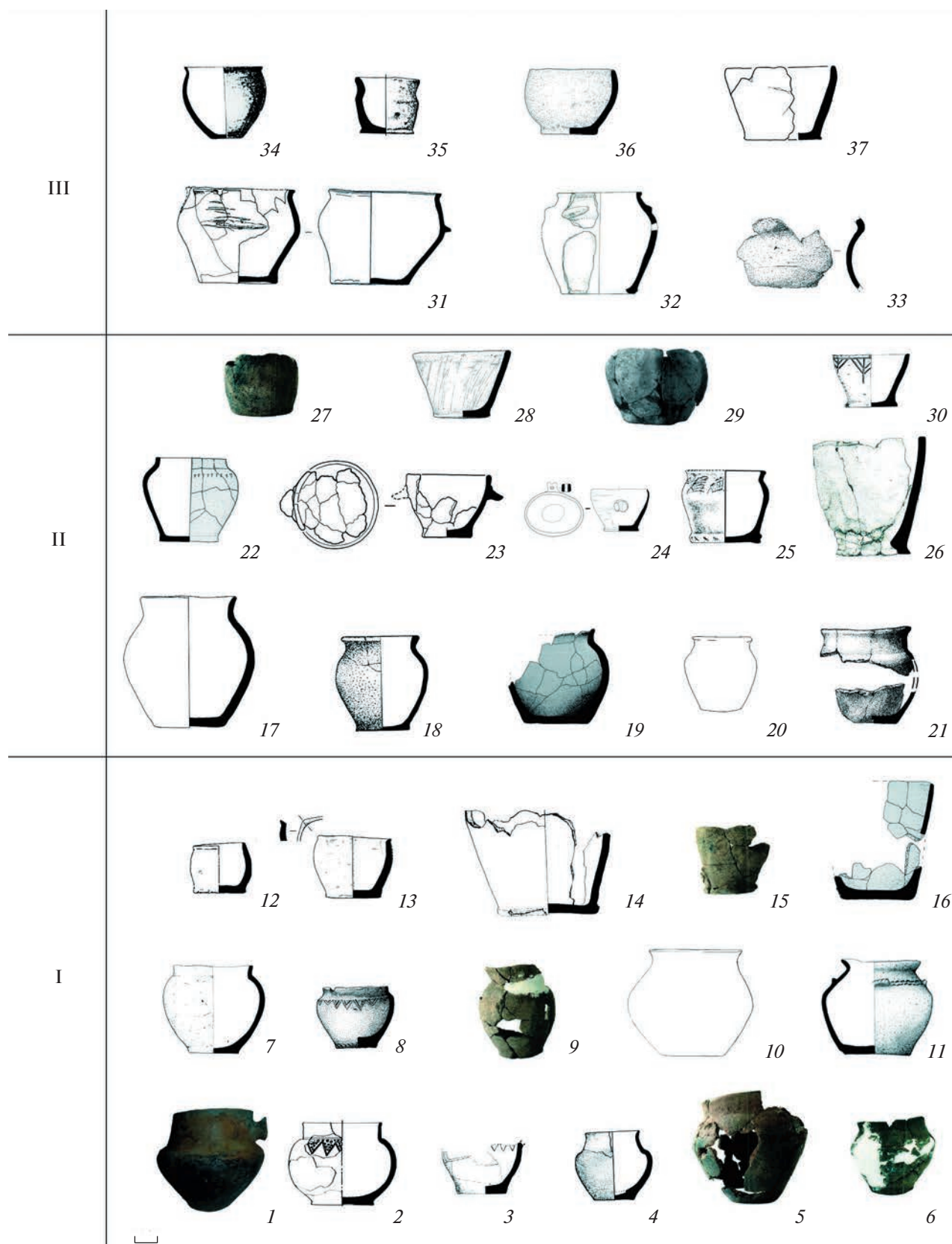

Рис. 3. Керамический комплекс.
Fig. 3. Ceramic complex

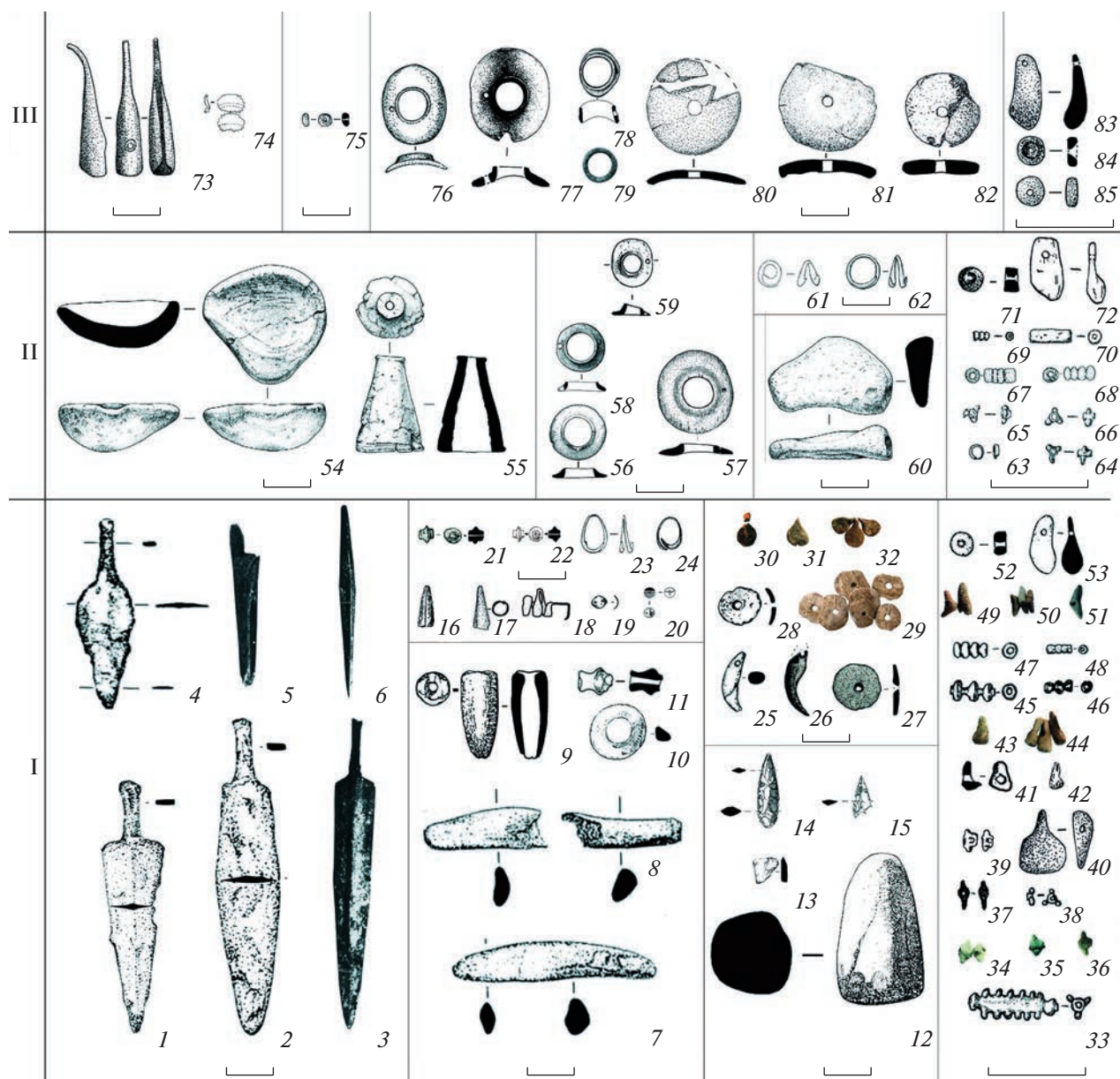

Рис. 4. Изделия из металла, керамики, кости, рога, камня, фаянса.

Fig. 4. Objects made of metal, ceramics, bone, horn, stone, and faience

дуцированных катакомбах (рис. 2, 17–20), т.е. хорошо прослеживаются рудименты предшествующей эпохи. В ориентировках скелетов присутствуют традиционные для культуры восточный и северный векторы, а также ориентация на юг (ОГ II, IV) (рис. 2, 9), которая является архаичной и исчезает уже на втором этапе. В качестве яркого рудимента предшествующей катакомбной эпохи следует рассматривать обнаружение пакетированного скелета в комплексе Ореховка 5/3 (рис. 2, 8). К числу архаичных признаков можно отнести посыпку охрой всего костяка или стоп (Греки I 2/56,59, Зарево 5 1/1, Николаевский 3 5/6, Украинский 1 8/1, Южный-84 1/3). Особенно четко

катакомбное наследие прослеживается в комплексе Чернышевская I 5/81, где на дне могилы недалеко от стоп скелета зафиксированы охристые следы ног.

Инвентарный комплекс первого этапа очень разнообразен, хотя большинство захоронений сопровождающих вещей не имеет.

В керамической коллекции представлена баночная посуда (рис. 3, 12, 15, 16), округлобокие слабопрофилированные сосуды с S-видным или цилиндрическим горлом, составляющие основу невинномысского керамического комплекса (рис. 3, 4–11). Судя по всему, и сосуды со сливами (рис. 3, 13) относятся к раннему периоду. На этом

же этапе появляется орнаментация в виде свисающих треугольников (рис. 3, 2, 3), связанных с предшествующим батуриным катакомбным субстратом. Присутствует в керамической серии и сосуд с пережиточными восточномамычскими чертами (рис. 3, 1).

Ранний этап является самым металлоемким как на уровне орудийного комплекса, так и на уровне украшений (рис. 4, 1–20). В коллекции представлены такие изделия из металла, как ножи-кинжалы кавказского происхождения (рис. 4, 1, 3), листовидный клинок посткатакомбной традиции (рис. 4, 4) и нож архаичной пятиугольной схемы (рис. 4, 2). Кроме того, в серии присутствуют втульчатое долото (рис. 4, 5) и четырехгранное шило (рис. 4, 6).

Из костяных изделий следует отметить наличие в составе инвентаря крупных коженных орудий (рис. 4, 7, 8), традиция помещения которых в могилы характерна для ранней фазы посткатакомбного блока. Костяной конус-дзыга (илл. 4, 9), серия которых представлена в лолинской культуре, также маркирует первый этап невинномысских древностей, так как встречен в ранней обрядовой группе с южной ориентировкой скелета. Из числа поясной гарнитуры к раннему этапу, возможно, относится кольцевидное изделие из кург. 1 мог. Праздничный (рис. 4, 10). Не исключено, что это поясная пряжка бабинской традиции. Предметы этого типа также маркируют ранние погребения культурного круга Бабино.

Каменные изделия раннего этапа представлены орудиями типа терочников и пестов (рис. 4, 12). Кремневые наконечники стрел (рис. 4, 14, 15), как в лолинской культуре и днепро-донской бабинской (ДДБК), характерны для первого периода.

Разнообразен и показателен гарнитур украшений начальной фазы невинномысской культуры. Металлические изделия представлены колесовидными бусинами и их костяной репликой (рис. 4, 11, 21, 22), коническими подвесками (рис. 4, 16, 17), подвесками в 1.5 оборота (рис. 4, 23, 24), фигурной подвеской с обратной петлей (рис. 4, 18), пуговицей (рис. 4, 20), скорлупковидной бляшкой с двумя отверстиями (рис. 4, 19). Последние три категории инвентаря имеют кавказское происхождение. Хорошо представлено на раннем этапе и сурьмяное литье, также связанное с Кавказом. Первый период маркируют костяные и фаянсовые подвески-медальоны (рис. 4, 30–32, 40), пронизь и фаянсовые бусы с двумя или тремя выступами (рис. 4, 33–39), а также фаянсовый и керамический лепестковидный (рис. 4, 41–44) и треугольный бисер (рис. 4, 49–51). Традиционными для посткатакомбных культурных образований являются фаянсовые сегментовидные бу-

сы/пронизы, (рис. 4, 45–48, 67–69) и каменные бусины (рис. 4, 52, 71, 84, 85), характерные для всех фаз развития. На данный момент подвески из раковин и клыков животных характерны только для первого этапа невинномысской культуры (рис. 4, 25–29). Украшения из зубов оленя известны уже в материалах раннего периода (рис. 4, 53) и их продолжают использовать на последующих этапах развития (рис. 4, 72, 83).

II этап. Погребальный обряд становится более унифицированным (рис. 2, 21–35). Сокращается количество обрядовых групп с шести до четырех. Исчезают маргинальные архаичные ОГ II и IV с южными ориентировками скелетов. Погребения еще одной маргинальной ОГ V с западными и юго-западными ориентировками скелетов, которая связана своим появлением с влиянием соседней ДДБК, опосредованным в невинномысской культурной среде, продолжают совершаться и на развитой фазе (рис. 2, 32). По-прежнему доминируют в количественном отношении самая многочисленная ОГ III с восточными и юго-восточными ориентировками и занимающая второе место ОГ I с северными векторами (рис. 2, 21–31). В развитый период продолжает существовать традиция захоронения в подбойных могилах ОГ VI (рис. 2, 33–35). Несмотря на то что в невинномысской культуре все такие могилы относятся к редуцированным катакомбам и в ней отсутствуют глубокие нормальные катакомбы, характерные для Лолы, тем не менее, можно отметить определенную эволюцию этого типа могил от раннего этапа к развитому. Катакомбы первого периода более глубокие и у них иногда присутствует небольшая ступенька при сопряжении шахты и камеры (рис. 2, 18–20). На развитой фазе подбойные могилы становятся мельче, ступенька исчезает (рис. 2, 33–35). Иными словами, мы видим деградацию этого типа могильной конструкции во времени, которая идет по пути утраты структурных черт катакомбного обряда.

Инвентарный комплекс второго этапа развития демонстрирует определенную стандартизацию основных признаков. В керамической серии увеличивается количество баночной посуды (рис. 3, 26–30). Продолжают свое существование округлобокие слабопрофилированные сосуды с S-видным или цилиндрическим горлом (рис. 2, 17–22). Появляются сосуды с ручками-упорами (рис. 3, 23, 24), которые отсылают к лолинской традиции. В орнаментации продолжают использоваться композиции со свисающими треугольниками (рис. 3, 30). В керамической коллекции второго этапа появляются единичные сосуды с бабинскими чертами (рис. 3, 25).

Пока в материалах развитого периода невинномысской культуры не встречены металлические орудия труда. Зато в одном комплексе этого

этапа обнаружен уникальный для посткатакомбного мира набор, связанный с бронзолитейным производством, в который входят керамические сопло и тигель-лячка (рис. 4, 54, 55). Хорошо представлена в погребениях второго этапа поясная гарнитура, которая включает костяные пряжки двух типов (рис. 4, 56–59). Один из них представляет кольцевидное изделие с бортиком без дополнительного отверстия (рис. 4, 56), остальные относятся к другому типу — с дополнительным отверстием (рис. 4, 57–60). Эти изделия маркируют развитую фазу блока посткатакомбных культурных образований.

Из каменных орудий следует отметить изделие из комплекса Невинномысский 3 6/5 (рис. 4, 60), которое входило в уже упомянутый набор литейщика (рис. 4, 54, 55). Нет особых сомнений, что этот предмет, обнаруженный в таком контексте, следует рассматривать в качестве орудия металлообработки — абразива (Калмыков и др. 2018. С. 66, 69).

Гарнитур украшений демонстрирует очевидную связь с предшествующим периодом. Из бронзовых изделий продолжают использоваться подвески 1,5 оборота (рис. 4, 61, 62), а также фаянсовые украшения с выступами (рис. 4, 64–66). Исчезают двухрожковые экземпляры, использовавшиеся на раннем этапе (рис. 4, 34–37). Для развитого периода характерны бусы с тремя выступами (рис. 4, 64–66). При очевидной преемственности обращает на себя внимание серьезное сокращение гарнитура украшений в количественном и качественном отношении от первого ко второму этапу. На развитой фазе невинномысской культуры уже неизвестны, по крайней мере пока, металлические украшения, за исключением подвесок в 1,5 оборота, костяные и фаянсовые подвески-медальоны, подвески из раковин и клыков животных, фаянсовые и керамические лепестковидные и треугольные бусы.

III этап. Погребальный обряд эволюционирует по пути окончательной утраты катакомбных пережитков в сторону позднебронзовой традиции. В качестве единственного и уникального из них следует указать на обнаружение в комплексе Садовый 4/10 четырехколесной повозки (рис. 2, 36). Для региона практика помещения колесного транспорта в погребения имеет давние истоки со времен новотитаровских древностей. На заключительном этапе невинномысской культуры полностью изживается подбойный обряд захоронения. Количество обрядовых групп сокращается до двух: ОГ I и III (рис. 2, 36–43), но именно они формируют наглядный образ культуры, особенно ОГ III с восточными и юго-восточными ориентировками скелетов. Количественное преобладание этих обрядовых групп на протяжении всего диапазона существования культуры является струк-

турообразующим и связующим для всех этапов развития культуры. Именно эти ОГ на уровне обряда цементируют культурное единство невинномысских древностей на протяжении их четырехсотлетнего развития.

Инвентарный комплекс заключительного периода становится еще более обедненным. В керамической коллекции по-прежнему присутствуют баночная посуда (рис. 3, 36, 37) и сосуды округло-бокой формы с плавной профилировкой (рис. 3, 32–34). Сохраняется традиция украшения сосудов налепами (рис. 3, 31, 32), которая известна с раннего этапа. Несколько больше становится посуды выраженных ребристых пропорций (рис. 3, 31). Сосуд из комплекса Хоперская 1/10 (рис. 3, 35) следует рассматривать скорее в контексте покровско-бабинского, а не чисто бабинского влияния, как на развитом этапе. Это хорошо соответствует датировке заключительного этапа невинномысской культуры, когда севернее ее территории фиксируются контакты поздней ДДБК и носителей покровских традиций, которые приводят к формированию синкретических комплексов. На мой взгляд, именно эти взаимосвязи и отражены в морфологии сосуда из Хоперской (рис. 3, 35).

Металлические изделия заключительного этапа представлены бронзовым втульчатым крюком (рис. 4, 73), пока единственным в посткатакомбном мире, бронзовой накладкой на деревянный сосуд-ковш (рис. 4, 74) и сурьмяными бусинами (рис. 4, 75).

Серия костяных предметов включает в себя три типа пряжек, которые характерны для позднейших посткатакомбных культур. Первый из них объединяет поясные детали бабинской традиции, изогнутые в сечении с двумя разновеликими отверстиями (рис. 4, 76, 77). Второй тип — это пряжка покровской традиции также с двумя отверстиями, но с иной системой их расположения (рис. 4, 78), третий — очень редкий тип поясной гарнитуры в виде костяного кольца (рис. 4, 79). Четвертая группа представлена поясными подвесками типа Элиста-Калиновский (рис. 4, 80–82), которые маркируют заключительные этапы невинномысской и лолинской культур.

Продолжают использоваться простые типы фаянсовых и каменных украшений в виде дисковидных бусин, а также подвески из зубов оленя и/или их имитации (рис. 4, 83–85).

Таким образом, невинномысская культура, как и лолинская, прошла в своем развитии три этапа. В целом эволюция невинномысского обрядово-инвентарного комплекса демонстрирует те же тенденции, что и Лола. Развитие идет по пути становления основных признаков на раннем этапе, сохраняющим отдельные катакомбные рудименты, стандартизации их на развитом и деградации на позднем, выражающиеся в своеобраз-

ном “осрублении”, которое характерно для всех культур завершающей фазы посткатакомбного блока.

При достаточно едином облике невинномысского обрядово-инвентарного комплекса, который отличает ее от соседних Лолы и Днепро-Донского Бабино, в его составе можно выделить локальные различия. Как уже было показано, ареал культуры вытянут вдоль Кавказского хребта с ЮВ на СЗ (рис. 1). Анализ некоторых обрядовых признаков и категорий инвентаря позволяет поставить вопрос о выделении в ней *двух локальных вариантов: юго-восточного и северо-западного*. Приблизительная граница между ними проходит по верхнему течению Кубани с отдельными проникновениями представителей северо-западного варианта на территорию юго-восточного (Чернышевская I 5/274 и Уашхиту I 2/28) (рис. 1).

Для юго-восточного варианта (ЮВВ) характерно более развитое курганное строительство. Здесь расположено 79% курганов, где погребения были основными или сопровождались досыпками, в то время как для северо-западного варианта (СЗВ) этот показатель составляет 21%.

Есть различия в использовании камня и дерева при устройстве могильных сооружений. В ЮВВ носители невинномысской культуры значительно активнее в погребальном обряде использовали камень при сооружении как внутримогильных, так и подкурганных конструкций. В погребальном обряде СЗВ камень вообще не использовался. Здесь значительно чаще, чем в юго-восточном варианте, применяли дерево.

Керамическая коллекция невинномысской культуры выглядит достаточно однородной для обоих вариантов. В ней представлена баночная посуда открытой и закрытой форм (рис. 5, 1–4, 22–25). В ЮВВ и СЗВ вариантах присутствуют крупные высокие стакановидные банки (рис. 5, 4, 26). Имеются в керамических комплексах обоих вариантов сосуды с ручками-упорами (рис. 5, 8, 27), характерные для лолинской традиции, но модифицированные в местной среде. Есть в их материалах округлобокие горшки с коротким цилиндрическим или слегка отогнутым горлом (рис. 5, 14–16, 19, 38, 39), которые выступают в качестве маркера невинномысского керамического комплекса. Представлены они паритетно как в ЮВВ (рис. 5, 14–16, 19), так и в СЗВ (рис. 5, 38, 39). Также характерны для обоих вариантов и сосуды еще двух групп. Первая из них объединяет горшки с округлыми плечиками и высоким цилиндрическим горлом (рис. 5, 10, 35, 36), вторая – сосуды горшковидной округлобокой формы с плавной профилировкой и S-видным профилем (рис. 5, 20, 21, 40–42). Использовались носителями невинномысской культуры обоих локальных вариантов в погребальном обряде и жаровни (рис. 5,

12, 13). Следует отметить, что эта традиция была более развита на территории СЗВ.

Теперь следует рассмотреть территориальные различия, которые на уровне коллекции посуды позволяют поставить вопрос о выделении локальных вариантов. В материалах комплексов ЮВВ присутствуют сосуды со сливом (рис. 5, 5–7), которые отсутствуют в погребениях СЗВ. Логичным выглядит наличие в керамической серии в юго-восточной части ареала сосуда с цилиндрическим горлом, крутыми плечиками и зауженным дном с ручкой-упором явно восточноманьчжурского облика (рис. 5, 9), так как именно восточноманьчжурская катакомбная культура в большей степени была генетическим субстратом для формирования невинномысских древностей ЮВВ. Пока только в материалах рассматриваемого локального варианта известна керамика, которая включает горшки с укороченным плавным или слегка отогнутым горлом (рис. 5, 11–13, 15).

В свою очередь, исключительно в комплексах СЗВ представлена специфическая керамика, объединяющая сосуды трехчастной формы с выраженным или сглаженным ребром (рис. 5, 28–36). Очевидно, что четыре горшка из этой группы имеют черты соседней ДДБК (рис. 5, 29–33). К ним относятся специфический трехчастный ребристый профиль и выраженное в той или иной мере раструбное горло. Кроме того, имеющаяся орнаментация, в двух случаях многоваликовая (рис. 5, 30, 31), в одном – характерная прочерченная, дополненная вдавлениями по венчику (см. выше) (рис. 5, 29), также напрямую отсылают к бабинским стандартам. Если оценить удельный вес посуды с выраженными чертами Бабино в керамическом комплексе невинномысской культуры, то он составит 10% от всей керамической серии, куда включены сосуды и их части с установленной морфологией, и локализуются они, как уже отмечалось, только на территории СЗВ. Иными словами, в этой ситуации мы имеем дело с межкультурными контактами носителей невинномысских традиций и соседней северной ДДБК. Только в комплексах СЗВ представлены “кубковидные” сосуды плавной профилировки с зауженным или слегка отогнутым горлом с максимальным расширением тулова в середине (рис. 5, 43, 44).

Определенные тенденции в отношении разделения культуры на локальные варианты выявляет и анализ орнаментации. Как уже отмечалось, в СЗВ встречается керамика, украшенная налепными валиками (рис. 5, 30, 31). Механизм появления такой орнаментации уже был рассмотрен. Впрочем, следует отметить, что в кург. 8 мог. Ореховка, который относится к ЮВВ, тоже обнаружен фрагмент с валиковой орнаментацией (рис. 5, 17), но сложно сказать, что это была за по-

Рис. 5. Инвентарь локальных вариантов.

Fig. 5. Grave goods of local cultural variants

суда. Второе важное наблюдение связано с композицией и мотивами орнамента. Здесь выраженной спецификой обладает керамика СЗВ. Для нее характерны одинарные ряды свисающих треугольников, выполненных прочерчиванием или оттисками шнура (рис. 5, 24, 34, 44). Выше было показано, что подобный декор свидетельствует о генетической связи невинномысской посткатакомбной и батуриной катакомбной культур. В этой связи неудивительно, что именно в материалах СЗВ присутствует охарактеризованная орнаментация, так как эту территорию в предшествующий период занимали носители батуриных традиций.

В целом следует отметить, что посуда, которая иллюстрирует разделение невинномысской культуры на локальные варианты, составляет не более четверти от всей керамической коллекции, что свидетельствует о ее культурной целостности.

Как и у всех посткатакомбных культурных образований орудийный металлокомплекс скуден, но тем не менее, и он демонстрирует определенные локальные черты. Так, пока в материалах ЮВВ не представлены листовидные клинки. Такие экземпляры присутствуют в коллекции СЗВ (рис. 5, 50, 51). В свою очередь, в комплексах ЮВВ имеются ножи-кинжалы, которые имеют подтреугольное узкое лезвие с выраженной нервюрой с обеих сторон (рис. 5, 45, 47). Как уже отмечалось, подобные клинки имеют кавказское происхождение. Такой кинжал есть и в материалах СЗВ (рис. 5, 49). Один нож пятиугольной схемы по невинномысской классификации представлен в коллекции ЮВВ (рис. 5, 46). Следует отметить, что клинок такой морфологии известен в лолинской культуре. В материалах обоих вариантов присутствуют втульчатые орудия: в СЗВ — это бронзовый крюк (рис. 5, 52), в ЮВВ — долото (рис. 5, 48).

Особенно ярко различия между локальными вариантами проявляются на примере таких категорий инвентаря, как костяные и роговые пряжки и поясные подвески. В материалах СЗВ представлены бабинские типы пряжек (рис. 5, 60, 61, 63–66) и одна — покровского облика (рис. 5, 62). Всего в невинномысской культуре известно 11 пряжек покровско-бабинского облика. Из них десять найдены в комплексах СЗВ (рис. 5, 60–66) и только одна обнаружена в погребении одного из памятников ЮВВ (рис. 5, 59). Обратная ситуация складывается с локализацией поясных подвесок типа Элиста-Калиновский. Они встречены только в захоронениях ЮВВ (рис. 5, 56–58) и отсутствуют в комплексах СЗВ.

Также отчетливо локальные различия прослеживаются в гарнитуре украшений. Сразу следует отметить, что в количественном и качественном отношении набор ЮВВ (рис. 5, 67–81) в разы

превосходит коллекцию СЗВ (рис. 5, 82–85). И в том, и в другом варианте присутствуют характерные для посткатакомбных древностей рожковые и бородавчатые бусы (рис. 5, 72, 80, 83). Симптоматично их распределение. Всего в невинномысской культуре известно 9 комплексов с этой категорией инвентаря. Из них восемь относятся к ЮВВ (рис. 5, 72, 80) и только один (Серегинский 1/28) — к СЗВ (рис. 5, 83)¹. В материалах обоих вариантов присутствуют фаянсовые сегментовидные бусы (рис. 5, 81, 82). Целый ряд категорий украшений известен пока только в захоронениях в юго-восточной части ареала. К ним относятся костяные и фаянсовые подвески-медальоны (рис. 5, 67, 74), фаянсовые треугольные бусы (рис. 5, 79), бронзовые и сурьмяная колесовидные бусины (рис. 5, 68), пуговица (рис. 5, 70), подвески в 1.5 оборота (рис. 5, 75), скорлупковидная бляшка с двумя отверстиями (рис. 5, 78), конусовидные подвески (рис. 5, 76), украшения из раковины (рис. 5, 69), подвески из клыков и зубов животных (рис. 5, 71, 77). Заметим, что большинство, но не все из вышеперечисленных категорий находят аналогии в соседней лолинской культуре. Однако в комплексах СЗВ присутствуют и самобитные типы (рис. 5, 84, 85), которые отсутствуют как в Лоле, так и ЮВВ. Есть в последнем варианте украшения (рис. 5, 74, 77, 80), которых нет ни в СЗВ, ни в лолинской культуре. Следует обратить внимание и на сочетание разнотипных украшений в единых гарнитурах. Так, в захоронениях ЮВВ известны наборы, в которые входят фаянсовые украшения, подвески из клыков и зубов животных, а также украшения из раковин. Подобные сочетания неизвестны в материалах СЗВ, но встречаются в комплексах лолинской культуры.

Охарактеризованные различия между памятниками невинномысской культуры в юго-восточном и северо-западном ареалах обусловлены двумя основными факторами. Первый из них связан с подстилающим генетическим позднекатакомбным субстратом. Для памятников СЗВ это батуриная и суворовская катакомбные культуры, для ЮВВ — последняя и восточноманьчская. Прежде всего, это проявляется в отдельных чертах керамического комплекса, о которых говорилось выше. Вторым фактором, более весомым, в формировании локальных различий в невинномысской культуре являются межкультурные контакты. Для ЮВВ — это очевидное влияние, с одной стороны, северо-восточного соседа — лолинской культуры, с другой, кавказских культур.

¹ К сожалению, в отчете отсутствует рисунок рожкового бисера из этого погребения, но есть подробное описание в тексте: «Каждая бисерина украшена “стеклянной зернью”: по бокам приварены каплевидные ушки глухого серо-зеленого стекла (по 2 на каждой бисерине)» (Лесков, 1983). Такая характеристика не оставляет сомнения, что здесь мы имеем дело с фаянсовыми бусами с двумя выступами.

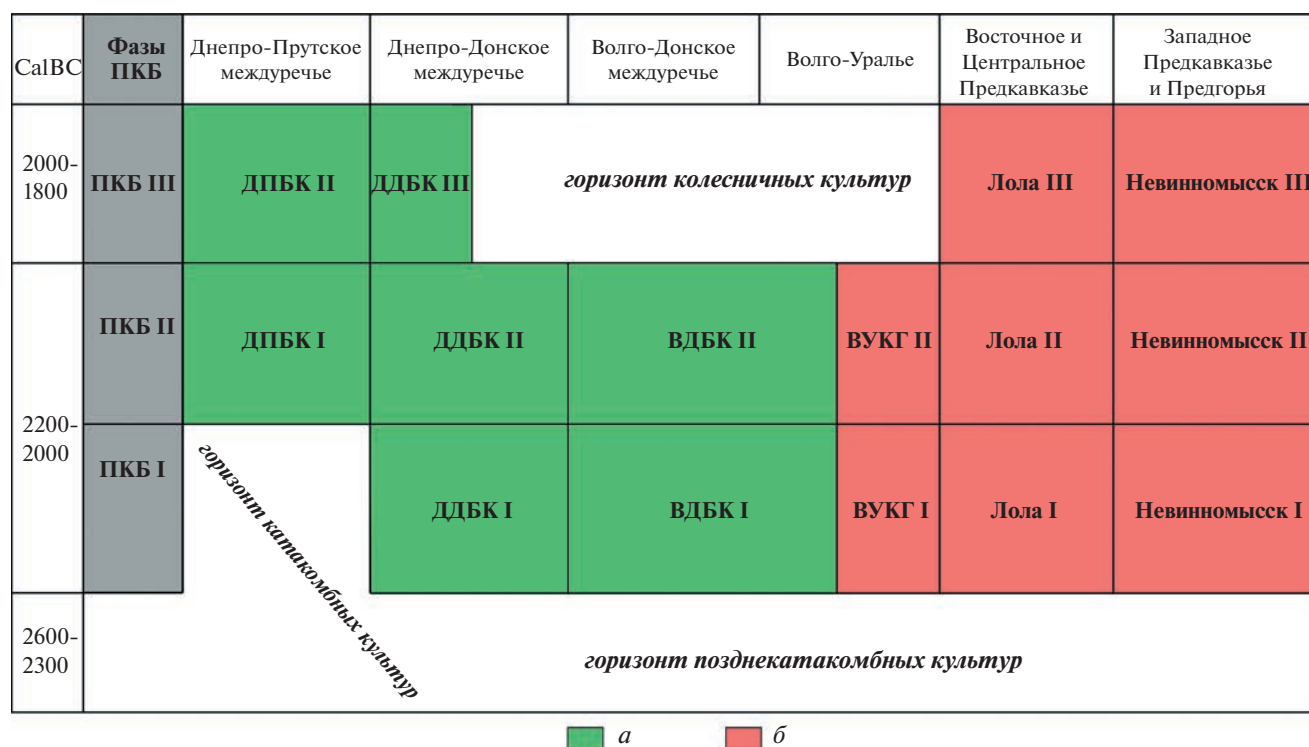

Рис. 6. Хронологическое соотношение посткатакомбных культурных образований. Условные обозначения: а — культурный круг Бабино; б — культурный круг Лола.

Fig. 6. Chronological correlation of post-Catacomb cultural formations. Symbols: а — Babino cultural circle; б — Lola cultural circle

Памятники СЗВ демонстрируют очевидные контакты с северо-западным культурным кругом Бабино. При этом разделение на локальные варианты не стоит абсолютизировать. Культура выглядит достаточно монолитной, а территориальные различия отражают специфические механизмы ее культурогенеза и развития.

Выделение невинномысских древностей в отдельный феномен завершает процесс оформления блока посткатакомбных культурных образований. На сегодняшний день он состоит из культурного круга Бабино и культурного круга Лола (Мимоход и др., 2022). Первый из них включает

волго-донскую (Мимоход, 2014), днепро-донскую и днепро-прутскую (Литвиненко, 2011) бабинские культуры (ВДБК, ДДБК, ДПБК), второй состоит из лопинской, невинномысской культур (Мимоход, 2013; Мимоход и др., 2022) и волго-уральской культурной группы (ВУКГ) (Мимоход, 2021). Блок посткатакомбных культурных образований в своем развитии прошел три этапа: фаза ПКБ (посткатакомбный блок) I, фаза ПКБ II и фаза ПКБ III в пределах 2200–1800 CalBC. Невинномысская культура, синхронная другим составляющим блока, прошла весь этот путь (рис. 6).

Радиоуглеродные даты невинномысской культуры Radiocarbon dates of the Nevinnomyssk culture

№	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал образцов	Дата ВР	Дата CalBC* Вероятность 1σ
1	Садовый кург. 4 погр. 10	Ki-13053	Дерево (колесо)	3520 ± 60	1920–1740
2	Садовый кург. 4 погр. 10	Ki-13054	Образцы серой глины с микровключениями древесины перекрытия	3440 ± 70	1880–1680
3	Адагум 1 кург. 7 погр. 3	IGAN _{AMS} -7459	Кость человека	3450 ± 20	1870–1690
4	Невинномысский 3 кург. 6 погр. 5	MAMS-29812	Кость человека	3631 ± 22	2025–1962

*Даны по: 1–2 — Мимоход, 2013. Табл. 2; 3 — публикуется впервые; 4 — Калмыков и др., 2018. С. 69.

Ее радиоуглеродная база данных пока находится в зачаточном состоянии (таблица). Сейчас есть только четыре даты, которые при суммировании с вероятностью в одну сигму дают интервал 2030–1690 CalBC. Следует отметить, что ^{14}C данные получены по комплексам развитого (таблица, 4; рис. 2, 31; 4, 54, 55, 60) и позднего (таблица, 1–3; рис. 2, 36; 4, 73, 74, 76) этапов культуры и пока нет данных для раннего периода. С дальнейшим накоплением базы следует ожидать закономерного удревнения нижней границы диапазона до 2200 CalBC.

Таким образом, невинномысская культура обладает всеми необходимыми культуроопределяющими признаками, которые выражаются в единстве территории, обряда, типологических рядов и хронологии. Целый ряд маркеров обрядово-инвентарного комплекса позволяют ее отличить от синхронных культурных образований степи-лесостепи и Северного Кавказа, а также даже от родственных и наиболее в культурном отношении близких лолинских древностей. Надеюсь, что с выходом этой статьи невинномысская культура станет полноценным “игроком” как на поле культурно-исторических реконструкций, так и при культурно-хронологической атрибуции раскопанных комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Калмыков А.А., Березина Н.Я., Грески Ю., Добровольская М.В., Бужилова А.П. Погребение мастера-литейщика лолинской культуры на Ставрополье // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 64–79.
- Лесков А.М. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока в 1983 году // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 9855, 9855 а, б.
- Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 108–123.
- Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Древние культуры Кавказского Причерноморья: первая абхазская междунар. археолог. конф.: материалы / Ред. А.С. Агумаа и др. Сухум, 2006. С. 249–253.
- Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // Российская археология. 2007. № 4. С. 143–154.
- Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013 (Материалы охранных археологических исследований; т. 16). 568 с.
- Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 232. С. 100–119.
- Мимоход Р.А. Посткатакомбные памятники // Археология Волго-Уралья. Т. II. Энеолит и бронзовый век / Под общ. ред. А.Г. Сидтикова. Казань: Ин-т археологии Акад. наук Республики Татарстан, 2021. С. 316–338.
- Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Палеоэкология — культурогенез — металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней — начале поздней бронзы // Российская археология. 2022. № 1. С. 20–34.

WESTERN AND SOUTHERN CISCAUCASIA IN THE POST-CATACOMB PERIOD: FROM THE KUBAN CULTURAL GROUP TO THE NEVINNOMYSSK CULTURE

Roman A. Mimokhod^{a, #}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: mimokhod@gmail.com

The article presents characteristics of a new cultural formation in the Western and Southern Ciscaucasia of the post-Catacomb period — the Nevinnomysk culture represented by burial sites. Burials were made in pits and occasionally in niche graves, the skeletons are arranged in a crouched adorative position, the skulls are oriented mainly to the east and southeast. The grave goods include ceramic ware, a metal tool complex, bone belt buckles and pendants, and a set of various ornaments. An analysis of the material made it possible to identify two local variants in the Nevinnomysk culture: southeastern and northwestern. Materials of the first one show influences of the neighbouring Dnieper-Don Babino culture, while the second one demonstrates influence of the Lola culture. In its development, the Nevinnomysk culture went through three stages within 2200–1800 CalBC. It is an integral part of the block of post-catacomb cultural formations and an important component of Lola cultural circle.

Keywords: the Nevinnomysk culture, block of post-Catacomb cultural formations, Lola cultural circle, the Lola culture, the Dnieper-Don Babino culture, local variant, periodization, chronology.

REFERENCES

- Kalmykov A.A., Berezina N.Ya., Greski Yu., Dobrovol'skaya M.V., Buzhilova A.P., 2018. The burial of a Lola smelter in Stavropol Region. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 251, pp. 64–79. (In Russ.)
- Leskov A.M. Otchet o raskopkakh Kavkazskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo muzeya iskusstv narodov Vostoka v 1983 godu [Report on the excavations of the Caucasian archaeological expedition of the State Museum of Oriental Peoples' Art in 1983]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Archive of the Institute of Archaeology RAS], R-1, № 9855, 9855 a, b.
- Litvinenko R.A., 2011. Babino cultural circle: name, taxonomy, and structure. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 225, pp. 108–123. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2006. Burials of the terminal Middle Bronze Age in the Kuban basin. *Drevnie kul'tury Kavkazskogo Prichernomor'ya: pervaya abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy* [Ancient cultures of the Caucasian Pontic region: the First Abkhazian international archaeological conference: Proceedings]. A.S. Agumaa, ed. Sukhum, pp. 249–253. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2007. The Lola culture of the terminal Middle Bronze Age in the Northwestern Caspian region. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 143–154. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [The Lola culture. Northwestern Caspian region at the turn of the middle and late periods of the Bronze Age]. Moscow: IA RAN. 568 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 16).
- Mimokhod R.A., 2014. Post-catacomb period in the Lower Volga region: from the Krivaya Luka cultural group to the Volga-Don Babino culture. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 232, pp. 100–119. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2021. Post-catacomb sites. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya* [Archaeology of the Volga-Urals], II. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]. A.G. Sid-tikov, ed. Kazan': Institut arkheologii Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 316–338. (In Russ.)
- Mimokhod R.A., Gak E.I., Khomutova T.E., Ryabogina N.E., Borisov A.V., 2022. Palaeoecology – cultural genesis – metal production: the reasons and mechanisms of the change of periods in the cultural space of the south of Eastern Europe at the turn of the Middle and Late Bronze Ages. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1, pp. 20–34. (In Russ.)

ЭЛИТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАЧАЛА ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА СУРГУТСКОГО И НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

© 2023 г. В. А. Борзунов*

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

*E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Поступила в редакцию 20.04.2022 г.

После доработки 10.06.2022 г.

Принята к публикации 10.11.2022 г.

За последние четыре десятилетия в таежных областях Сургутского и Нижнего Приобья открыты шесть уникальных погребальных объектов раннего железного века с большим количеством импортного и местного инвентаря: одиночные могилы, клад с регалиями шамана, захоронение кукол-*ит-тарма*, олицетворявших группу воинов, погибших на чужбине. Исследованные памятники принадлежали представителям местной элиты. Аналогичных комплексов эпох камня и бронзы здесь не выявлено. Это свидетельствует о наличии социального расслоения в угорских и угро-самодийских обществах западного ареала кулайской культурно-исторической общности (КИО) в I–IV вв. до н.э. Между тем появление в данном регионе бастионно-башенных крепостей, медных фигурок антропоморфов в шлемах и “солнечных” коронах, а также находка наконечника стрелы “кулайского типа” в жилище белоярской культуры предполагают начало формирования образа воина-вождя-богатыря-духа и отделенного от рядовых общинников слоя воинской, имущественной и культовой элиты, возможно, еще раньше — около середины I тыс. до н.э. Главной предпосылкой этих явлений, равно как появления изделий из железа в таежных обществах Приобья в условиях отсутствия производящего хозяйства (скотоводство, земледелие), стало включение охотников-рыболовов севера Западной Сибири в систему экономики Евразии на правах регулярных поставщиков пушнины.

Ключевые слова: тайга, обские угры, кулайская культура, погребения, клад, генезис элиты.

DOI: 10.31857/S0869606323010063, **EDN:** MBQVKE

Минуло полвека с начала активного изучения уральскими и сибирскими учеными археологических памятников Ханты-Мансийского автономного округа — Югра (Стефанова, Борзунов, 2002; Барсова гора..., 2002; Чемякин, Карачаров, 2002; Чемякин, Зыков, 2004; Борзунов, Чемякин, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006; Чемякин, 2008) и более сорока лет со времени выхода в свет первых фундаментальных исследований по кулайской культуре (культурно-исторической общности, далее — КИО) раннего железного века лесной полосы Западной Сибири (Троицкая, 1979; Чиндина, 1984). Накоплен огромный фактический материал по западному ареалу кулайской КИО, в котором были открыты сотни поселенческих памятников, раскопаны десятки жилищ и хозяйственных построек сургутского и нижнеобского вариантов данной общности. В первых обобщающих работах эти территории представлены только единичными памятниками. Новые полевые и камеральные исследования скорректировали представления о генезисе и развитии кулайской КИО в Сургутском и Нижнем Приобье, Нижнем Прииртышье, бассейне Конды и верховьях Пура, а

также позволили предложить новую периодизацию древностей раннего железного века этих и сопредельных территорий. Последняя включает два этапа: белоярско-васюганский (VIII/VII–IV/III вв. до н.э.) и собственно кулайский (IV/III вв. до н.э. — III/IV вв. н.э.), также известный под названием “ярсалинский” (Чернецов, 1957; Федорова и др., 1991; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 34–44; Борзунов, Чемякин, 2006; Чемякин, 2008. С. 60–94). Напомню, что Л.А. Чиндина в рамках кулайской “эпохи” выделяет два этапа: раннекулайский, или васюганский (VI–II–I вв. до н.э.), и позднекулайский, саровский (II–I вв. до н.э. — V в. н.э.) (Чиндина, 1984. С. 120–124).

В отличие от ранее доминировавшей гипотезы о формировании кулайской КИО в результате обширных разнонаправленных миграций (Чиндина, 1984. С. 156–175. Рис. 48) предложена альтернативная концепция. Суть ее сводится к тому, что “новые материалы свидетельствуют в пользу автотонного формирования культур (или локальных вариантов) данной общности на большей части таежного Приобья. То есть там, где в эпоху бронзы были распространены культуры общно-

сти гребенчато-ямочной керамики. Что касается миграций среднеобского кулайского населения, то они были направлены в основном на юг и юго-восток Западной Сибири — в Омское Прииртышье, Томское и Верхнее Приобье. Переселения из Среднего Прииртышья на запад и северо-запад — в Нижнее Приобье и на Конду маловероятны. Говоря о переменах, происходивших в кулайское время в западносибирских лесах, их “можно кратко определить двумя словами: унификация и прогресс”” (Борзунов, Чемякин, 2006. С. 86; также см.: Федорова, 2000. С. 57; Агаркова и др., 2016. С. 110–114).

В определенной степени изменились представления и об этнолингвистической принадлежности древних таежных племен Приобья. В свое время сибирские археологи и этнографы, вслед за В.Н. Чернецовым, связывали кулайскую культуру-общность с самодийским или с нерасчлененным угро-самодийским “этносом” (Чернецов, Мошинская, 1954. С. 189; Чернецов, 1971. С. 105; Чиндина, 1984. С. 171–175). Между тем, скорее всего, это было грандиозное полиэтническое объединение, в котором значительная часть лесных кулайских племен в западной половине ареала, включая Сургутское Приобье и южную часть Нижнего Приобья, могла быть преимущественно угроязычной (Чемякин, Карачаров, 2002. С. 44; Троицкая, Новиков, 2004. С. 65; Чемякин, 2008. С. 93), а в восточной половине и на крайних северных территориях обитали в основном представители самодийских коллективов.

Помимо этого, в Сургутском и Нижнем Приобье были обнаружены кулайские могильники, а главное — серия погребальных объектов с исключительно богатым инвентарем. Последние и являются предметом нашего анализа. Подробные сведения о них опубликованы в ряде местных изданий (Чиндина, 1984; Зыков, Федорова, 2001; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 40–47; Бельтикова, 2002; 2008; Борзунов, Зыков, 2003; Чемякин, Зыков, 2004; Борзунов, Чемякин, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006; Чемякин, 2008; Карачаров, 2011;

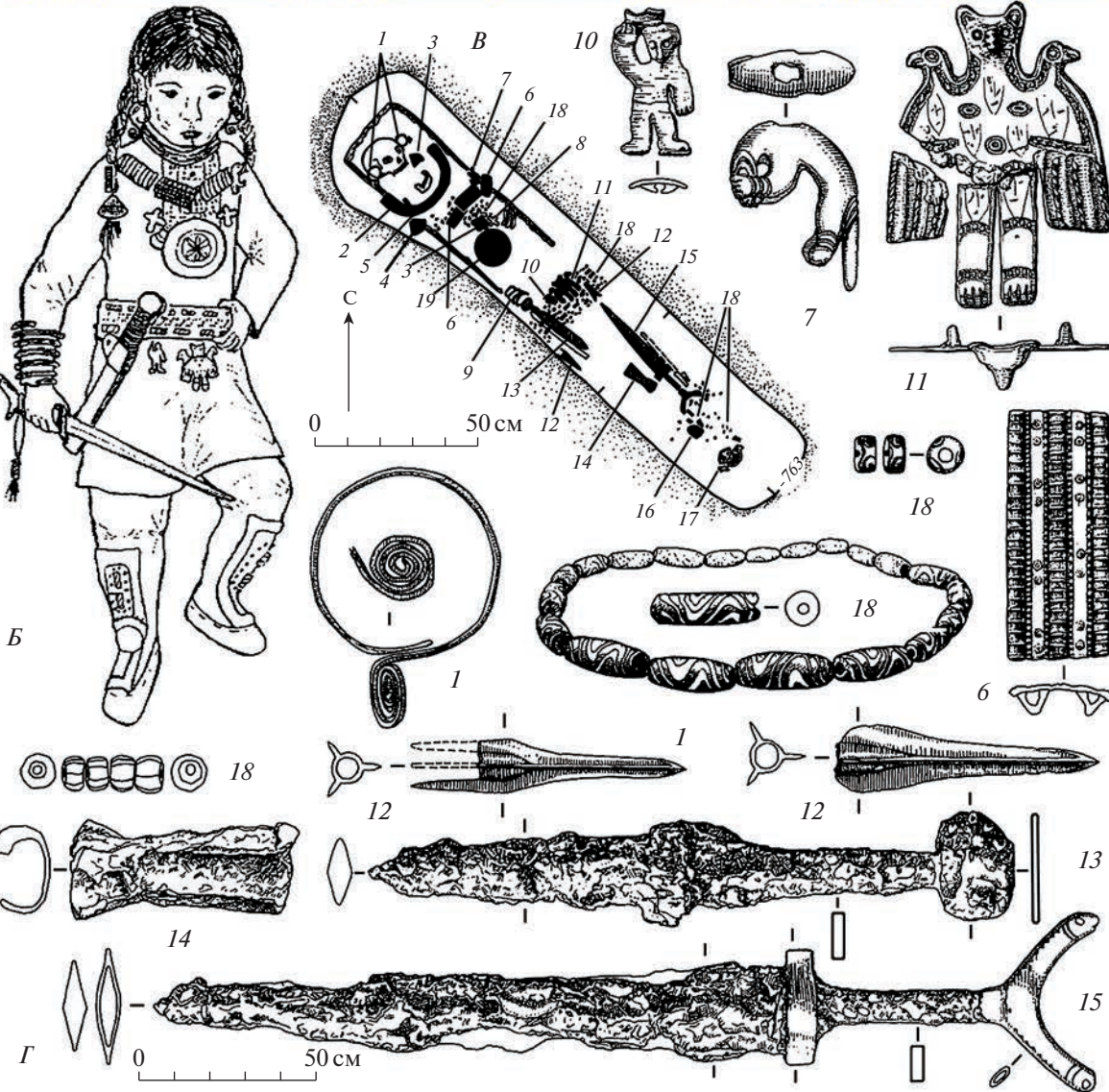
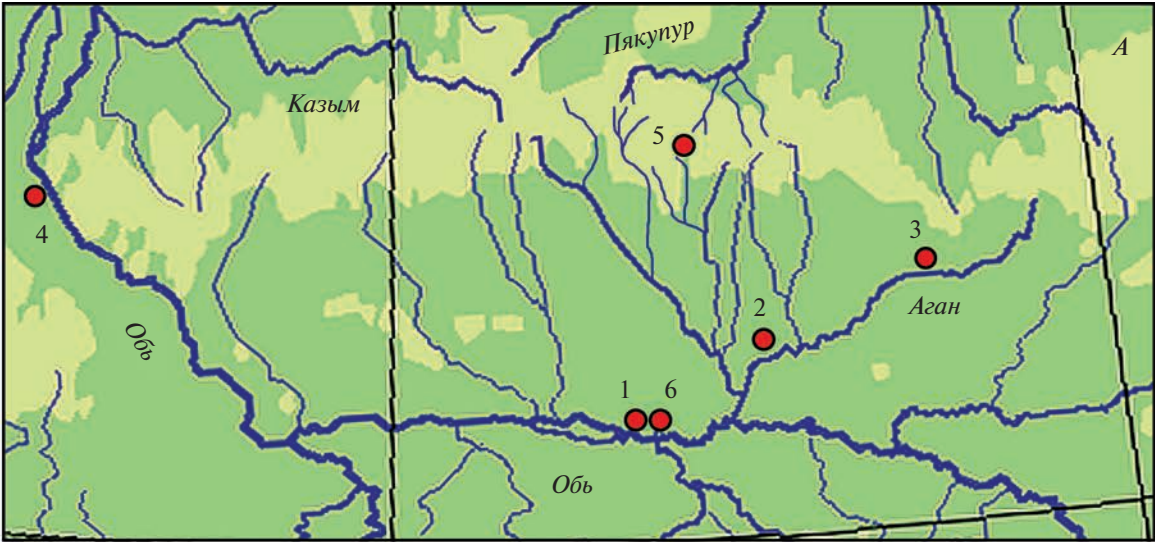
2017; Агаркова и др., 2016; и др.), а также на страницах журнала “Российская археология” (Бельтикова, Борзунов, 2017). В целом же данный комплекс мало известен за пределами Западной Сибири.

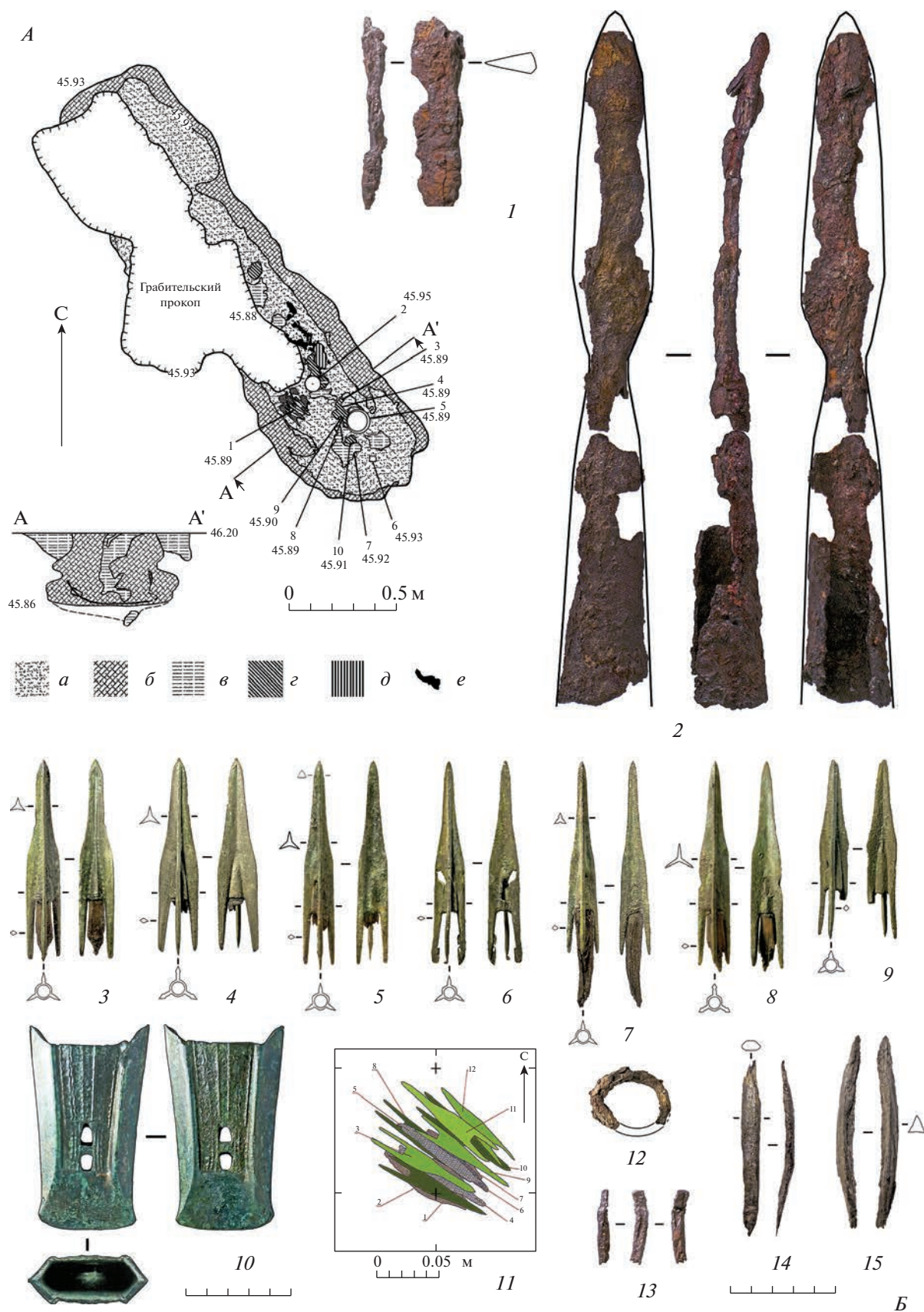
Ниже приведены краткая характеристика и анализ шести уникальных погребальных объектов без детализации состава находок с приложением некоторых иллюстраций (рис. 1–8).

Кулайские погребальные объекты и клад. В 1986 г. автор статьи проводил раскопки городища белоярской культуры Барсов Городок I/3, находящемся у западной окраины г. Сургута в известном урочище Барсова Гора. В процессе работ во внутреннем рву укрепления открыто погребение II–III вв. н.э., для расчистки которого был привлечен А.П. Зыков. Захоронение относилось к сургутскому варианту кулайской КИО, отличалось богатым привозным (Прикамье, Средняя Азия, Причерноморье, Египет, Китай) и местным инвентарем. В состав погребального комплекса входило 394 изделия, включая железное и бронзовое оружие, предметы культа, украшения из цветных металлов, а также 367 импортных стеклянных бус и небольшой круглодонный глиняный горшок. В узкой могиле вытянуто на спине был захоронен мальчик лет шести с монголоидными чертами лица (определение антрополога В.А. Дремова), облаченный в тканую нижнюю и верхнюю меховую одежду (анализ археолога Т.Н. Глушковой), скорее всего, сын местного “князя-богатыря” (рис. 1, Б, В). По-соседству, во внешнем рву, находилась могила бедного общинника, похороненного по сходному обряду. В яме найдены хорошо сохранившийся костяк, кулайский глиняный горшочек, медная ажурная птицевидная отливка, два осколка импортных бронзовых зеркал, невыразительные подвески из медной витой проволоки на деревянных стерженьках, обломки мелкого украшения из такой же проволоки и пара галек — возможно, грузил от рыболовной сети (Борзунов, Зыков, 2003. С. 103–112. Рис. 1–7; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 70–71. Рис. 16, 1–23).

Рис. 1. Карта памятников с погребальными объектами кулайской элиты Сургутского и Нижнего Приобья; погребение 1 Барсовского III могильника: А — карта памятников: 1 — Барсовский III могильник, 2 — могильник Нивагальское 34, 3 — могильник Агрнъеган 1, 4 — Шеркалинский могильник, 5 — Холмогорский погребальный комплекс, 6 — клад на городище Барсов Городок I/20; Б — костюм мальчика-воина из погребения 1 Барсовского III могильника (реконструкция А.П. Зыкова) В, Г — план погребения 1 (север — магнитный) и находки из него: 1 — серебряные кольца (2 шт.), 2 — серебряная накладка, 3 — фрагменты бронзовых зеркал, 4 — подвески из распиленного зеркала с рифленным концентрическим орнаментом (2 шт.), 5 — бронзовая рифленая пронизка, 6 — бронзовые накладки гофрированные (2 шт.) и с гофрированно-жемчужным декором (1 шт.), 7 — бронзовая полая зооморфная подвеска, 8 — крестовидные изделия из медной проволоки, 9 — бронзовый витой браслет, 10 — бронзовая антропоморфная подвеска, 11 — бронзовая орнито-зоо-антропоморфная накладка-подвеска, 12 — медные или бронзовые наконечники стрел (2 шт.); 13 — железный кинжал, 14 — железный топор-кельт, 15 — железный кинжал с бронзовыми перекрестьем и навершием, 16 — серебряная фольга на бересте, 17 — глиняный горшок, 18 — стеклянные и сердоликовые бусы, бисер (367 шт.), 19 — бронзовое зеркало с лепестковой розеткой и циркульным декором; (см.: Борзунов, Зыков, 2003. Рис. 1–6; Чемякин, 2008. Рис. 83).

Fig. 1. Sites with grave goods of the Kulayka culture elite in the Surgut and Lower Ob River Region; grave 1 of the Barsov III burial ground: А — map of the sites; Б — a boy-warrior's costume from grave 1 (reconstruction by A.P. Zykov); В, Г — plan of grave 1 (magnetic North) and finds from it

Оба погребения были объединены в *Барсовский III могильник*. К данному памятнику также отнесены кулайские материалы, выделенные из коллекции расположенного в этом же месте средневекового некрополя Барсов Городок (Барсовский I могильник), в разные годы изучавшегося шведским ученым Ф.Р. Мартином, томским исследователем-политессыльным В.Ф. Казаковым и сотрудниками УрГУ А.П. Зыковым, Ю.П. Чемякиным, Н.В. Федоровой, В.А. Борзуновым (Арне, 2005. С. 48, 141. Рис. 324; Чемякин, Зыков, 2004. С. 14, 15, 155, 156; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 70, 71. Рис. 16, 1–23; Чемякин, 2008. С. 81–83).

В 1986 г. археолог УрГУ Г.В. Бельтикова при раскопках городища Барсов Городок I/20 (рис. 1, А, 6), расположенного в 1.5 км к востоку от Барсовского III могильника (рис. 1, А, 1), открыла *уникальный клад II–III вв. н.э.* В его состав входят 54 предмета, изготовленные в разное время в таежном Приобье и далеко за его пределами, в том числе — большая стеклянная глазчатая бусина, бронзовые цельнолитые и ажурные петельчатые пластины-накладки, возможно, использовавшиеся как детали доспеха-нагрудника, поясные крючки, эполетообразные поясные застёжки, votivные объемные фигурки, обломок железного кузнечного молотка — древнейшего в таежном Приобье привозного орудия такого типа из черного металла. Галина Викторовна определила эти вещи как остатки костюма человека, выступавшего в нескольких ипостасях — шамана, кузнеца, вождя и воина (Бельтикова, 2002). Между тем оружие среди этих находок не было. На мой взгляд, это были регалии, срезанные с ритуального облачения и пояса шамана-богатыря, помещенные в ямку диаметром 30 см, глубиной 15 см. Она была выкопана на руинах крепости, в западном углу разрушенного жилища 2. В противоположном углу той же постройки Г.В. Бельтикова раскопала позднекулайское погребение со следами ингумации (зубная эмаль, скопление кальцинированных костей) и характерным для представителя местной элиты сопровождающим инвентарем — плоской антропоморфной отливкой (“личина” воина в шлеме) и крестовидной петельчатой бляшкой из меди или бронзы, остатками кожаного пояса, украшенного гладкими металлическими накладками, а также с двумя кулайскими глиняными сосудами. Возможно, оно

принадлежало владельцу “шаманского костюма” (Бельтикова, 2008; Агаркова и др., 2016; Бельтикова, Борзунов, 2017). В отличие от данного клада, все остальные “собрания” вещей раннего железного века, открытые в таежном Приобье (Истяцкий, Мурлинский, Парабельский, Кривошеинский, Васюганский, Холмогорский и др. “клады”), в действительности являлись святилищами или разрушенными могильниками.

В 2003 и 2009 г. в Сургутском Приобье, в Нижневартовском р-не ХМАО — Югры, в бассейне р. Аган, левом притоке р. Тромъеган, местные жители обнаружили два могильника с разрушенными кулайскими погребениями I–IV вв. н.э.: *Агрньеган 1* и *Нивагальское 34* (рис. 1, А, 2, 3). Первый памятник, сильно пострадавший при строительстве автодороги, стационарно изучался в 2003 г. К.Г. Карачаровым. Второй объект был обследован в 2011 г. Е.А. Даниловым и П.С. Бахаревым. Последним был заложен небольшой раскоп на месте погребения 1, поврежденного кладоискателями. Материалы погребений изучены и опубликованы Константином Геннадьевичем.

Доставшийся ученым погребальный инвентарь обоих памятников (соответственно, 235 и 73 находки) включает четыре категории предметов: железное и бронзовое оружие, культовые отливки из цветного металла, украшения из стекла, бронзы, меди, серебра и даже золота, глиняную и бронзовую утварь (рис. 2–5). По составу и количеству импортных и кулайских предметов эти захоронения сходны с вышеназванными погребальными объектами Барсовой Горы. Кроме того, по оценке сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург), кандидата биологических наук П.А. Косинцева, в материалах первого могильника представлены кости не менее двух особей северного оленя, возможно, являвшиеся остатками заупокойных тризн.

Антрополог Д.И. Ражев определил, что собранные части скелетов из некрополя Агрньеган 1 принадлежали четырем людям, умершим в возрасте от 16 до 25 лет. В свою очередь, в погребении 1 могильника Нивагальское 34, заложенном на руинах укрепленного жилища эпохи энеолита III тыс. до н.э., был захоронен индивид возрастом 20–25 лет, пол которого не установлен. При жизни человек не страдал от анемии и значительного

Рис. 2. Могильник Нивагальское 34. Погребение 1: А — план и разрез (север — истинный/географический); Б — находки: 1 — фрагмент клинка с острием; 2 — обломки наконечника копья; 3–9, 14, 15 — наконечники стрел; 10 — топор-кельт; 11 — скопление наконечников стрел из меди/бронзы и кости; 12 — фрагмент кольцевидного навершия; 13 — стержень; 1, 2, 12, 13 — железо; 3–11 — медь, бронза, дерево; 11, 14, 15 — кость. Условные обозначения: а — темно-серый песок, насыщенный тленом (стенки и дно могилы); б — перемешанный желто-коричневый песок с углями (заполнение могилы); в — белый и серый оподзоленный песок (подзол); г — темный коричнево-серый тлен (органика); д — светло-желтый перемешанный песок (нора); е — следы красной краски (см.: Данилов, 2011. Рис. 4; Карачаров, 2011. С. 82–85. Илл. 23–26; 2017. С. 90. Рис. 3, 6, 7, 10).

Fig. 2. The Nivagalskoye 34 burial ground. Grave 1: А — plan and section (true/geographic North); Б — finds

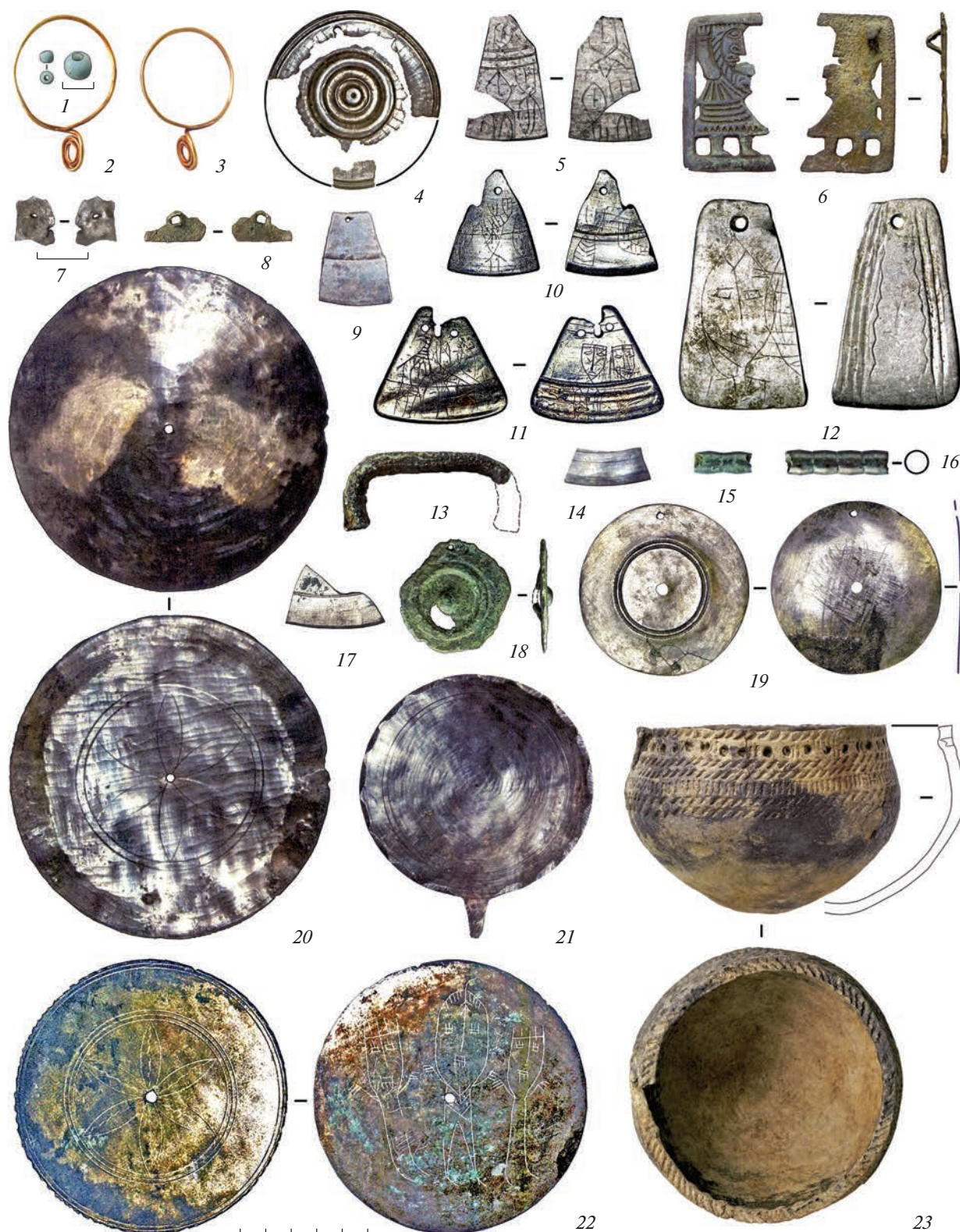

Рис. 3. Могильник Нивагальское 34. Инвентарь из погребений 1 (1–8, 10, 11, 13–23, предположительно – 9) и 2 (12): 1 – бусина, 2, 3 – височные кольца, серьги, 4 – сломанное зеркало, 5, 9–12 – подвески из разрезанных зеркал, 6 – ажурная пластина-накладка с изображением человека, 7, 8 – предметы неопределенного назначения, 13 – ручка котла, 14, 17 – обломки зеркала, 15, 16 – трубчатые гофрированные пронизки, 18 – бляха (подвеска-накладка), имитирующая зеркало, 19, 20, 22 – выпукло-вогнутые бляхи-зеркала с отверстием в центре, 21 – зеркало с насадом, 22 – глиняный горшок; 1 – стекло, 2, 3 – золото, 7 – серебро, 4–6, 8–22 – медь, бронза, 23 – глина (см.: Карачаров, 2011. Ил. 4–11, 15, 17–20, 22, 23, 27; 2017. Рис. 4, 1, 2; 9; 11, 1).

Fig. 3. The Nivagalskoye 34 burial ground. Goods from graves 1 (1–8, 10, 11, 13–23, presumably 9) and 2 (12)

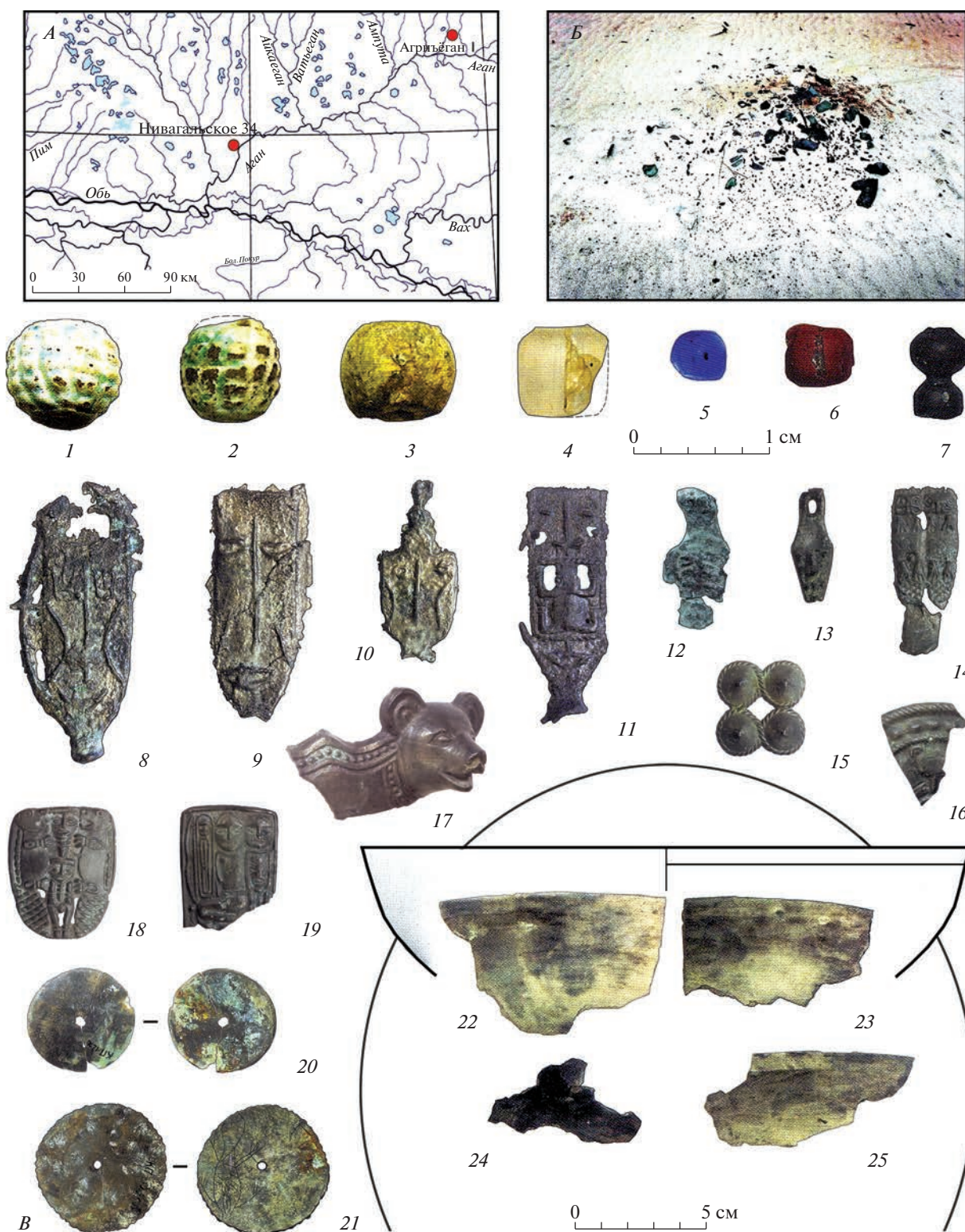

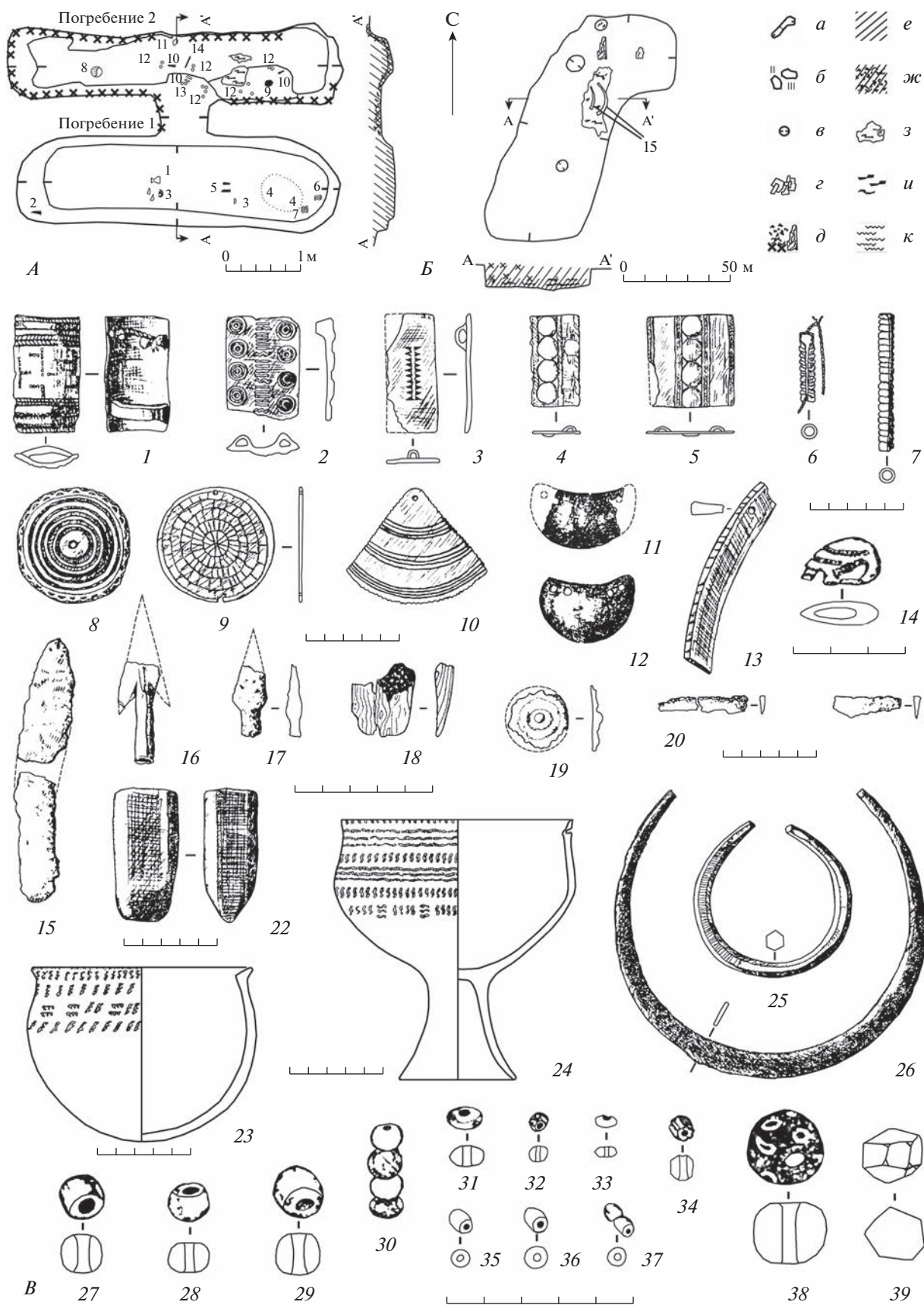
Рис. 4. Могильник Агрньеган I: *A* – местонахождение памятника; *B* – разрушенные погребения; *B* – инвентарь: 1–7 – бусины, 8–10 – антропоморфные личины, 11 – личина с “оттиском” зооморфной бляхи, 12 – птицевидная отливка, 13 – подвеска с антропоморфными личинами, 14 – отливка в виде пары бобров, 15 – поясная бляха-накладка, 16 – фрагмент эполетообразной застежки с изображением головы медведя между лапами, 17 – обломок бляхи с изображением головы медведя, 18 – бляха с изображением антропоморфных персонажей, фланкированных фигурами бобров, 19 – бляха с изображением “семейной сцены”, 20, 21 – выпукло-вогнутые бляхи-зеркала с отверстием в центре, 22–25 – фрагменты чаши; 1–7 – стекло, паста; 8–25 – цветной металл (см.: Первалова, Карачаров, 2006. С. 62–71; Карачаров 2017. Рис. 1).

Fig. 4. The Agrnyogan I burial ground: *A* – location of the site; *B* – destroyed graves; *B* – goods

Рис. 5. Могильник Агрньеган I. Инвентарь из погребений: 1 – наконечник копья, 2–4 – наконечники стрел, 5 – топор-кельт, 6–8 – биметаллические кинжалы в бронзовых ножнах (8 – реконструкция К.Г. Карачарова и В.Н. Широкова), 9 – втулка-обойма, 10–13 – фрагменты котла; 1–5 – железо, 6–8 – железо, бронза; 9–13 – медь, бронза (см.: Перевалова, Карачаров, 2006. С. 67–69, 71).

Fig. 5. The Agrnyogan I burial ground. Grave goods

истощения, но имел на позвоночнике следы остеохондроза, вследствие постоянных резких наклонов туловища. В центральной части ямы сохранились пятна охры, указывающие на некие покровы или деревянные детали гробовища, окрашенные в красный цвет (Перевалова, Карачаров, 2006. С. 62–71; Карачаров, 2011; 2017; Борзунов, 2016. С. 40. Рис. 5).

В 1980 и 1981 г. Л.А. Чиндина и Е.А. Васильев на *Шеркалинском могильнике*, расположенном в низовьях Оби, в 3 км от с. Шеркалы Октябрьского района ХМАО – Югры (рис. 1, А, 4), исследовали двойную могилу с местным кулайским и привозным инвентарем (61 предмет), сопоставимым с материалами богатых погребений Сургутского Приобья (рис. 6). Судя по остеологическим и обугленным древесным остаткам, умершие лежали вытянуто, на спинах, в узких деревянных ящиках-рамах, днища которых были выстланы берестой. Рядом вскрыта третья, частично разрушенная, могила с костями человека и единичными вещами, а также три круглые ямки с остатками кремации и жертвенного комплекса (Чиндина 1984. С. 50–58. Табл. 3; 4).

Холмогорский культово-погребальный комплекс (рис. 1, А, 5). В 1976 г. на песчаной гряде в водоразделе Оби и Пура, близ оз. Сорымлор, на территории Холмогорского месторождения нефти при установке буровой вышки № 30 бригадир монтажников В.Н. Мосиенко обнаружил “клад” металлических вещей переходного времени от раннего железного века к средневековью. Он расчистил их, составил схематический план объекта и сообщил о своей находке археологам УрГУ. На обследование памятника выехала Н.В. Федорова. После изучения местонахождения, состава и расположения артефактов Наталья Викторовна и А.П. Зыков интерпретировали данный комплекс как остатки богатого коллективного захоронения кукол-иттарма, помещенного в неглубокую прямоугольную яму ($1.60 \times 0.65 - 0.70 \times 0.40$ м). В состав погребальных даров (193 шт.) входило большое количество оружия, разнообразных украшений, votивных предметов и фрагменты бронзового котла. Предполагается, что к головам кукол были пришиты небрежно отлитые бронзовые “личины” (рис. 7; 8). По всей видимости, эти

манекены олицетворяли знатных воинов конца III – первой половины IV в., погибших на чужбине (Зыков, Федорова, 2001). Сходные объекты с куклами, бронзовыми и деревянными “личинами” продолжали сооружаться в Сургутском Приобье в VII–XV вв. (Карачаров, 2002; Борзунов, 2003; Зыков, 2012. С. 84. Рис. 45; 46).

Исторические, фольклорные и этнографические источники свидетельствуют о далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации в средневековых таежных обществах Сургутского и Нижнего Приобья, известных в летописных источниках как “югра”, а также фиксируют наличие в них представителей “княжеской”, воинской и шаманской прослоек (Бахрушин, 1935; Кулемзин, 2004). Прямо и косвенно это подтверждают материалы местных могильников и городищ VII/VIII–XVII вв. (Стефанова, Борзунов, 2002; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 48–65; Зыков, Кокшаров, 2001; Зыков, 2012). Опубликованы характеристики воинской элиты (Патканов, 1891; 1892) и “шаманского сословия” *остяков* – предков ханты и манси. При этом отмечено, что в отличие от других сибирских народов, шаманство у обских угров имело слабо развитые формы (Кулемзин, 1976; 2004; Кулемзин, Лукина, 1977; Мифы..., 1990; Косарев, 2003).

Вместе с тем раскопки памятников кулайской КИО дают возможность установить более ранний генезис института наследственной верховной власти и шаманства в таежном Приобье.

Л.А. Чиндина, автор монографического исследования по кулайской культуре (1984), выделила одну из главных черт начала железного века в западносибирской тайге: утверждение системы грабительских войн, имевших целью захват более сильными общинами и племенами добычи у соседей, а также завоевание территорий с богатыми угодьями для основания своих поселений. Свидетельствами этого являются городища со сложными фортификациями, выполнявшие функцию укреплений и культовых центров, а также святилища и могильники с большим количеством инвентаря, в первую очередь оружия, символизировавшего “силу и богатство” зарождавшегося воинского сословия. Имущественная дифференциация была особенно заметна в богатых кулай-

Рис. 6. Могильник Шеркалинский: А, Б – планы и разрезы погребений 1–2 и 3 (север – магнитный): 1 – глиняный сосуд на поддоне, 2 – изделие из железа, 3 – полая бронзовая зооморфная подвеска-пронизка, 4, 12, 13 – бусы из стекла и пасты, 5, 10 – бронзовые гофрированные пронизки, 6, 7 – бронзовые бляхи-накладки с жемчужным орнаментом, 8 – глиняный горшок, 9, 11 – дисковидные бляхи с concentрическим декором, 14 – обломки железного ножа?, 15 – части бронзовой гривны; условные обозначения: а – погребения, б – ямы, в – ямка, г – уложенные камни, д – угли, обугленные плахи, е – выщелоченный песок, ж – углистый песок (темно-серая супесь), з – береста, и – береста в разрезе, к – зола; В – инвентарь из погребально-жертвенного комплекса (1 – 3, 8, 11, 13, 16, 25, 27), погребений 1, 2 (4–7, 9, 14, 19–21, 23, 24, 28–37), 3 (26) и культурного слоя могильника вне погребений (10, 12, 15, 17, 18, 22, 38, 39); 1–14, 16, 19, 25, 26, 39 – медь, бронза; 15, 17, 20, 21 – железо; 18 – дерево; 22 – камень; 23, 24 – глина; 27–38 – стекло, паста (см.: Чиндина, 1984. С. 50–56. Табл. 5. Рис. 21–24).

Fig. 6. The Sherkaly burial ground: А, Б – plans and sections of graves 1–2 and 3; В – finds from the burial-sacrificial complex, graves 1–2, 3 and the layer outside the burials

ских погребениях могильника Каменный Мыс в Новосибирском Приобье (Троицкая, 1979. С. 58; Чиндина, 1984. С. 151. 152). Кроме того, Людмила Александровна предположила, что “судя по изображению воина из Парабельского клада, богатству облачения и оружия Истяцкого, Холмогорского, Парабельского кладов, по-видимому, в конце кулайской эпохи зарождается культ героя-богатыря, особенно ярко проявившийся уже в релкинское время” (Чиндина, 1984. С. 152), в период раннего средневековья.

Охарактеризованные выше богатые погребальными комплексы Сургутского и Нижнего Приобья, исходя из хронологии представленных в них самых поздних вещей, формируются в финале развития кулайской КИО, во II–III/IV вв. н.э. В них представлены и более ранние материалы, в том числе первые железные изделия, престижные привозные украшения из цветного металла, а также импортные стеклянные бусы и бисер, произведенные на рубеже эр. Возможно, самой древней находкой среди них является большая полихромная “глазчатая” бусина из барсовогогорского клада, имеющая аналогии в материалах скифского курганного могильника IV–III вв. до н.э. “Три Брата” (“Огоньки”) близ Керчи (Агаркова и др., 2016. С. 61, 100–103. № 14; Бельтикова, Борзунов, 2017. С. 128, 135, 135. Рис. 3, 4).

Аналогичных погребальных комплексов эпох камня и бронзы на данных территориях не выявлено.

Богатые захоронения и клад резко контрастируют на фоне рядовых погребений из тех же и других кулайских могильников Сургутского и Нижнего Приобья, а также бассейна Конды (Барсовский VII, Сырой Аган 13, 16, Старый Катыш и др.). В каждой из “бедных” могил найдено от одного до шестнадцати предметов, причем не таких ярких (Чемякин, Степанова, 1994; Шорин, 2006; Баранов, 2008; Чемякин 2008. С. 81–84; Расторпов, 2014. С. 248–250).

Более представительными в Сургутском и Нижнем Приобье являются собрания артефактов из культовых мест второй половины I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., открытых на руинах городищ Барсов Городок I/9 (не менее 156), Усть-Полуй (79), Ус-Нел на р. Ялбынья, Няксимволь I на р. Северная Сосьва (более 70), а также из святилища Йипыгойки у пос. Хурumpaуль на той же реке, сакральных объектов близ поселения Вуграсян-Вад на

р. Ляпин и ритуального комплекса кулайской культуры на Большом Соровском озере. В них содержатся “подношения”, прямо указывающие на формирование в это время воинской элиты и культа воина — бронзовые “личины” в острокопечных и круглых шлемах, железное и бронзовое оружие, элементы доспеха, многочисленные привозные сакральные вещи и украшения (Чемякин, 2008. С. 84; Кардаш, 2008; Ширин, Яковлев, 2010; Няксимволь..., 2014).

Эти материалы позволяют выдвинуть гипотезу о наличии в составе обско-угорских лесных обществ конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. элиты, возможно, даже наследственной, представители которой были наделены функциями “князей-богатырей”, глав родов и общин, воинов и служителей культа.

Как правило, знатные люди и их сородичи проживали в небольших, сильно укрепленных — по местным меркам — резиденциях, защищенных бастионно-башенными фортификациями и глубокими рвами. Идея строительства таких деревоземляных “крепостей” была, скорее всего, заимствована таежным угорским и угро-самодийским населением у лесостепных угро-иранских племен (Корякова, 1988. С. 167–169; 1993. С. 32, 33, 41, 55–58; Матвеева, 1993. С. 157; 1994. С. 124–128, 143; 1997; 2019) саргатской и гороховской культур, а теми, в свою очередь, в VI–III вв. до н.э. — у ираноязычных саков Приаралья (Борзунов, 2002; 2014). Рядовое население тайги обитало в селищах, расположенных вокруг береговых городищ и поодаль от них — в глубине коренных террас. Еще одна новая черта, присущая военно-потестарной верхушке местного общества: размещение могил вождей-“князей” и богатырей-шаманов на руинах городищ, иногда очень древних. По всей видимости, это было частью формирующегося воинского культа.

Появление бастионных городков и местной угорской элиты в конце I тыс. до н.э. и первые века н.э. было предопределено включением таежного Приобья в систему международной торговли. Главными элементами последней являлись “пушные” ответвления Великого шелкового пути, проложенные из Средней Азии, Причерноморья и Северного Кавказа через евразийские степи на север Западной Сибири по издревле существовавшим “информационным коридорам” и “торговым коммуникациям” — рекам Тоболу, Ишиму, Иртышу, Оби, Волге и Каме. В свою очередь,

Рис. 7. Холмогорский погребальный комплекс (“клад”): А — погребение кукол-иттарма (реконструкция А.П. Зыкова); Б — образцы некоторых изделий: 1–4, 7–13, 22–24 — “личины”, антропоморфные и зооморфные изображения, 5, 6 — бляхи с рельефными фигурами оленей и всадников, 14–17 — круглые бляхи-зеркала, в том числе с граффити, 18 — полное зооморфное навершие, 19, 20 — бляшки плоскоконические, 21 — котел, 25 — бусы; 1–14 — бронза, 25 — стеклянная паста (см.: Зыков, Федорова, 2001. С. 96–114. Рис. 12, 14, 19).

Fig. 7. The Kholmogory burial complex (“the hoard”): А — burial of *ittarma* dolls (reconstruction by A.P. Zykov); Б — samples of some products

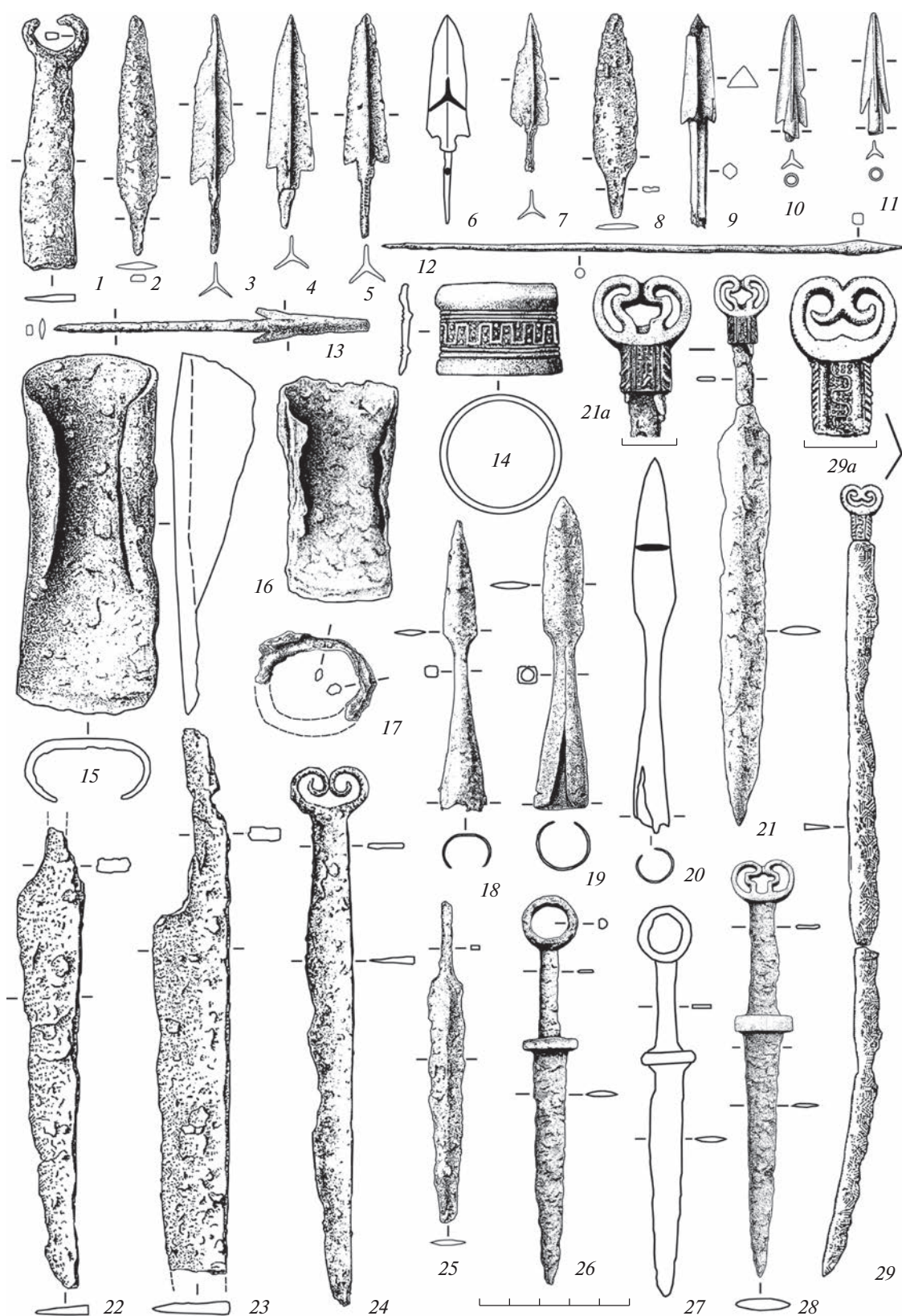

Рис. 8. Холмогорский погребальный комплекс ("клад"). Некоторые образцы оружия: 1 – рукоятка рубильного ножа, 2–11 – наконечники стрел, 12, 13 – наконечники копий, 14 – наконечник ножен палаша, 15, 16 – топоры-тесла (топоры-кельты), 17 – обойма ножен палаша, 21, 25–28 – кинжалы, 22, 23 – ножи, 24 – рубильный нож, 29 – палаш; 1–8, 12, 13, 15–20, 22–27 – железо, сталь, 9 – кость, 10, 11, 14 – бронза, 21, 28, 29 – железо, сталь, бронза (см.: Зыков, Федорова, 2001. С. 115–125, 142–143, 152–155).

Fig. 8. The Kholmogory burial complex ("the hoard"). Some items of weapons

продвижение “пушных дорог” в это время на север было обусловлено отсутствием в западносибирской лесостепи ценного пушного зверя и резким сокращением его в Приуралье в результате целенаправленной охоты, практиковавшейся лесными коллективами ананьинской КИО. Инициаторами этой торговли выступали “профессионалы” из греческих колоний Северного Причерноморья и “городских” центров саков Средней Азии, переправлявшие сухопутными караванными и водными путями на север Сибири и Урала в обмен на пушнину продукцию своих ремесленных центров. Посредниками в “международной” торговле в евразийских степях выступали скифы, савроматы, саки и сарматы, в лесостепи и на южной кромке тайги — пьяноборско-гладеновские общины Волго-Камья (предки удмуртов и коми), богатые саргатские роды Тоболо-Иртышья (древние предки венгров-мадьяр), разноэтничные племена скотоводов Новосибирского и Верхнего Приобья. Помимо южных товаров в тайгу попадали металлические изделия, производившиеся ремесленниками Приуралья и юго-востока Западной Сибири (Корякова, 1988. С. 166; Матвеева, 1993. С. 156–161; 1994. С. 125–126, 143–144; 2000; 2019; Борзунов, 2002; Ширин, 2003. С. 159; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 71–72; Чемякин, 2008. С. 92).

Образцом для “лучших людей” угорских и угро-самодийских обществ западносибирской тайги были, вероятно, отчасти близкие им по языку племена саргатской культуры, проживавшие в тоболо-иртышской лесостепи. Последние отличались четкой социальной стратификацией, вели активную торговлю с городами и государствами Средней Азии, совершали грабительские набеги на степняков и даже включали в состав своей элиты представителей ираноязычного населения. Богатство и высокое положение саргатских объединений демонстрируют их городища и курганные могильники (Корякова, 1988; Матвеева, 1993; 1994; 2000; Матвеева, Проконова, 2019; и др.). Кроме того, саргатские племена осуществляли успешную завоевательную политику в русле общего движения азиатских коллективов на запад (имеется в виду инициированное гуннами Великое переселение народов).

Накопление продукта, значительно превосходящего минимально необходимый для нормального функционирования первобытных общин и обусловившего формирование в приобской тайге богатого управленческого слоя, отделенного от остальной массы населения, произошло явно не за счет производящей экономики (земледелие, скотоводство), которой здесь не было. В этом заключается специфика формирования местной таежной элиты. Вожди кулайских коллективов, опиравшиеся на родовые традиции и силу набранных ими воинских формирований, принуди-

ли рядовое население усилить промысловую деятельность и резко изменили в свою пользу распределение получаемых “из-за границы” в обмен на пушнину ценных статусных вещей — металлических украшений, оружия, утвари, культового литья, стеклянных бус и прочих товаров. Правда, экипировка кулайского “дружинника” и даже “князя”-богатыря была довольно скромной, по сравнению с облачениями знатных воинов и военачальников лесостепных саргатских племен (Матвеева, Проконова, 2019), не говоря уже о доспехах и “царских” одеждах вождей скифо-сарматского степного мира.

В свою очередь, о моменте зарождения военно-потестарной элиты в обществах охотников-рыболовов обско-угорского мира свидетельствуют следующие факты. Судя по древнейшим медным фигуркам антропоморфов в шлемах и “солнечных коронах” (Чемякин, 2002. С. 230–231. Рис. 1, 23, 24; 2008. Рис. 47, 7; 58, 19, 26), самым ранним таежным бастионным укреплением (Борзунов, 2002. Рис. 3, 42; 9, Б), находке массивного броневой наконечника стрелы “кулайского типа” в очаге жилища позднего белоярского селища Барсова Гора II/38 (Чемякин, 2008. С. 71. Рис. 58, 22), первые признаки формирования образа воина-вождя-богатыря-духа и слоя воинской элиты в Сургутском Приобье фиксируются уже в финале белоярского периода, около V–IV вв. до н.э. Тогда же в сургутской тайге появились лошади — редкие престижные и сакральные животные. Они попали сюда, вероятно, с мигрантами из Тоболо-Иртышья — создателями калинкинской культуры VI–IV вв. до н.э. (Борзунов, Чемякин, 2006. С. 62–76, 82; Чемякин, 2008. С. 74–78, 93).

Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ, тема № FEUZ-2023-0018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаркова А.Б., Борзунов В.А., Труфанов А.Я. Клад кулайской культуры на Барсовой Горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея). Екатеринбург; Сургут: Караван, 2016. 128 с.
- Арне Т.И. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. 184 с.
- Баранов М.Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 219–238.
- Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Ред. А.Я. Труфанов, Ю.П. Чемякин. Сургут: Барсова гора, 2002. 224 с.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Ин-т народов Севера, 1935. 90 с.
- Бельтикова Г.В. Кулайский клад с Барсовой Горы // Клады: состав, хронология, интерпретация / Ред.

- Д.Г. Савинов, В.Н. Седых, Н.А. Лазаревская. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. С. 203–206.
- Бельтикова Г.В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов Городок I/20 // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 24–27.
- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Уникальный кулайский клад в Сургутском Приобье // Российская археология. 2017. № 4. С. 124–141.
- Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. 2002. № 3. С. 79–97.
- Борзунов В.А. Средневековый культовый комплекс с городища Барсов Городок I/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 113–120.
- Борзунов В.А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 12 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2014. С. 380–415.
- Борзунов В.А. Укрепленные поселения энеолита таежного Приобья // Российская археология. 2016. № 3. С. 34–44.
- Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры / Отв. ред. В.И. Стефанов, Е.В. Перевалова. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 68–108.
- Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековые и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Г.П. Визгалов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2002. С. 26–52.
- Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 9 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2011. С. 82–110.
- Карачаров К.Г. Погребение I могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Вып. VI / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 88–102.
- Кардаш О.В. Ритуальный комплекс кулайской культуры на Соровских озерах // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 209–218.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. 239 с.
- Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. Новосибирск, 1993. 72 с.
- Косарев М.Ф. Основа языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории шаманства / Отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: Томский гос. ун-т, 1976. С. 3–154.
- Кулемзин В.М. О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – XX вв.: этнографические очерки. Томск: Томский гос. ун-т, 1977. 226 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 176 с.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Российская археология. 1997. № 2. С. 63–77.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 339 с.
- Матвеева Н.П. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // Российская археология. 2019. № 1. С. 4–19.
- Матвеева Н.П., Проконова М.М. Воинские облачения из элитных погребений саргатской культуры (Западная Сибирь) // Stratum plus. 2019. № 3. С. 37–50.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Няксимволь / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2014. 200 с.
- Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1891. 74 с.
- Патканов С.К. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера // Живая старина. 1892. Вып. II. С. 92–97.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: Уральское отд. РАН: Графо, 2006. 352 с.
- Расторопов А.В. Исследование комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катмыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия / Отв. ред. Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 246–254.
- Стефанова Н.К., Борзунов В.А. Археология таежного Обь-Иртышья: Хроника полевых исследований на

- территории Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 136 с.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2004. 136 с.
- Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 54–66.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Вып. 20 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1991. С. 126–146.
- Чемакин Ю.П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Вып. 24 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2002. С. 214–245.
- Чемакин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Чемакин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.
- Чемакин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.
- Чемакин Ю.П., Степанова Г.А. Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой Горе // Сургут. Сибирь. Россия: тез. докл. / Отв. ред. Н.Н. Попов. Екатеринбург, 1994. С. 215–219.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 58). С. 136–245.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 2. М.: АН СССР, 1971 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. В4-12). 120 с.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана / Ред. Г.Б. Федоров. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 163–192.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Томский гос. ун-т, 1984. 256 с.
- Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог угорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2010. С. 21–62.
- Шорин А.Ф. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2006. С. 156–164.

ELITE BURIALS OF THE BEGINNING OF THE IRON AGE IN THE SURGUT AND LOWER OB RIVER REGION

Viktor A. Borzunov

^a Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

[#]E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Over the past four decades, in the taiga areas of the Surgut and Lower Ob River Region, six unique burial objects of the Early Iron Age with a large number of imported and local goods have been discovered: single graves, a hoard with shaman's regalia and a burial of *ittarma* dolls personifying a group of warriors who died in a foreign land. The studied sites belonged to representatives of the local elite. No similar complexes of the Stone and Bronze Ages have been found. This testifies to the presence of social stratification in the Ugrian and Ugrian-Samoyedic society of the western area of the Kulayka cultural-historical community (KCHC) in the 1st–4th centuries BC. Meanwhile, the emergence in the region of bastion-tower fortresses, anthropomorphic copper figurines in helmets and “solar” crowns, as well as the find of an arrowhead of the “Kulayka culture type” in a dwelling of the Beloyarskaya culture suggest that the formation of the image of a warrior-leader-bogatyr-spirit and of the military, property-owing and cult elite separated from the ordinary community members started perhaps even earlier — around the middle of the 1st millennium BC. The main prerequisite for these phenomena, as well as for the appearance of iron products in the taiga communities of the Ob River Region in the absence of a producing economy (animal husbandry, agriculture), was the involvement of hunters-fishers in the north of Western Siberia into the Eurasian economy as regular suppliers of furs.

Keywords: taiga, the Ob River Ugrians, the Kulayka culture, burials, a hoard, genesis of the elite.

REFERENCES

- Agarkova A.B., Borzunov V.A., Trufanov A.Ya., 2016. Klad kulayskoy kul'tury na Barsovoy Gore: katalog (iz sobraniya Surgutskogo kraevedcheskogo muzeya) [The hoard of the Kulayka culture on Barsova Gora: Catalogue (from the collection of the Surgut Museum of Local History)]. Ekaterinburg; Surgut: Karavan. 128 p.
- Arne T.Y., 2005. Barsov Gorodok. Zapadnosibirskiy mogil'nik zheleznogo veka [Barsov Gorodok. A West Siberian burial ground of the Iron Age]. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skiy rabochiy. 184 p.

- Bakhrushin S.V.*, 1935. Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh [Ostyak and Vogul principalities in the 16th–17th centuries]. Leningrad: Institut narodov Severa. 90 p.
- Baranov M.Yu.*, 2008. The Syroy Agan 13 burial ground of the Kulayka culture in the Surgut Ob River Region. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga Ob River Region]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 219–238. (In Russ.)
- Barsova gora: 110 let arkhеologicheskikh issledovaniy [Barsova Gora: 110 years of archaeological research]. A.Ya. Trufanov, Yu.P. Chemyakin, eds. Surgut: Barsova gora, 2002. 224 p.
- Bel'tikova G.V.*, 2002. The Kulayka culture hoard from Barsova Gora. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya [Hoard: composition, chronology, interpretation]*. D.G. Savinov, V.N. Sedykh, N.A. Lazarevskaya, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 203–206. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V.*, 2008. The Kulayka burial at the fortified settlement of Barsov Gorodok I/20. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga Ob River Region]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 24–27. (In Russ.)
- Bel'tikova G.V., Borzunov V.A.*, 2017. A unique Kulayka hoard in the Surgut Ob area. *Rossiyskaya arkhеologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 124–141. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2002. The Early Iron Age hillforts with bastion-tower fortifications in North Eurasia. *Rossiyskaya arkhеologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 79–97. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2003. Medieval cult complex from the fortified settlement of Barsov Gorodok I/20. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh [Images and sacred space of ancient epochs]*. N.M. Chairkina. Ekaterinburg: Akva-Press, pp. 113–120. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2014. Fortified settlements with bastion-tower fortifications of the Early Iron Age in the Urals and Western Siberia. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 12. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 380–415. (In Russ.)
- Borzunov V.A.*, 2016. Fortified Eneolithic settlements in the taiga zone of the Ob River valley. *Rossiyskaya arkhеologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 34–44. (In Russ.)
- Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P.*, 2006. Early Iron Age of the taiga Ob-Irtysh region: results and prospects of research. *Arkheologicheskoe nasledie Yugry [Archaeological heritage of Yugra]*. V.I. Stefanov, E.V. Perevalova, eds. Khanty-Mansiysk; Ekaterinburg: Charoid, pp. 68–108. (In Russ.)
- Borzunov V.A., Zykov A.P.*, 2003. The burial ground of Barovsky III – a new Kulayka site in the Surgut Ob River Region. *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh [Images and sacred space of ancient epochs]*. N.M. Chairkina, ed. Ekaterinburg: Akva-Press, pp. 103–112. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P.*, 2002. Bronze sculpture of the Early Iron Age from Barsova Gora. *Voprosy arkhеologii Urala [Issues of the Urals archaeology]*, 24. V.T. Kovaleva, ed. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 214–245. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P.*, 2008. Barsova Gora: ocherki arkhеologii Surgutskogo Priob'ya. *Drevnost' [Barsova Gora: Studies in the archaeology of the Surgut Ob River Region. Antiquity]*. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechaty. 224 p.
- Chemyakin Yu.P., Karacharov K.G.*, 2002. Ancient history of the Surgut Ob region. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov: materialy k atlasu [Studies on the history of traditional Khanty land use: Materials for the atlas]*. 2nd edition. Ekaterinburg: Tezis, pp. 5–74. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P., Stepanova G.A.*, 1994. A new stratified site of the Early Iron Age on Barsova Gora. *Surgut. Sibir'. Rossiya: tezisy dokladov [Surgut. Siberia. Russia: Abstracts]*. N.N. Popov, ed. Ekaterinburg, pp. 215–219. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P., Zykov A.P.*, 2004. Barsova gora: arkhеologicheskaya karta [Barsova Gora: An archaeological map]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechaty. 208 p.
- Chernetsov V.N.*, 1957. The Lower Ob River region in the 1st millennium AD. Review and classification of material. *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri [The culture of ancient tribes of the Urals and Western Siberia]*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 136–245. (Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR, 58). (In Russ.)
- Chernetsov V.N.*, 1971. Naskal'nye izobrazheniya Urala [Rock images of the Urals], 2. Moscow: AN SSSR. 120 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkhеologicheskikh istochnikov, V4–12).
- Chernetsov V.N., Moshinskaya V.I.*, 1954. In search of the ancient homeland of the Ugric peoples. *Po sledam drevnikh kul'tur. Ot Volgi do Tikhogo okeana [In the footsteps of ancient cultures. From the Volga to the Pacific]*. G.B. Fedorov, ed. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 163–192. (In Russ.)
- Chindina L.A.*, 1984. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza [Ancient history of the Middle Ob River region in the Iron Age]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 256 p.
- Fedorova N.V.*, 2000. Deer, dog, the Kulayka phenomenon and the legend of the sihirtia. *Drevnosti Yamala [Yamal antiquities]*, 1. Ekaterinburg; Salekhard, pp. 54–66. (In Russ.)
- Fedorova N.V., Zykov A.P., Morozov V.M., Terekhova L.M.*, 1991. Surgut Ob River region in the Middle Ages. *Voprosy arkhеologii Urala [Issues of the Urals archaeology]*, 20. V.T. Kovaleva, ed. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 126–146. (In Russ.)
- Karacharov K.G.*, 2002. Anthropomorphic dolls with masks of the 8th–9th centuries AD from the vicinity of Surgut. *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri [Materials and research on the history of Northwestern Siberia]*. G.P. Vizgalov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 26–52. (In Russ.)
- Karacharov K.G.*, 2011. A complex of items from the Early Iron Age found near the fortified settlement of Nivagalskoye 20 on the Agan River. *Khanty-Mansiyskiy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 9. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 82–110. (In Russ.)

- Karacharov K.G., 2017. Burial 1 of the Nivagalskoye 34 burial ground of the Kulayka culture. *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoy Sibiri [Archeology and history of North-western Siberia]*, VI. A.Ya. Trufanov, ed. Nefteyugansk; Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy, pp. 88–102. (In Russ.)
- Kardash O.V., 2008. Ritual complex of the Kulayka culture on Sorovskiy Lakes. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga Ob River region]*. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 209–218. (In Russ.)
- Koryakova L.N., 1988. Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [The Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 239 p.
- Koryakova L.N., 1993. Kul'turno-istoricheskie obshchnosti Urala i Zapadnoy Sibiri (Tobolo-Irtyshskaya provintsiiya na ranney i sredney stadiyakh zheleznoogo veka): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk v forme nauchnogo doklada [Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh province in the early and middle stages of the Iron Age): Doctoral Thesis in History presented as a scientific report]. Novosibirsk. 72 p.
- Kosarev M.F., 2003. Osnova yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam [The foundations of a pagan worldview: Based on Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga-100. 352 p.
- Kulemzin V.M., 1976. Shamanism of the Vasyugan-Vakh Khanty (late 19th – early 20th century). *Iz istorii shamanstva [From the history of shamanism]*. N.V. Lukina, ed. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 3–154. (In Russ.)
- Kulemzin V.M., 2004. O khantyyskikh shamanakh [On Khanty shamans]. Tartu: ELM. 210 p.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V., 1977. Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – XX vv.: etnograficheskie ocherki [Vasyugan-Vakh Khanty in the late 19th – 20th centuries: Ethnographic studies]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 226 p.
- Matveeva N.P., 1993. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [The Sargatka culture in the Middle Tobol region]. Novosibirsk: Nauka. 176 p.
- Matveeva N.P., 1994. Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya [The Early Iron Age of the Ishim River region]. Novosibirsk: Nauka. 152 p.
- Matveeva N.P., 1997. Trade contacts between Western Siberia and Central Asia in the Early Iron Age. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 63–77. (In Russ.)
- Matveeva N.P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) [Social and economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones)]. Novosibirsk: Nauka. 339 p.
- Matveeva N.P., 2019. The Gorokhovo culture in the system of the Trans-Ural antiquities of the Early Iron Age. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 4–19. (In Russ.)
- Matveeva N.P., Prokonova M.M., 2019. Military clothes from the elite burials of the Sargatka culture (Western Siberia). *Stratum plus*, 3, pp. 37–50. (In Russ.)
- Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, and fairy tales of the Khanty and Mansi]. N.V. Lukina, comp., E.S. Novik, ed. Moscow: Nauka, 1990. 568 p.
- Nyaksimvol' [Nyaksimvol]. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, 2014. 200 p.
- Patkanov S.K., 1891. Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam [The type of Ostyak bogatyr based on Ostyak epic tales and heroic legends]. St. Petersburg: Imperatorskoe Russkoe geograficheskoe obshchestvo. 74 p.
- Patkanov S.K., 1892. The Ostyak epic tale about the heroes of the ancient city Emdar. *Zhivaya starina [Living antiquity]*, II, pp. 92–97. (In Russ.)
- Perevalova E.V., Karacharov K.G., 2006. Reka Agan i ee obitateli [The Agan River and its inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: Ural'skoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk: Grafo. 352 p.
- Rastoropov A.V., 2014. Research on the complex of archaeological sites in the Konda River region near the village of Stary Katysh. *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya [Issues of conservation and use of cultural heritage]*. G.P. Vizgalov, O.V. Kardash, eds. Ekaterinburg: Magellan, pp. 246–254. (In Russ.)
- Shirin Yu.V., Yakovlev Ya.A., 2010. Martyrology of Ugric archaeology. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 8. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 21–62. (In Russ.)
- Shorin A.F., 2006. The Kulayka burial ground of Syroy Agan 16 in the Surgut Ob River region. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 3. Ya.A. Yakovlev, ed. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy universitet, pp. 156–164. (In Russ.)
- Stefanova N.K., Borzunov V.A., 2002. Arkheologiya taezhnogo Ob'-Irtysh'ya: Khronika polevykh issledovaniy na territorii Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga [Archaeology of the taiga Ob-Irtysh region: Chronicle of field research on the territory of Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Ekaterinburg: Akademkniga. 136 p.
- Troitskaya T.N., 1979. Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Kulayka culture in the Novosibirsk Ob River region]. Novosibirsk: Nauka. 124 p.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V., 2004. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny: uchebnoe posobie [Archaeology of the West Siberian Plain: Study guide]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 136 p.
- Zykov A.P., 2012. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya: Srednevekov'e i novoe vremya [Barsova Gora: studies on the archaeology of the Surgut Ob River region: the Middle Ages and Modern period]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy. 232 p.
- Zykov A.P., Fedorova N.V., 2001. Kholmogorskiy klad: Kolleksiya drevnostey III–IV vekov iz sobraniya Surgutskogo khudozhestvennogo muzeya [The Kholmogory hoard: Collection of antiquities of the 3rd–4th centuries AD from the Surgut Arts Museum]. Ekaterinburg: Sokrat. 176 p.
- Zykov A.P., Koksharov S.F., 2001. Drevniy Emdar [Ancient Emdar]. Ekaterinburg: Volot. 320 p.

ОСНОВАНИЕ НАВЕРШИЯ МЕЧА ИЗ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕКОРА

© 2023 г. Н. А. Макаров^{1,*}, Е. С. Коваленко^{2,**}, М. М. Мурашев^{2,***},
К. М. Подурец^{2,****}, С. Ю. Каинов^{3,*****}, О. А. Кондратьев^{2,*****},
П. В. Гурьева^{2,*****}, И. Е. Зайцева^{1,*****}, А. Н. Федорина^{1,*****},
Е. Ю. Терещенко^{2,4,5,*****}, Е. Б. Яцишина^{2,5,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²НИЦ “Курчатовский институт”, Москва, Россия

³Государственный исторический музей, Москва, Россия

⁴Институт кристаллографии ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН, Москва, Россия

⁵НИЦ “Курчатовский институт” — ИРЕА, Москва, Россия

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: Kovalenko_ES@nrcki.ru

***E-mail: Murashev_MM@nrcki.ru

****E-mail: Podurets_KM@nrcki.ru

*****E-mail: skainov@mail.ru

*****E-mail: Kondratev_OA@nrcki.ru

*****E-mail: Gureva_PV@nrcki.ru

*****E-mail: izaitseva@yandex.ru

*****E-mail: nasfed@yandex.ru

*****E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

*****E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru

Поступила в редакцию 23.08.2022 г.

После доработки 02.10.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье представлены результаты синхротронной и нейтронной визуализации уникальной находки — железного основания навершия меча, обнаруженного в ходе работ Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН на селище Крапивье 10 в округе Суздаля. Исследования проведены в НИЦ “Курчатовский институт”. Их задачей было восстановление рисунка частично сохранившегося декора на сильно корродированном предмете с помощью неразрушающих методов. В результате работ был выявлен инкрустированный декор из серебряной и медносплавной проволоки, позволивший определить тип навершия (тип V, согласно типологии Я. Петерсена) и его датировку (середина — вторая половина X в.). Находка является одной из самых ранних на селище Крапивье 10, небольшом поселении в глубине овражных систем, возникающем в середине — второй половине XI в.

Ключевые слова: Древняя Русь, Суздальское Ополе, навершие меча, нейтронная и синхротронная визуализация, рентгенофлуоресцентное картирование.

DOI: 10.31857/S0869606323020125, EDN: RGAGZT

Мечи и их части — редкие находки на поселениях и в могильниках средневековой Руси, представленные далеко не во всех исторических областях, известных как центры формирования властных отношений в X–XI вв. В Суздальском Ополе до последнего времени такие находки были неизвестны: в дневниках А.С. Уварова нет записей о

находках мечей в курганах¹, их фрагменты отсутствуют и среди многочисленных предметов во-

¹ А.Н. Кирпичников отмечает упоминание меча (?) и навершия меча (?) в публикациях А.С. Уварова и П.С. Савельева (Кирпичников, 1966, с. 23), однако оба этих предмета точно не определены, не идентифицированы в коллекциях и, очевидно, не связаны с суздальской частью обширного региона, охваченного раскопками 1851–1854 гг.

оружия, собранных при обследовании суздальских селищ (Шполянский, 2017).

В 2019 г. в ходе полевых работ Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН на поселении Крапивье 10 в округе Суздаля было найдено железное основание составного навершия меча (№ 333/10). Крапивье 10 — небольшое селище площадью 1.5 га в верховьях одной из мелких овражных систем, выходящих к р. Каменке в нескольких километрах от Суздаля. Оно было обнаружено в ходе разведок, ориентированных на полное выявление средневековых поселений в ближайших окрестностях Суздаля, на участках, где ранее уже были открыты и документированы селища и могильники X—XIII вв., в том числе памятники, выделяющиеся крупными размерами.

Полевые работы на селище проводились в течение трех лет (2019—2021 гг.) и включали сбор подъемного материала из распаханного культурного слоя с фиксацией координат находок. Установлено, что культурные отложения на поселении имеют небольшую мощность (0.3—0.4 м), местами они пропаханы до материка. На селище собрано 105 предметов из металла, камня и около 300 фрагментов лепной и круговой средневековой керамики (рис. 1). Вещевой материал из сборов включает металлические украшения и детали костюма (фибулы, подвески, бубенчики, перстни, пуговицы, поясные пряжки и кольца), христианские предметы (кресты-подвески), орудия труда и бытовые вещи (ножи, пряслица, топор, фрагменты замков, ключ), отдельные предметы вооружения (наконечник стрелы), обычные для суздальских поселений XI—XII вв., и несколько предметов, принадлежащих к редким типам, не имевшим массового распространения. К таким находкам и относится железное основание составного навершия меча, изучению которого посвящена работа.

Основание навершия имеет овальную в плане и трапециевидную в профиле форму и размеры $8 \times 2.5 \times 2$ см (рис. 2). Предмет полый. На нижней пластине имеются три отверстия: в центральной части прямоугольное для крепления черена рукояти и по бокам два округлых для фиксации верхней части навершия. Находка покрыта коркой продуктов коррозии, из-под которой в некоторых местах на внешней боковой стороне видны детали линейного декора, выполненные белым металлом, предположительно, серебром.

Изучение предмета естественно-научными методами проведено в Национальном исследовательском центре “Курчатовский институт”. Задачей исследования было восстановление сохранившегося рисунка декора с помощью неразрушающих методов.

В работе использовались взаимодополняющие методы синхротронной и нейтронной визуализации, а также рентгенофлуоресцентное картирование участков поверхности с декором (например, Зайцева и др., 2020; Коваленко и др., 2020). Применение как рентгеновской, так и нейтронной визуализации связано с тем, что серебро имеет существенно больший коэффициент ослабления рентгеновских лучей и нейтронов по сравнению с железом. Рентгеновская томография проводилась на томографе X5000 (NSI) при напряжении на трубке 200 кВ, размер пикселя составлял 15×15 и 40×40 мкм в зависимости от геометрии эксперимента. Для формирования спектра трубки применялся фильтр из меди толщиной 2 мм. Синхротронная томография проводилась на томографической станции на канале К6.3 Курчатовского источника синхротронного излучения “КИСИ-Курчатов”. Энергия излучения в максимуме спектра составляла около 56 кэВ, размер пикселя был равен 25×25 мкм. Нейтронная томография проводилась на установке ПОНИ на исследовательском реакторе ИР-8. Использовался немонахроматический пучок тепловых нейтронов с максимумом спектра около длины волны 0.1 нм, размер пикселя составлял 65×65 мкм. Рентгенофлуоресцентное картирование участков поверхности выполнено на анализаторе M4 Tornado (Bruker), напряжение на трубке с родиевым анодом составляло 50 кВ, размер пучка на образце составлял 25 мкм, шаг сканирования — 19 мкм, энергетическое разрешение — 135 эВ.

На томографических сечениях, полученных с помощью тепловых нейтронов и рентгеновской трубки (размер пикселя 40×40 мкм), наблюдается корка продуктов коррозии, ее толщина изменяется от 0.3 до 2.5 мм, в среднем составляет 0.5 мм (рис. 3, 1). В толще металла наблюдаются области с пониженным коэффициентом ослабления как для нейтронов, так и для рентгеновских лучей, по-видимому, представляющие собой скопления шлаков, не удаленных из металла при ковке (рис. 3, 2). Эти скопления имеют форму, вытянутую вдоль длинной стороны изделия, с толщиной 0.5—3 мм и продольными размерами до 1 см. Внутри некоторых скоплений наблюдаются округлые поры диаметром до 0.5 мм. На нижней пластине различаются три сквозных отверстия, частично скрытых под слоем продуктов коррозии (рис. 3, А, Б, Е, З). Центральное отверстие имеет прямоугольную форму и размеры 15×5 мм. По бокам от него расположены два округлых отверстия диаметром 5.5—5.7 мм. В одном из округлых отверстий сохранился фрагмент штифта, скрепляющего основание с верхней частью навершия (рис. 3, 4).

Детали узора на нейтронных изображениях почти неразличимы, так как материал узора по

Рис. 1. Селище Крапивье 10. Индивидуальные находки.
Fig. 1. The settlement of Krapivye 10. Individual finds

Рис. 2. Основание навершия меча из Крапивья 10. Длина шкалы — 3 см. (фото Н.Д. Угулавы).

Fig. 2. The pommel base of the sword from Krapivye 10. Scale length — 3 cm. (photo by N.D. Ugulava)

коэффициенту ослабления близок к продуктам коррозии (рис. 3, *В, Д*). Напротив, на рентгеновских изображениях узор хорошо контрастен относительно окружающего вещества (рис. 3, *З, К*). Томография основания навершия с помощью рентгеновской трубки (размер пикселя 40×40 мкм) позволила выявить основные зоны сохранности орнамента. Сохранившиеся участки орнамента практически полностью сосредоточены вблизи ребер внешней боковой стороны предмета в уплощенной ее части. В центральной части боковой поверхности орнамент разрушен, наблюдаются только отдельные штрихи длиной до ~ 1 мм. На торцах основания навершия орнамент также практически утрачен. На левом торце (по рис. 2) в слое коррозии наблюдается единственный фрагмент проволоки длиной около 1.4 мм.

Для детальной реконструкции сохранившегося узора было проведено синхротронное томографическое исследование в скользящей геометрии — прохождение излучения в приповерхностных слоях предмета позволило исключить появление артефактов восстановления внутренней структуры из-за сильного поглощения в толще металла. Таким образом обеспечивалась визуализация приповерхностных слоев, для которых, с одной стороны, поглощение не столь велико, как для массива металла, а с другой стороны, именно в этих слоях и залегает декор. Томография выполнялась для участков протяженностью ~ 3 см вдоль длинной стороны предмета, перекрытие участков составило около 1 см. Выявление декора проводилось путем выделения серии томографических сечений, параллельных поверхности предмета и

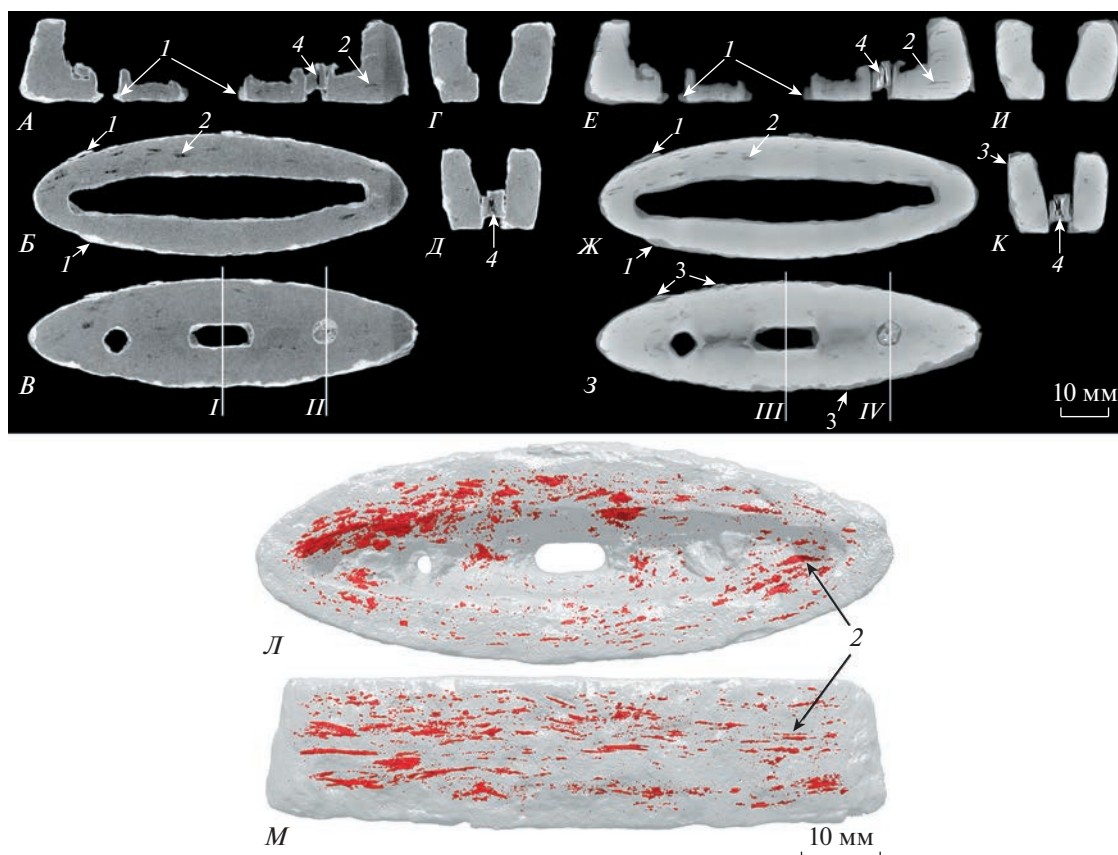

Рис. 3. Нейтронные (А–Д) и рентгеновские (Е–К) томографические сечения, показывающие коррозионную корку (1), шлаковые включения в металле (2), проволоки инкрустации (3) и фрагмент крепежного штифта (4); распределение шлаковых включений по объему основания наперствия (Л, М). I–IV – расположение сечений, показанных на Г, Д, И, К соответственно.

Fig. 3. Neutron (A–D) and X-ray (E–K) tomographic sections showing a corrosion crust (1), slag inclusions in metal (2), inlay wires (3) and a fragment of a fastening pin (4); distribution of slag inclusions over the volume of the pommel base (L, M). I–IV – the location of the sections is shown in G, D, I, K respectively

включающих область расположения узора, с последующим построением карты максимальных значений ослабления рентгеновских лучей по этой серии сечений, в результате чего исключалось влияние неплоскостности поверхности предмета. Полученные таким образом изображения участков поверхности сшивались между собой для создания карты всей поверхности предмета (рис. 4, А, В).

В результате на исследуемом предмете был выявлен геометрический узор, выполненный из проволоки (рис. 4, В, Г). Часть проволок видна снаружи, но большинство их находятся внутри коррозионного слоя на глубине до ~400 мкм от поверхности. Ширина и толщина проволоки, которой выполнен декор, составляет 150–250 мкм. Узор состоит из чередующихся полей треугольной формы, заполненных линиями длиной до 5 мм и штрихами, вытянутыми вдоль линий и имеющими длину до 0.5 мм. Длина повторяемо-

сти узора – около 3.5 мм. Значительная часть узора утрачена.

Для уточнения геометрии проволок, составляющих узор, было проведено исследование участка объекта с высоким пространственным разрешением. Работа выполнена на рентгеновском томографе X5000 при размере вокселя $15 \times 15 \times 15$ мкм. Обнаружено, что в большинстве штрихов проволоки имеют спиралевидную форму, их длина соответствует от 0.5 до 1 оборота спирали (рис. 5).

Химические элементы, которые регистрируются на боковой поверхности основания наперствия, имеют распределение нескольких типов (рис. 6, А–Г). Серебро и его примеси (Au, Cu, Hg, As, Mg, Bi) распределены в материале проволок. Карты распределения этих элементов совпадают с томографическим изображением узора. Рентгенофлуоресцентный анализ показал, что металл инкрустации представляет собой серебро высокой пробы с небольшим содержанием меди (около 4% вес.) и с примесями золота и магния (в сум-

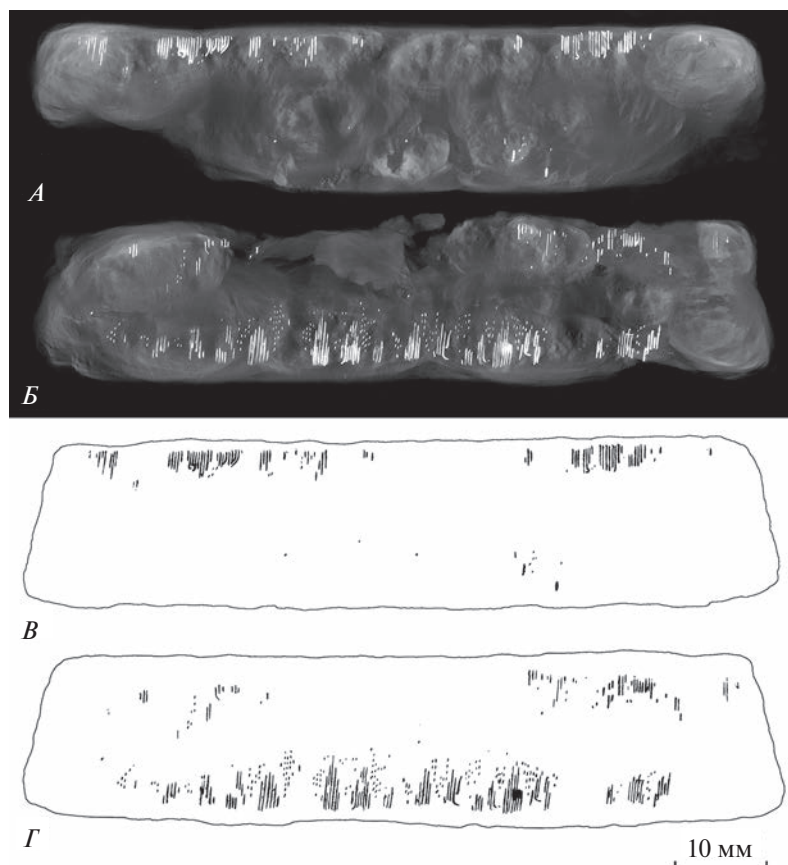

Рис. 4. Карта распределения максимумов ослабления в приповерхностном слое боковой поверхности предмета (А, Б) и восстановление вида сохранившегося декора (Б, Г). Ракурс соответствует рис. 2.

Fig. 4. Map of the distribution of maxima attenuation in the near-surface layer of the lateral surface of the object (A, B) and reconstruction of the preserved decor appearance (B, Γ). The view angle corresponds to Fig. 2

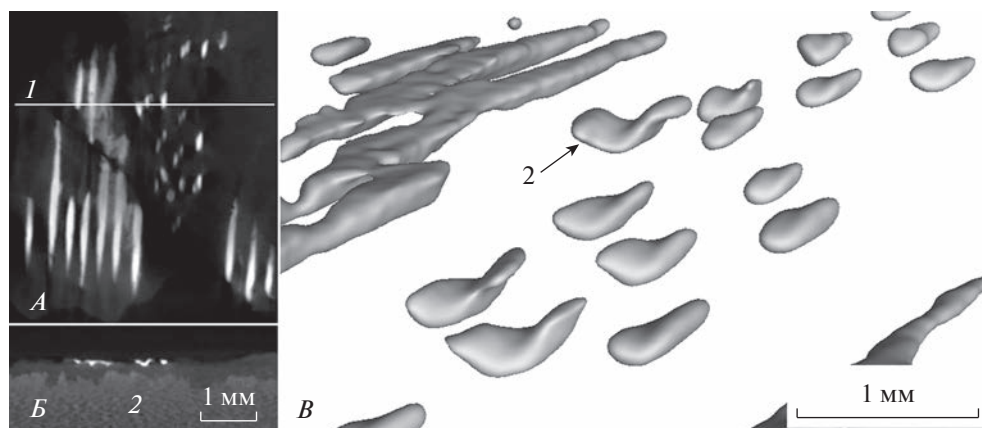

Рис. 5. Ортогональные томографические сечения, демонстрирующие спиральность проволок в штрихах (А, Б), трехмерное представление фрагмента орнамента с зонами линий и штрихов (В); 1 – положение сечения, показанного на Б; 2 – единственный штрих.

Fig. 5. Orthogonal tomographic sections demonstrating the helicity of the wires in strokes (A, B); 3D representation of an ornament fragment with zones of lines and strokes (B); 1 – the location of the section shown in position B; 2 – a single stroke

ме менее 1%), ртути, мышьяка и висмута (в сумме менее 0.5%). Железо и его примеси (марганец, стронций) распределены в основном материале навершия, и карты его распределения являются

негативом по отношению к узору. Вещества, составляющие загрязнения, распределены равномерно по всей поверхности предмета (Al, Ca, Cl, P, K, S, Si, Ti, V). Карты распределения меди и

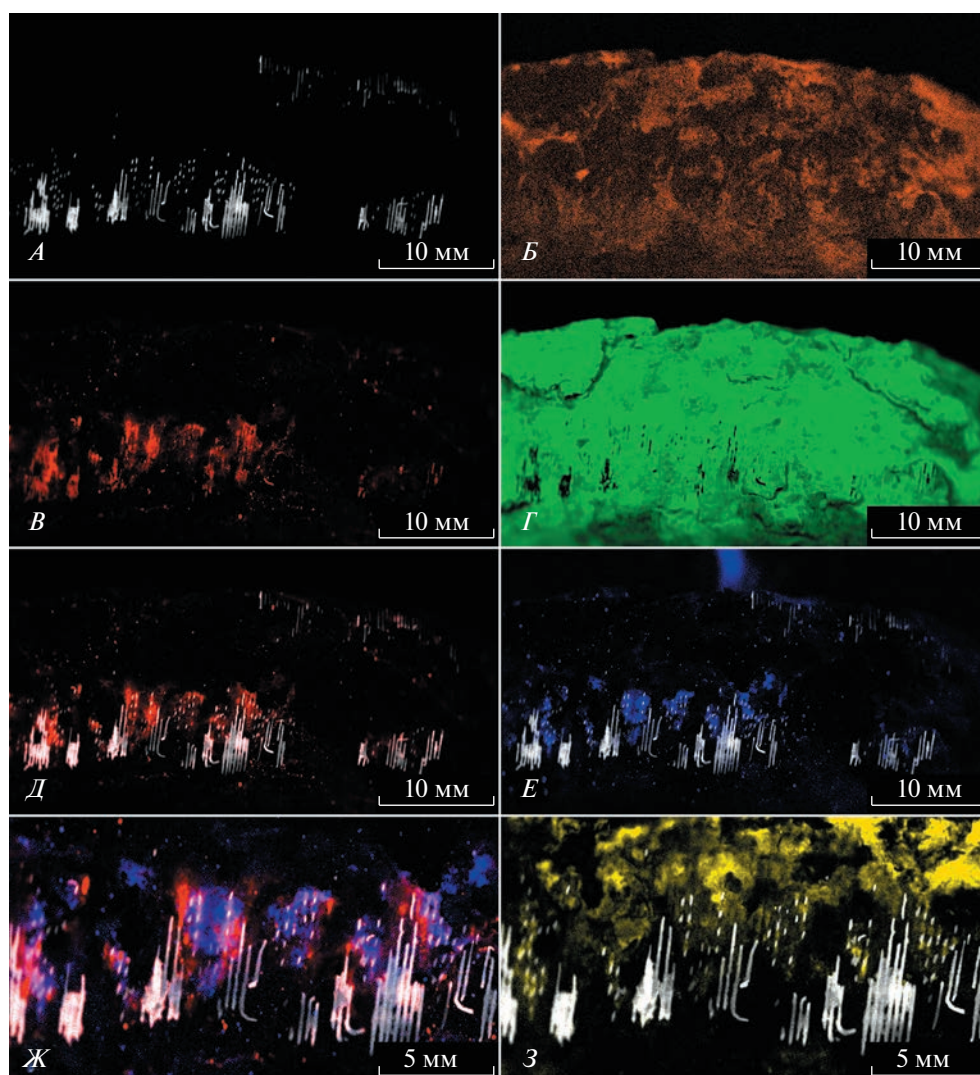

Рис. 6. Карты распределения флуоресцентных сигналов серебра (А), алюминия (Б), меди (В) и железа (Г); сравнение распределения флуоресцентного сигнала серебра с сигналами меди (Д), цинка (Е), меди и цинка (Ж), мышьяка (З). Условные обозначения: белым цветом показано серебро, красным — медь, синим — цинк, желтым — мышьяк.

Fig. 6. Distribution maps of fluorescent signals: those of silver (А), aluminum (Б), copper (В), and iron (Г); comparison of the distribution of the fluorescent signal of silver with those of copper (Д), zinc (Е), copper and zinc (Ж), and arsenic (З). White shows silver, red shows copper, blue shows zinc, and yellow shows arsenic

цинка отличаются от перечисленных типов. Медь и цинк преобладают в областях узора, где наблюдаются серебряные штрихи (рис. 6, Д, Е). На некоторых участках поверхности предмета наблюдается полосчатая картина распределения мышьяка, характерный период которой соответствует периоду чередования проволок основного орнамента (рис. 6, З), что свидетельствует о наличии ранее узора на той области предмета, где узор в настоящее время утрачен. Следует отметить, что вывод о наличии мышьяка и отсутствии свинца проводился на основании измерений интенсивности линий $AsK_{\beta 1}$ и $PbL_{\beta 1}$, что позволило избежать трудности, связанной с наложением линий $AsK_{\alpha 1}$ и $PbL_{\alpha 1}$ (Merkel, 2016).

В результате проведенного исследования можно утверждать, что навершие меча из Крапивья 10 декорировано орнаментом, сохранившимся лишь фрагментарно. Наилучшую сохранность имеет часть рисунка, выполненная серебряными проволоками. Сопоставление формы серебряных штрихов и практически совпадающих карт распределения меди и цинка (рис. 6, Ж) позволяет с большой вероятностью предположить, что область орнамента, в которой наблюдаются серебряные штрихи, была выполнена перевитыми проволоками из серебра и медного сплава (латуни?). Указаниями на то, что внешняя боковая поверхность предмета была декорирована полностью, а не участками, являются небольшие фрагменты

серебряных проволок в центральной части основания навершия (рис. 4), а также полосчатая структура, выявленная в карте распределения мышьяка (рис. 6, 3) и распространяющаяся на участки, где серебряный декор не сохранился. Природа образования такой структуры неясна, однако ее связь с исходным орнаментом очевидна. Утрата орнамента может быть связана как с его истиранием во время использования меча, так и с коррозионными процессами при нахождении предмета в грунте. Известно, что нахождение меди в среде, содержащей хлорид железа, способствует ее разрушению (Пахомов, 2013), а в составе исследуемого навершия обнаружен хлор. Сходную сохранность, при которой медная часть декора утрачена, имеет рукоять меча из клада с Брилёвского поля (Курганов, Горлов, Плавинский, 2019). Для этого же меча в составе материала на инкрустированной поверхности отмечено наличие мышьяка.

Выявленная орнаментация представляет собой инкрустацию цветным металлом, выполненную методом всечки в железную основу детали. Поверхность детали насечали вертикальными канавками (в данном случае под небольшим углом около 5 градусов), в которые затем вбивали отрезки проволоки из цветного металла. Плотность укладки инкрустации — около 30 проволок на 1 см. Использование проволоки из разных металлов позволяло получать полихромную поверхность. Насколько позволяет судить сохранность, орнаментальная композиция, занимающая все фронтальное пространство детали, состоит из двух обращенных друг к другу рядов вытянутых в вертикальной проекции ступенчатых треугольников и расположенных между ними ромбов. Треугольники сформированы отрезками серебряной проволоки (9 проволок в одном треугольнике), ромбы составлены из жгутиков, скрученных из двух проволок — одной серебряной, второй — из медного сплава (возможно, латуни). Отсутствие следов серебра на узком промежутке между треугольниками и ромбами, а также присутствие в этой зоне рентгенофлуоресцентного сигнала меди (рис. 6, Ж), позволяет предполагать, что здесь находились несохранившиеся проволочки из медного сплава (рис. 7). Таким образом получалась полихромная поверхность, сочетающая белый, желтый и красный цвета.

Подобная технология нанесения орнаментации, а также ее композиционное решение характерны для мечей типа V по типологии Я. Петерсена. В качестве одной из аналогий может быть указан меч из кургана Дн-4/1984 Гнездовского могильника, сооруженного во второй половине 70-х годов X века (Kainov, 2012. S. 52. Fig. 39, 3, 5; Авдусин, Пушкина, 1989. С. 203). Схожая орнаментация расположена на деталях меча, найденного в 2011 г. в Днепре около о-ва Хортица, также

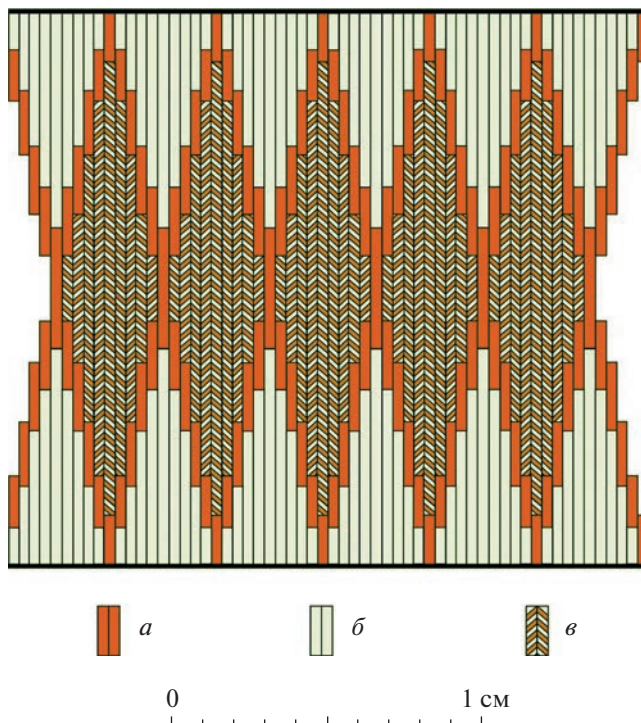

Рис. 7. Реконструкция орнаментации основания навершия меча из Суздальского Ополя (автор С.Ю. Кайнов). Условные обозначения: *а* — медный сплав (латунь?), *б* — серебро, *в* — медный сплав (латунь?) + серебро.

Fig. 7. Reconstruction of the pommel base ornamentation of the sword from Suzdal Opolye by S.Yu. Kainov

относящегося к типу V (рис. 8, А) (Остапенко, Саричев, 2016).

От классических мечей типа V основание навершия из Крапивья отличают сильно скошенные боковые грани, придающие детали трапециевидную форму. Подобные основания наверший известны у некоторых мечей типа Т-2 (по типологии Я. Петерсена) (например, Петерсен, 2005. С. 181. Рис. 121). Хотя стоит отметить, что боковые скошенные грани на основаниях наверший мечей типа Т-2 не прямые, как у опольской находки, а разной степени выпуклости. Также ни у одного меча типа Т-2, чье типологическое определение не вызывает вопросов, не зафиксировано орнаментации, аналогичной выявленной на детали меча из Ополя.

Известно по крайней мере два меча типа V с трапециевидной формой основания навершия. Практически идентичное по форме основание навершия установлено на мече, по всей видимости, происходящем из разрушенного могильника у деревни Черма (Гловский р-н, Псковская обл., РФ) (Кирпичников, 2000) (рис. 8, Б). Орнаментация деталей этого меча, судя по рисунку, также состоит из сочетания треугольников и ромбов.

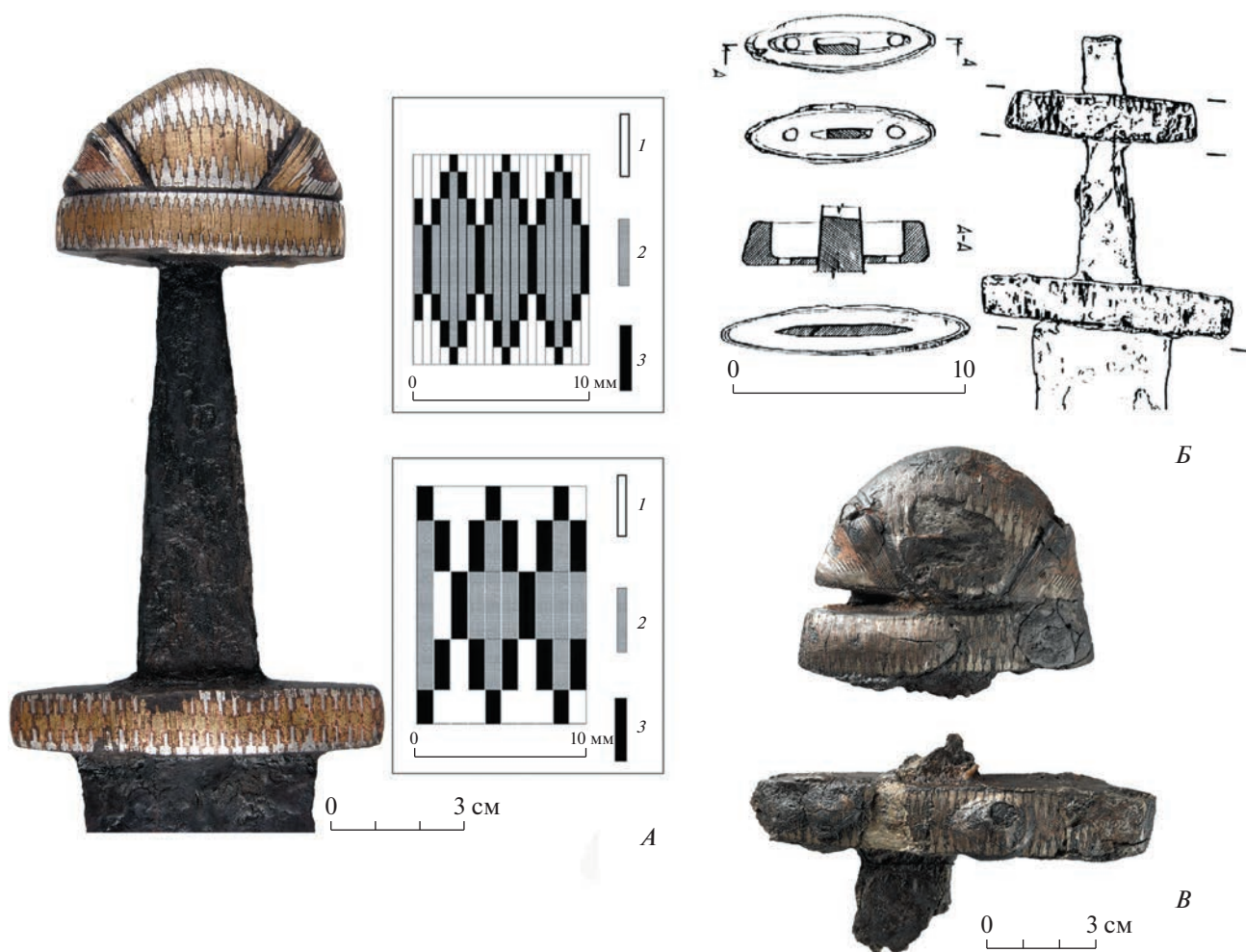

Рис. 8. Орнаментированные навершия и перекрестия мечей: *A* — меч, найденный в русле р. Днепр около о-ва Хортица; схема орнамента на головке навершия и перекрестии: 1 — серебро, 2 — латунь, 3 — медь (по Остапенко, Саричев, 2016. Рис. 9, 11, 12); *B* — рукоять меча, предположительно из разрушенного могильника у д. Черма (Гдовский р-н, Псковская обл., РФ); *B* — навершие и перекрестие меча из погребения K/XXV могильника Каупанг (Норвегия). Источник фотографии — <https://www.unimus.no/portal/#/photos/06d88924-c66d-4626-a518-93e044cf72fb> (дата обращения 24.04.2022). Фотограф — K. Helgeland.

Fig. 8. Decorated pommels and guards: *A* — the sword found in the bed of the river Dnieper near the island of Khortitsa. The ornament pattern on the pommel top and the guard: 1 — silver, 2 — brass, 3 — copper (after Ostapenko, Sarichev, 2016. Fig. 9, 11, 12); *B* — the sword hilt, presumably from a destroyed burial ground near the village of Cherma (Gdov district, Pskov Region, Russia); *B* — the pommel and guard of the sword from burial K/XXV of the Kaupang cemetery (Norway). (Photo from: <https://www.unimus.no/portal/#/photos/06d88924-c66d-4626-a518-93e044cf72fb> (accessed on 24.04.2022). Photo by K. Helgeland)

Еще один меч типа V с аналогичной формой основания навершия и очень похожей орнаментацией найден в погребении K/XXV могильника Каупанг (Норвегия) (рис. 8, *B*) (Blindheim, Heyerdahl-Larsen, 1995. Pl. 36, a).

Я. Петерсен, основываясь, главным образом на норвежском материале, датировал мечи типа V первой половиной X века (Петерсен, 2005. С. 181). Ф. Андрощук, опираясь на шведские, исландские и древнерусские находки, относил мечи этого типа к середине — второй половине X в. (Андрощук, 2013. С. 74). Второй половиной X в. датируются четыре меча типа V, найденные в Гнездовском

могильнике (Kainov, 2012. S. 41–54). По мнению Ф. Андрощук, большая часть мечей типа V позднесвикинговского периода производилась в Хедебю (Андрощук, 2013. С. 182).

Вещевая коллекция, собранная на селище, содержит предметы, распространенные в XI — первой половине XII в., в том числе подковообразные фибулы с гранеными головками и концами, оформленными в виде розеток (рис. 1, 8), прямоугольные и лировидные пряжки (рис. 1, 11), два узкопластинчатых перстня, три грушевидных крестопрорезных бубенчика (рис. 1, 9, 10), лопасть креста скандинавского типа, лопасть креста

с диском на конце, ключ типа А с круглой лопаточкой (рис. 1, 13). Среди ранних предметов, верхняя хронологическая граница которых не выходит за рамки XI в., миниатюрная наборная подвеска в виде одноглавого конька (рис. 1, 2) и перстневидная подвеска с шумящими привесками (рис. 1, 3). Для датирования селища важна находка денария-подвески (Англия, король Кнут, 1019–1023 гг., определение П.Г. Гайдукова; рис. 1, 1). Среди других значимых хроноиндикаторов XI в. — фрагмент уздечного разделителя с зооморфными личинами, выполненными по североевропейским мотивам (рис. 1, 5). Находки аналогичных разделителей с личинами происходят из одного из погребений XI в. в Лютомерском могильнике и культурного слоя городища Тум (Лечице) в Польше (Grygiel, Stasiak, Trojan, 2014. SS. 489, 698, 699; S. 515. Рис. 289, 4. 709. Рис. 16). Период бытования многих предметов, представленных в коллекции, охватывает весь XII в., однако атрефакты — хроноиндикаторы второй половины XII в. в ней отсутствуют.

В керамической коллекции селища около 10% составляет лепная керамика, бытование которой в Суздальском Ополе продолжалось до конца XI в. С учетом этих материалов, возникновение поселения может быть отнесено ко времени между серединой и концом XI в. Жизнь на поселении продолжалась до середины XII в., возможно, этот период частично охватывал и вторую половину XII в. Во второй половине XII в. поселение было перенесено на 100 м к северу, на противоположную сторону оврага, где локализуется селище Крапивье 12 с датировочными вещами XII — первой половины XIII вв. Основание навершия меча относится к группе наиболее ранних вещей, найденных на селище, которые хронологически несколько выделяются в общем составе коллекции. Вероятно, они появились здесь вместе с первыми поселенцами.

Присутствие престижных вещей, связанных с обиходом социальной элиты, стилей для письма, подвесных печатей и предметов вооружения зафиксировано в последние десятилетия в Суздальском Ополе на целом ряде поселений XII–XIV вв., в том числе на небольших селищах на водоразделах, приуроченных к верховьям овражных систем. Эти находки интерпретированы как археологические следы “уседеб знати”, находившихся на сельских поселениях (Макаров, 2013; Макаров, Гайдуков, 2018; Макаров, Зайцева, 2019). Всего в настоящее время в Суздальском Ополе документировано около пяти десятков подобных памятников. Находка основания навершия меча на селище Крапивье 10, небольшом поселении в глубине овражных систем, хорошо вписывается в этот ряд. С учетом этой находки время появления первых “уседеб знати” на водоразделах может быть удревнено примерно на полстолетия. Визуа-

лизация декора основания навершия позволяет представить совершенство художественной отделки этого дорогого предмета, отражающего появление лиц высокого социального статуса среди обитателей сельских поселений Суздальской земли.

Работа выполнена по теме НИОТКР 122011200266-3 Института археологии РАН в части анализа археологического контекста изучаемого предмета и Тематического плана НИЦ “Курчатовский институт” в части выполнения естественно-научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1989. С. 190–205.
- Андрушук Ф. Мечи викингов. Київ: Простір, 2013. 711 с.
- Зайцева И.Е., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М. Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации // “На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...”: сб. ст. памяти Светланы Рябцевой. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2020 (Библиотека Stratum). С. 353–362.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966. 143 с.
- Кирпичников А.Н. Крепость древнего Гдова. СПб.: Вести, 2000. 56 с.
- Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М., Глазков В.П., Карташов С.И., Чичаев И.А., Каинов С.Ю., Мурашева В.В., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б., Ковальчук М.В. Рентгеновская, синхротронная и нейтронная визуализация металлических артефактов из кургана Черная могила // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 56–68.
- Курганов Н.С., Горлов К.В., Плавинский Н.А. Меч типа Н с Брилёвского поля: результаты реставрационного исследования // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2019. С. 50–64.
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2686-6889.1905.50-64>
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г. Печать Дамиана из Суздальского Ополя // Земли родной минувшая судьба: к 70-летию А.Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 29–33.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Иконка с изображением св. Нестора Солунского из Суздальского Ополя // Российская археология. 2019. № 4. С. 167–176.
- Остапенко М.А., Саричев В.Д. Знахідка меча X ст. біля Хортиці (до питання про похід князя Святослава “в пороги” 972 р.) // Археологія. 2016. Вып. 3. С. 49–64.
- Пахомов В.С. Коррозия металлов и сплавов: справочник. Кн. 1. М.: Наука и технологии, 2013. 448 с.
- Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 352 с.
- Шполянский С.В. Предметы вооружения и конского снаряжения X — первой половины XII веков из Суз-

- даля и сельских поселений Суздальского Ополя // Российская археология. 2017. № 1. С. 150–167.
- Blindheim Ch., Heyerdahl-Larsen B.* Kaupang-funnene. Bind II. Gravplassene i Bikjholbergene / Lamøya Undersøkelsene 1950–1957. Del A. Gravskikk. Oslo, 1995 (Norske Oldfunn; XVI). 230 p.
- Grygiel R., Stasiak W., Trojan M.* Gród Łęczycki w świetle badań archeologicznych // Początki Łęczycy. T. II. Archeologia o Początkach Łęczycy. Łódź, 2014.
- Kainov S.* Swords from Gnezdovo // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2012. 8. P. 7–68.
- Makarov N.A.* Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // *Hierarchies in rural settlements* / Ed. Jan Klápště. Praha: Brepols, 2013 (*Ruralia*; IX). P. 371–386.
- Merkel S.W.* Silver and the Silver Economy at Hedeby. Bochum: Verlag Marie Leidorf, 2016. 270 p.

THE POMMEL BASE OF A SWORD FROM SUZDAL OPOLYE: DECOR RECONSTRUCTION

Nikolay A. Makarov^{a,#}, Ekaterina S. Kovalenko^{b,##}, Mikhail M. Murashev^{b,###},
Konstantin M. Podurets^{b,####}, Sergey Yu. Kainov^{c,#####}, Oleg A. Kondratev^{b,#####},
Polina V. Guryeva^{b,#####}, Irina E. Zaitseva^{a,#####}, Anastasiya N. Fedorina^{a,#####},
Elena Yu. Tereschenko^{b,d,e,#####}, Ekaterina B. Yatsishina^{b,e,#####}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^bNational Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

^cState Historical Museum, Moscow, Russia

^dInstitute of Crystallography, Federal State Research Centre “Crystallography and Photonics” RAS, Moscow, Russia

^eNational Research Centre “Kurchatov Institute” – IREA, Moscow, Russia

#E-mail: nmakarov10@yandex.ru

##E-mail: Kovalenko_ES@nrcki.ru

###E-mail: Murashev_MM@nrcki.ru

####E-mail: Podurets_KM@nrcki.ru

#####E-mail: skainov@mail.ru

#####E-mail: Kondratev_OA@nrcki.ru

#####E-mail: Gureva_PV@nrcki.ru

#####E-mail: izaitseva@yandex.ru

#####E-mail: nasfed@yandex.ru

#####E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

#####E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru

The article presents the results of synchrotron and neutron visualization of a unique find – the iron pommel base sword unearthed during the works of the Suzdal archaeological expedition of the Institute of Archaeology RAS at the settlement of Krapivye 10 in Suzdal vicinity. The studies were conducted at National Research Centre “Kurchatov Institute”, their task being to restore the pattern of a partially preserved decor on a heavily corroded object with non-destructive methods. The research revealed an inlaid decor made of silver and copper-alloy wires, which made it possible to identify the type of pommel (type V, according to J. Petersen’s typology) and date it from the middle – second half of the 10th century. The find is among the earliest ones in Krapivye 10, a small settlement that emerged in the depths of ravine systems in the middle – second half of the 11th century.

Keywords: Rus, Suzdal Opolye, sword pommel, neutron and synchrotron visualization, X-ray fluorescence mapping

REFERENCES

- Androshchuk F.*, 2013. *Mechi vikingov* [Vikings’ swords]. Kiiv: Prostir. 711 p.
- Avdusin D.A., Pushkina T.A.*, 1989. Three chamber tombs from Gnezdovo. *Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda* [History and culture of Rus town]. G.A. Fedorov-Davydov, ed. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 190–205. (In Russ.)
- Blindheim Ch., Heyerdahl-Larsen B.*, 1995. Kaupang-funnene, II. Gravplassene i Bikjholbergene / Lamøya Undersøkelsene 1950–1957. Del A. Gravskikk. Oslo. 230 p. (Norske Oldfunn, XVI).
- Grygiel R., Stasiak W., Trojan M.*, 2014. Gród Łęczycki w świetle badań archeologicznych. *Początki Łęczycy, II. Archeologia o Początkach Łęczycy*. Łódź.
- Kainov S.*, 2012. Swords from Gnezdovo. *Acta Militaria Mediaevalia*, 8, pp. 7–68.

- Kirpichnikov A.N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Weapons of Rus], 1. Moscow; Leningrad: Nauka. 143 p.
- Kirpichnikov A.N., 2000. Krepost' drevnego Gdova [The fortress of old Gdov]. St. Petersburg: Vesti. 56 p.
- Kovalenko E.S., Podurets K.M., Murashev M.M., Glazkov V.P., Kartashov S.I., Chichaev I.A., Kainov S.Yu., Murasheva V.V., Tereshchenko E.Yu., Yatsishina E.B., Koval'chuk M.V., 2020. X-ray, synchrotron and neutron imaging of metal artifacts from the Chernaya Mogila mound. *Rossiyskie nanotekhnologii [Nanotechnology Reports]*, vol. 15, no. 5, pp. 56–68. (In Russ.)
- Kurganov N.S., Gorlov K.V., Plavinskiy N.A., 2019. Type H sword from the Brilevo field: results of a conservation study. *Voennaya arkheologiya: sbornik materialov nauchnogo seminara [Military archaeology: Proceedings of a scientific seminar]*, 5. Moscow: IA RAN, pp. 50–64. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2686-6889.1905.50-64>. (In Russ.)
- Makarov N.A., 2013. Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus'. *Hierarchies in rural settlements*. Jan Klápště, ed. Praha: Brepols, pp. 371–386. (Ruralia, IX).
- Makarov N.A., Gaydukov P.G., 2018. Seal of Damian from Suzdal Opolye. *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba: k 70-letiyu A.E. Leont'eva [Gone fate of native land: to the 70th anniversary of A.E. Leontiev]*. Moscow: IA RAN, pp. 29–33. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2019. An icon-pendant with the image of St. Nestor of Thessaloniki from Suzdal Opolye. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 167–176. (In Russ.)
- Merkel S.W., 2016. Silver and the Silver Economy at Hedeby. Bochum: Verlag Marie Leidorf. 270 p.
- Ostapenko M.A., Sarichev V.D., 2016. A tenth-century sword found near Khortyt'sa (on the Prince Svyatoslav's campaign "to the rapids" of 972). *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 49–64. (In Ukrainian).
- Pakhomov V.S., 2013. Korroziya metallov i splavov: spravochnik [Corrosion of metals and alloys: a reference book], 1. Moscow: Nauka i tekhnologii. 448 p.
- Petersen Ya., 2005. Norvezhskie mechi epokhi vikingov: topokhronologicheskoe izuchenie oruzhiya epokhi vikingov [Norwegian swords of the Viking Age: A topochronological study of Viking Age weapons]. St. Petersburg: Al'faret. 352 p.
- Shpolyanskiy S.V., 2017. Weaponry and horse harness pieces of the 10th – first half of the 12th century AD from Suzdal and rural settlements of Suzdal Opolye. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 150–167. (In Russ.)
- Zaytseva I.E., Kovalenko E.S., Podurets K.M., Murashev M.M., 2020. Reliquary crosses of Rus: Neutron and synchrotron imaging experience. "Na odno krylo – serebryanaya, na drugoe – zolotaya...": sbornik statey pamyati Svetlany Ryabtsevoy ["One wing is of silver, the other is golden ...": Collected articles in memory of Svetlana Ryabtseva]. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 353–362. (Biblioteka Stratum). (In Russ.)

УСАДЬБЫ МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ XIV–XV вв. НА ПОДОЛЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

© 2023 г. К. И. Панченко^{1,*}, Н. А. Макаров^{1,**}, А. А. Карпухин^{1,***}, В. Ю. Коваль^{1,****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: pakoi@mail.ru

**E-mail: nmakarov10@yandex.ru

***E-mail: karpukhin.a@rambler.ru

****E-mail: kovaloka@mail.ru

Поступила в редакцию 03.11.2022 г.

После доработки 03.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье дается предварительное общее описание результатов археологических исследований мокрых культурных слоев в Тайницком саду Московского Кремля в 2020 г. Собранные в ходе раскопок материалы представляют исключительный интерес для изучения стратиграфии и хронологии культурных отложений на Подоле, дают редкую для Кремля возможность дендрохронологического датирования отдельных построек и добавляют много нового к характеристике культуры Москвы и социального облика владельцев кремлевских усадеб XIV–XV вв. Застройка исследованного участка Подола начиная с середины XIV в. была плотной, размеры владений неизвестны. Набор вещевых находок рассматриваемого периода содержит как обычные для городского обихода бытовые и хозяйственные вещи, так и предметы, связанные с престижным стилем жизни и воинскими занятиями. Усадьбы середины–второй половины XIV в. можно рассматривать как часть кремлевских дворовладений Тимофея Васильевича Вельяминова или его ближайших родственников.

Ключевые слова: средние века, Московский Кремль, мокрый слой, ярусы, усадьбы, знать.

DOI: 10.31857/S0869606323020150, **EDN:** RGLILY

Археологические исследования двух последних десятилетий в Московском Кремле показали, что стратифицированные культурные отложения и остатки городских усадеб XIV–XV вв. на значительной части его территории разрушены или повреждены при строительных работах XVII–XX вв. Выявление каждого участка с такими напластованиями и изучение его раскопками даже на небольшой площади — большая удача. Один из таких участков с влажными культурным слоем, сохраняющим дерево, был открыт и исследован в 2020 г. в Тайницком саду, у подошвы Боровицкого холма и частично на его современном склоне, в 40 м юго-западнее Константино-Еленинской башни. Здесь в 1843 г. сделана одна из самых знаменитых кремлевских находок — медный кувшин с пергаментными и бумажными документами XIV в., в том числе жалованными грамотами великого князя Дмитрия Ивановича 1371–1372 гг. (Кучкин, 1995. С. 23, 24; Панова, 2016. С. 93, 94, 96. Рис. 2). Общая мощность культурных отложений на этом участке составляет от 6.7 до 12.4 м.

Раскопки 2020 г. сопровождали ремонтные работы, связанные с укреплением фундамента хо-

зяйственной постройки нового времени. Новые раскопы располагались в 30 м к северу от раскопов 2007 г. на Подоле, где впервые в истории археологического изучения Кремля на широкой площади исследованы влажные культурные отложения и усадьбы с остатками деревянных построек начала XIV–XVII в., образующие последовательность сменяющих друг друга строительных ярусов (Макаров и др. 2008; Дубровин, Коваль, 2014. С. 96–101; Коваль, 2016. С. 437). Площадь двух раскопов 2020 г. составила всего 65 м², но собранные здесь материалы представляют исключительный интерес для изучения стратиграфии и хронологии культурных отложений на Подоле, дают редкую для Кремля возможность дендрохронологического датирования отдельных построек и добавляют много нового к характеристике культуры Москвы и социального облика владельцев кремлевских усадеб XIV–XV вв.

Раскопы 2020 г. на Подоле были заложены около углов строения XIX в. (погреб), на участках, вскрытых для укрепления его фундаментов, после снятия техногенного слоя и строительного мусора, отложившегося у склона холма в XIX–XX вв. Ха-

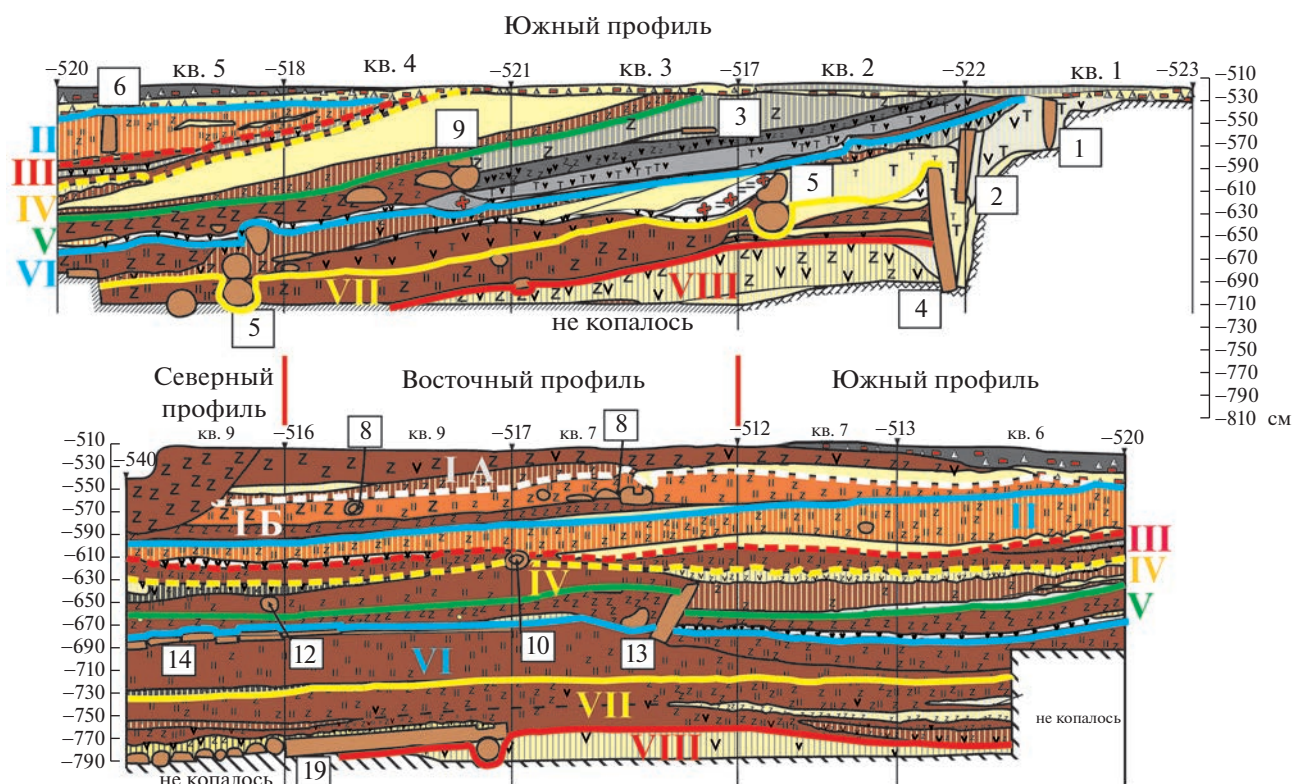

Рис. 1. Стратиграфические профили раскопа 1. Обозначения: римские цифры — номера ярусов; арабские в квадратных рамках (здесь и на рис. 2–4) — номера сооружений; Z — щепа; V — уголь; II — навоз; — — глина; T — древесный тлен; красный четырехлистник — кусочки печины; желтая заливка — песок. Цвет слоев в профиле условно соответствует настоящему.

Fig. 1. Stratigraphic profiles of excavation site 1

рактер культурных отложений и состав находок в двух раскопах заметно различались. В настоящей статье кратко представлены материалы раскопа 1, заложенного у южного угла погребца, где вскрыта большая площадь (50 м²) и получены более репрезентативные данные о поселенческом освоении и застройке Подола (рис. 1–8).

В раскопе 1 под слоем техногенного грунта и строительного мусора толщиной до 4 м залегала свита культурных напластований, основу которой составляла влажная, преимущественно темно-коричневая супесь со щепой и навозом с отдельными прослойками щепы и песка и несколькими углистыми прослойками (рис. 1). Общая мощность этих напластований на разных участках составляла от 1.7 до более 3 м, однако исследовать полностью как верхние, так и нижние горизонты культурного слоя и довести раскоп до материка на всей площади не удалось из-за строительных ограничений. В этой толще на разной глубине вскрыты и расшишены остатки 19 деревянных сооружений, образующие 7 строительных ярусов. Среди этих сооружений — остатки шести срубов, четырех дворовых настилов, двух настилов пола и шести частокольных оград. В границы

раскопа вошли лишь части сооружений, конструктивное устройство и функциональное назначение некоторых из них остается неясным. Из культурного слоя происходит почти 400 находок — предметы из металла, стекла, камня, кости, рога, кожи, дерева, фрагменты тканей и около 2.5 тыс. обломков керамики.

Общий период формирования этих культурных напластований определяется в рамках XIV–XV вв. Для датирования нижних горизонтов культурного слоя существенно отсутствие в них хроноиндикаторов середины–второй половины XIII в., в том числе стеклянных браслетов, широко бытовавших в Москве в это время (Столярова, Коваль, 2017. С. 92; Феребов, 2018. С. 199). Датировка верхних горизонтов, судя по находкам монет Василия Дмитриевича при отсутствии монет второй половины XV в., не выходит за рамки середины XV в. Таким образом, накопление всей толщи культурного слоя происходило в течение периода протяженностью не более 150 лет. Ниже мы попытаемся уточнить хронологические позиции отдельных горизонтов и строительных ярусов, основываясь на вещевых материалах и дендродатах,

A

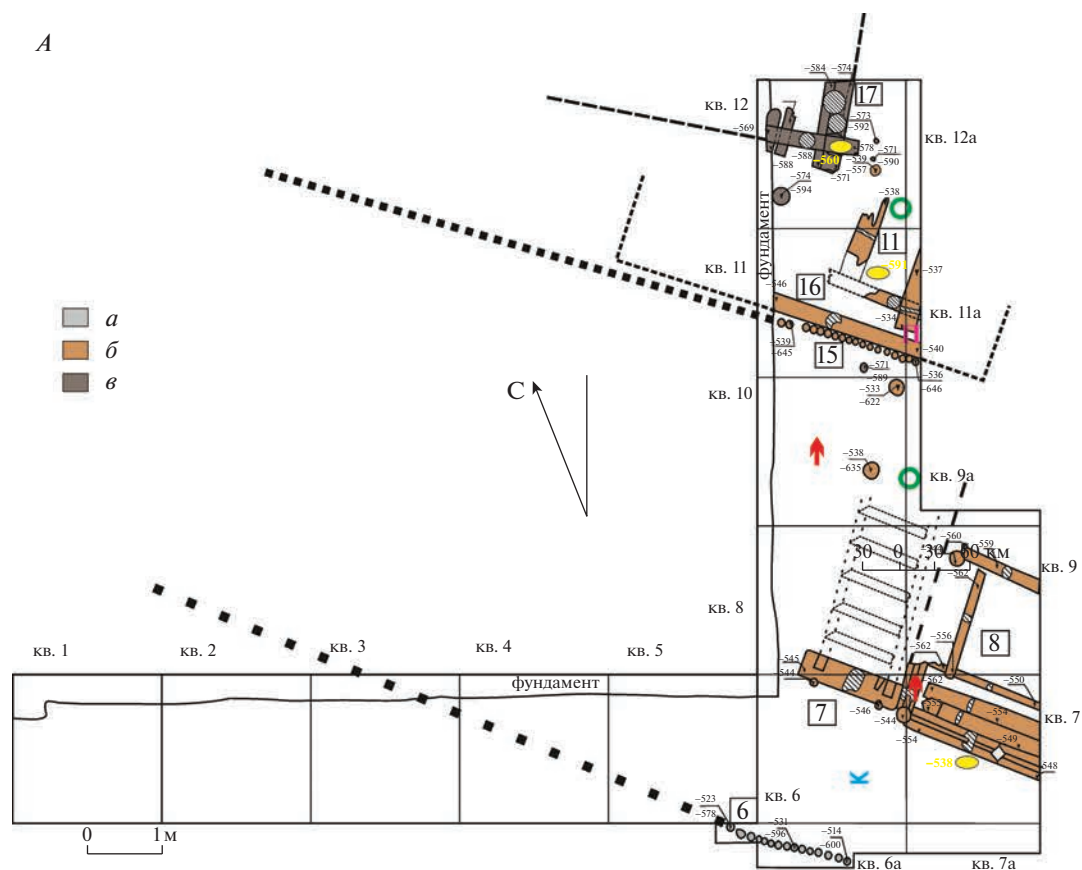
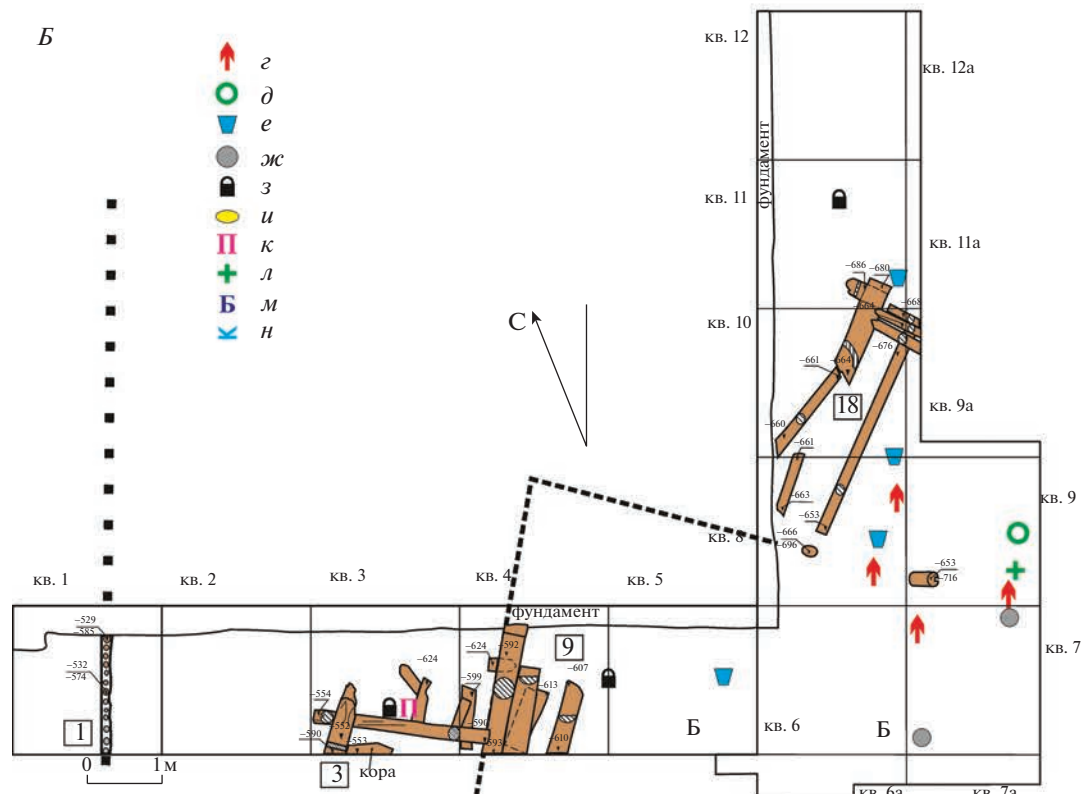
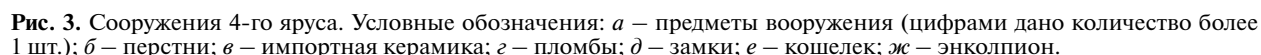

$$B$$

Рис. 2. *А* – сооружения 1 и 2-го ярусов; *Б* – сооружения 5-го яруса. Условные обозначения: *а* – ярус?; *б* – ярус 1; *в* – ярус 2; *г* – предметы вооружения; *д* – перстни; *е* – импортная керамика; *ж* – пломбы; *з* – замки; *и* – монеты; *к* – стили; *л* – нательные кресты; *м* – бляхи; *н* – книжные застёжки.

Fig. 2. *A* – structures of strata 1 and 2; *B* – structures of stratum 5

полученных в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Верхняя часть влажных культурных отложений в раскопе, которой соответствуют сооружения 1–3 ярусов, представляла собой слои коричневой или темно-коричневой супеси со щепой и навозом с прослойками щепы и углей общей мощностью до 90 см. В этих слоях расчищены остатки трех срубных построек, конструкция из вертикальных столбов, скрепленных горизонтальными брусками, и два частокола (рис. 1, 2). Эти сооружения относятся к трем различным ярусам, все они сохранились фрагментарно, в границы раскопа вошли лишь небольшие части построек.

Одно из наиболее поздних по своему стратегическому положению сооружений, относящихся к *I* ярусу, — частично сохранившаяся конструкция из вертикальных столбов, соединенных горизонтальными брусками с прямоугольными вырубками на концах (для крепления к столбам) и продольными пазами (сооружение 8). Внутри его расчищены плахи и бревна, лежащие параллельно юго-западной стене, образуя подобие настила. Рядом с северо-западной стеной находился

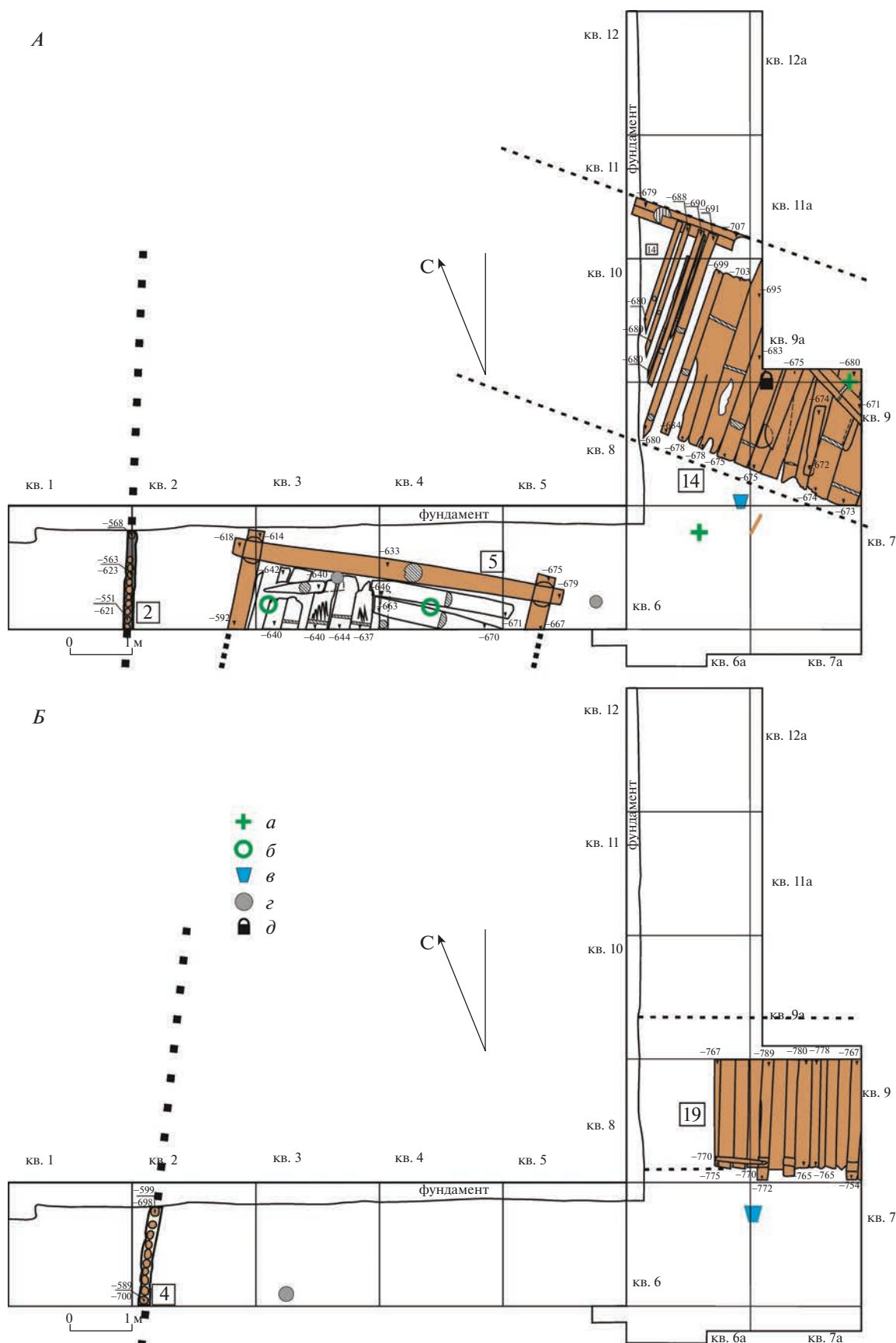

Рис. 4. А – сооружения 6-го яруса; Б – сооружения 7-го яруса. Условные обозначения: а – нательные кресты; б – перстни; в – импортная керамика; г – пломбы; д – замки.
Fig. 4. А – structures of stratum 6; Б – structures of stratum 7

Рис. 5. Вещевой материал из культурных отложений 4-го яруса. 1 – перстень; 2 – нательный крест; 3, 5 – русские пломбы; 4 – западноевропейская пломба; 6 – энколпион; 7 – кошелек. 1–6 – изделия из цветного металла; 7 – кожа.

Fig. 5. Artefacts from cultural deposits of stratum 4

деревянный упор для лестницы, закрепленный на поверхности двумя колами, с двумя вырубленными в нем пазами для ее опор. Судя по расположению пазов, лестница находилась вдоль северо-западной стены сооружения 8. Облик и назначение этой конструкции окончательно не прояснены. Возможно, это подклет или закрытое пространство под крыльцом, галереей снаружи здания.

К этому же ярусу могут быть отнесены остатки одного из срубов, (сооружение 16), от которого сохранились части нижнего венца с долевой выемкой для досок пола или фиксации верхнего бревна и настила пола из двух досок и нижней лаги (сооружение 11). Дерево обуглено, очевидно, постройка погибла в пожаре. Вероятно, с этой постройкой связан частокол (сооружение 15). По-

Рис. 6. Железные предметы вооружения из культурных отложений 4-го яруса. 1 – панцирные пластины; 2, 3 – накладки на шлем; 4–7 – наконечники стрел; 8 – фрагмент кольчужного плетения; 9 – оковка ножен; 10–12 – поясная гарнитура.

Fig. 6. Iron weapons from the cultural deposits of stratum 4

добное расположение оград вполне закономерно для стесненных городских условий, такая же планировка сооружений на усадьбе известна в Переяславле Рязанском (Завьялов, 2013. С. 34, 35. Рис. 8).

От второго сруба (сооружение 17), относящегося к более раннему ярусу 2, в раскоп вошел угол с двумя венцами, сложенными в обло чашей вверх, и подкладками из деревянных плах под

Рис. 7. Вещевой материал из культурных отложений 5-го яруса. 1 – стиль; 2 – замок; 3 – ключ; 4 – наконечник стрелы; 5, 6 – бляхи с золотой плакировкой; 7 – поясная накладка; 8, 9 – русские пломбы; 10 – перстень. 1, 3, 4, 7 – железо; 2, 5, 6 – биметалл; 8–10 – цветной металл.

Fig. 7. Artefacts from cultural deposits of stratum 5

Рис. 8. Вещевой материал из культурных отложений 1–3-го ярусов (2, 4, 5, 9–11), 6-го яруса (3, 7, 12), 7-го яруса (6), 8-го яруса (1, 8). 1 – нож (железо, дерево); 2, 3 – биметаллические замки; 4 – костяное писало; 5 – медная чашечка; 6 – деревянный гребень; 7 – крест (цветной металл, эмаль); 8 – стеклянная бусина; 9 – серебряная монета Василия Дмитриевича; 10, 11 – перстни (цветной металл); 12 – фрагмент стеклянного перстня.

Fig. 8. Artefacts from cultural deposits of strata 1–3 (2, 4, 5, 9–11), stratum 6 (3, 7, 12), stratum 7 (6), and stratum 8 (1, 8)

нижним венцом. От третей срубной постройки еще более раннего горизонта (сооружение 10, *ярус 3*), вероятно, двухкамерной, сохранились нижние венцы одной стены с вырубленной чашкой для укладки перпендикулярного бревна, короткими подкладками и завалом жердей от кровли (?), среди которых находилась “курица” — крюк, использовавшийся для крепления кровельного теса. На остатках конструкции заметны следы пожара. Два частокола, ориентированные в направлении СЗ–ЮВ параллельно стенам построек, указывают на усадебное устройство территории, но сооружение 6 не может быть отнесено к какому-либо определенному ярусу.

Из верхней части влажного культурного слоя (уровень 1–3 ярусов) происходит 54 находки. Среди них преобладают обычные бытовые вещи и орудия труда: нож, две обоймицы от рукоятей ножей, деревянная рукоять ножа, кожаные ножны и оковка от ножен, две иглы, два шила, обломок косы-горбуши, кресало, цилиндрический замок (рис. 8, 2), пробой, два пряслица — керамическое с зеленой поливой и известняковое, сундучная накладка, керамическая игрушка-медведь. Украшения представлены двумя щитковыми перстнями из цветного металла (рис. 8, 10, 11), предметы воинского снаряжения — двумя кольчужными кольцами. В числе редких предметов — фрагменты чашечки-лампадки из цветного металла (рис. 8, 5) и роговое острие с геометрическим орнаментом (стиль для письма?) (рис. 8, 4). Здесь же найдены книжная застежка и фрагмент белоглиняной поливной плитки пола, использовавшейся в храмовых постройках.

Для датирования культурного слоя на уровне 1–2 ярусов важны находки трех монет медного пула Василия Дмитриевича начала XV в., найденного рядом с сооружением 8, серебряной именной денги Василия Дмитриевича (первое десятилетие XV в., чеканилась до монетной реформы 1413 г.), найденной под полом сооружения 16, и серебряной анонимной денги Василия Дмитриевича с изображением петуха и круговой надписью: ПЕЧАТЬКНЯЗЯВЕЛК (последнее десятилетие XIV в.), найденной в подошве 2-го яруса вблизи сооружения 17 (рис. 8, 9)¹.

Более 40% вещевых находок, собранных в раскопе, происходит из культурных напластований, залегающих на глубине 590–640 см, связанных с жизнью усадьбы (*ярус 4*), основные постройки которой оказались за пределами раскопа и гибелью ее в пожаре. Слой влажной гумусированной супеси с низким содержанием щепы, высоким содержанием навоза и выбросами материкового песка перекрыт прослойкой песка с углями, сформировавшейся, вероятно, при обустройстве

участка после пожара (рис. 1). К этому ярусу относится лишь два сооружения: часть частокольной ограды из тонких жердей (сооружение 13) и конструкция из бревен, одно из которых было направлено параллельно частоколу (сооружение 12), представляющая собой, скорее всего, остатки дворового настила (рис. 3). Из 178 предметов, собранных в этих напластованиях, 57 относятся к отложениям, формировавшимся в процессе обычной городской жизни, большая же часть (121 предмет) происходит из прослойки песка и углей, связанной с гибелью усадьбы в пожаре и последующей расчисткой участка. Большинство этих вещей несет на себе следы пребывания в огне, а некоторые полностью оплавившись.

В составе находок из слоя 4-го яруса присутствует ряд редких предметов, связанных с обиходом элиты, торговлей и военными занятиями. Среди них — крест-энколпион с прямыми, немного расширяющимися лопастями, с рельефным изображением Распятia на лицевой створке и оборотной створкой с гравированным ободком по контуру лопастей (рис. 5, 6). Обе створки плоские, с неглубоким ковчежем для вложения, на лицевой створке — остатки позолоты, оглавление 14-гранное. Энколпионы с прямыми лопастями и рельефными изображениями Распятia представлены в металлопластике XIV–XVI вв. единичными экземплярами, все они различаются деталями оформления (Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1899. С. 23. Табл. X. Рис. 122; Асташова и др., 2013. Рис. 258, 261; Андреев, 2018. С. 222, 223. Рис. 11, 2). Из трех товарных пломб одна западноевропейская, использовавшаяся для опломбирования тканей, производившихся в г. Турне, две другие русские (определение П.Г. Гайдукова) (рис. 5, 3–5). На одной из них надписи и изображения плохо читаются. Вторая пломба с двусторонней надписью, на одной стороне — круговой: СЕ ПЕЧАТЬ, на другой — четырехстрочной: КНЯ\ЗЯВЕ\ЛИ\КО\ГО. П.Г. Гайдуков указал пять известных ему аналогичных пломб, все они происходят из раскопок в Москве: на Подоле Кремля, на Романовом дворе и на Софийской набережной. Высоким качеством художественного исполнения выделяется кожаный кошелек с тисненым растительным орнаментом (рис. 5, 7).

Редкие находки — две четырехугольные выпуклые пластины с выступами посередине и округлыми отверстиями и заклепками для крепления к корпусу. Это боковые накладки на шлем (рис. 6, 2, 3), предназначенные для парирования боковых ударов, известные в конструкции шлемов с домонгольского времени (Кирпичников, 1971. С. 25, 26, 31, 32. Рис. 9, 2).

В числе прочих предметов, связанных с воинскими занятиями, — 30 панцирных пластин, фрагмент кольчужного плетения и кольчужное

¹ Монеты из раскопок определены чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуковым.

кольцо, 5 наконечников стрел и ременная накладка, использовавшаяся для украшения мужских поясов (рис. 6). Предметы вооружения и воинского снаряжения, найденные в этих культурных отложениях, составляют десятую часть от всех находок с раскопа и четвертую часть вещей из яруса 4. Среди находок, отражающих престижный стиль жизни, представлены также фрагменты кашинных сосудов с черной и синей росписью из нижневолжских центров Золотой Орды и поливной керамики из Юго-Восточного Крыма. В этом же слое собраны и разнообразные бытовые и хозяйственные предметы и орудия труда, обычные для городских усадеб: 2 железных ножа, обоймица ножен и 2 оковки от ножен, шило, 4 иглы, сверло, оселок, 2 обломка жернова, деревянное трепало для льна, 2 ключа типа Г, 3 замка типов В, Д и Ж, деревянная ложка, более 30 сундучных накладок и петель.

Ниже, на отметках 630–670 см, в раскопе залегает слой влажной темно-коричневой супеси, обильно насыщенный щепой, свидетельствующей о масштабном строительстве. Мощность его составляет 20–40 см (рис. 1). Связанный с ним строительный ярус 5 включает в себя остатки жилой срубной постройки (сооружение 9), часть обгоревшего настила (?) (сооружение 3), остатки дворового настила (сооружение 18) и участок частокола (сооружение 1) (рис. 2). Все эти сооружения вошли в границы раскопа лишь частично.

От срубной постройки (сооружение 9) сохранились два венца северо-западной стены сруба, с вырубкой для горизонтальной лаги в верхнем бревне, подкладками под нижнее бревно и массивные плахи, из которых, возможно, был сложен пол. Дерево внутри постройки обуглено, вероятно, сруб был уничтожен пожаром. По спилам с плах получены две дендрохронологические даты: 1346 г. и 1352 г., однако, скорее всего, это дерево находилось во вторичном использовании.

Остатки сооружения 3 представляют собой настил из двух досок, положенных на лагу с подкладками. Дворовой настил, расчищенный в северо-восточной части раскопа (сооружение 18), ориентированный в направлении ЮЗ–СВ, был сделан из бревен, досок и плах, судя по всему, вторичного использования. Разнотипный материал использовали в качестве продольных “лаг”, на них были положены тонкие бревна. Частокольная ограда в западной части раскопа (сооружение 1) маркирует разделение верхней и нижней частей склона на две отдельные усадьбы.

Из слоя, относящегося к 5-му строительному ярусу, происходит 69 находок. Наиболее яркие предметы, необычные для материальной культуры древнерусского города, — фрагменты двух железных блях с золотой плакировкой и рельефными изображениями дракона (рис. 7, 5, 6). Стили-

стические особенности указывают на их связь с металлопластикой Востока. Накладки с драконами известны как украшения воинских поясов, имевших восточное происхождение (Козлова, 2004. С. 197–200). Сходные изображения драконов украшают бронзовые зеркала, находки которых представлены значительной серией на золотоордынских памятниках Среднего Поволжья (Руденко, 2022).

К числу редких артефактов следует отнести железный стержневидный стиль для письма с рельефным декором, близкий по своей форме и орнаментации к западноевропейским стилям (рис. 7, 1). Единичные находки стержневидных стилей, относящиеся к более раннему времени, происходят из Новгорода (Овчинникова, 2021. С. 206–208. Рис. 4, 12–15), в Москве это первая находка. Здесь же обнаружены две товарные пломбы с кириллическими буквенными знаками (рис. 7, 8, 9). Среди предметов, связанных с воинскими занятиями, — два наконечника стрелы, три кольчужных кольца, пластина от доспеха, железная ременная накладка с кольцом. Набор бытовых вещей и орудий труда включает в себя семь ножей, в том числе один с пластинчатой рукоятью, шило, две иглы, обломок жернова, два деревянных трепала для льна, ключ типа В, два замка — навесной и накладной, сундучную фурнитуру. Немногочисленные украшения — два щитковых перстня из цветного металла (рис. 7, 10). Восточные влияния и контакты с Золотой Ордой отражают находки фрагментов кашинных чаш с полихромной росписью и поливного кувшина (5 фрагментов).

Наиболее выразительные остатки деревянных сооружений, части сруба, частокола-ограды и дворового настила, образующие целостный комплекс, залегают в культурном слое, связанном с 6-м строительным ярусом (рис. 1, 4). Этот слой представляет собой темно-коричневую супесь, обильно насыщенную навозом, местами со щепой, толщиной до 40 см. От сруба (сооружение 5) сохранилось по два венца с каждой стороны постройки. В раскопе полностью расчищена только северо-восточная стена дома, которая имела внутреннюю длину 448 см. Бревна (диаметр 24–25 см) сложены в обло чашей вверх. По центру бревен прорезаны продольные канавки шириной 6–7 см и глубиной 2, в которые уложен мох. Для предотвращения скатывания по небольшому склону нижний северо-западный венец с внутренней стороны подперли забитым в землю колом. В постройке сохранился пол, который был уложен на уровне между первым и вторым венцами. В северо-западной половине он был сделан из досок (толщина 3–5 см, ширина до 32). Они лежали на бревне (диаметр 18 см) перпендикулярно северо-восточной стене сруба. В юго-восточной половине сруба пол был сложен из плах (ширина до 28 см, толщи-

на 10), которые располагались параллельно северо-восточной стене и также опирались на лаги (диаметр до 16 см). Пол и внутренняя поверхность верхних венцов сильно обгорели. По спилам бревен и досок из этой постройки получены пять дендродат: одна — 1341 г., по две — 1342 и 1343 гг., наиболее поздние — с нижнего венца и обрезка доски, оставленного во время строительства под полом дома.

В 2.5 м к северо-западу от жилого дома расчищены остатки дворового настила (сооружение 14), ориентированного по оси СЗ–ЮВ, по направлению к склону. Его основу составляли два бревна по краям, из которых сохранилось только одно, северо-восточное, диаметром 27 см. В этом бревне был вырублен прямоугольный продольный паз, в который положены поперечные доски разной ширины (25–48 см) и толщины (до 6 см), а на одном участке вместо досок использовали палки и жерди. Сохранившаяся ширина настила — 3.6 м. Сооружение имеет следы ремонтов; отверстия и следы истертости на его поверхности говорят об оживленном движении по нему. В западной части раскопа зафиксирована часть частокольной ограды из жердей (сооружение 2) толщиной 10–15 см, с обугленной после сильного пожара верхней частью. Прослойка углей, маркирующая мощный пожар, перекрывает слой, относящийся к 6-му ярусу, почти на всей площади раскопа.

Из слоя 6-го яруса происходит 38 находок. Среди найденных здесь украшений и деталей костюма — два перстня из стекла (рис. 8, 12) и цветного металла, а также железная пряжка. Бытовые предметы и орудия труда представлены деревянным гребнем, железной бритвой, шестью железными ножами и рукоятью ножа, двумя свинцовыми грузиками, железным замком типа В (рис. 8, 3), железной сундучной фурнитурой, каменным оселком, фрагментом деревянного трепала и фрагментами деревянной миски. Здесь же найдены два креста-тельника: миниатюрный с синей эмалью (рис. 8, 6) и криноконечный с ромбическим средокрестием. Среди прочих находок — две товарные пломбы, одна из них с буквенными знаками. По-прежнему фиксируются обломки импортных сосудов: осколок кашинной чаши с полихромной подглазурной росписью из Золотой Орды и фрагменты красноглиняного кувшина. Треть вещей происходит из жилой постройки. Среди них — два обломка керамических плиток пола, принадлежавшие, вероятно, находившейся поблизости церкви и случайно попавшие сюда после разрушения постройки 5.

Наиболее ранние сооружения и следы усадебной застройки, составляющие 7 ярус, — деревянный настил (остатки дворового мощения?) (сооружение 19), уложенный почти перпендикулярно крутому склону, и частокол, ориентированный в

направлении С–Ю (сооружение 4) (рис. 1, 4). Настил был сделан из поперечных плах (ширина 16–25 см, толщина 6–10 см) и бревен (диаметр 16–21 см) с вырубками под продольное бревно, ширина мощения — более 196 см. Для предотвращения проседания лаги во влажный грунт она была положена с опорой на вертикальный столб, с креплением его верхушки в специальной выемке, сделанной в нижней части лаги. Настил, возможно, имел еще один, полностью разобранный верхний ярус. От него остался только обломок дерева, лежавший в неглубоких выемках, вырубленных на краях наиболее крупных поперечных бревен и плах. Отсутствие следов износа может свидетельствовать о непродолжительном периоде эксплуатации данной конструкции. Усадебная ограда (сооружение 4) — плотный частокол из бревен диаметром 12–16 см — отделяла верхнюю площадку от нижней, один из ее колов датирован 1332 г. Обугленные верхушки колов свидетельствуют о гибели ограды в огне. Эти сооружения залегают в слое темно-коричневой супеси с навозом и высоким содержанием щепы.

Из этого слоя происходит 26 находок, среди которых — обычные бытовые и хозяйственные вещи и орудия труда: деревянный гребень (рис. 8, 6), 3 железных ножа и тыльник ножа, 2 железных иглы, пряслице, деревянное трепало для льна, 2 свинцовых грузика; остатки обуви (лапоть с войлочной стелькой); строительные детали (деревянный кровельный лемех, 3 керамические плитки пола); отдельные предметы, связанные с торговлей и престижным потреблением (свинцовая пломба?), фрагмент керамического сосуда из Крыма, фрагмент металлического сосуда.

Самые ранние культурные отложения, не содержавшие остатков деревянных сооружений, — слой песка с включениями угольков, серой супеси и немного щепы. Доярусный слой исследован до материка лишь на одном из участков раскопа, где его мощность составляла 45 см (рис. 1). Этот слой беден находками, их всего восемь, в том числе железные нож (рис. 8, 1), шило, две иглы, желтая шаровидная прозрачная стеклянная бусина (рис. 8, 8), деревянная клепка кадушки, фрагмент деревянного сосуда и обломки золотоордынской кашинной чаши. Профилировка керамики из этого слоя указывает на принадлежность ее ко времени не позже первой половины XIV в. Характер ранних отложений свидетельствует о том, что в начале XIV в. на данной территории могли проводиться работы по подрезке материковой поверхности для выравнивания и расширения верхней площадки, примыкающей к склону. Вероятно тогда же где-то рядом началось возведение деревянных построек, однако оно было еще не достаточно масштабным, так как объем строительного мусора в отложениях невелик.

Восстановить историю освоения верхнего участка, расположенного к западу от оград (сооружения 1, 2, 4), невозможно, так как ранние культурные горизонты были уничтожены в процессе выемки земли под здание погребя в XIX в. На этой площади удалось зафиксировать только одну постройку, частично сохранившуюся в 20 м к северу от раскопа 1. Сооружение было срубом, от которого осталась часть северо-западной стены из семи венцов диаметром до 16 см и, вероятно, представляло собой остатки погребя. Единственный обломок керамики, найденный в верхней части постройки, допускает время строительства этого сооружения не позже рубежа XV–XVI вв.

Несмотря на присутствие в коллекции монет и дендрохронологическое датирование спилов из трех сооружений, относящихся к трем различным ярусам, собранные материалы не представляют надежных оснований для узкого датирования всех выделенных в раскопе слоев и строительных ярусов. По находкам монет Василия Дмитриевича 2-й строительный ярус должен быть датирован началом XV в., временем до денежной реформы 1413 г., когда денги дореформенной чеканки вышли из обращения. Постройки самого верхнего 1-го яруса могут быть позднее не более чем на два-три десятилетия. Радиоуглеродная калиброванная дата зерна из 3-го яруса, установленная с вероятностью 95.4% в интервалах 1280–1313, 1360–1388 гг., в поздней своей части согласуется с археологической датировкой². Четыре дендродаты, полученные по спилам из сооружения 5 – постройки 6-го яруса, указывают, что она была срублена около 1343 г. При датировании культурных отложений этого яруса следует учесть находку ножа с пластинчатой рукоятью, появление которых на Руси относят к середине XIV в. (Завьялов, 2020. С. 158).

Датировка нижележащих слоев 7-го яруса и доярусных отложений первой половиной XIV в. устанавливается с учетом их стратиграфического положения, общего характера вещевых материалов и спила из сооружения 4 с порубочной датой 1332 г. Порубочные даты спилов двух плах из сооружения 9 в 5-м ярусе хорошо согласуются с его общим стратиграфическим положением между отложениями 1340-х годов и первой четверти XV в. Слой 4-го яруса с остатками частокола и разобранного дворового настила, из которого происходит основная масса находок, в том числе детали доспеха и шлема, энколпион и русская плomba с надписью, не содержит хроноиндикато-

ров, которые могли бы сузить его датировку. Общее хронологическое положение этого яруса и относящихся к нему отложений определяется в рамках второй половины XIV в., скорее всего, в интервале 1360–1390-х годов.

Древнейшее свидетельство усадебной застройки на исследованном участке – остатки частокола первой половины XIV в. (7-й ярус), разделявшего верхнюю и нижнюю площадки. Эта граница не менялась в первой половине–середине XIV в., в период существования построек 6 и 5-го ярусов. Одна из жилых построек усадьбы в это время находилась в южной части вскрытого раскопками участка, тогда как его центральная часть была занята дворовыми настилами. В общем пространственном расположении построек этих двух ярусов прослеживается преемственность.

Очевидно, на следующем этапе (4-й строительный ярус) первоначальная планировка и усадебное деление участка были изменены. В это время, возможно, исчезает частокольная ограда, ориентированная в направлении С–Ю, ранее разделявшая верхнюю и нижнюю площадки, и появляется частокол, вытянутый в направлении СВ–ЮЗ. Однако остатки построек этого яруса, наиболее насыщенного вещевыми находками, не сохранились или оказались за пределами раскопа и о планировке усадеб ничего не известно. Пространственная организация усадеб с частокольными оградами, ориентированными в направлении СВ–ЮЗ, и постройками, расположенными по той же оси, сложившаяся во второй половине XIV в. (4-й ярус), сохранялась и в последующее время, в период бытования построек 3–1-го ярусов.

Жилые постройки в это время занимали северную и центральную части исследованного участка, при этом местоположение их менялось. Очевидно, застройка исследованного участка Подола начиная с середины XIV в. была плотной, размеры усадеб остаются неизвестными. Близкие по своим конструктивным особенностям сооружения XIV–XV вв. – остатки срубных жилых построек и дворовые настилы – ранее были исследованы на соседнем участке Подола, ниже по склону подножья Боровицкого холма, в раскопе 1 2007 г. (Дубровин, Коваль, 2014. С. 97, 98). Жилые постройки были крыты дорогим лемехом, в конструкциях кровли использовались крюки-“курицы”, одна из поздних построек имела высокое крыльцо или галерею, для входа на которую использовалась лестница. Присутствие в культурных отложениях середины XIV в. и в перемешанном слое фрагментов керамических плиток может указывать на размещение поблизости от усадеб церковной постройки.

Как уже отмечено, деревянные сооружения, принадлежащие к различным строительным ярусам, несут следы пожаров. В их числе – наиболее

² Датировка образца IGAN AMS № 8067 проведена в Центре коллективного пользования “Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии” Института географии РАН, калиброванные значения: 68.3 (1 sigma) cal BP 570–583 (0.423), 647–664 (0.577); 95.4 (2 sigma) cal BP 562–590 (0.455), 637–670 (0.545).

ранняя частокольная ограда (сооружение 4), одно из бревен которой датировано 1332 г., срубная постройка 6-го яруса, срубленная около 1343 г. (сооружение 5) и относящаяся к тому же ярусу частокольная ограда (сооружение 2), срубная постройка из 5-го яруса (сооружение 9), остатки срубов 3-го (сооружение 10) и 1-го ярусов (сооружения 16, 11). Следы наиболее сильных пожаров отмечены в культурных напластованиях 5–4-го ярусов с мощной углистой прослойкой и многочисленными предметами, поврежденными огнем, и на уровне 3-го яруса, постройки которого перекрыты прослойкой, насыщенной углем и содержащей скопление обугленного зерна.

Эти наблюдения хорошо согласуются с летописными известиями о пожарах в Москве, которые отмечены, в частности, в 1337 г. (Забелин, 1905. С. 80), 1343 г. (Полное собрание..., 1949. С. 175), 1354 г. (Полное собрание, 1949. С. 179), 1365 г. (Полное собрание..., 1949. С. 183), 1382 г. (Забелин, 1905. С. 95), 1389 г. (Полное собрание..., 1910. С. 209), 1415 г. (Полное собрание..., 2000. Стлб. 487), 1445 г. (Полное собрание..., 1949. С. 263). Судя по летописным сообщениям, все эти пожары непосредственно затронули Кремль.

Точность археологического датирования отдельных ярусов в большинстве случаев не достаточна для однозначной привязки отдельных сооружений, погибших в огне, к летописным пожарам. Весьма вероятно, что углистый слой с оплавленными и поврежденными огнем артефактами на уровне 4-го яруса связан с большим пожаром 1365 г., когда "...погоре посад весь Кремль и Заречье ... никто же успе имения своего вымыкати, но все огонь поять" (Полное собрание..., 1949. С. 183), а гибель жилой постройки 6-го яруса (сооружение 5) должна быть соотнесена с сильнейшим пожаром 1354 г., когда "...погоре город Москва и кремник весь" (Полное собрание..., 1949. С. 179). Остатки пожарища на уровне 3-го яруса в таком случае могут быть отождествлены как следы событий 1389 г., которые начались у восточных границ крепости: "загореся в городе на Москве церковь Офанасей святой о обеде, мало Кремль не весь выгоре" (Полное собрание..., 1910. С. 209). Однако для доказательства обоснования этих связей данных недостаточно.

Набор вещевых находок из культурного слоя XIV–первой половины XV в. на участке, вскрытом в 2020 г., содержит как обычные для городского обихода бытовые и хозяйственные вещи, так и предметы, связанные с престижным стилем жизни и воинскими занятиями. Ассортимент бытовых вещей и орудий труда разнообразен, он включает в себя не только такие распространенные категории, как ножи (27 экз.), оселки (2 экз.), иглы (13 экз.), шилья (3 экз.), навесные замки

(7 экз.), ключи (4 экз.), кресало (1 экз.), пряслица (3 экз.), но и более редкие предметы, связанные с хозяйственными занятиями: фрагменты жерновов (3 экз.), трепала для льна (5 экз.), фрагмент косы горбуши, фрагмент сверла. Все эти предметы представлены небольшими сериями или единичными экземплярами. В составе коллекции лишь несколько металлических украшений женского костюма, это почти исключительно перстни (5 экз.).

Предметы вооружения и воинского снаряжения, напротив, составляют многочисленную группу. Среди них присутствуют такие необычные для древнерусских городских усадеб предметы, как фрагменты шлемов и наборы пластин от доспехов. Возможно, с воинским снаряжением связаны и уникальные бляхи с изображениями драконов. Столь же выразительные для характеристики статуса и благосостояния обитателей усадеб на Подоле предметы – стили для письма, торговые пломбы, кошелек с тиснением, фрагменты восточной поливной керамики. Большинство предметов, которые можно рассматривать как маркеры высокого статуса и благосостояния, происходит из культурных напластований середины–второй половины XIV в. (5 и 4-й ярусы), однако отдельные значимые артефакты, отражающие достаток и престижное потребление, отмечены в более ранних (7-й ярус) и наиболее поздних напластованиях. Присутствие в вещевой коллекции, наряду с предметами традиционного древнерусского облика, восточных и западных вещей – существенный штрих к характеристике культуры Москвы XIV–начала XV в. Различные категории находок из раскопа 2020 г. заслуживают отдельного самостоятельного изучения.

В исследованиях по исторической топографии Московского Кремля на участке между Константино-Еленинской башней и ныне утраченной церковью Константина и Елены локализован двор Тимофея Васильевича Вельяминова, московского окольничего, входившего в ближайшее окружение великого князя Дмитрия Ивановича, упомянутого в его второй духовной грамоте 1389 г. среди бояр, присутствовавших при ее составлении (Забелин, 1905. С. 616, 617; Кучкин, 1995. С. 26; Кучкин, 1997. С. 18–20, Панова, 2013. С. 152, 153). Основание для этой локализации – старое название Константино-Еленинской башни "Тимофеевская", употреблявшееся в грамотах XV в., и сделанная в 1843 г. находка пергаменных документов, включающая, среди прочих, тарханную грамоту князя Дмитрия Ивановича новотроюцу Микуле, написанную Тимофеем Васильевичем (Кучкин, 1995. С. 26). Основываясь на плане 1843 г., документирующем место находки медного кувшина с грамотами (Панова, 2016. С. 96. Рис. 2), можно полагать, что исследованный в 2020 г. участок удален от этой точки не бо-

лее чем на 10 м. Таким образом, усадьбы середины—второй половины XIV в., вскрытые в раскопе, можно рассматривать как часть кремлевских дворовладений Тимофея Васильевича или его ближайших родственников, что в полной мере соответствует особому характеру собранных здесь артефактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев С.И.* Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 209–235.
- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-Холдинг, 2013. 320 с.
- Дубровин Г.А., Коваль В.Ю.* Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 94–110.
- Завьялов В.И.* Исследования Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского (2007–2009) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань, 2013. С. 20–69.
- Завьялов В.И.* Ножи, рукояти, ножны из Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа) // Российская археология. 2020. № 1. С. 157–164.
- Забелин И.Е.* История города Москвы. Ч. 1. М., 1905. 688 с.
- Карпунин А.А., Соловьева Л.Н.* Некоторые результаты дендрохронологического анализа образцов древесины из раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2017. С. 10–16.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36). 126 с.
- Коваль В.Ю.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 437–475.
- Козлова А.В.* Украшения ремня, сбури и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2004. С. 188–207.
- Колчин Б.А.* Дендрохронология построек Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4. Жилища древнего Новгорода. М.: Наука, 1963 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 123). 296 с.
- Кучкин В.А.* Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23–26.
- Кучкин В.А.* Забытый документ XIV в. из находки 1843 г. // Исторический архив. 1997. № 3. С. 14–20.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Кренке Н.А., Панова Т.Д., Энгватова А.В.* Предварительные итоги раскопок в Тайницком саду Московского Кремля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 464–467.
- Овчинникова Б.Б.* Писала из раскопок в Новгороде 2000–2016 гг. // Новгородские археологические чтения — 4: материалы науч. конф. “Археология Новгорода. 85 лет исследований и открытий” (Москва, 15–16 декабря 2017 г.). Великий Новгород, 2021. С. 196–217.
- Панова Т.Д.* Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой трети XVI века. М.: Таус, 2013. 408 с.
- Панова Т.Д.* Раскопки в Тайницком саду Кремля и история археологического изучения территории подولا Боровицкого холма Москвы в XIX–XX вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 243. С. 92–106.
- Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. СПб., 1910. 418 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 216, 540 с.
- Руденко К.А.* Зеркала с изображением драконов и фениксов из Среднего Поволжья // Средневековые древности Приморья. Вып. 5. Владивосток, 2022. С. 311–342.
- Столярова Е.К., Коваль В.Ю.* Стекланные браслеты восточной части Московского Кремля (предварительные результаты работ 2016 года) // Краткие сообщений Института археологии. 2017. Вып. 249, ч. II. С. 86–94.
- Тарабардина О.А.* Современные археологические исследования и проблема верификации дендрохронологической шкалы Новгорода // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2010. Великий Новгород, 2011. С. 53–56.
- Тарабардина О.А.* Ландскрона и Ниеншанц: результаты дендрохронологических исследований // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012. С. 626–635.
- Феребов А.Н.* Основания датировки стекланных браслетов, найденных на территории Московского Кремля // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 189–200.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1899. 33 с.

ESTATES OF THE MOSCOW NOBILITY OF THE 14th–15th CENTURIES IN THE PODOL (LOWER AREA) OF THE MOSCOW KREMLIN

Konstantin I. Panchenko^{a, #}, Nikolay A. Makarov^{a, ##},
Alexey A. Karpukhin^{a, ###}, Vladimir Yu. Koval^{a, ####}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: pakoi@mail.ru

^{##}E-mail: nmakarov10@yandex.ru

^{###}E-mail: karpukhin.a@rambler.ru

^{####}E-mail: kovaloka@mail.ru

The article provides a preliminary general description of the results of archaeological studies in wet cultural layers in the Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin in 2020. The materials collected during the excavations are of exceptional interest for studying the stratigraphy and chronology of cultural deposits in Podol (lower) area and provide a rare opportunity (for the case of the Kremlin) of dating individual structures dendrochronologically. Moreover, the material adds considerable new evidence on the culture of Moscow and the social image of the owners of the Kremlin estates of the 14th–15th centuries AD. The construction in the investigated section of the Podol area since the middle of the 14th century AD was dense and the size of the estates is unknown. The inventory of found artefacts of the period under consideration contains both everyday household objects common for urban use and items associated with a prestigious lifestyle and military activities. Estates of the middle – second half of the 14th century AD can be considered as part of the Kremlin households of Timofey Vasilyevich Velyaminov or his closest relatives.

Keywords: the Middle Ages, the Moscow Kremlin, wet layer, strata, estates, nobility.

REFERENCES

- Andreev S.I., 2018. The settlement of Ekaterinovka 3: on the southeastern border of Ryazan Principality. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 14. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 209–235. (In Russ.)
- Astashova N.I., Petrova L.A., Saracheva T.G., 2013. Kresty-enkolpiony iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Reliquary crosses from the collection of the State Historical Museum]. Moscow: RIP-Kholding. 320 p.
- Dubrovin G.A., Koval' V.Yu., 2014. Estate structures of excavation site 1 in the Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin (preliminary publication). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 10. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 94–110. (In Russ.)
- Ferebov A.N., 2018. Grounds for dating glass bracelets found on the territory of the Moscow Kremlin. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 14. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 189–200. (In Russ.)
- Karpukhin A.A., Solov'eva L.N., 2017. Some results of dendrochronological analysis of wood samples from excavation site 1 in the Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical research of the Laboratory of Science Methods]*, 4. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 10–16. (In Russ.)
- Khanenko B.I., Khanenko V.N., 1899. Drevnosti russkie. Kresty i obrazki [Antiquities of Rus. Crosses and icon pendants], 1. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko. 33 p.
- Kirpichnikov A.N., 1971. Drevnerusskoe oruzhie [Weapons of Rus], 3. Dospek, kompleks boevykh sredstv IX–XIII vv. [Armor, a set of combat equipment of the 9th–13th centuries AD]. Leningrad: Nauka. 126 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1–36).
- Kolchin B.A., 1963. Dendrochronology of the structures in the Nerevsky excavation site. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]*, 4. Zhilishcha drevnego Novgoroda [Dwelling structures of old Novgorod]. Moscow: Nauka. 296 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 123). (In Russ.)
- Koval V.Yu., 2016. Ceramics from the excavations at Podol (the lower town) of the Moscow Kremlin. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 12. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 437–475. (In Russ.)
- Kozlova A.V., 2004. Ornaments of a belt, harness and bags of oriental origin from excavations in Veliky Novgorod. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 18. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 188–207. (In Russ.)
- Kuchkin V.A., 1995. A signature of Dmitry Donskoy's fellow-champion. *Rodina [Motherland]*, 2, pp. 23–26. (In Russ.)

- Kuchkin V.A., 1997. A forgotten document of the 14th century AD from a find in 1843. *Istoricheskiy arkhiv [Historical archive]*, 3, pp. 14–20. (In Russ.)
- Makarov N.A., Koval' V.Yu., Krenke N.A., Panova T.D., Engovatova A.V., 2008. Preliminary results of excavations in the Tainitsky Garden of the Moscow Kremlin. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale [Works of the II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal]*, II. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 464–467. (In Russ.)
- Ovchinnikova B.B., 2021. Styluses from excavations in Novgorod in 2000–2016. *Novgorodskie arkheologicheskie chteniya – 4: materialy nauchnoy konferentsii "Arkheologiya Novgoroda. 85 let issledovaniy i otkrytiy" [Novgorod archaeological readings – 4: Proceedings of the scientific conference "Archaeology of Novgorod. 85 years of research and discovery"] (2017)*. Velikiy Novgorod, pp. 196–217. (In Russ.)
- Panova T.D., 2013. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya Moskovskogo Kremlya v seredine XII – pervoy trety XVI veka [Historical and social topography of the Moscow Kremlin in the middle of the 12th – first third of the 16th century AD]. Moscow: Taus. 408 p.
- Panova T.D., 2016. Excavations in the Tainitsky Garden of the Kremlin and the history of archaeological research at Podol of the Borovitsky Hill in Moscow during the 19th–20th centuries. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 243, pp. 92–106. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian Chronicles], 20. L'vovskaya letopis' [Lvov chronicle]. St. Petersburg, 1910. 418 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian Chronicles], 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka [Moscow chronicle collection of the late 15th century AD]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 464 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian Chronicles], 15. Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik [Rogozhsky chronicler. Tver collection]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 216, 540 p.
- Rudenko K.A., 2022. Mirrors with images of dragons and phoenixes from the Middle Volga region. *Srednevekovye drevnosti Primor'ya [Medieval antiquities of Primorye]*, 5. Vladivostok, pp. 311–342. (In Russ.)
- Stolyarova E.K., Koval' V.Yu., 2017. Glass bracelets in the eastern part of the Moscow Kremlin (preliminary results of the 2016 activities). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 249, II, pp. 86–94. (In Russ.)
- Tarabardina O.A., 2011. Modern archaeological research and the problem of verifying the dendrochronological scale of Novgorod. *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika [Yearbook of the Novgorod State United Museum-Reserve]*, 2010. Velikiy Novgorod, pp. 53–56. (In Russ.)
- Tarabardina O.A., 2012. Landskrona and Nyenskans: results of dendrochronological studies. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological yearbook]*, 2. St. Petersburg, pp. 626–635. (In Russ.)
- Zabelin I.E., 1905. Istoriya goroda Moskvy [History of the city of Moscow], 1. Moscow. 688 p.
- Zav'yalov V.I., 2013. Research on the Zhitny excavation site in the Kremlin of Pereyasavl Ryazansky (2007–2009). *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on the archaeology of Pereyasavl Ryazansky]*, 2. Ryazan', pp. 20–69. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., 2020. Knives, grips, sheaths from Pereyasavl Ryazansky (based on materials from the Zhitny excavation site). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 157–164. (In Russ.)

К 75-ЛЕТИЮ
Л. А. БЕЛЯЕВА

К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВИЧА БЕЛЯЕВА

© 2023 г. Дирекция Института археологии РАН,
Редколлегия и редакция журнала “Российская археология”*

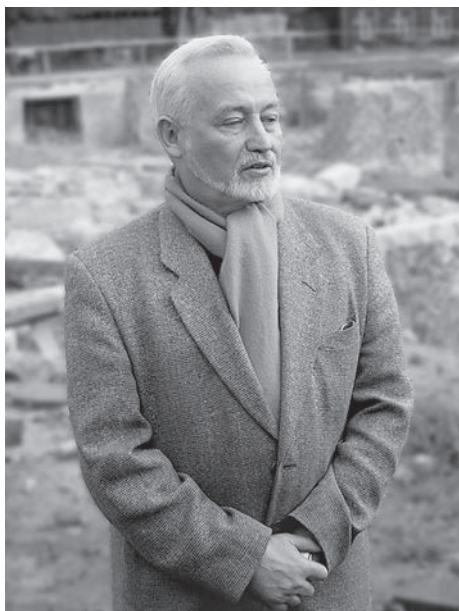
*E-mail: dkorobov@mail.ru

Поступила в редакцию 30.12.2022 г.

После доработки 30.12.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323020046, EDN: RFGUNT

Время неудержимо стремится свой бег, и мы не успеваем оглянуться, как приближается юбилей главного редактора нашего журнала, Леонида Андреевича Беляева. Казалось, совсем недавно мы отмечали его 70-летие. Тогда на страницах “Российской археологии” была опубликована обширная статья с подробным разбором научных достижений нашего юбиляра за прошедшее десятилетие (2018. № 3. С. 93–96). Позволим себе кратко остановиться на основных направлениях творчества Леонида Андреевича за последующие пять лет, поскольку полновесный обзор всех граней научного поиска юбиляра потребует значительного журнального пространства, ведь из-под его пера за это время вышло не менее 130 разнообразных публикаций.

Значительное место среди них по-прежнему уделено полевым работам в Палестине. Недавно возглавляемая Леонидом Андреевичем Иерихон-

ская экспедиция Института археологии РАН отметила свое десятилетие, чему посвящена статья, вышедшая в нашем журнале (№ 3 за 2021 г.). В ряде работ, подготовленных юбиляром в соавторстве, рассматриваются в целом византийский и омейядский периоды культурных слоев, вскрытых на русском участке иерихонских холмов, публикуются отдельные категории археологических материалов. Большое внимание уделено Леонидом Андреевичем трудам предшественников, в особенности архимандрита Антонина (Капустина).

Палестинская археология в трудах Леонида Андреевича не ограничивается иерихонскими пределами. Он выступает составителем сборника статей, посвященных русским раскопкам у храма Воскресения в Иерусалиме. История разнообразных российских исследований прошлых лет в регионе отражена в ряде статей, а также в двух ценных книгах: “Путевой дневник Н.П. Кондакова по Сирии и Палестине” (М., 2021) и “Сирия и Палестина в фотографиях И.Ф. Барщевского” (М., 2022), которые вышли под научным редактированием нашего юбиляра.

По-прежнему основная археологическая активность Леонида Андреевича и его команды сконцентрирована в монастырях Московской Руси: Златоустовском и Новодевичьем, Высоко-Петровском и Ивановском, Алексеевском и Зачатьевском. Проводятся археологические раскопки, вводятся в научный оборот новые находки. С этапами археологического изучения и современным состоянием археологии монастырей Московской Руси читатель может познакомиться в статье 2019 г. (КСИА. Вып. 256). Наиболее масштабные работы Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН, завершенные под руководством Леонида Андреевича в 2017 г., по-прежнему вводятся в научный оборот, чему свидетельством вышедший в 2022 г. сборник статей “От Иерусалима до Нового Иерусалима” (М., Новый Иерусалим). Само название этой книги, посвященной памяти архимандрита Леонида (Кавелина), судьба кото-

рого была связана как с Православным Востоком, так и с Ново-Иерусалимским монастырем, как нельзя лучше отражает широту и разнообразие интересов нашего юбиляра, выступившего ответственным редактором данного труда.

Особая роль в научном творчестве Леонида Андреевича уделена поиску археологических следов выдающихся исторических личностей. Персонализация археологических объектов, комплексов и находок — весьма редкое умение у представителей нашего цеха. Им Леонид Андреевич владеет мастерски. В последние годы в центре внимания юбиляра был Александр Невский, 800-летие которого отмечалось в 2021 г. В честь этого знаменательного события под руководством Леонида Андреевича проводилась крупная международная научная конференция, материалы которой изданы отдельным томом (М., 2021). Археологические следы других исторических персонажей — Петра Первого, князей Кубенских и Голицыных, княгини Анастасии Бельской и др. — всесторонне рассматриваются и публикуются. Особо следует отметить глубокое междисциплинарное исследование усыпальницы бояр Романовых XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве, получившее воплощение в виде первого выпуска монографии «В поисках бояр Романовых» (М., 2021), написанной в соавторстве с М.Б. Медниковой.

В нашем кратком очерке не уместится весь набор сюжетов, который рассматривался в последнее время Леонидом Андреевичем: среди них Спасо-Преображенский Собор Тверского Кремля и керамика Смоленска, антропоморфные саркофаги Руси и московская берестяная грамота, русские подвесные кресты и иконки и керамическая кровельная плитка. Стоит выделить особый интерес юбиляра к археологии Поволжья, связанный с самыми ранними периодами его научного творчества. Здесь за прошедшее время вышло две книги: монографическое обобщение

первых исследований в Свияжске 1978–1982 гг. (Казань, 2021) и подготовленные в соавторстве результаты исследований Малого Городка Великого Болгара в 1981–1983 и 2011–2015 гг. (М., Казань, 2018).

Наконец, Леониду Андреевичу не чуждо и теоретическое осмысление места археологии Нового и Новейшего времени в системе исторических наук. Здесь он является бесспорным пионером в этом чрезвычайно интересном и перспективном направлении исследований. Перспективы исторической археологии в России, ее связь с подобными исследованиями за рубежом, разнообразный опыт археологии современности — вот темы, которые в полной мере раскрываются в трудах нашего юбиляра.

Коснувшись в самом кратком виде некоторых итогов научной деятельности Леонида Андреевича Беляева за последние пять лет, невозможно не поразиться ее объемом и многогранностью. При этом «за бортом» остаются организационная работа по проведению охранных и академических раскопок, труды по созданию музейных и выставочных экспозиций, административная деятельность по руководству активно работающего отдела в нашем институте, многочисленные семинары и конференции, экспертизы и научное рецензирование. Не последнее место в этом списке занимает руководство нашим журналом, которое требует значительных сил в современное достаточно турбулентное время. Отрадно видеть, что Леонид Андреевич справляется со всем этим грузом с присущим ему изяществом и легкостью, оставляя незаметным для окружающих глаз сопровождающие его тяжести и проблемы. Мы вместе с нашими коллегами рады видеть нашего юбиляра полным бодрости и творческих сил и искренне желаем Леониду Андреевичу в день его 75-летия крепкого здоровья, реализации всех его творческих планов и радости новых научных свершений и открытий!

К 75-ЛЕТИЮ
Л. А. БЕЛЯЕВА

ДЕРЕВЯННАЯ МОДЕЛЬ ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ В РОССИИ И КОНРАД ШИК

© 2023 г. К. А. Вах^{1,2,*}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: k_vach@mail.ru

Поступила в редакцию 30.12.2022 г.

После доработки 30.12.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

Представляемая статья посвящена судьбе модели храма Воскресения (храм Гроба Господня) и части Старого города Иерусалима, изготовленной в 1863 г. специально для России, а также связанным с нею другим наглядным пособием Конрада Шика начала 1860-х годов.

Ключевые слова: Археология Иерусалима, архитектурные модели, храм Гроба Господня, Русские раскопки, Конрад Шик, М.И. Эппингер, Б.П. Мансуров, ИППО.

DOI: 10.31857/S0869606323020186, EDN: RGUUKW

В XIX в. святые места Палестины, в особенности Иерусалим с его местами поклонения, стали точкой пересечения интересов христианских государств Европы. Вновь после сотен лет сложный узел соперничества активизировался. В борьбе интересов трудно разделить нити глубинных религиозных противоречий, актуальной церковной политики и национальных государственных интересов. Борьба эта заметна и в сфере академической науки. Ярким ее проявлением стала полемика по вопросу об археологической и, особенно, топографической достоверности евангельского нарратива, доходившая до отрицания аутентичности традиционных мест распятия и погребения Иисуса Христа. Сомнения требовалось подтвердить (или опровергнуть) наблюдениями на месте. Эти наблюдения и ранние натурные исследования, такие как открытие Садовой гробницы и раскопки на принадлежавшем России участке к востоку от храма Гроба Господня, в свою очередь, рождали в мировом сообществе жаркие споры (подробно см.: Русские раскопки у храма Воскресения, 2022).

Натурных материалов было еще очень мало, научные исследования исторической топографии Иерусалима только начинались, поэтому в ход шли все доступные приемы получения и передачи знаний, подчас весьма оригинальные. Среди них — изготовление архитектурно-топографических макетов, или моделей.

По своей сути, макеты и модели являлись таким же трехмерным конструированием образов прошлого, который широко применяют и сего-

дня, строя виртуальные “разборные” модели сооружений и пространств для архитектурного анализа (Клименко С., Клименко Ю., Карелин, 2016. С. 765–775). До появления компьютерной графики их чертили или создавали в материале, чаще всего из дерева. Для демонстрации проектов модели особенно активно применяли архитекторы итальянского Ренессанса (Renaissance from Brunelleschi to Michelangelo, 1994). Деревянные модели крепостей использовали в XVI–XVIII вв. и позже для обучения военных, как “ящик с песком”; с XIX в. распространились деревянные сборные макеты известных зданий для детей, и другие учебно-игровые пособия.

Схожим способом сохраняли и передавали образы святых с эпохи раннего христианства. Особенно это касалось храма Воскресения (храма Гроба Господня) в Иерусалиме. Его трехмерные модели пилигримы развозили по всему свету, распространяя облик первообраза и, отчасти, его святость. На основе этих евлогий (среди них были и глиняные и каменные) в дальних странах строили “копии” Гроба Господня — обычно крайне редуцированные по форме и размеру (лучшая подборка до конца XX в.: Biddle, 1999)¹. Благодаря копиям и моделям возникали полномасштабные структуры — кальварии, или новые иерусалимы, ландшафтно-топонимические модели Святой Земли и Гроба Господня. Такая “копия” могла занимать десяток квадратных километров, а паломни-

¹ Благодарим Л.А. Беляева за знакомство с неопубликованным переводом этого труда.

чество к ней даровало индульгенцию, близкую по весу к реальному паломничеству в Палестину. Почетное место среди них занимает Новый Иерусалим на р. Истре, построенный во второй половине XVII в. (Беляев, 2016. С. 400–417, там же литература).

Практику копирования Нового времени отличали элементы рационального и даже раннего научного подхода. От копии уже ждали достоверности, убедительности, исторической аргументированности подосновы — их обеспечивали архитектурные обмеры и, порой, даже исследования. “Кустоды” (стражи) Святой Земли, францисканцы, включали в книги о святых местах масштабные чертежи построек, а в Вифлееме, который славился своими резчиками, под их патронажем, по крайней мере с XVII в., делали деревянные, украшенные перламутром, копии храма Гроба Господня. К ним прикладывали объяснения и специальные инструкции; их можно было изучать, разбирая, как современный детский конструктор (в каталоге М. Пичирилло учтено более 30 макетов храма Гроба Господня, около 20 кувуклий, столько же копий базилик Рождества и др., см.: Piccirillo, 2007). Появлялось все больше графических реконструкций, адресованных путешественникам и паломникам: аксонометрический разрез храма и легенду к нему сегодня увозит с собой почти каждый, кто посетил Иерусалим (часто в довольно нелепом варианте, вроде настольной подкладки или магнита).

Среди воспроизведений “Гроба Господня” особое место занимают крупные макеты в масштабе — они больше портативных копий, но гораздо мельче полноразмерных. Их можно обойти вокруг, иногда даже ступить внутрь, чувствуя себя Гулливером в стране лилипутов. Они представляют чаще всего библейский Иерусалим с Храмовой горой и ее отдельные постройки в разные периоды, а также храм Воскресения с окрестностями. Такие модели делали в мастерской Конрада Шика (1822–1901) — миссионера, механика, столяра, строителя-самоучки и археолога-любителя из Швейцарии. В последние полвека его творчество привлекает повышенное внимание историографов (Strobe, 1998; Jubeh, 2019. P. 7–18; Goren, Rubin, 1996. P. 103–124; Gibson, 2000. P. 113–122; Magouliotis, 2020. <https://journals.openedition.org/abe/>; и др.).

Интерес к нему многосторонний, и в том числе (возможно, в первую очередь) как к автору и проектировщику деревянных моделей: их все чаще ставят в его биографиях на первое место.

Эти модели — особого рода “сочинения”, в которых накопленные знания и идеи выражены не словами, а сразу в форме реконструкции, наглядного эксперимента: творческий труд помогал распространять идеи и знания. А К. Шик было что

показать. Он изучил историческую топографию Иерусалима как никто другой, в особенности подземные сооружения: цистерны и коммуникации Старого города. Начиная с конца 1860-х годов К. Шик активно публиковал, но его археологические наблюдения и гипотезы (как и находки других ученых) впервые нашли отражение еще в первой половине 1860-х годов в построенных им разборных деревянных моделях. В этих работах отражен реальный Иерусалим XIX в. и представления о городе, включая историю ветхозаветного Храма, церкви Гроба Господня с окрестностями, постройки исламского периода на Храмовой горе.

Эти представления типичны для своего времени: К. Шик оперировал древними источниками, особенно Флавием (хотя и не был специалистом), он открыл и опубликовал множество древних надписей, интересовался растениями, рельефом, фольклором Палестины — поскольку это раскрывало мир Библии.

Он издал в печатных органах лондонского Фонда исследований Палестины (Palestine Exploration Quarterly) и Германского Общества исследований Палестины (Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins) более полусотни статей с десятками карт, схем, исторических документов.

Конрад Шик посвятил изучению Иерусалима более полувека. Его вклад в науку своего времени, при всей наивности общих исторических представлений, ценен как серия систематических наблюдений. Он не пропускал ни одного здания и котлована, не описав их; его документация по городу (фотографии, планы, записи) уникальна. Им открыты старые ворота возле Новых Ворот, изучены здания францисканцев в Старом городе и топография Храмовой горы. Он исследовал окрестности храма Гроба Господня (Муристан, зону Русского подворья и прилегающих рынков), нанося на карту квартал за кварталом. Он стремился проследить Кардо максимус и восстановить план иерусалимской базилики Константина Великого в ее многовековом развитии.

Ему приписывают открытие альтернативной “Садовой Гробницы” к северу от Дамасских ворот. В 1867 г. К. Шик объявил, что место Распятия (а этот вопрос чрезвычайно волновал археологов, историков и религиозных ученых) не может находиться на участке церкви Гроба Господня. Это заявление вызвало такой шум в научной среде, что он не смолк и после смерти Шика. Через 10 лет генерал Чарльз Гордон объявит сад местом погребения Христа, вызвав особое внимание протестантов, и “Садовая Гробница” станет святым местом для протестантов Иерусалима. Ведущая к ней от Дамасских ворот улица названа в память Конрада Шика (Schick, 1886. P. 155; Barkay, 1986. Pp. 40–57; Kark, Frantzman, 2010. P. 199–216).

Великий краевед досконально знал памятники древнего города. Именно поэтому его модели оригинальны и наглядны. Они содержат отсутствующий в иных источниках взгляд на вопросы, которые казались XIX в. исключительно важными. Среди них — распределение прав на контроль святых мест и вопрос о месте Распятия, т.е. о соотношении Голгофы с линией городской стены Иерусалима в момент наступления новой эры. Для демонстрации всех этих ситуаций модели удобнее чертежей для демонстрации всех этих ситуаций, особенно если их обсуждать вдали от Иерусалима. Отчасти потому, что объекты сложны для восприятия и объяснений, они не плоские: рельеф Иерусалима очень разнообразен, сооружения имеют много ярусов, различную принадлежность, функции, происхождение.

Не удивительно, что мнение и опыт К. Шика ценили ученые из Европы и США, изучавшие Иерусалим: его постоянно привлекали как консультанта или куратора, и ему же заказывали модели — это репутация ремесленника и ученого в одном лице.

Всего К. Шик изготовил не менее 15 моделей, и сверх того — делал их копии. Наиболее известны среди них модели Храмовой горы. Назни ал-Джубе полагает, что первая была построена около 1872 г. (Jube, 2019 P. 7—18), когда исламский вакуф позволил Шикуну изучить Харам ал-Шариф, открыв все объекты, включая источники и подземелья. Точная трехмерная модель, основанная на исследовании *de visu*, стала главным источником данных о горе, особенно при отсутствии на нее доступа для иноверцев. Конструкция макета была близка виффлеемским моделям — она разборная и позволяла открыть нижние уровни.

К. Шикун Храмовая гора была важна как основа для реконструкции Первого и, особенно, Второго Храма эпохи его высшего расцвета в ранний римский период, в дни проповеди Христа. Модели храмов несут ясный отпечаток Ренессанса: Шик видел архитектуру через призму классической теории. Его интересовал и позднейший, византийский, этап античности — среди моделей Храмовой горы есть вариант, на котором реконструирована, по детальному описанию Прокопия, Неа (ок. 530 г.). К. Шик полагал (таково было общее мнение), что эта Новая церковь Богородицы, которая лежит под мечетью Аль-Аксы. Найденная в 1884 г. карта Мадабы обозначила место храма иначе, в южном конце византийского Кардо, но К. Шик не согласился с такой трактовкой (ее правота подтвердилась в конце XX в., когда остатки церкви были раскрыты на краю Старого Города, внутри и снаружи его южной стены). Модели Храмовой горы можно назвать авраамическими или диахронными, они показывают святые места

иудеев, христиан и мусульман, сложившиеся на протяжении тысячелетий.

Но для нас особенно важны модели храма Гроба Господня, которые появились раньше макетов Храмовой горы. В них К. Шик обозначал и пояснял изменения чрезвычайно сложного архитектурного организма от постройки в IV в. до полного обновления в эпоху крестоносцев. Для общей реновации храма, задуманной после Крымской войны, модель Шика была настоящим источником аргументов, позволявших понять и трудно воспринимаемую композицию здания, и его владельческую структуру.

В Иерусалиме в специальном зале протестантского колледжа и приюта Шмидта для девочек (Paulus Haus) напротив Дамасских ворот Старого города, хранятся макеты застройки Храмовой горы на 1870-е годы и гипотетическая реконструкция Скинии Завета (проброзда Храма), а также незаконченная модель храма Гроба Господня.

Модели не были портативны, но их можно было разобрать и перевозить на большие расстояния по морю. Модель Храмовой горы с Куполом Скалы заказал турецкий султан. Версия со Вторым храмом была показана в Оттоманском павильоне на международной выставке 1873 г. в Вене (в 2012 г. ее купит Крайст-Чёрч — англиканская миссия, базирующаяся в церкви Креста в Иерусалиме). Модели показывали в городах Англии; самая поздняя, с реконструкцией Храмовой горы четырех периодов, была на Всемирной выставке в Сент-Луисе (США) 1904 г. Копии моделей встречаются в Британии, Франции, Германии, Швейцарии. Их по-прежнему ценят и используют (в 2013 г. модель Купола Скалы и его площадки на 1872—1873 гг. продали на аукционе в Лондоне за 242 500 фунтов). В колледже Шмидта экспонируется модель, также представляющая разные периоды, от раннего железного века до XIX в. Особой была судьба модели храма Гроба Господня, которую купил король Вюртемберга Карл I (за эту работу он даровал Конраду Шикуну почетный титул придворного советника по строительству).

Отметим, что данных для научной реконструкции у Шика еще не было, в чем виноват не он, а уровень развития археологии и истории. Он строил модели, опираясь не только на детальные промеры, но и на интуицию, за которой стояло его эмпирическое знание топографии древнего Иерусалима. Каждая реконструкция К. Шика обладает высокой научной и музейной ценностью, это своеобразные памятники историографии. Включение в их круг модели, специально сделанной для России — важное дополнение к визуальным источникам по истории Иерусалима. Ее судьба до недавнего времени была неизвестна (она практически выпала из поля зрения западных исследователей и почти не упоминается в отечественной

историографии), и потому даже сам факт ее существования выглядел не вполне правдоподобным.

История появления “русского” макета легко объяснима. К. Шик много и успешно сотрудничал с представителями России, получал их поддержку и оказывал им, по мере возможности, свою помощь (Masterman, 1902. Р. 146–48; Конрад Шик, 1901. С. 776–778). Немудрено, что среди заказчиков модели оказался Б.П. Мансуров. В 1863 г. он писал в своей незаслуженно забытой сегодня монографии о базилике императора Константина: “Г[осподина] Шика я сам имею честь знать очень давно. Еще в 1860–1862 гг. он, будучи очень уважаем покойным академиком архитектором М.И. Эппингером, много работал для нас и по нашему заказу сделал весьма замечательную разборную модель храма Гроба Господня с ближайшими окрестностями, которая доставлена была в С.-Петербург в декабре 1863 г., представлена была в Бозе почившему государю императору Александру Николаевичу и по Его Высочайшему повелению подарена Московскому Публичному музею, где она и выставлена в особом помещении, ежедневно открытом для публики”. Тут же в сноске сказано, что существовала и “точная копия с этой модели” (Мансуров, 1885. С. 55), изготовленная в Петербурге для Министерства иностранных дел, но дальнейшая судьба копии не прослеживается.

Другой документ представляет собой краткое изложение обстоятельств покупки и доставку в Штутгарт модели для короля Вюртемберга. Это составленная советником короля фон Гросом “Записка касательно модели, изготовленной К. Шиком” (Иерусалим, 28 апреля – Штутгарт, 26 февраля 1863 г.). По нашей просьбе она переведена Денисом Анатольевичем Сдвижковым при участии профессора Андрея Владимировича Доронина (Германский исторический институт в Москве), которым выражаем искреннюю признательность. В архиве РГБ по нашему запросу Ольгой Леонидовной Соломиной в фонде П.И. Севастьянова выявлены сопроводительные записки МИДа к прибывшей в Россию модели. АВПРИ хранит подробную переписку М.И. Эппингера – главного архитектора Русских построек – с Б.П. Мансуровым. Эти и другие привлеченные документы существенно дополнили и уточнили представления о ситуации, в которой был заказан и изготовлен макет храма Гроба Господня.

В 1861 г. султан, желая компенсировать потери католической церкви, произошедшие в результате Дамасской резни, согласился уступить ей здания, прилегающие к храму Гроба Господня с севера (фактически на уровне его крыши, над “комнатами католиков”) и даже отмеченные минаретом: дом Абдалла-Эффенди и Ханке (Ханка аль-Сала-

хия, суфийский монастырь в Христианском квартале, при крестоносцах резиденция Латинского Патриарха, в 1189 г. переданная Саллах ад-Дином ордену суфиев).

Получив от султана приказ представить общий план обсуждаемых объектов, губернатор Иерусалима Сурейя-паша заказал деревянную модель и попросил М.И. Эппингера дать письменное заключение о качестве и точности работы; ее нужно было отослать в Стамбул как наглядное пособие. Модель оказалась точной, но детально показывала лишь Ханке (См. письма Эппингера в Палестинский комитет и лично Мансурову: М.И. Эппингер – Б.П. Мансурову. 8 ноября 1861 г. – АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 17. 1857 г. Ч. 40. Л. 1об.; М.И. Эппингер – Палестинскому комитету. 24 мая 1862 г. – АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 17. 1857 г. Ч. 40. Л. 3об.; М.И. Эппингер – Б.П. Мансурову. 24 мая 1862 г. – Там же. Л. 2; М.И. Эппингер – в Палестинский комитет. 24 мая 1862 г. – Там же. Л. 4).

Все это крайне взволновало греческого Иерусалимского патриарха Кирилла. Он попросил Эппингера заказать макет и для него, но более подробный по отношению к владениям православных. Здесь в документах впервые появляется имя “столярного мастера Шика”, который обещал исполнить заказ “из простого дерева” к концу июля 1862 г.: “Его Блаженство просил меня заказать столярному мастеру Шик (который сделал модель для паши) другую модель, но еще с большими подробностями. Т.е. Ханке, храмы и ближайших других соседей, одним словом всей местности между двумя минаретами: Ханке и близь Ефсиманского подворья, напротив площадки храма Господня” (М.И. Эппингер – в Палестинский комитет. 24 мая 1862 г. // АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 17. 1857 г. Ч. 40. Л. 4).

В бумагах А.А. Дмитриевского обнаружено подробное описание нового макета: “Заказанная для Патриарха модель Ханке с прочими соседними постройками почти окончена. В модели представлены следующие местности: А) От угла Ханке мимо нашего госпиталя и Патриархии до переулочка, ведущего на Святогробскую площадку; Б) Сказанный переулок мимо Святогробской площади – Авраамьевского монастыря – Греческих лавок до угла нашего места; С) Поворотив налево по улице от угла нашего места, мимо двух турецких лавок – по крытому базару до дома Али-Эффенди, который занимал Владимир Ипполитович², и затем Д) От этого дома, вверх по улице, мимо Харлампьевского монастыря, до угла Ханке. В модели представлены в деталях внутренние размещения:

² Владимир Ипполитович Доргобужин – первый русский консул в Иерусалиме (1858–1860 гг.).

- 1) Храма Св. Гроба.
- 2) Храма Воскресения.
- 3) Ханке

и затем наружный вид всех построек и площадей этой местности, с показанием уклонов по улицам и горизонты всех площадок.

Модель исполнена удовлетворительно — верно с натурою. Модель эта настолько интересна, что очень желательно было бы заказать таковую же — для отсылки в Петербург. Модель стоит 15 тыс. пиастров.

Жду в скором времени Вашего приказания по этому предмету. Теперь один из первых случаев иметь подробную модель этой местности. Модель эта, при некоторых случаях, может быть полезна в Петербурге, при могущих встретиться рассуждениях по предполагаемой перестройке купола на Святогробском храме. На будущее время же, модель эта — несомненно будет иметь большой интерес как снятая во время оно с натуры” (М.И. Эппингер — Б.П. Мансурову. 15 августа 1862 г. ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 40. Л. 9-9об.).

М.И. Эппингер советовал заказать аналогичную модель для практических целей, чтобы в Петербурге могли иметь наглядное представление о современном устройстве главной христианской святыни и о расположении в храме Воскресения владений различных конфессий: в это время остро обсуждался с Францией вопрос о будущей реконструкции купола над Гробом Господним.

Б.П. Мансуров в представлении этого предложения Палестинскому комитету и его председателю А.В. Головинину предложил заказать свою копию, “воспользовавшись ныне пребыванием в Св. Граде художника, исполнившего упомянутую модель”. Таковое поручение было М.И. Эппингеру выдано 5 октября 1862 г. с тем, чтобы по изготовлении копия была отправлена в Петербург на одном из русских военных судов (Б.П. Мансуров — в Палестинский комитет. 25 сентября 1862 г. АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 17. 1857 г. Ч. 40. Л. 6). Уже через месяц архитектор отчитался о сделанном заказе (М.И. Эппингер — Б.П. Мансурову. 15 августа 1862 г. ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 40. Л. 160-160об.). Он писал, что заказал модель Ханке “с прочими окрестностями и с некоторыми еще большими подробностями против модели, исполненной для Его Блаженства Патриарха Иерусалимского”, заключив “условие с г. Шиком, распорядителем столярной и токарной мастерской, учрежденной английской миссией в Иерусалиме”. К. Шик “обязался модель эту исполнить в 3—3.5 месяца за цену пятнадцать тысяч пиастров ... По сему условию модель будет изготовлена в последних числах февраля или в начале марта будущего 1863 года” (М.И. Эппингер — Б.П. Мансурову. 3 ноября 1862 г. АВПРИ.

Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 17. 1857 г. Ч. 40. Л. 11—11об.).

21 апреля 1863 г. Эппингер сообщил об исполнении контракта: “Модель Святогробского храма с окрестностями, заказанная заведующему мастерской Протестантского Общества г-ну Шику, окончена им в начале сего апреля месяца и причитающиеся ему за оную работу деньги, согласно условию, уплачены. На днях, модель эта будет мною отправлена в Яффу, в наше вице-консульство, на случай прихода фрегата “Ослабя”.

Модель эта выполнена верно с натурою и с большими подробностями, чем та, которая была сделана для патриарха иерусалимского. Она передает все интересные подробности храмовых интерьеров и Ханке, представляя в деталях разделение собственности между различными исповеданиями.

Модель эта тогда только вполне интересна, когда с терпением, по прилагаемому при сем описанию проследится вся местность и все внутренние расположения. <...>

При сем прилагаю представленную мне г-ном Шиком записку, в которой вкратце упоминается о прежде исполненных им по заказам различных лиц таких же моделях и о полученной им от короля вюртембергского золотой медали за выполненную для него модель, которая была им отослана в Штутгарт в декабре месяце прошедшего 1862 года” (М.И. Эппингер — Б.П. Мансурову. 21 апреля 1863 г. Там же. Л. 12—12об.).

Еще в конце 1862 г. управляющий Морским министерством Н.К. Краббе распорядился доставить макет из Яффы в Россию на военном фрегате “Ослябя”. Но фрегат в порту Яффы так и не появился. Тем временем в Константинополе продолжались переговоры между Портой, Францией и Россией о необходимости срочного ремонта купола храма Гроба Господня. Присутствие в Иерусалиме русского архитектора автоматически делало его включенным в этот процесс как эксперта. Говорить же об архитектурных особенностях храма Гроба Господня с дипломатами и чиновниками в Петербурге было сложно, и М.И. Эппингер был лично заинтересован в скорейшей отправке в Россию изготовленного К. Шиком макета. Он писал: “Для переговоров по делу о куполе было бы излишним, чтобы изготовленная модель Святогробского храма была в Петербурге, ...почему я и решился отослать эту модель с первым отходящим русским пароходом в Одессу”. (М.И. Эппингер — Б.П. Мансурову. 29 июля 1863 г. Там же. Л. 19).

Разобранную и упакованную в два ящика модель погрузили на пароход “Эльбрус” Русского Общества Пароходства и Торговли в самом конце июля 1863 г. (АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 428). Эппингер составил особую инструкцию по распаковке ящиков,

упомянув, что разборные части модели “прикреплены в нескольких местах маленькими гвоздиками и штифтиками”, а “минареты завернуты и положены отдельно”, вместе с металлическим крестиком, “который следует поставить на купол Храма Воскресения” (М.И. Эппингер — Б.П. Мансурову. АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 17. 1857 г. Ч. 40. Л. 18—18об.). 15 августа ящики были уже в Одессе, но в дело вмешались таможенные правила и регламенты. В итоге макет доставили в Петербург на подводах лишь в декабре 1863 г. Ящики решили не вскрывать до возвращения в Россию Б.П. Мансурова: председатель Палестинского комитета А.В. Головин полагал, что ему “конечно приятно будет самому представлять и объяснять модель государю” (Там же. Л. 26).

То, что Палестинский комитет желал представить царю уникальную модель храма, судьбу которого Александр II обсуждал с Наполеоном III, не удивительно. Но о появлении ее в России скоро узнали, и Московский Румянцевский музей, желая привлечь дополнительное внимание публики, тут же обратился в Палестинский комитет с просьбой передать для экспозиции эту редкость (Н.В. Исаков — А.В. Головнину. 7 января 1864 г. Там же. Л. 30).

За этим обращением стоял известный коллекционер и путешественник П.И. Севастьянов, он намеревался включить модель храма в экспозицию отдела Христианских древностей, созданного на основе его коллекции.

А.В. Головин вновь ответил, что сначала Б.П. Мансуров должен представить макет государю, передача же “в московский музей или другое учреждение будет зависеть от воли Его Императорского Величества” (А.В. Головин — Н.В. Исакову. 8 января 1864 г. ОР РГБ. Ф.269/1 (Архив П.И. Севастьянова). Картон 26. Д. 58. Л. 1об.).

Б.П. Мансуров в Петербурге ждал неприятный сюрприз: председатель Палестинского комитета А.В. Головин договорился с главой МИДа А.М. Горчаковым ликвидировать Комитет и создать Палестинскую комиссию при Азиатском департаменте МИД. Возможность лично представить императору макет храма Гроба Господня было лишь средством сгладить то огорчение, которое неминуемо должен был испытать Мансуров (Вах. 2011. С. 17—30).

Император, осмотрев макет, а также планы и рисунки строящихся в Иерусалиме Русских паломнических приютов, повелел передать все это Московскому Румянцевскому музею (распоряжение директора Азиатского департамента МИД от 12 июня 1865 г.: Архив РГБ. Оп.1. Д. 32. Л.92—92об.). Уведомление о поступлении макета в музей датируется 11 сентября 1865 г. (Там же. Л. 123). Но подробное описание макета, вопреки словам

М.И. Эппингера, осталось в Азиатском департаменте МИД (АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. II-9. Оп. 46. Д. 17. 1857 г. Ч. 40. Л. 32).

В отчете о пожертвованиях, поступивших для Румянцевского музея в 1865 г., упомянута модель “Иерусалимского Храма Гроба Господня, которая хранится в устроенной для того обширной витрине” (Отчет МП и РМ за 1865 г. М., 1868. С. 33). Место витрины указано в другом отчете: “Зала 4-я верхнего этажа. Христианские древности с первых веков до X столетия <...>”. “Большая витрина. Модель Иерусалимского храма Гроба Господня” (Отчет МП и РМ за 1867—1869 г. М., 1870. С. 184, 185). Имя К. Шика никогда и нигде в связи с этой моделью не упоминалось. В экспозиции Румянцевского музея были также два рельефных плана Иерусалима, рельефный план Афонской горы, модель римских катакомб св. Агнии (“из пробкового дерева в двух разрезах с масштабом”) и “модель развалин древнехристианского храма в Крыму у подошвы Аю-Дага” (Московский Публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей. А. Древности христианские. М., 1901. С. 6.).

Судьба макета Шика обрывается вместе с историей Румянцевского публичного музея: после революции 1917 г. его передали в Оружейную палату Кремля, акт об этом обнаружен нами в архиве Российской государственной библиотеки. Считаю необходимым его привести полностью, так как он может послужить отправной точкой в дальнейших поисках:

Акт.

12 февраля 1928 года мы, нижеподписавшиеся, заведующий отделом графики Публичной библиотеки им. В.И. Ленина Н.Д. Протасов и заведующий отделом памятников Кремля Государственной Оружейной палаты Н.Н. Померанцев составили настоящий акт в том, что, согласно телефонограммы Музейного отдела Главнауки Наркомпроса от 11 февраля с. г. за № первый сдал, а второй принял из помещений б. Румянцевского музея для перевозки в Кремль:

1. 140 фрагментов древних кремлевских зданий;
2. 8 ящиков гипсовых слепков с изразцов;
3. 1 модель разборную Старого Иерусалима.

Передача произведена 14 февраля 1928 г. подписи”.

(Архив РГБ. Оп.14. Д.1. (1928 г.) Л.161. На документе надпись: “К акту № 1729”)

Розыск этой модели Конрада Шика — задача актуальная. Хотя изготовлена она, как выразился М.И. Эппингер, “во время оно”, но в ней зафиксированы проведенные к тому моменту на местности топографические, архитектурные и археологические обследования. Этим не может похвастаться, например, фундаментальный труд Р. Уиллиса о храме Гроба Господня, написанный

в лондонском кабинете (Willis, 1849), которому, как и его консультанту Дж. Уильямсу, не были доступны обширные натурные данные, на которые опирался Шик (Вах, 2020. С. 34–36). Макет К. Шика создан с учетом его исследований подземных пространств и сооружений (цистерн, фундаментов и пр.), данных “русских раскопок” и других новейших исследований в Иерусалиме.

Относиться к этой модели как к серьезному источнику сведений заставляет и отзыв М.И. Эппингера, участника полной реконструкции купола над Гробом Господним в 1866–1868 гг.: модели были проверены им на месте и найдены точными, и верными даже в деталях.

Можно уточнить ряд подробностей, связанных с моделированием в мастерской К. Шика. Документы затрагивают четыре последовательно изготовленные модели: для турецкого губернатора Иерусалима (весна 1862 г.); для Греческой Патриархии (конец июля 1862 г.); для короля Вюртемберга Карла I (декабрь 1862 г.); для Палестинского комитета (начало апреля 1863 г.). Следовательно, на изготовление одной модели уходило от 4 до 5 мес. Не менее двух моделей имели подробную детализацию: на греческой модели, согласно описанию М.И. Эппингера, кроме храма и Ханке в его северо-западной части были показаны все строения и площадки, примыкавшие к комплексу храма с четырех сторон, включая и Русское место в юго-восточной части. Вариант для России, согласно Эппингеру, заказан “с некоторыми еще большими подробностями”. Вероятно, речь шла о территории с открытыми к тому моменту на Русском месте древностями и прилегающими участками. Это делалось неслучайно, потому что в этот момент Палестинский комитет предпринимал усилия увеличить путем покупки территорию возле Храма (Вах К.А. 2019. С. 119–147). Детализация должна была представить территорию Русского места более подробно, вероятно, включая все открытые там к этому моменту древности.

В упомянутой книге Б.П. Мансурова о базилике императора Константина в Иерусалиме автор ссылаясь на изготовленный по его поручению макет, который в тот момент был выставлен на всеобщее обозрение в Москве. Тем самым он опровергал утверждения В.Н. Хитрово о том, что представители России за 25 лет ничего не сделали для исследования участка.

Для самого К. Шика эта модель стала началом работы над реконструкцией Базилики Константина по материалам раскопок Палестинского Общества, опубликованным в 1884 г. Более того, в процессе работы над данной статьей удалось обнаружить информацию о заказе в 1894 г. аналогичной модели для ИППО, которая включала в себя весь район вокруг храма Гроба Господня, учитывала результаты раскопок 1883 г., теорию

Шика о наличии городского рва и крепости Акра; к модели прилагался подробный план, сделанный на бумаге. К сожалению, пока неизвестно где сейчас находятся этот макет и план (Конрад Шик, 1901. С. 778).

Итак, российская модель была создана для объяснения топографии храма Гроба Господня с учетом проведенных в 1859–1861 гг. раскопок на его восточной оконечности, на Русском месте. Но она была актуальна и в контексте спора об исторической топографии Иерусалима, о подлинности Голгофы и могилы Христа, вспыхнувшим в науке в 1841 г. История моделей, таким образом, важна не только для восстановления политики держав в Палестине, или деталей биографии Конрада Шика. Это серия новых фактов о ранней стадии научной жизни в Иерусалиме 1860-х годов.

Если модель удастся обнаружить, она, несомненно, внесет интересные детали и в историю самого храма Воскресения (Гроба Господня). К сожалению, нам пока не удалось найти ее след, она исчезла в перипетиях русской истории XX в. Однако новые архивные материалы, обнаруженные по ходу работы над темой, позволяют подробно проследить обстоятельства ее создания, путь в Россию и судьбу вплоть до революции 1917 г. Это дает надежду найти саму модель (все же принятую Оружейной палатой на хранение), ее детали, хорошие фотографии и описания. Новые документы позволили с большой подробностью описать процесс появления на свет и других моделей из группы 1860–1863 гг.

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института археологии РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению “Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи” Минобрнауки РФ и МОО “ИППО” в 2023 г. № НИОКТР 122070800051-6 “Русский вклад в научное освоение наследия Святой Земли: новые источники и документы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы науч. конф. / Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 400–417.
- Вах К.А. Из предистории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания: междунар. науч. конф. (10 ноября 2011 г.). М., 2011. С. 17–30.
- Вах К.А. Иерусалимский консул К. А. Соколов: между Палестинским комитетом, Русской Духовной

- Миссией и Греческой Патриархией. (Причины “консервации” Русских раскопок на участке у храма Гроба Господня в Иерусалиме) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 9. М.: Индрик, 2019. С. 119–147.
- Вах К.А. Первые русские раскопки у Храма Гроба Господня в Иерусалиме в 1859–1861 гг. // Исторические записки. Вып. 19 (137). М., 2020. С. 34–36.
- Клименко С.В., Клименко Ю.Г., Карелин Д.А. Создание трехмерных научных реконструкций памятников архитектуры: опыт исторических исследований в Московском архитектурном институте // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 765–775.
- Мансуров Б.П. Базилика императора Константина в Святом Граде Иерусалиме: По поводу русских раскопок близ храма Гроба Господня. М.: Типо-литография И. Н. Кушнерова и К^о, 1885. X, 200 с., 14 л. ил.
- Конрад Шик: некролог // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901. Т. XII. С. 776–778.
- Mansurov B.P. Bazilika imperatora Konstantina v Svyatom Grade Ierusalime: Po povodu russkikh raskopok bliz khrama Groba Gospodnya [Базилика императора Константина в Святом Граде Иерусалиме: По поводу русских раскопок близ храма Гроба Господня]. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva i K^o, 1885. X, 200 p., ill.
- Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссия, современная интерпретация / Авт.-сост. Л.А. Беляев, К.А. Вах, Я. Чехановец. М.: Индрик, 2022. 666 с.
- Barkay G. The Garden Tomb: Was Jesus Buried Here? // Biblical Archaeology Review. 1986. V. 12. № 2. P. 40–57.
- Biddle M. The Tomb of Christ. Sutton Publishing, 1999. 172 p.
- Gibson S. Conrad Schick (1822–1901), the Palestine Exploration Fund and an 'Archaic Hebrew' Inscription from Jerusalem // Palestine Exploration Quarterly. 2000. V. 132. № 2. P. 113–122.
- Goren H., Rubin R. Conrad Schick's models of Jerusalem and its monuments // Palestine Exploration Quarterly. 1996. V. 128. P. 103–124.
- Jubeh al- N. Conrad Schick: Pioneering Architect, Archaeologist, and Historian of Nineteenth Century Jerusalem // Jerusalem Quarterly. 2019. V. 67. P. 7–18.
- Kark R., Frantzman S.J. The Protestant Garden Tomb in Jerusalem, Englishwomen, and a Land Transaction in Late Ottoman Palestine // Palestine Exploration Quarterly. 2010. V. 142. № 3. P. 199–216.
- Magouliotis N. Miniaturizing monuments: Conrad Schick and his architectural models of the holy sites of Jerusalem [Электронный ресурс] // ABE journal (Architecture Beyond Europe). 2020. V. 18. URL: <https://journals.openedition.org/abe/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Masterman E.W.G. Obituary: The Important Work of Dr. Conrad Schick // Biblical World. 1902. V. 20. № 2. P. 146–48.
- Piccirillo M. La nuova Gerusalemme, Artigianato Palestinese al servizio dei Luoghi Santi. Jerusalem: Edizioni Custodia di Terra Santa, 2007. P. 276.
- Renaissance from Brunelleschi to Michelangelo: The Representation of Architecture / Eds. H.A. Millon, V.M. Lampugnani. Milan: Bompiani, 1994. P. 730.
- Schick C. Newly Discovered Rock Cut Tombs in Dominican Premises // Palestinian Exploration Fund Quarterly Statement. 1886. 18. P. 155.
- Strobe A. Deine Mauern stehen vor mir allezeit: Bauten und Denkmäler der deutschen Siedlungs- und Forschungsgeschichte im Heiligen Land // Biblische Archäologie und Zeitgeschichte. V. 7. Gießen: Brunnen, 1998. P. 65.
- Willis R. Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre of Jerusalem. London: Parker, 1849. 210 p.

A WOODEN MODEL OF THE CHURCH OF THE HOLY SEPULCHER IN RUSSIA AND CONRAD SCHICK

Kirill A. Vakh^{a,b,#}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^bInstitute of Russian Literature RAS, St. Petersburg, Russia

[#]E-mail: k_vach@mail.ru

This article discusses the fate of a scale model of the Resurrection (Holy Sepulcher) Church and parts of the old city of Jerusalem made in 1863 by Conrad Schick specifically for Russia, as well as another Schick's visual aid of the early 1860s associated with the model.

Keywords: archaeology of Jerusalem, architectural models, Church of the Holy Sepulcher, Russian excavations, Conrad Schick, M.I. Eppinger, B.P. Mansurov, IOPS.

REFERENCES

- Barkay G., 1986. The Garden Tomb: Was Jesus Buried Here? *Biblical Archaeology Review*, 12, no. 2, pp. 40–57.
- Belyaev L.A., 2016. Archaeology of New Jerusalem and the Franciscan idea in Central Europe of the 17th century. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: materialy nauchnoy konfer-*

- entsii [From the Time of Troubles to the empire. New discoveries in archaeology and history of Russia of the 16th–18th centuries: Proceedings of a Scientific conference]. L.A. Belyaev, A.V. Yurasov, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 400–417. (In Russ.)
- Biddle M., 1999. The Tomb of Christ. Sutton Publishing. 172 p.
- Conrad Schick: Obituary. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Communications of the Imperial Orthodox Palestinian Society]*, 1901, XII, pp. 776–778. (In Russ.)
- Gibson S., 2000. Conrad Schick (1822–1901), the Palestine Exploration Fund and an 'Archaic Hebrew' Inscription from Jerusalem. *Palestine Exploration Quarterly*, 132, 2, pp. 113–122.
- Goren H., Rubin R., 1996. Conrad Schick's models of Jerusalem and its monuments. *Palestine Exploration Quarterly*, 128, pp. 103–124.
- Jubeh al- N., 2019. Conrad Schick: Pioneering Architect, Archaeologist, and Historian of Nineteenth Century Jerusalem. *Jerusalem Quarterly*, 67, pp. 7–18.
- Kark R., Frantzman S.J., 2010. The Protestant Garden Tomb in Jerusalem, Englishwomen, and a Land Transaction in Late Ottoman Palestine. *Palestine Exploration Quarterly*, vol. 142, no. 3, pp. 199–216.
- Klimenko S.V., Klimenko Yu.G., Karelin D.A., 2016. Creation of 3D scientific reconstructions of architectural monuments: Experience in historical research at the Moscow Architectural Institute. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sbornik nauchnykh statey [Topical problems of the theory and history of art: Collected scientific articles]*, 6. A.V. Zakharova, S.V. Mal'tseva, E.Yu. Stanyukovich-Denisova, eds. St. Petersburg: NP-Print, pp. 765–775. (In Russ.)
- Magouliotis N., 2020. Miniaturizing monuments: Conrad Schick and his architectural models of the holy sites of Jerusalem (Electronic resource). *ABE journal (Architecture Beyond Europe)*, 18. URL: <https://journals.openedition.org/abe/>.
- Mansurov B.P., 1885. Basilika imperatora Konstantina v Svyatom Grade Ierusalime: Po povodu russkikh raskopok bliz khrama Groba Gospodnya [Basilica of Emperor Constantine in the Holy City of Jerusalem: to the Russian excavations near the Church of the Holy Sepulcher]. Moscow: Tipo-litografiya I.N. Kushnereva i K^o, 1885. X, 200 p., ill.
- Masterman E.W.G., 1902. Obituary: The Important Work of Dr. Conrad Schick. *Biblical World*, vol. 20, no. 2, pp. 146–48.
- Piccirillo M., 2007. La nuova Gerusalemme, Artigianato Palestinese al servizio dei Luoghi Santi. Jerusalem: Edizioni Custodia di Terra Santa. 276 p.
- Renaissance from Brunelleschi to Michelangelo: The Representation of Architecture. H.A. Millon, V.M. Lampugnani, eds. Milan: Bompiani, 1994. 730 p.
- Russkie raskopki u khrama Voskreseniya v Ierusalime: istochniki, diskussiya, sovremennaya interpretatsiya [Russian excavations at the Church of the Resurrection in Jerusalem: Sources, discussions, modern interpretation]. L.A. Belyaev, K.A. Vakh, Ya. Chekhanovets, comp. Moscow: Indrik, 2022. 666 p.
- Schick C., 1886. Newly Discovered Rock Cut Tombs in Dominican Premises. *Palestinian Exploration Fund Quarterly Statement*, 18, p. 155.
- Strobe A., 1998. Deine Mauern stehen vor mir allezeit: Bauten und Denkmäler der deutschen Siedlungs- und Forschungsgeschichte im Heiligen Land. *Biblische Archäologie und Zeitgeschichte*, 7. Gießen: Brunnen, p. 65.
- Vakh K.A., 2011. From the background of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Crisis of the Palestinian Committee, the emergence of the Palestinian Commission. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo. K 130-letiyu so dnya osnovaniya: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya [Imperial Orthodox Palestinian Society. To the 130th anniversary of the founding: International scientific conference]*. Moscow, pp. 17–30. (In Russ.)
- Vakh K.A., 2019. Jerusalem Consul K.A. Sokolov: between the Palestinian Committee, the Russian Spiritual Mission and the Greek Patriarchate. (Reasons for the “conservation” of Russian excavations on the site near the Holy Sepulcher Church in Jerusalem). *Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar [Jerusalem Orthodox seminar]*, 9. Moscow: Indrik, pp. 119–147. (In Russ.)
- Vakh K.A., 2020. The first Russian excavations at the Church of the Holy Sepulcher in Jerusalem in 1859–1861. *Istoricheskie zapiski [Historical notes]*, 19 (137). Moscow, pp. 34–36. (In Russ.)
- Willis R., 1849. Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre of Jerusalem. London: Parker. 210 p.

К 75-ЛЕТИЮ
Л. А. БЕЛЯЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕТАЛЛУРГИИ ЖЕЛЕЗА В ВИЗАНТИЙСКОМ И РАННЕИСЛАМСКОМ ИЕРИХОНЕ

© 2023 г. А. Н. Ворошилов^{1,*}, О. М. Ворошилова^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

**E-mail: helga-mir@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.01.2023 г.

После доработки 05.01.2023 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

Раскопки в Иерихоне позволили выявить интересный комплекс черной металлургии. Археологические свидетельства выплавки железа представлены многочисленными шлаками, десятками железных криц, тремя сыродутными горнами. Они локализуются преимущественно в культурном слое, окружавшем керамические горны. Статистика находок говорит о довольно активном производстве железа в мастерской Иерихона, где обнаружено 59 небольших железных криц и их фрагментов. Форма целых криц соответствует чашеобразному углублению в нижней части небольших сыродутных горнов. Выявлены основания трех подобных сооружений, каждое из которых найдено в непосредственной близости от печи для обжига керамики. Хронология производства железа в Иерихоне соответствует времени существования здесь гончарной мастерской при монастырско-паломническом комплексе второй половины VI — первой половины VIII в. Археологический контекст доказывает, что черная металлургия была органической частью производственных процессов, протекавших в мастерской на протяжении всего периода ее существования. Кроме того, подтверждается многофункциональность производственного комплекса в Иерихоне, который скорее всего обеспечивал насущные нужды жителей довольно крупного хозяйства в разнообразных типах керамических сосудов и кричном железе на протяжении поздневизантийского и омейядского периодов истории Палестины.

Ключевые слова: археология Сирийско-Палестинского региона, Иерихон, поздневизантийский/омейядский период, производственный комплекс, гончарная мастерская, металлургия железа, сыродутный горн, шлак, крица.

DOI: 10.31857/S0869606323020198, EDN: RGUZQC

Исследования Иерихонской экспедиции Института археологии РАН, возглавляемой членом-корреспондентом РАН Л.А. Беляевым, открыли многие сюжеты жизни древнейшего города в византийскую эпоху (Беляев, 2016а). Особенно информативным и интересным стал существенно расширенный в XXI в. раскоп экспедиции Н.П. Кондакова на Иоасафовском участке в центре современного Иерихона (рис. 1), где в 1891 г. Я.И. Смирновым была открыта полихромная мозаика. Продолженные в настоящее время на этом месте раскопки позволили обнаружить не только монастырский (?) комплекс с признаками престижного архитектурного ансамбля (Беляев, 2016а. С. 219, 221), но и интереснейшую производственную зону, сопровождавшую этот изначально христианский объект (Беляев и др., 2016. С. 111, 121). С момента открытия в 2011 г. с каждым последующим полевым сезоном работы экспедиции становилась все более очевидной связь

остатков древнего производства с керамической мастерской.

Освобожденные от грунта конструкции несмысленно свидетельствовали о довольно масштабном производстве в Иерихоне разнообразных форм керамических сосудов. Широкий функциональный спектр сооружений (многообразные водоводы, резервуары, гончарные горны, помещения для хранения готовой продукции), выявленных в границах раскопа (рис. 1, 2, 3), вместе с многочисленными отходами керамического производства из слоев памятника и его объектов свидетельствовали о практически полном цикле керамического производства, от подготовки глины до получения и хранения готовых керамических изделий. Следует отметить, что на памятнике зафиксированы свидетельства различных этапов керамического производства. О возможной подготовке глины в мастерской или в непосредственной близости от нее, вероятно, говорит

Рис. 1. Раскоп на Иоасафовском участке в Иерихоне. 1 – вид на Иоасафовский участок с воздуха в направлении от Иудейской пустыни в сторону Иордана (цветом обозначен археологический раскоп); 2 – раскоп экспедиции Н.П. Кондакова, продолженный Иерихонской экспедицией ИА РАН; 3 – панорама раскопа с юго-западного борта. Обозначения: а – гончарный горн; б – яма с крицами.

Fig. 1. Excavation at the Joasaph site in Jericho

изобилие инфраструктуры для подачи и хранения воды, в том числе крупного резервуара, в заполнении которого удалось выделить горизонтальные слои практически стерильной глины и грун-

та, насыщенного остатками органики. Нет сомнений в том, что сосуды изготавливались гончарами здесь же. Это подтверждается находками бракованных сосудов, оброненных или вы-

брошенных в тот момент, когда глина их стенок была еще пластичной (Golofast, 2016. Fig. 46). Принимая во внимание, что обжиг однозначно проводился в горнах этой же мастерской, закономерно предположить, что и сушка проходила прямо здесь. Впрочем, этот тезис косвенно подтверждается и находками черепков еще не обожженных сосудов неподалеку от керамических горнов. Перечисленные факты позволяют предположить, что в иерихонской мастерской проходил практически полный технологический цикл изготовления керамических сосудов.

О высокой интенсивности этого керамического производства может свидетельствовать выявленная большая динамика перестройки производственных сооружений, в первую очередь керамических горнов, водоводов и резервуаров. Кроме того, в пользу этого утверждения свидетельствует обширный ассортимент сосудов, главным образом хозяйственного назначения — для хранения, транспортировки и обработки продуктов (Голофаст, 2020. С. 30). Немаловажно и то, что время существования производственного комплекса приходится на наиболее активный этап жизни этой части Иерихона в византийский и исламский периоды, что подтверждается анализом нумизматических материалов археологического памятника (Абрамзон и др., 2022).

Относительно организации производственной зоны можно предположить, что обжиг проходил под открытым небом, на площадках с горнами, а подготовка сырья, изготовление и сушка сосудов осуществлялись, скорее всего, в сооружениях с легкой крышей или под простыми навесами. На это указывает крайняя малочисленность синхронных горнам фундаментов монументальных стен в непосредственной близости от печей для обжига. Некоторые готовые сосуды (возможно, уже с содержимым) скорее всего хранились в одном из помещений, примыкавших к перестроенной южной галерее монументального здания с мозаичными полами (Беляев и др., 2021. С. 131). Именно на полу этой, относительно небольшой по площади комнаты был обнаружен мощный завал разбившихся сосудов. Не исключено, что причиной гибели помещения “кладовой” и его содержимого было землетрясение 749 г. с эпицентром в районе Иерихона, когда, скорее всего, погибла и вся мастерская (Голофаст, Ворошилов, 2018. С. 107).

Подводя итог краткому обзору важной для нашей работы керамической мастерской, отметим ее близость к синхронным производственным комплексам из центральной части крупнейшего города Семиречья — Бейт-Шеана (Скифополиса) (Bar-Nathan, Atrash, 2011). Помимо аналогичной конструкции печей для обжига керамики эти комплексы сближает и расположение в непосред-

ственной близости от монументальной застройки. Прослеживаются и определенные параллели в ассортименте производимых сосудов (Голофаст, 2020. С. 61, 97, 100, 102), но это направление исследований заслуживает дальнейшей специальной разработки. На сегодняшний день нельзя исключать определенной связи традиций керамического производства Иерихона и Бейт-Шеана в византийский и ранний исламский периоды. В свою очередь это может свидетельствовать о высоком уровне организации производства в Иерихоне того времени.

Итак, благодаря значительному массиву полученных в ходе раскопок материалов специализация иерихонской мастерской как керамического производства стала очевидна. Между тем помимо многочисленных свидетельств керамического производства в ходе полевых исследований выявлены гораздо менее заметные, но от этого не менее интересные археологические свидетельства производства в этой мастерской металлов и изделий из них.

Особый интерес представляет производство в Иерихоне железа. Материальные свидетельства, значимые для изучения и описания этого процесса при исследованиях памятников древней металлургии железа, включают сырье, железоделательные печи, отходы производства и крицу (Кожевников, 2004. С. 188).

На протяжении всей истории современных раскопок территории производственного комплекса в Иерихоне (с 2011 г.) в слоях памятника фиксировалось значительное содержание золистых включений, кусков обожженной глины и шлаков. Последние в большинстве своем представляли собой легкие фрагменты разного размера с пористой структурой, как правило, серого, реже зеленовато-серого цвета (рис. 2). В некоторых случаях к их поверхности прикипали фрагменты стенок керамических сосудов, в том числе деформированных. Можно констатировать, что облик шлаков, обнаруженных в Иерихоне, соответствует внешнему виду и структуре археологических сыродутных шлаков (Водясов, Зайцева, 2010. С. 402, 403; Водясов и др., 2015. Рис. 11; Arnoldussen, 2017. Fig. 4, 1–3), в том числе полученных в результате современных научных экспериментов (Снопков, Зарицкий, 2016. Рис. 10).

Помимо шлаков в слое памятника иногда встречались разновеликие куски более тяжелого пористого материала ржаво-коричневого цвета (рис. 3), на рыхлую поверхность которых прикипали мелкие камни, черепки, фрагменты обожженной глины. Сверху эти предметы, как правило, были обильно покрыты золой и угольками. Большинство подобных находок небольших размеров, так как это фрагменты более крупных форм. Со временем материалы накапливались,

Рис. 2. Шлаки (1–10).
Fig. 2. Slag (1–10)

значительная серия этих предметов сформировалась в результате исследований в 2013–2020 гг. слоев памятника, окружавших печи для обжига керамики.

Уже в процессе полевых работ появилась гипотеза о связи этих предметов с металлургическим производством. Вогнуто-выпуклая форма полностью сохранившихся предметов и значительный для своих размеров вес позволили предварительно интерпретировать эти находки как железные крицы. Дальнейшие исследования подтвердили данное предположение.

Статистика находок криц говорит о довольно активном производстве железа в мастерской Иерихона. На сегодняшний день на исследованной территории производственного комплекса

обнаружено 59 железных криц и их фрагментов (табл. 1). Из этого числа максимально полно (известны форма, размеры и вес целых или почти целых криц) сохранилось больше половины — 31 крица (рис. 3, 4). Нижняя поверхность всех целых криц выпуклая и по форме близка к сферическому кругу, верхняя плоскость всегда в разной степени вогнутая. В плане крицы круглые или овальные, иногда контур края предметов рваной формы. Максимальная толщина криц приходится, как правило, на центральную часть, минимальная — на края предмета. Стоит отметить, что обнаруженные фрагменты криц в тех случаях, когда возможно зафиксировать первоначальные поверхности изделия, в полной мере соответствуют описанной форме целых железных слитков. Очевидно, что форма криц соответствует чашеобразному углублению в нижней части небольших плавильных горнов, в которой аккумулировались металл и шлаки при застывании, формировавшие тело криц.

В контексте возможностей реконструкции размеров плавильных печей, использовавшихся мастерами византийского и раннемусульманского Иерихона, заслуживают специального рассмотрения метрические характеристики иерихонских криц. Ключевые показатели, конечно, — это размеры слитков и их масса. Размеры полностью сохранившихся криц в трех проекциях колеблются в следующих границах: 52–152 (длина) × 40–133 (ширина) × 20–67 (высота) мм. Как видим (табл. 1), показатели во всех проекциях имеют широкий диапазон, при этом минимальные значения отличаются от максимальных примерно в 3 раза. Еще более широкий диапазон показателей и у массы слитков — от 60 до 1260 г (табл. 2), т.е. самая большая крица в 21 раз тяжелее самого небольшого целого слитка. В целом последовательность суммы размерных показателей коррелирует с массой (табл. 2), что косвенно свидетельствует о приблизительно одинаковом качестве состава криц. Несущественные сбои в последовательности суммы размерных данных относительно последовательности показателей массы могут быть следствием сложности формы слитков (разная степень вогнутости верхней поверхности диска, наплывы, выступы, каверны и пр.). Определенное влияние на последовательность распределения суммы размерных показателей, безусловно, оказывает и разная пористость слитков, но, судя по сломам расколотых слитков, это влияние нельзя назвать критичным.

Несмотря на разнообразие размеров и массы железных слитков из Иерихона (рис. 3, 4) приходится признать, что все они, в том числе и самые тяжелые, относятся к числу небольших криц, которые выплавлялись, скорее всего, в маленьких горнах довольно простой конструкции. Единство формы криц и, вероятно, качества их состава так-

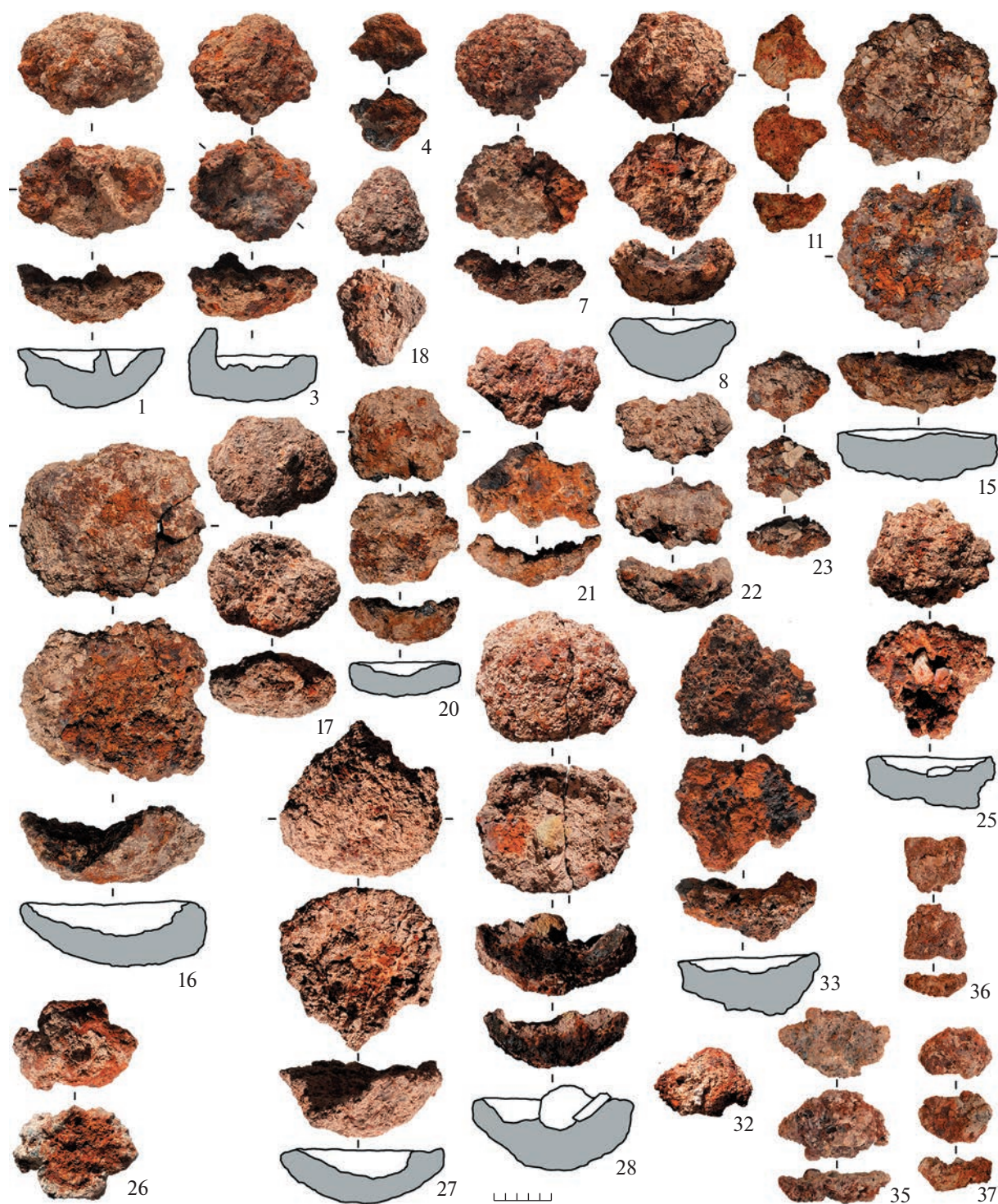

Рис. 3. Крицы из слоя памятника. Номера соответствуют нумерации в таблицах.

Fig. 3. Blooms from the layer of the site. Numbering here corresponds to this in tables

же подтверждает производство в металлургических печах одного типа.

Форма иерихонских криц характерна для слитков металла, выплавленных в чашеобразных печах. Похожие дископодобные результаты плав-

ки металла с полусферической нижней и плоской или вогнутой верхней частью известны на территории Палестины еще с эпохи бронзы (Tylecote, 1976. Р. 37). В качестве примера можно привести медеплавильные печи из Негева, диаметром око-

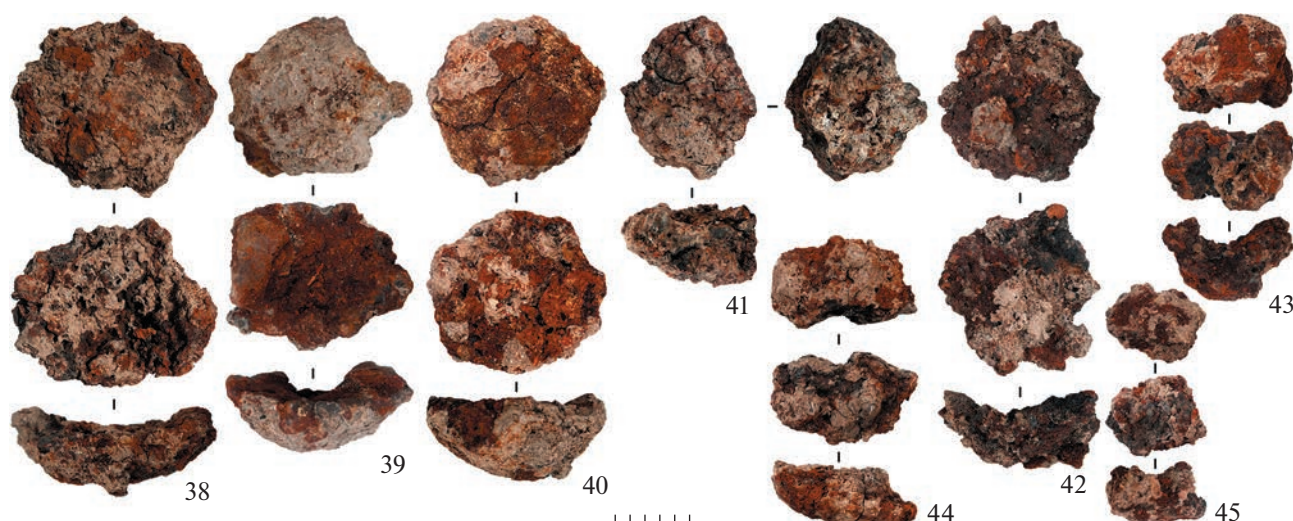

Рис. 4. Крицы из хозяйственной ямы. Номера соответствуют нумерации в таблицах.

Fig. 4. Blooms from the household pit. Numbering here corresponds to this in tables

ло 60 см и такой же высоты, слитки из которых имели плоско-выпуклую форму (Tylecote, 1976. Р. 35). В подобных медеплавильных печах из Тимны в Израиле (Tylecote, 1976. Р. 36), но уже “развитых” чашеобразных печах производилось и железо в римское время (Tylecote, 1976. Р. 49). Для нашей работы важно, что усовершенствованная чашеобразная печь использовалась вплоть до средневековья (Tylecote, 1976. Р. 64).

Внешний вид и размеры криц из Иерихона идентичны продукции древнерусских сыродутных печей (Колчин, 1953. Рис. 13), при этом масса в 2050–5920 г для древнерусских криц считается небольшой (Колчин, 1953. С. 44). Для нашего исследования интересно предположение, выдвинутое Б.А. Колчиным для объяснения причин столь небольшого веса криц (около 2–6 кг) при возможности выплавлять одновременно десятки килограммов железа, это “отсутствие необходимости в больших монолитных массах железа”, “трудности при проковке крупных криц” и “отсутствие опыта и навыка в производстве тяжеловесных криц” (Колчин, 1953. С. 44. Рис. 2). Не исключено, что эти наблюдения могут быть вполне актуальны и для черной металлургии Иерихона, во всяком случае, на основании известных на сегодняшний день материалов.

Археологические находки самих металлургических объектов, в том числе чашеобразных или, как их принято называть в отечественной традиции, сыродутных печей, крайне редки (Водясов, Зайцева, 2010. С. 400). Кроме того, дело почти всегда осложняется их плохой сохранностью — как правило, археологам достается лишь их основание (Tylecote, 1976. Р. 75). В этой связи интересна находка двух неплохо сохранившихся печей на

городищах V–VII вв. в Белоруссии (Колчин, 1953. С. 21, 22). Эти стационарные конструкции, синхронные иерихонскому производственному комплексу, представляли собой наземные круглые в плане глинобитные сооружения (Колчин, 1953. Рис. 2). Печь Лабенского городища имела куполообразную форму, стояла на толстой глинобитной площадке на уровне древней поверхности. Диаметр печи — около 60 см, высота внутреннего пространства — 35, толщина стенок — 5–7. Подобные печи известны и на других городищах VI–VIII вв., высота некоторых из них внутри достигала 47 см, а диаметр — 63. Печь городища Кимия имела цилиндрическую форму и размещалась на уровне древней поверхности на толстом глинобитном основании. Диаметр ее — около 90 см, высота стенок — не менее 70 (Колчин, 1953. С. 22). Скорее всего, такие печи использовались не один раз, в них явно проходило как минимум несколько процессов. Косвенно на это указывает обилие шлака вокруг печей.

При раскопках производственного комплекса в Иерихоне зафиксирована преимущественная локализация металлургических шлаков и соседствовавших с ними криц в культурном слое памятника, окружавшем керамические горны. Эти участки культурного слоя изобиловали прослойками золы, пачины, глины от сырцовых конструкций разрушенных гончарных печей, фрагментами их обожженной и необожженной керамической продукции. Подавляющая масса материальных свидетельств сыродутного процесса обнаружена именно в этих слоях, формирование которых происходило в результате производственных процессов и перестроек, связанных, как мы теперь понимаем, как минимум с гончарством и черной

Таблица 1. Находки криц и их фрагментов в мастерской Иерихона**Table 1.** Finds of blooms and their fragments in the Jericho workshop

№	Шифр	Наименование	Квадрат	Локус	Размеры, мм	Масса, г
1	2013/1	Крица	6	13	141 × 95 × 55	640
2	2013/2	Крица, фрагм.	6	13	63 × 30 × 26	56
3	2013/3	Крица	6	14	123 × 100 × 35	569
4	2013/4	Крица	6	14	68 × 53 × 27	83
5	2013/5	Крица, фрагм.	6	15	47 × 33 × 26	56
6	2013/6	Крица, фрагм.	6	15	68 × 53 × 22	88
7	2013/7	Крица	7	3	123 × 95 × 43	414
8	2013/8	Крица	8	10	123 × 116 × 35	1188
9	2013/9	Крица, фрагм.	8	10	135 × 110 × 43	—
10	2013/10	Крица, фрагм.	8	2	60 × 43 × 32	80
11	2017/1	Крица	8	13	63 × 57 × 32	120
12	2017/2	Крица, фрагм.	8	14	82 × 58 × 33	135
13	2017/3	Крица, фрагм.	—	—	46 × 42 × 18	37
14	2017/4	Крица, фрагм.	7	10	54 × 30 × 28	44
15	2017/395.1	Крица	6	16	125 × 120 × 45	860
16	2017/395.2	—“—	6	16	162 × 130 × 60	1260
17	2017/448.1	—“—	8	12	115 × 85 × 50	521
18	2017/448.2	—“—	8	12	79 × 75 × 50	255
19	2017/448.3	Крица, фрагм.	8	12	64 × 38 × 20	76
20	2017/456.1	Крица	8	12	98 × 89 × 33	289
21	2017/456.2	—“—	8	12	122 × 77 × 47	320
22	2017/456.3	—“—	8	12	102 × 60 × 47	292
23	2017/456.4	—“—	8	12	75 × 55 × 36	126
24	2017/456.5	Крица, фрагм.	8	12	56 × 46 × 32	51
25	2017/457.1	Крица	6	16	108 × 98 × 53	436
26	2017/457.2	—“—	6	16	105 × 78 × 53	303
27	2017/461.1	—“—	6	16	152 × 133 × 52	1139
28	2017/461.2	—“—	6	16	142 × 116 × 66	934
29	2017/461.3	Крица, 2 фрагм.	6	16	45 × 41 × 25	47
30	2017/461.4	Крица, фрагм.	6	16	36 × 30 × 16	27
31	2017/462.1	Крица, 2 фрагм.	6	16	131 × 78 × 49	391
32	2017/462.2	Крица	6	16	85 × 64 × 40	209
33	2019/1	Крица	1a	5	138 × 110 × 67	918
34	2019/2	Крица, фрагм.	1a	5	46 × 33 × 24	31
35	2019/3	Крица	1a	5	92 × 56 × 24	116
36	2019/4	—“—	1a	5	52 × 46 × 42	60
37	2019/575	—“—	—	—	60 × 45 × 20	84
38	2020/B1.1	—“—	—	B1/2020	119 × 104 × 36	505
39	2020/B1.2	—“—	—	B1/2020	108 × 87 × 32	513
40	2020/B1.3	—“—	—	B1/2020	106 × 98 × 35	578
41	2020/B1.4	—“—	—	B1/2020	92 × 78 × 48	435
42	2020/B1.5	—“—	—	B1/2020	111 × 92 × 32	363
43	2020/B1.6	—“—	—	B1/2020	82 × 44 × 32	199
44	2020/B1.7	—“—	—	B1/2020	88 × 59 × 29	177
45	2020/B1.8	—“—	—	B1/2020	62 × 40 × 34	103
46–59	2020/B1.9	Крица, 14 мелких экз./фрагм.	—	B1/2020	—	213 (суммарный вес)

Примечание: серым цветом выделена информация о крицах максимально полной сохранности.

металлургией. Стратиграфические и планиграфические наблюдения подтверждают синхронность этих производств в одной мастерской. Этим фактом обусловлена взаимовстречаемость остатков гончарного и металлургического производства в границах раскопа Иерихонской экспедиции. Именно в слое мастерской обнаружено 63% криц и их фрагментов, и только около 37% этих находок (табл. 1, № 38–59) происходит из пока единственного закрытого комплекса (рис. 4). На его описании стоит остановиться подробнее. Речь идет о хозяйственной яме, открытой на участке раскопа, напрямую не вовлеченном в производственную зону (рис. 1, 2, 3). Это “южная галерея” монументального здания, пол которой покрывала белая и цветная мозаика. Именно здесь была открыта хозяйственная яма (локус В1/2020), интересная в первую очередь своим заполнением.

Этот объект выявлен при расчистке пола с мозаичным покрытием (рис. 5, 1–3) в южном углу раскопа В/2 (расширенный раскоп экспедиции Н.П. Кондакова над полихромной мозаикой). В результате прирезок 2010, 2017–2020 гг. раскоп расширился по периметру. Благодаря этому у южного борта обнаружены пятна заполнения двух ям, пробивших мозаичный пол южной галереи здания (рис. 5, 1, 2). Структура пятна интересующей нас большой ямы представляла собой коричневый суглинок и золу (рис. 5, 2). Яма имела неправильную овальную в плане форму с размерами 100–110 см. Глубина ямы от поверхности мозаичного пола достигала 55 см в центральной части (рис. 5, 4). В заполнении ямы зафиксированы белые тессеры, попавшие туда при разрушении мозаики. Верхняя центральная часть заполнения была сформирована линзой золистого грунта светло-серого цвета, достигавшей максимальной мощности в центральной части ямы в 25 см. Под ним и вокруг него заполнение ямы состояло из равномерного коричневого суглинка, насыщенного разновеликим булыжником (возможно из разрушенного основания-вымостки мозаичного пола), обломков известняка, фрагментов керамики, угольков и железных предметов. Изделия из железа представлены в основном крицами (рис. 5, 5, 6): 8 полностью сохранившихся (рис. 4) и 14 фрагментов. Объект представлял собой хозяйственную яму, в которую были сброшены остатки черного металлургического производства.

Нам неизвестно, как формировалось заполнение этой хозяйственной ямы, накапливались ли в ней остатки металлургического производства в течение какого-то периода, или они попали туда одновременно. Однако количество целых криц в яме (8 экз.) довольно значительно и составляет четверть (25.8%) от находок целых криц (31 экз.) в Иерихоне. Особенность выборки криц из ямы —

Таблица 2. Распределение криц из мастерской Иерихона в порядке убывания массы

Table 2. Distribution of blooms from the Jericho workshop in descending order of mass

№	Шифр	Размеры, мм	Сумма размеров	Масса, г
16	2017/395.2	162 × 130 × 60	352	1260
8	2013/8	123 × 116 × 35	274	1188
27	2017/461.1	152 × 133 × 52	337	1139
28	2017/461.2	142 × 116 × 66	324	934
33	2019/1	138 × 110 × 67	315	918
15	2017/395.1	125 × 120 × 45	290	860
1	2013/1	141 × 95 × 55	291	640
40	2020/В1.3	106 × 98 × 35	239	578
3	2013/3	123 × 100 × 35	258	569
17	2017/448.1	115 × 85 × 50	250	521
39	2020/В1.2	108 × 87 × 32	227	513
38	2020/В1.1	119 × 104 × 36	259	505
25	2017/457.1	108 × 98 × 53	259	436
41	2020/В1.4	92 × 78 × 48	218	435
7	2013/7	123 × 95 × 43	261	414
42	2020/В1.5	111 × 92 × 32	235	363
21	2017/456.2	122 × 77 × 47	246	320
26	2017/457.2	105 × 78 × 53	236	303
22	2017/456.3	102 × 60 × 47	209	292
20	2017/456.1	98 × 89 × 33	220	289
18	2017/448.2	79 × 75 × 50	204	255
32	2017/462.2	85 × 64 × 40	189	209
43	2020/В1.6	82 × 44 × 32	158	199
44	2020/В1.7	88 × 59 × 29	176	177
23	2017/456.4	75 × 55 × 36	166	126
11	2017/1	63 × 57 × 32	152	120
35	2019/3	92 × 56 × 24	172	116
45	2020/В1.8	62 × 40 × 34	136	103
37	2019/575	60 × 45 × 20	125	84
4	2013/4	68 × 53 × 27	133	83
36	2019/4	52 × 46 × 42	140	60

Примечание: нумерация соответствует табл. 1.

отсутствие тяжелых экземпляров. Напомним, что максимальный вес крицы из Иерихона достигает 1260 г, а всего криц весом около 1 кг (860–1260 г) в иерихонской мастерской обнаружено 6 экз. (табл. 2). Вес целых слитков из ямы колеблется в пределах 103–578 г. Общая масса криц и их фрагментов из ямы составляет 3086 г. Основываясь на стратиграфии ямы (рис. 5, 4), не подтверждающей долгий срок ее службы и не фиксирующий последовательные этапы ее пополнения, есть основания предположить, что попавшие в яму свидетельства металлургии могут быть результатом одного или нескольких производственных циклов.

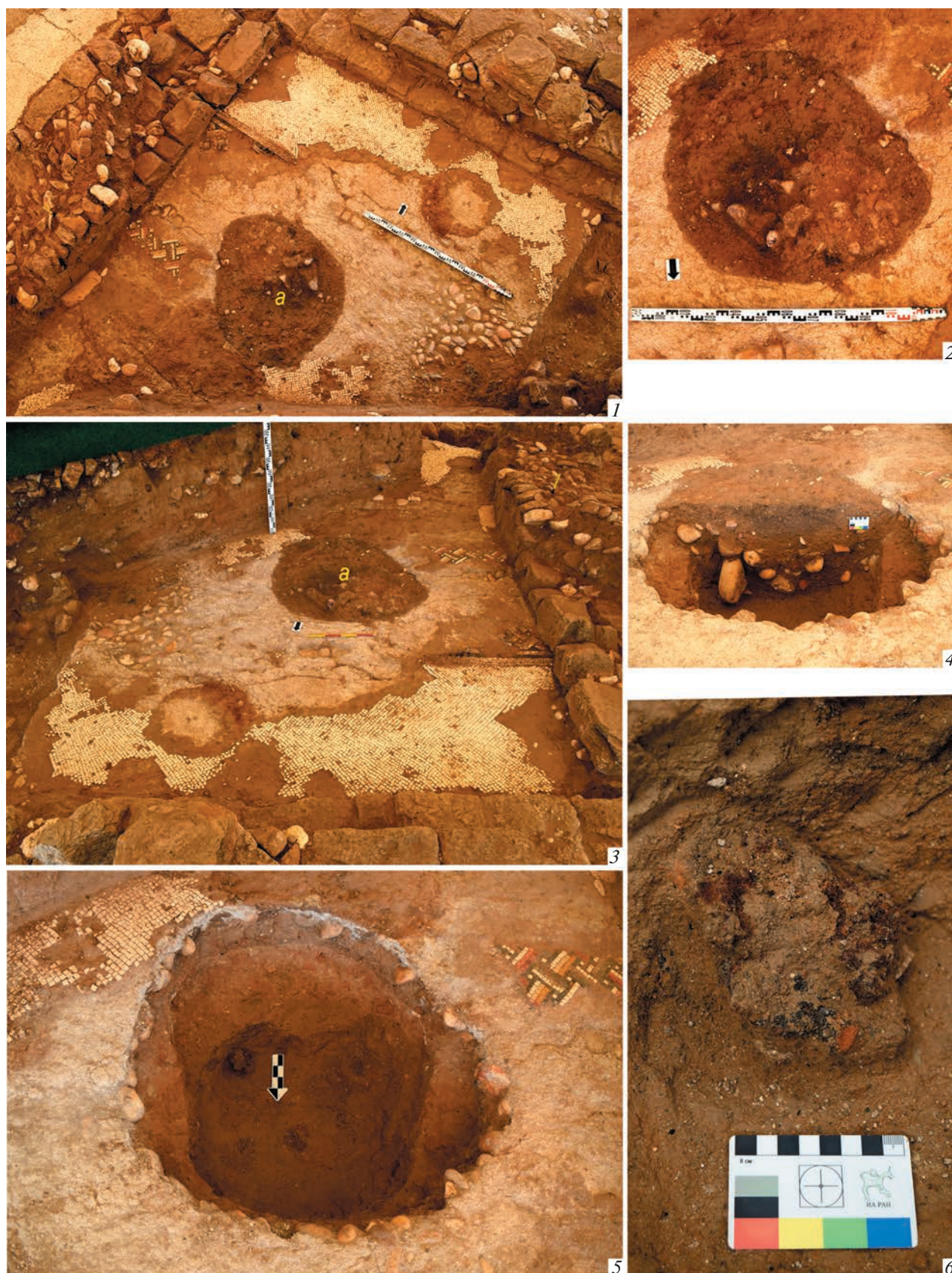

Рис. 5. Хозяйственная яма с крицами. 1 — яма в помещении южной галереи монументальной постройки; 2 — пятно ямы в мозаичном полу; 3 — ямы в мозаичном полу галереи; 4 — разрез заполнения ямы по линии 3–В; 5 — яма после расчистки с крицей на дне; 6 — крица *in situ* на дне ямы. Обозначение: а — яма с крицами.

Fig. 5. The household pit with blooms

лов выплавки железа в одном сыродутном горне. Отсутствие в заполнении хозяйственной ямы шлаков говорит о том, что попавшие туда крицы были заранее отобраны из железоплавильной печи, а их общий вес около 3 кг косвенно подтверждает небольшие размеры горна, использованного для получения железа в иерихонской мастерской.

После рассмотрения продуктов металлургической деятельности и контекста, в котором они обнаружены в Иерихоне, закономерное продолжение исследования — попытка соотнесения выявленных при раскопках археологических объектов с конструкциями, которые могли быть так или иначе связаны с металлургической мастерской. Естественным образом главный объект поиска — сыродутные горны или их остатки. Как мы уже выяснили, эти конструкции очень плохо сохраняются. В полной мере это закономерно и для раскопа в Иерихоне, производственная зона которого перестраивалась практически постоянно. На это указывают в том числе гончарные горны, расположенные иногда друг над другом. При демонтаже такого объекта остатки его конструкций частично разбирались, частично засыпались, площадка выравнивалась и становилась основанием для следующей новой печи. Кроме того, комплекс приведенных выше фактов о возможных размерах металлургических горнов Иерихона свидетельствует в пользу использования в открытой мастерской совсем небольших сооружений довольно простой конструкции. Следовательно, шансы обнаружить значительный по объему массив остатков таких печей в условиях постоянных перепланировок производственного пространства весьма невелики.

При раскопках удалось найти несколько объектов, которые могут быть достаточно уверенно интерпретированы как основания разрушенных сыродутных горнов. Речь идет о круглых в плане “очагах” (таковой была их первоначальная интерпретация в процессе раскопок), выявленных рядом с гончарными горнами и, судя по всему, им синхронных. Контекст обнаружения этих объектов говорит о том, что они возводились на уровне функционирования ближайшего гончарного горна, а возможно и вместе с ним.

Надо сказать, что функционал “очагов”, обнаруженных в непосредственной близости от гончарных печей, до их интерпретации как сыродутных горнов оставался загадкой. Всего в границах раскопа удалось выявить основания трех сыродутных горнов (рис. 1, 2, 3). Приведем их краткое описание в археологическом контексте древней мастерской.

Сыродутный горн в кв. 2 (12 locus, 2012 г.) обнаружен в 150 см к северу от гончарного горна у стены террасы (рис. 6), на которой располагалась монументальная постройка с мозаичным полом.

Основание металлургической печи стратиграфически совпадает с основанием верхней камеры (для размещения сосудов) гончарного горна (рис. 6, 1). Конструкция сыродутной печи разрушена до основания фундаментами поздних стен. Удалось выявить только нижнюю часть глиняной сыродутной печи (рис. 6). Она представляла собой круглое основание, укрепленное горизонтальной ровной вымосткой из булыжника, обломков известняка и черепицы (?). Элементы кладки вмонтированы в глиняное основание площадки, плотно подогнаны друг к другу в несколько кольцевых рядов. Самые крупные элементы кладки располагались по периметру основания, на них опирались глиняные стены горна. На кладке и глине под ней отмечены явные следы долгого и мощного воздействия высокой температуры. Яркое свидетельство — зафиксированный прокол глины под основанием печи не менее чем на 20–25 см. Внешний диаметр основания сыродутной печи составлял около 106 см, диаметр внутреннего пространства горна — 52. Высоту горна реконструировать не представляется возможным, однако значительная толщина глиняных стен у основания (не менее 25 см) может служить косвенным подтверждением значительной высоты этой сыродутной печи.

Сыродутный горн в кв. 5 (14 locus, 2012–2020 г.) обнаружен в 40 см к северо-востоку от гончарного горна (рис. 7, 1–10). Как и в кв. 2, основание металлургической печи стратиграфически соотносится с основанием верхней камеры гончарного горна и площадкой производственной зоны вокруг нее, вымощенной сырцовым кирпичом (рис. 7, 9, 10). Следует отметить, что гончарный горн, с которым связана эта сыродутная печь, — относительно более поздний (верхний) из трех керамических горнов в этой части раскопа (рис. 7, 6, 9). Рассматриваемый сыродутный горн возведен над остатками стены одной из ранних разрушенных печей для обжига керамики (рис. 7, 3, 9, 10). Выявлена нижняя часть глиняной сыродутной печи (рис. 7, 1, 4), конструкция которой несколько отличается от остальных подобных объектов. В данном случае основание сыродутного горна было изготовлено из глины. Поверхность дна печи построена в виде чашеобразного углубления диаметром около 40 см, выше обложенного по периметру стен одним рядом камней, на которые опирались глиняные стены металлургического сооружения. Глиняный слой вокруг и под основанием горна сильно прокален и имеет кирпичный цвет. Чашеобразное основание горна заполнено мелкой фракцией пережженной глины от разрушенных стен сооружения и черным угольно-золистым слоем (рис. 7, 8).

Разрыв каменной обкладки на ширину около 27–30 см в северо-западной части основания круглого сооружения и распространение запол-

Рис. 6. Сыродутный горн в кв. 2. 1 – сыродутный горн (2/12) рядом с керамическим горном; 2 – горн на фоне террасы с монументальным зданием; 3, 4 – основание горна после расчистки.
Fig. 6. Bloomery furnace in sq. 2

Рис. 7. Сыродутный горн в кв. 5. 1 – пятно заполнения основания сыродутного горна (2/12); 2 – расчистка металлургического сооружения; 3 – основание горна в глиняной стене ранней гончарной печи; 4 – основание сыродутного горна после расчистки; 5 – рабочая поверхность мастерской с горнами и разбитым хозяйственным сосудом; 6 – участок раскопа с сыродутным горном и тремя печами для обжига керамики; 7 – горн рядом с синхронной гончарной печью; 8 – разрез заполнения нижней части горна; 9 – сыродутный горн в контексте сооружений керамического производства, видна вымостка рабочей поверхности сырцовым кирпичом; 10 – основание горна на фоне сырцовой вымостки пола мастерской; 11, 12 – деформированный куман на полу мастерской рядом со скоплением металлургических шлаков. Обозначение: а – горн гончарный.

Fig. 7. Bloomery furnace in sq. 5

нения горна на этот “проем” стены горна (рис. 7, 4) могут свидетельствовать в пользу гипотезы о расположении здесь технологического отверстия для обслуживания печи и выхода шлаков (?). Дополнительный аргумент в подтверждение этого предположения — обнаруженный именно с этой стороны печи на уровне ее основания довольно мощный золистый слой, которого нет с противоположной стороны сооружения. Не исключено, что этот слой образовался в результате работы сыродутного горна. Что касается размеров печи, то подтвержденным можно считать внутренний диаметр горна 48–55 см. Внешний диаметр производственного сооружения по наружному диаметру каменной обкладки составлял не менее 63–70 см, а скорее всего и значительно превышал эти показатели, так как глиняные стены сооружения должны были превышать толщину камней внутренней обкладки их основания. Определить хотя бы примерную толщину стен у основания по провалу глины в данном археологическом контексте весьма затруднительно, так как сыродутная печь почти полностью попала в створ стены более раннего глиняного керамического горна, за исключением, пожалуй, юго-западной части. Этот участок позволяет предположить, что толщина основания стены сыродутной печи была не меньше 20 см. Судя по размерам горна в плане, его высота могла достигать или превышать 1 м (хотя достоверных свидетельств этому нет).

Сыродутный горн в кв. 8 (7 locus, 2013 г.) обнаружен в 40 см к юго-востоку от гончарного горна (рис. 8). По конструкции и сохранности он аналогичен подобному сооружению в кв. 2. Глиняная сыродутная печь разрушена до основания. Удалось зафиксировать лишь ее нижнюю часть (рис. 8, 1, 2). Она представляла собой круглое основание, укрепленное горизонтальной ровной вымосткой из булыжника и обломков известняковых блоков со следами долгого воздействия высоких температур. Под основанием печи зафиксирован слой прокаленной глины мощностью не менее 20–30 см (рис. 8, 3). Каменная кладка вмонтирована в глиняное основание, камни плотно подогнаны в несколько циркульных рядов. Внешний диаметр основания сыродутной печи составлял 85–96 см, диаметр внутреннего пространства горна и его высоту реконструировать не представляется возможным.

Итак, в границах раскопа на Иоасафовском участке в Иерихоне за годы полевых исследований выявлены явные археологические свидетельства производства железа. Археологический контекст говорит о связи металлургии с территорией гончарной мастерской. Помимо многочисленных металлургических шлаков найдены десятки целых криц и их фрагментов. Значительная часть криц обнаружена в закрытом комплексе заполнения хозяйственной ямы, которая разрушила мо-

заичный пол южной галереи монументального здания монастырского комплекса. Это обстоятельство говорит о продолжении производственной деятельности на этом участке уже в период упадка паломнического центра, когда пышно декорированные помещения утратили свое изначальное назначение или были частично разрушены/перестроены. Отсутствие в заполнении хозяйственной ямы узко датированных материалов вынуждает нас при ее датировании обратить пристальное внимание на хронологию иерихонской мозаики, которую яма разрушила (рис. 5, 1). Датировка полихромной мозаики в границах второй половины VI — первой четверти VII в. (Беляев, 2016б. С. 190) позволяет признать VII в. в качестве возможной даты появления ямы со сбросом свидетельств металлургического производства.

О времени функционирования сыродутных горнов также можно судить по данным стратиграфических и планиграфических наблюдений. Наиболее информативен для рассмотрения относительной хронологии этих сооружений, безусловно, археологический контекст, в котором обнаружена сыродутная печь в кв. 5 (рис. 7). Как уже говорилось выше, этот металлургический объект был сооружен вместе с самым поздним гончарным горном, перекрывшим еще две более ранние, но подобные ему по устройству гончарные печи. Датировка гончарной мастерской второй половиной VI — первой половиной VIII в. (Голофаст, Ворошилов, 2018. С. 97, 106, 107) вполне согласуется со временем появления описанной хозяйственной ямы с результатами металлургического производства.

Археологический контекст, выявленный на этом участке раскопа вокруг сыродутной печи (кв. 5, locus 14), ценен для датировки черной металлургии Иерихона еще и абсолютными датами. Речь идет о находках двух сосудов (рис. 7, 5, 11, 12) на горизонте основания сыродутного горна, который достаточно уверенно соотносится с производственной площадкой, частично вымощенной сырцовым кирпичом (рис. 7, 9, 10). Судя по тому, что один из этих сосудов, упав на рабочую поверхность, был сильно смят и остался лежать на том же месте рядом с металлургическими шлаками (рис. 7, 11, 12), эта площадка служила общим рабочим пространством для металлургов и гончаров.

Итак, датируют этот рабочий уровень мастерской два сосуда (рис. 7, 5, 11, 12). Первый (деформированный) имел форму кувшина с коническим носиком и предназначался для омовений (рис. 7, 11, 12). Такие кувшины еще называют “куманы”, распространены они были в поздневизантийский — омейядский периоды (Голофаст, 2020. С. 88, 89). Вторая находка представляет собой большой хозяйственный сосуд с арочным бортиком (рис. 7, 5) формы II по Дж. Магнесс, датировемый VI—

Рис. 8. Сыродутный горн в кв. 8. 1, 2 — основание сыродутного горна (8/7) у гончарной печи; 3 — археологический контекст у гончарных горнов (5/14 и 8/7). Обозначение: а — горн гончарный.

Fig. 8. Bloomery furnace in sq. 8

концом VII/началом VIII в. Эта керамическая форма получила особую популярность в омейядское время (Голофаст, 2020. С. 45–47). Оба сосуда скорее всего относятся к продукции иерихонской мастерской, их широкая датировка позволяет говорить о существовании производственной площадки и расположенных на ней сыродутной и керамической печей в VI–VII вв.

Таким образом, наблюдения относительно хронологии производства железа в Иерихоне не противоречат хронологической позиции гончарной мастерской при монастырско-паломническом комплексе второй половины VI — первой половины VIII в. (Голофаст, Ворошилов, 2018. С. 97, 106, 107). Более того, археологический кон-

текст говорит о том, что черная металлургия была органической частью производственных процессов, протекавших в мастерской на протяжении всего периода ее существования. Это позволяет сделать вывод о многофункциональности производственного комплекса в Иерихоне, который, скорее всего, обеспечивал насущные нужды монастыря и, вероятно, паломнического центра в разнообразных типах керамических сосудов и кричном железе. Вполне вероятно, что расширение территории раскопок в этой части древнего города могло бы подтвердить существование здесь кузнечного и других видов производства в поздневизантийский и омейядский периоды истории Палестины.

Авторы искренне благодарны Леониду Андреевичу Беляеву за всестороннюю поддержку и возможность заниматься археологическими исследованиями на Святой Земле в составе его команды.

Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института археологии РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению “Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи” Минобрнауки РФ и МОО “ИППО” в 2023 г., № НИОКТР 122071100011-4 (Древности “русских участков” на Святой Земле: история исследований и современная археология).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Гончаров Е.Ю. Монеты из раскопок Иерихона в 2017, 2019–2020 гг. // *Российская археология*. 2022. № 2. С. 104–119.
- Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016а. 492 с.
- Беляев Л.А. Мозаика Иоасафовского участка // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016б. С. 165–190.
- Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Максимова А.А. К 10-летию Иерихонской экспедиции Института археологии РАН: работы 2019–2020 гг. // *Российская археология*. 2021. № 3. С. 116–119.
- Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Голофаст Л.А. Научно-исследовательские раскопки 2011–2013 гг. // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. С. 101–162.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Металлургический шлак как археологический источник: проблемы и перспективы изучения // *Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции*. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 400–403.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Полевые и лабораторные методы исследований объектов черной металлургии: учебное пособие. Томск, 2015. 44 с.
- Голофаст Л.А. Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.): справочник-определитель. М.: Индрик, 2020. 160 с.
- Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н. О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) // *Российская археология*. 2018. № 3. С. 97–110.
- Кожеевников Н.О. Шлаки и другие материальные свидетельства древней металлургии железа // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2004. № 32. С. 188–192.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 260 с.
- Снопков С.В., Зарицкий О.П. Эксперимент по получению железа с помощью сыродутного горна // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2016. № 3. С. 22–35.
- Arnoldussen S. The Iron Age iron slags of Maastricht – Randwyck: processing or production? // *Metaaltijden 4. Bijdragen in de studie van de metaaltijden*. Leiden: Sidestone Press, 2017. P. 149–163.
- Bar-Nathan R., Atrash W. Bet She'an. Vol. II. Baysan. The Theater Pottery Workshop. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2011 (Israel Antiquities Authority Reports; vol. 48). 397 p.
- Golofast L.A. Pottery Assemblage and the Glass Finds // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. P. 359–477.
- Tylecote R.R. A History of Metallurgy. London: The Metals Society, 1976. 205 p.

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF IRON SMELTING IN BYZANTINE AND EARLY ISLAMIC JERICHO

Alexey N. Voroshilov^{a, #}, Olga M. Voroshilova^{a, ##}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

^{##}E-mail: helga-mir@yandex.ru

Excavations in Jericho made it possible to reveal a notable complex of ferrous metallurgy. Archaeological evidence of iron smelting is represented by numerous slags, dozens of iron blooms, and three bloomery furnaces. They are localized mainly in the cultural layer surrounding the pottery kilns. The statistics of the finds indicate a fairly active production of iron in the Jericho workshop, where 59 small iron blooms and their fragments were found. The shape of whole blooms corresponds to a bowl-shaped depression in the lower part of small bloomery furnaces. The foundations of three similar structures were found, each of them located in the immediate vicinity of a pottery kiln. The chronology of iron production in Jericho corresponds to the time of functioning of the pottery workshop at the monastic-pilgrimage complex of the second half of the 6th – the first half of the 8th century. The archaeological context proves that ferrous metallurgy was an integral part of the production processes in the workshop throughout the entire period of its functioning. In addition, the multifunctionality of the production complex in Jericho is confirmed, which most likely provided for the vital needs of the inhabitants of a fairly large household in various types of ceramic vessels and bloomery iron throughout the late Byzantine and Umayyad periods of Palestine history.

Keywords: archaeology of the Syrian-Palestinian region, Jericho, late Byzantine/Umayyad period, industrial complex, pottery workshop, iron smelting, bloomery furnace, slag, bloom.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Goncharov E.Yu., 2022. Coins from 2017, 2019–2020 excavations of Jericho. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 104–119. (In Russ.)
- Arnoldussen S., 2017. The Iron Age iron slags of Maastricht – Randwyck: processing or production? *Metaaltijden 4. Bijdragen in de studie van de metaaltijden*. Leiden: Sidestone Press, pp. 149–163.
- Bar-Nathan R., Atrash W., 2011. Bet She'an, II. Baysan. The Theater Pottery Workshop. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. 397 p. (Israel Antiquities Authority Reports, 48).
- Belyaev L.A., 2016a. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations after a century]. Moscow: Indrik. 492 p.
- Belyaev L.A., 2016b. Mosaic of the Joasaph site. Belyaev L.A. *Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations after a century]*. Moscow: Indrik, pp. 165–190. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Golofast L.A., 2016. Research excavation sites of 2011–2013. Belyaev L.A. *Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations after a century]*. Moscow: Indrik, pp. 101–162. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Maksimova A.A., 2021. To the 10th anniversary of the Jericho expedition of the Institute of Archaeology RAS: activities in 2019–2020. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 116–119. (In Russ.)
- Golofast L.A., 2016. Pottery Assemblage and the Glass Finds. Belyaev L.A. *Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations after a century]*. Moscow: Indrik, pp. 359–477.
- Golofast L.A., 2020. Keramika Ierikhona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.): spravochnik-opredelitel' [Ceramics of Jericho of the late antiquity and medieval period (5th–15th centuries AD): Reference guide]. Moscow: Indrik. 160 p.
- Golofast L.A., Voroshilov A.N., 2018. On the period of functioning of a pottery workshop in Jericho (based on the materials from 2017 excavations). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 97–110. (In Russ.)
- Kolchin B.A., 1953. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevney Rusi (domongol'skiy period) [Ferrous metallurgy and metalworking in Rus (pre-Mongolian period)]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 260 p.
- Kozhevnikov N.O., 2004. Slags and other material evidence of ancient iron smelting. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 32, pp. 188–192. (In Russ.)
- Snopkov S.V., Zaritskiy O.P., 2016. An experiment in obtaining iron in bloomer furnace. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 3, pp. 22–35. (In Russ.)
- Tylecote R.R., 1976. A History of Metallurgy. London: The Metals Society. 205 p.
- Vodyasov E.V., Zaytseva O.V., 2010. Metallurgical slag as an archaeological source: Problems and prospects of studying. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy: materialy XV Mezhdunarodnoy Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii [Culture as a system in a historical context: Experience of the West Siberian archaeological and ethnographic sessions: Proceedings of the XV International West Siberian archaeological and ethnographic conference]*. Tomsk: Agraf-Press, pp. 400–403. (In Russ.)
- Vodyasov E.V., Zaytseva O.V., Pushkarev A.A., 2015. Polevye i laboratornye metody issledovaniy ob'ektov chernoy metallurgii: uchebnoe posobie [Field and laboratory methods for studying ferrous metallurgy facilities: Study guide]. Tomsk. 44 p.

К 75-ЛЕТИЮ
Л. А. БЕЛЯЕВА

БРОНЗОВЫЕ ВОТИВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ “РУКА С КРЕСТОМ”: ЭКЗЕМПЛЯР ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)

© 2023 г. Л. А. Голофаст*

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Поступила в редакцию 03.01.2023 г.

После доработки 03.01.2023 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье представлена вотивная бронзовая рука с крестом из коллекции архимандрита Антонина (Капустина), а также небольшой каталог известных автору аналогичных предметов, хранящихся в различных музеях и частных коллекциях. Изучение представленной коллекции позволяет согласиться с ранее высказанными исследователями предположениями: рассматриваемые предметы являлись вотивными приношениями в храм; на это указывают браслеты и перстни на некоторых из них, а также надписи и изображения на крестах; их использование в качестве вотивов было заимствовано христианами из языческих культов, связанных с различными ближневосточными боже-ствами, однако в христианском контексте они означали не только просьбу о помощи и защите, но и символизировали победу христианства над язычеством, что было особенно важно в период ожесточенной борьбы между уходящими религиями и христианством; предметы либо устанавливались на специальные подставки, на которых они фиксировались с помощью гвоздей или стержней, либо насаживались на древко; ареал распространения таких рук, скорее всего, ограничивается Ближним Востоком, где, соответственно, их производили, хотя не исключено, что некоторые экземпляры были вывезены паломниками в другие регионы; бытование их не выходит за рамки ранневизантийского периода, до арабского завоевания начала VII в.; детальную хронологию составить невозможно из-за полного отсутствия информации об условиях обнаружения известных к настоящему времени экземпляров (исключение составляет лишь рука из Второго кипрского клада).

Ключевые слова: Сиро-Палестинский регион, Святая Земля, христианская археология, ранневизантийский период, коллекционирование, вотивы.

DOI: 10.31857/S0869606323020083, **EDN:** RFNBHE

Среди раннехристианских культовых предметов есть необычные типы, которым уделяется внимание от случая к случаю, хотя они заслуживают специального рассмотрения. К этому кругу относятся небольшие металлические изделия в виде руки, пальцы которой держат крест. Функция их не вполне очевидна, но, вероятно, это вотивы. Единственная посвященная им статья вышла почти 60 лет назад (Ross, 1964. Р. 101–103), и обнаружение ранее не публиковавшегося экземпляра в коллекции архимандрита Антонина (Капустина) в монастыре Вознесения на Елеонской горе в Иерусалиме (о создании коллекции и ее истории см.: Гурулева, 2007; Чехановец, Беляев, 2019) представляется достойным поводом еще раз обратиться к сюжету.

Публикуемый предмет — отлитое в бронзе изображение поднятой кисти руки. Вытянутые пальцы (большой, указательный и средний) поддерживают полусферу, увенчанную крестом с

расширяющимися ветвями с треугольными выступами на концах. Запястье руки резко расширяется в нижней части, образуя своего рода подставку с тремя сквозными отверстиями для гвоздей, которыми рука когда-то крепилась к основе (рис. 1).

На обеих сторонах креста выгравирована надпись, которую А.Ю. Виноградов¹ комментирует следующим образом: “На верхней ветви — Ζαχα(ι)ου, на боковых — Ὑπερ σωτη(ι)ας, т.е. Ὑπερ σωτη(ι)ας Ζαχα(ι)ου “О спасении Захая”. Такое написание имени (Ζαχαυ), возможно, объясняется недостатком места. Надпись невысокого уровня, в том числе орфографически. Сочетание альфы с ломаной переключиной и лунарного эпсилона говорит о датировке начиная с конца V в.”.

¹ Приношу Андрею Юрьевичу глубокую благодарность.

Рис. 1. Вотивная бронзовая рука из коллекции архимандрита Антонина (Капустина).

Fig. 1. A votive bronze hand from the collection of Archimandrite Antonin (Kapustin)

Автору известно еще 16 аналогичных бронзовых рук, отличающихся способом крепления, общим стилем исполнения, наличием или отсутствием украшений, а также расположением пальцев: одни изображены с открытой ладонью, другие — с пальцами, сложенными в жесте латинского благословения (мизинец и безымянный согнуты к ладони, остальные выпрямлены).

Приведем краткие сведения о предметах, отмечая эти особенности.

1. Коллекция супругов Вернер Абеги (Швейцария); место приобретения: антикварный рынок в Бейруте. Рука в жесте благословения; запястье обрамлено двойным довольно высоким ободком, образующим своего рода подставку, в центре которой внизу находится прямоугольный в сечении стержень. Сфера небольшая. Крест с сильно расширяющимися ветвями со стреловидными выступами (3 утрачены) на концах. На кресте выгравирована греческая надпись: “Свет Жизнь” (Ross, 1964. P. 101. Fig. 1 left) (рис. 2, 1).

Рис. 2. Вотивные бронзовые руки: 1 — из частной коллекции Mr. and Mrs. Werner Abegg (по: Ross, 1964. Fig. 1 left); 2 — из Королевского музея в Мариемоне (Бельгия) (по: Ross, 1964. Fig. 1 centre (интернет ресурс: <http://www.numeriques.cfwb.be/index>); 3 — из Королевского музея в Мариемоне (Бельгия) (по: Ross 1964, fig. 1 centre); 4 — из Музея искусства и истории в Женеве (интернет ресурс: <https://collections.geneve.ch/mah/oeuvre/main-votive/ad-7879>); 5 — из частной коллекции (по: Rom und Byzanz 1998, S. 78, N 68); 6 — из частной коллекции (по: Rom und Byzanz, 1998. S. 78, N 69); 7 — из Второго кипрского клада, хранится в Национальной библиотеке Франции в Париже (интернет ресурс: <https://medaillesetantiques.bnf.fr/ws/catalogue/app/collection/record/ark:/12148/c33gb1573t>); 8 — из Государственного Эрмитажа (по: Залесская, 2006. С. 134); 9 — из Археологического музея Стамбула (по: Ross, 1964. Fig. 2 left); 10 — из Музея искусства в Женеве (по: Martiniani-Reber, 2005. Fig. 2 и Lini, 2015. Fig. 8); 11 — из Музея искусства в Женеве (по: Martiniani-Reber, 2005. Fig. 3 (интернет ресурс: https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Arte_bizantina_mani_votive_con_croce,_VI-inizio_VII_sec.JPG); 12 — из Музея Монастыря Киккос (Кипр) (по: Martiniani-Reber, 2005. Fig. 4); 13 — из Метрополитен музея (по: Frazer, 1979. P. 621–622); 14 — из частной коллекции Mr. и Mrs. Ernst Kofler, в Люцерне, Швейцария (по: Ross, 1964. Fig. 2 left); 15 — из частной коллекции в Мюнхене (по: Witt, 2004. № 184).

Fig. 2. Votive bronze hands

2, 3. Королевский музей в Мариемоне (Бельгия). Две схожие руки, купленные в Суре (Тир) и, согласно заявлению продавца, найденные в деревне Макр около Сен-Жан-д'Акра (ныне Акра, Израиль). Обе представлены в жесте благослове-

ния: мизинец и безымянный палец согнуты, остальные держат небольшую сферу, увенчанную крестом с расширяющимися ветвями с круглыми выступами на концах. В нижней части обеих — плоское овальное в плане невысокое основание с

прямоугольным в сечении стержнем в центре (Ross, 1964. P. 101). Одна рука, по определению М. Росса, “сирийского производства”, держит крест, на нижней и верхней ветвях которого выгравировано обращение к святому Георгию, на боковых (одна из них утрачена) — альфа и омега. Датирована VI—VII вв. (Ross, 1964. P. 101. Fig. 1 centre) (рис. 2, 2). От креста на втором экземпляре сохранилась только нижняя часть нижней ветви (Ross, 1964. P. 101. Fig. 1 centre) (рис. 2, 3).

4. Женева, Музей искусства и истории. Реалистично выполненная рука в жесте благословения: мизинец и безымянный пальцы согнуты, остальные придерживают небольшую сферу с крестом сложной формы. Запястье расширяется книзу, образуя основание со стержнем в центре. М. Мартиниани-Ребер датирует предмет VI в. и считает произведенным в Сирии (Martiniani-Reber, 2005. P. 118. Fig. 1) (рис. 2, 4).

Экземпляры 5 и 6 опубликованы в каталоге выставки Национального музея Баварии (Мюнхен) “Рим и Византия: сокровища археологии в Баварии” (Rom und Byzanz, 1998. S. 78, № 68 и 69). Оба неизвестного происхождения, из частных коллекций, датированы VI—VII вв.

5. Реалистично выполненная рука, изображенная в отличие от остальных экземпляров с частью предплечья; сфера поддерживается только двумя пальцами, указательным и большим. Основание подчеркнуто невысоким бордюром, в котором просверлено круглое отверстие; второе, несколько меньшее, просверлено чуть выше. Крест с прямоугольным средокрестием и сложнопрофилированными ветвями (рис. 2, 5).

6. Вторая рука украшена браслетом и перстнями на большом и безымянном пальцах; три пальца поддерживают маленькую сферу, увенчанную крестом, от которого сохранилась лишь часть нижней расширяющейся ветви. Как и предыдущий экземпляр, изображена с частью предплечья. Основание руки подчеркнуто высоким массивным бордюром-подставкой (рис. 2, 6).

7. Национальная библиотека Франции. Рука из так называемого Второго кипрского клада, найденного в Ламбуза-Лапитос на Кипре в 1902 г. Реалистично изображенная рука с изящно расставленными пальцами; запястье расширяется книзу, имеет уплощенную подставку с тремя вертикальными стержнями для крепления. Крест с расширяющимися гранеными ветвями и круглыми выступами на концах поддерживается тремя пальцами. Клад, вероятно, сокрыт во время арабского завоевания 653—654 гг., так как в нем найдены серебряные блюда с клеймами 613—629/630 гг. (Manière-Lévêque, 1997. P. 91—93. Pl. 5, G, H). В Каталоге выставки 2012 г. в Лувре (“Chypre entre Byzance et l’Occident: IVe—XVIe siècle”) регионом изготовления указано Восточное Средиземноморье (Константинополь?), а датой — конец VI или начало VII в. (Durand, Mastoraki, Giovannoni, 2012. P. 77. N 24) (рис. 2, 7).

8. Государственный Эрмитаж. Экземпляр приобретен в Бейруте. Рука с открытой ладонью, три пальца поддерживают небольшую полую сферу. Запястье, расширяясь, образует невысокую трапециевидную подставку, в ее центре небольшой стержень. Крест с расширяющимися ветвями и круглыми выступами на концах. Концы ветвей и перекрестье украшены гравированными концентрическими кружками. На кресте надпись: Υἱὸς σωτηρ (ἱα)ς Γεωργίου (О спасении Георгия) В.Н. Залеская по форме креста датирует экземпляр VI в. (Ross, 1964. P. 101. Fig. 1 right; Залеская, 1967. С. 84; Банк, Бессонова и др., 1977. С. 70; Залеская, 2006. С. 134) (рис. 2, 8).

9. Стамбул, Археологический музей. Найдена в Конье. Два пальца утрачены, но очевидно, что они не были согнуты. В нижней части кисти просверлены отверстия для крепления. На кончиках трех пальцев поддерживается небольшая сфера, увенчанная крестом с расширяющимися ветвями с круглыми выступами на концах (Ross, 1964. P. 101, 102. Fig. 2 left) (рис. 2, 9).

10. Музей искусства и истории, Женева. Рука с выпрямленными, слегка расставленными пальцами. Все пальцы, включая большой и мизинец, почти одинаковой длины. На большом пальце изображен перстень с гравировкой (маленький греческий крест). Запястье резко расширяется в нижней части, образуя род основания, от которого отходят три небольших лепестка с отверстиями для гвоздей. Крест удлиненный, со слегка расширяющимися гранеными ветвями с заостренными концами. Автор публикации датирует вещь VI в. (Martiniani-Reber, 2005. P. 119. Fig. 2; Lini, 2015. P. 49. Fig. 8) (рис. 2, 10).

11. Музей искусства и истории, Женева. Рука схожа с предыдущей: все пальцы почти одинаковой длины; три поддерживают полусферу, увенчанную крестом; основание с тремя полукруглыми выступами-лепестками с отверстиями для гвоздей. Отличается отсутствием перстня на большом пальце, а также формой креста: у него расширяющиеся ветви с круглыми выступами на концах (Martiniani-Reber, 2005. P. 120. Fig. 3) (рис. 2, 11).

12. Музей монастыря Киккос (Кипр). Рука с выпрямленными, слегка расставленными пальцами; три поддерживают небольшую полусферу, увенчанную крестом с расширяющимися ветвями с круглыми выступами на концах; запястье резко расширено в нижней части, образуя основание, от которого отходят три лепестка с отверстиями для гвоздей (рис. 2, 12).

13. Нью Йорк, Музей Метрополитен. Лампадофор, состоящий из бронзовой руки и сферы с

Рис. 3. Различные формы крестов: 1–3, 5 – бронзовые светильники IV–VII вв. (по: Xanthopoulou, 2010. Р. 9, 11, 133, 134, 161; Залесская, 2006. Кат. № 212); 4 – крест из ожерелья, входившего в состав мерсинского клада. Гос. Эрмитаж. (по: Залесская, 2006. Кат. № 191); 6 – светильник из раскопок города недалеко от Бяла (Болгария), конец VI – начало VII в. (по: Минчев, 2015. Обр. 1; табло 1, 1–4).

Fig. 3. Various shapes of crosses

шестью ветвями для лампад. В один предмет собраны, видимо, при реставрации 1900-х годов. Пальцы почти одинаковой длины, выпрямлены; на безымянном и большом – перстни; три пальца поддерживают небольшую сферу, увенчанную крестом с расширяющимися ветвями с круглыми выступами на концах. В верхней части верхней ветви вырезано изображение Девы Марии с младенцем на троне, на концах боковых ветвей изображены апостолы Павел (слева) и Петр (справа); в средокрестии – св. Стефан с книгой и кадилом. Между ними надпись: “ΧΡΙΣΤΕ ΒΟΗΘΙ” (Христос, помоги). В нижней части нижней ветви креста – изображения св. Космы и Дамиана с ларцами для лекарств и надписью: “ΑΓΙΟΙ ΚΟΣΜΑ ΚΑΙ ΔΑΜΙΑΝΕ ΕΥΛΟΓΕΣΑΤΑΙ” (Хвала Косме и Дамиану). Предположительно, из Палестины, 500–700 гг. (Frazer, 1979. Р. 621, 622; Vikan, 1984. Р. 84; Xanthopoulou, 2010. Р. 284) (рис. 2, 13).

14. Коллекция супругов Эрнст Кофлер (Люцерн, Швейцария); куплена на антикварном рынке в Бейруте. Рука изображена с выпрямленными пальцами; на безымянном – перстень; запястье сильно расширяется книзу, образуя основание с просверленными отверстиями для гвоздей; тремя пальцами почти одинаковой длины поддерживается небольшая сфера, увенчанная крестом с расширяющимися ветвями и круглыми выступами на концах; на сохранившейся нижней части нижней ветви выгравирована фигура женщины (Ross, 1964. Р. 101. Fig. 2 left) (рис. 2, 14).

15. Мюнхен, частная коллекция. Рука небольшого размера; сферу поддерживают четыре пальца; мизинец полусогнут; на сфере непропорционально большой крест с расширяющимися ветвями с небольшими округлыми выступами на концах; по периметру креста небольшой бортик, обрамляющий его внутреннее поле. Запястье рез-

ко расширено, образуя уплощенное квадратное в плане основание, отлитое вместе с пирамидальной подставкой, опирающейся на четыре ножки. Опубликовано в каталоге выставки “Die Welt von Byzanz – Europas Östliches Erbe”, где отнесена к Восточному Средиземноморью и датирована VI–VII вв. (Witt, 2004. Р. 143. № 184) (рис. 2, 15).

16. Лион, Музей изящных искусств. Рука с перстнем на безымянном пальце, на его щитке выгравирован крест. От креста на сфере сохранилась часть нижней ветви с буквой С – вероятно, конечная буква греческого слова ΦΩΣ (свет) (Martiniani-Reber, 2005. Р. 119).

Датировка. За исключением руки из Второго кипрского клада, контексты, в которых были найдены перечисленные предметы, неизвестны, часто нет сведений даже о месте их обнаружения. Тем не менее исследователями предпринимаются попытки выделить критерии для их датировки. М. Росс выделяет в качестве такового соотношение размеров креста и сферы. Исследователь обращает внимание на тот факт, что на византийских монетах, на которых императоры часто держат увенчанную крестом державу, только в период с 539 г. до Ираклия держава небольших размеров сочетается с непропорционально большим крестом. Хотя прямой связи между византийскими бронзовыми руками и изображениями императорских держав на монетах нет, исследователь все же считает, что соотношение размеров державы и креста на монетах может быть использовано для датировки бронзовых рук, т.е. бронзовые руки с маленькими сферами и непропорционально большими крестами могут быть датированы временем приблизительно между 525–550 гг. и арабским завоеванием Сирии в 630 г., после которого подобные христианские объекты более, как считается, не производились (Ross, 1964. Р. 103).

В качестве еще одного критерия для датировки рассматриваемых объектов называют реалистичность изображения руки: чем более оно реалистично, тем ближе к античности, т.е. тем более ранним временем датируется (Martiniani-Reber, 2005. Р. 119). Следует отметить, что выдвинутый М. Россом критерий в общем совпадает со вторым: действительно, более реалистично изображенные руки держат сферу с небольшим по размерам крестом. Подтверждает это и близость стиля изображения, оформления подставки в форме переходящего в предплечье запястья руки № 5 к руке, датирующейся I в. из раскопок в Геркулануме (Vermaseren, 1983. Р. 5. Р. 8) (см. ниже, рис. 6, 1). Однако незначительное количество известных на сегодняшний день экземпляров не позволяет принять перечисленные признаки в качестве безусловных критериев для датировки.

Что касается формы креста, то, как правило, она дает широкую дату, лишь подтверждающую принадлежность рук к ранневизантийскому времени. Однако если кресты с расширяющимися ветвями с округлыми или стреловидными выступами на концах были широко распространены в ранневизантийский период, то кресты со сложнопрофилированными ветвями на экземплярах № 4 и 5 относятся к числу редко встречающихся, поэтому целесообразно рассмотреть их подробнее. Точных аналогий найти не удалось, но есть близкие экземпляры. К ним относятся кресты на бронзовых светильниках (рис. 3, 1–3, 5), датирующихся IV–VII вв. (Залесская, 2006. С. 11, 122. Кат. № 212; Xanthopoulou, 2010. Р. 9, 11, 133–134, 161) и крест из ожерелья, входившего в составклада из Мерсина (древний Зефирион около Тарса (Киликия) (рис. 3, 4) вместе с золотой лировидной пряжкой второй половины VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2005. С. 291). Авторы каталога “Искусство Византии в собраниях СССР” и В.Н. Залесская датируют клад более ранним временем, соответственно концом VI в. и VI в. (Банк, Бессонова и др., 1977. С. 117, 118. Кат. № 161; Залесская, 2006. С. 115. Кат. № 191). Что касается светильников, то особо следует отметить экземпляры, происходящие из датированных комплексов: первичных захоронений склепа 152 боспорского некрополя конца V – первой половины VI в. (Засецкая, 1995. С. 434. Табл. XVII, 18) и из раскопок позднеантичного портового города недалеко от Бяла (Болгария) (рис. 3, 6), где такой светильник найден в контексте конца VI – самого начала VII в. (Минчев, 2015. С. 247–249. Обр. 1; табло I, 1–4).

Ареал. Большая часть известных к настоящему моменту рук происходят с Ближнего Востока: три (№ 1, 8 и 14) приобретены на антикварном рынке в Бейруте, две (№ 2 и 3), возможно, найдены в дер. Макр (близ Акры), одна (№ 9) – в Конии (Залесская, 1967. С. 84, 85); две (№ 7 и 12) – на Кипре.

Сиро-палестинское происхождение имеют, возможно, еще пять экземпляров (№ 4, 10, 11, 13, 15).

Центры производства. Поскольку почти все известные экземпляры бронзовых рук с крестом происходят из Сиро-Палестинского региона или с ближайших территорий (Кипр, Анатолия), логично предположить, что именно там они были особенно популярны и именно там располагались центры по их производству. Их разнообразие позволяет говорить о существовании нескольких центров – возможно тех же, где делали вотивные руки для использования в языческих культах. Одинаковое оформление подставки, оснащенной тремя полукруглыми выступами (“лепестками”) с отверстиями для гвоздей, наряду с другими признаками (слегка расставленные пальцы, почти одинаковая длина всех пальцев, схожая проработка ногтей и т.д.) позволяет предположить производство экземпляров № 10–12 в одной мастерской.

Происхождение. Как правило, бронзовые руки с увенчанной крестом сферой считают прямыми наследниками рук, распространенных в римское время и связанных с различными восточными культами, в которых поднятая открытая правая рука² была жестом всемогущества и знаком угрозы. Этот жест встречается в скульптуре, рельефах, глиняных табличках, терракотовых статуэтках, изображающих как различных богов, так и смертных, и широко распространенных в Леванте, Парфянской империи, Набатейском царстве, Египте и на христианском Востоке (Rosenthal-Neginbottom, 2016. С. 75, 77). Интерпретируют жест в зависимости от контекста: когда такой жест делают смертные, он символизирует поклонение и молитву, а если боги – защиту и благословение (Dirven, 2008. Р. 237). Были широко распространены также бронзовые руки как символ благословляющей и исцеляющей руки божества, защищающей от злых духов и отгоняющей беду (François, 2004. Р. 9; Barasch, 2000. Р. 22; Berndt, 2018. Р. 152). Среди культов, с которыми их связывают, называют культы Сабазия, Юпитера Долихена, Юпитера Гелиополита и ряда других локальных божеств Ближнего Востока (Ross, 1964. Р. 103).

По свидетельству древних авторов и по мнению современных исследователей, основанном на археологических находках, культ Сабазия, быстро распространившийся по всему Средиземноморью, имел фригийское происхождение. С Сабазием связывают сегодня около 80 бронзовых рук (Berndt, 2018. Р. 151–153). Как правило, они изображались в жесте латинского благословения (*benediction*

² Византийские императоры обычно изображались с увенчанной крестом державой в левой руке, а не в правой, которая была поднята в жесте власти (*dextra elata*) (Ross, 1964. Р. 103).

latina): мизинец и безымянный палец согнуты, остальные, вытянутые, держат сферический предмет.

Култ Юпитера Долихена появился в сирийском городе Долихе (совр. селение Дюлюк на юге Турции), откуда благодаря популярности в армии распространился по всей Римской империи. Юпитер Гелиополит был богом Гелиополиса (совр. Баальбек) в Ливане. Бронзовая рука с его маленькой статуэткой найдена в Нихе (Ливан) и еще 5 — в районе Сидона (Berndt, 2018. Р. 154).

Экземпляр из коллекции о. Антонина по расположению пальцев и открытой ладони похож на изделия, связанные с культом Юпитера Долихена (особенно близки руки с небольшой сферой, удерживаемой на кончиках трех пальцев и увенчанной фигуркой Виктории), Юпитера Гелиополиса и других локальных божеств Ближнего Востока, среди которых Теос Гипсistos Пантократор (с греч. «Всевышний Бог Вседержитель»), почитателями которого была полуеврейская секта (известны две бронзовые руки с посвящением ему (Berndt, 2018. Р. 154); Баал-Хадд (Баал-Хаддат, Баал-Хадат, Хадд), бог грома и бури, а также владыка земли и плодородия в ханаанской мифологии (Gatier, Bel, 2008. Р. 82); сирийская богиня Атаргатис, которую изображали в виде руки между двумя львами (Seyrig, 1939. Р. 189; Kuşseven, 2007. Р. 39), а в маронитском патриархате в Ливане хранится бронзовая рука с посвящательной надписью на запястье, из которой следует, что рука была посвящена богине, т.е. Атаргатис, которая всегда подразумевается в тех случаях, когда на сирийских вещах упоминается божество женского пола без имени (Залеская, 1967. С. 87); из Южной Аравии происходит бронзовая рука, посвященная Та'лаб Рияму (Gatier, Bel, 2008. Р. 80); в Пальмире найдена бронзовая рука, посвященная богу неба Баалшамену (Drijvers, 1977).

Широкое распространение вотивных предметов в форме бронзовых рук среди почитателей восточных культов объясняет популярность бронзовых рук, держащих сферу с крестом, именно в сиро-палестинском регионе, откуда происходит подавляющее большинство известных в настоящее время экземпляров. Естественно, что именно там христиане, которые заимствовали из языческих культов многие образы, сюжеты и символы, переосмысливая их и наполняя новым смыслом, стали использовать изображения правой руки с крестом, как с открытой ладонью, так и в жесте благословения как знак божественного покровительства и защиты (Metzger, 1955; Ross, 1964. Р. 103; Залеская, 1967. С. 88). Заимствование языческой символики было характерно для переходного периода, когда христианство еще не стало доминирующей религией: недавно обращенные часто упорно держались за старые языческие

символы и образы (Barasch, 2000. Р. 3, 4). Однако это заимствование не было механическим. Используя старые образы и символы, христиане транслировали идею превосходства новой религии. В частности, используя хорошо известное в различных языческих культах изображение руки и увенчивая ее крестом, они провозглашали победу христианства, что было особенно важно в эпоху ожесточенной религиозной борьбы (Barasch, 2000. Р. 22–23).

Назначение. Относительно назначения этих рук можно делать только предположения, поскольку каких-либо свидетельств о них в письменных источниках нет. Отсутствуют и их изображения в раннехристианской иконографии.

Можно предположить, что заимствование формы и символики, хотя и переосмысленной, из языческих культов подразумевает похожее использование. Однако роль бронзовых рук в языческих культах сама до сих пор остается предметом дискуссии. Часть их, видимо, были вотивами, жертвенными дарами, которые верующие приносили в храмы либо в благодарность за оказанную божеством помощь и защиту, либо в надежде получить таковые (Милчев, 1977. С. 74; Kuşseven, 2007. Р. 40). Подтверждением тому служит, например, пластина из Ампурии (Ампуриада, Испания), на которой две подобные руки изображены на алтаре храма (рис. 4) (Ельницкий, 1946. С. 98. Рис. 2; Милчев, 1977. С. 74; Berndt, 2018. Р. 153. Fig. 2).

Однако их могли использовать и в культовых целях в качестве завершающего жезла жрецов Сабазия, которые носили его во время культовых церемоний, как на хранящемся в Новой глипготекке Карлсберга в Копенгагене рельефе из Албании (рис. 5, 1) или на вотивной пластине из Пловдива (рис. 5, 2), на которых сам Сабазий изображен с посохом, увенчанным рукой в жесте латинского благословения (Милчев, 1977. С. 74; Ророва, 2009. Р. 169). Аналогичным способом бронзовые руки использовали в культах Юпитера Долихена, Юпитера Гелиополиса и других. Бронзовые руки, которые связывают с этими культами, часто имеют отверстия для гвоздей на запястье (Berndt, 2018. Р. 154). Не исключено, что такие руки ставили в домах в качестве апотропея, т.е. они служили знаком присутствия божества и его защиты (Ророва, 2009. Р. 169, 173, 174).

Следует отметить и широко распространенный в античный период обычай приношения в храмы вотивных предметов в форме требующих исцеления внутренних органов или частей тела. Эта практика была унаследована христианами общинами и жива до сих пор у православных и католиков (Майзульс, Зотов, Антонов, 2022. С. 7; 14, 15; 26, 27). Одно из самых ранних свидетельств о ней оставил Феодорит Кирский (386 или 393 —

Рис. 4. Пластина с изображением Сабазия из Ампурии (Ампуриада, Испания) (по: Berndt, 2018. Fig. 2).

Fig. 4. A plaque depicting Sabazios from Ampurias, Spain

ок. 458/466 гг. н.э.): “[В Сирии] Христиане идут к мученикам, умоляя заступиться за них. Обретение того, что они с таким доверием просили, ясно подтверждают обетные дары, возвещающие об их исцелении. Некоторые приносят изображения своих глаз, другие стоп, третьи рук, сделанные иногда из дерева, а иногда из золота ... Эти дары являют исцеление от недугов, так как их принесли выздоровевшие, и они свидетельствуют о силе покоящихся здесь. Они доказывают, что их Бог есть истинный Бог” (Vikan, 1984. P. 67; Майзульс, Зотов, Антонов, 2022. С. 26, 27). Среди археологических находок действительно есть изображения отдельных частей тела, использованные в качестве вотивов наряду с крестами. Например, в Сиро-Палестинском регионе, где широко распространены глазные болезни (Stern, 2001. P. 272),

особенно распространены небольшие серебряные пластины с изображением глаз, причем некоторые несут надпись: “Господи, помоги, аминь” или “Во исполнение обета” (Vikan, 1984. P. 66).

Однако представленные в статье кисти рук с увенчанной крестом сферой вряд ли являются приношениями с просьбой об исцелении непосредственно рук. Скорее, они подразумевали просьбы более общего характера, говорили об усердных молитвах или выражали просьбу о божественном заступничестве (Майзульс, Зотов, Антонов, 2022. С. 24).

Обратим внимание на оформление оснований. Рука из коллекции о. Антонина и экземпляры № 10, 11, 12 и 14 имеют уплощенное основание

Рис. 5. Рельефы с изображением Сабазия: 1 – рельеф из Албании. Новая глипотека Карлсберга, Копенгаген (по: Trckova-Flamee, 2018. Dr. on p. 2); 2 – рельеф из Пловдива (по: Īglewska, 2005. Fig. 5).

Fig. 5. Reliefs depicting Sabazios

Рис. 6. Руки Сабазия с различными типами оформления основания: 1, 3 – руки Сабазия из Геркуланума (по: Ver-maseren, 1983. Pl. VIII, 12; IX, 13); 2 – рука Сабазия. Римский музей в Аванше (Швейцария).

Fig. 6. Hands of Sabazios with various types of base design

с просверленными в нем отверстиями для гвоздей, которыми их фиксировали на поверхности или на каком-то постаменте. Для рук из Эрмитажа (№ 8) и Метрополитен музея (№ 13) характерны низкие трапецевидные подставки, причем на экземпляре из Эрмитажа отмечено наличие в центре подставки небольшого стержня (Залеская, 1967. С. 84), а на экземпляре из Метрополитен музея — отверстие в руке (“a hole in the Metropolitan museum corresponds to the placement of a rod inside the hand in Leningrad”: Frazer, 1979. P. 622).

Стержень подставки эрмитажного экземпляра, вероятно, аналогичен стержням на руках № 1–4, к которым примыкает рука из Второго кипрского клада с тремя вертикальными стержнями (№ 7). Такое оформление подставки подразумевает другое крепление предмета: стержень или стержни вставлялись в какое-то отверстие/отверстия, специально сделанные в поверхности постаментов, деревянного или бронзового. Подобный способ установки бронзовых рук встречается и среди языческих экземпляров (Vargasch, 2000. P. 18. Fig. 7) (рис. 6, 2). Небольшие размеры (высота — 11,2 см) экземпляра № 15 позволили отлить ее вместе с пирамидальным постаментом на четырех ножках. Схожую подставку, отлитую вместе с рукой, имел найденный в Геркулануме экземпляр руки Сабазия I в. н.э. (Vermaseren, 1983. P. 6. Pl. IX, 13) (рис. 6, 3).

Судя по фотографиям, руки № 5 и 9 полые и предназначались для насаживания на древко, на котором, судя по наличию отверстий в нижней части, их фиксировали гвоздями. Таким же образом закрепляли и некоторые руки, посвященные языческим богам, как, например, на упомянутой пластине из Ампурии (Berndt, 2018. P. 153).

Наконец, рука № 6 изображена с частью предплечья и довольно высоким массивным бордюром-подставкой. Неясно, была она полый и, соответственно, насаживалась на стержень или, благодаря массивной подставке, могла просто стоять на плоской поверхности.

Таким образом, пять экземпляров прикрепляли к плоской поверхности с помощью гвоздей; шесть крепили на поверхности с помощью одного или нескольких стержней; один отлили вместе с подставкой; два насаживали на древко и фиксировали гвоздями.

Способ крепления, изображения, а также надписи на экземплярах из Королевского музея в Мариемоне, Эрмитажа, коллекции Антонина Капустина и особенно из Метрополитен музея, а также перстни и браслеты, которые могли принадлежать только человеку (№ 6, 10, 13, 14, 16), свидетельствуют, что все представленные руки были вотивными приношениями. Их выставляли у гробниц святых и в храмах на общее обозрение,

что способствовало привлечению паломников (Майзульс, Зотов, Антонов, 2022. С. 27).

Автору, возможно, удалось собрать не все опубликованные экземпляры держащих крест бронзовых рук. Какая-то их часть (особенно из частных коллекций), вероятно, просто не введена в научный оборот. Однако учтенные здесь предметы следует рассматривать как вотивные приношения; на это указывают браслеты и перстни на некоторых из них, а также надписи и изображения на крестах. Устанавливали их на специальные подставки, где фиксировали гвоздями или стержнями, либо насаживали на древко. Ареал таких рук, скорее всего, ограничивается Ближним Востоком, где, соответственно, их производили, хотя не исключено, что некоторые экземпляры были вывезены паломниками в другие регионы. Бытование их не выходит за рамки ранневизантийского периода (до арабского завоевания начала VII в.), но детальную хронологию составить невозможно из-за отсутствия информации об условиях их обнаружения (исключение составляет лишь рука из Второго кипрского клада). Их использование в качестве вотивов было заимствовано христианами из языческих культов, связанных с различными ближневосточными божествами; однако в христианском контексте они означали не только просьбу о помощи и защите, но и символизировали победу христианства над язычеством, что было особенно важно в период ожесточенной борьбы между уходящими религиями и христианством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. XI. Симферополь, 2005. С. 289–313.
- Банк А.В., Бессонова М.А. и др. Раннехристианское искусство II–IV веков. Искусство V–VIII веков. Искусство христианского Египта IV–VII веков // *Искусство Византии в собраниях СССР: каталог выставки: в 3 т. Т. 1. М.: Советский художник, 1977.*
- Гурулева В.В. “В Палестине скоро будет русский музей” (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 30. СПб., 2007. С. 384–395.
- Залеская В.Н. Византийский вотивный памятник в собрании Эрмитажа и его прототипы // *Палестинский сборник*. Вып. 17 (80). История и филология стран Ближнего Востока в древности. М., 1967. С. 84–89.
- Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
- Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. VI. Симферополь, 1995. С. 494–478.

- Ельницкий Л.А. Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий) // Советская археология. 1946. № 8. С. 97–112.
- Майзульс М., Зотов С., Антонов Д. Восковые ноги и железные глаза. Вотивные практики от Средневековья до наших дней. М.: Слово, 2022. 367 с.
- Милчев Ат. О культе Сабазия в Нижней Мезии и Фракии // Вестник древней истории. 1977. № 2. С. 58–76.
- Минчев А. Късноантични бронзови лампи с подставки от България // Добруджа. 2015. 30. С. 247–274.
- Чехановец Я., Беляев Л.А. Палестинский музей Антонина Капустина: состояние исследований // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 228–255.
- Barasch M. The idol in the icon: some ambiguities // Representation in Religion: Studies in Honor of Moshe Barasch / Eds. J. Assmann, A.I. Baumgarten. Leiden: Brill, 2000. P. 1–26.
- Berndt S. The Gand Gesture and Symbols of Sabazios // Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome. 2018. II. P. 151–168.
- Dirven L. Aspects of Hatrene Religion: A Note on the Statues of Kings and Nobles from Hatra // The Variety of Local Religious Life in the Near East in the Hellenistic and Roman Periods. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 209–246.
- Drijvers H.J. Une main votive en bronze, Palmyre, dédiée à Ba'alshamén // Semitica. 1977. 27. P. 105–116.
- Durand J., Mastoraki D., Giovannoni D. Chypre entre Byzance et l'Occident: IVe–XVIe siècle. Paris: Somogy éditions d'art, 2012. 413 p.
- François J. Les mains en bronze romaines et chrétiennes // Desmos. 2004. 37. P. 7–14.
- Frazer M.E. Chandelier and hand holding cross // Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century (Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art) / Ed. K. Weitzmann. New York, 1979. P. 621–622.
- Gatier P.L., Bel N. Mains votives de la Phénicie romaine // Monuments et Mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2008. V. 87. P. 69–104.
- Āglewska M. La main de Sabazios de Krasen en Bulgarie // Folia archaeologica. 2009. V. 26. P. 223–228.
- Kuşseven P. The Cult of Jupiter Dolichenus: Origins and Iconography: A Master's Thesis. Department of Archaeology and Art History, Bilkent University. Ankara, 2007. 131 p.
- Lini G. Une collection byzantine à Genève // Genava: revue d'histoire de l'art et d'archéologie. 2015. V. 63. P. 43–50.
- Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux "aristocratiques" féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archéologique. 1997. № 1. P. 79–106.
- Martiniani-Reber M. Trois mains votives chrétiennes au musée d'art et d'histoire // Genava: revue d'histoire de l'art et d'archéologie. 2005. V. 53. P. 117–122.
- Metzger B.M. Considerations of Methodology in the Study of the Mystery Religions and Early Christianity // Harvard Theological Review. 1955. V. 48. P. 1–20.
- Popova R. The Road of Sabazios to the Northern Coast of the Black Sea: the Bosphoran Kingdom // Thracia. 18. In memoriam Alexandri Fol. Sofia, 2009. P. 165–183.
- Rosenthal-Heginbottom R. The 'Gesture of Blessing' in the Greco-Roman East // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. VI. С. 75–83.
- Ross M.C. Byzantine Bronze Hands Holding Crosses // Archaeology. 1964. V. 17. № 2. P. 101–103.
- Rom und Byzanz. Archäologische Kostbarkeiten aus Bayern. Katalog zur Ausstellung der Prähistorischen Staatssammlung München 20. Oktober 1998–14. Februar 1999 / Eds. L. Wamser, G. Zahlhaas. München: Prähistorischen Staatssammlung München und Hirmer Verlag, 1998. 255 S.
- Seyrig H. Représentations de la main divine // Syria. 1939. V. 20. P. 189–195.
- Stern E.M. Roman, Byzantine and Early Medieval Glass. 10 BCE – 700 CE. Ernesto Wolf Collection. New York: Hatje Cantx, 2001. 427 p.
- Trckova-Flamee A. The Cult of Sabazios. The Cult of a Gallo-Roman God on a Relief from Arlon/Aarlen (Belgium)? // Anistoriton. 2010. V. 12. Essays no 2. P. 1–10.
- Vermaseren M. The Hands Leiden: Brill, 1983 (Corpus Cultus Iovis Sabazii; I). 48 p., LXXX pl.
- Vikan G. Art, Medicine, and Magic in Early Byzantium // Dumbarton Oaks Papers. 1984. Vol. 38. Symposium on Byzantine Medicine. P. 65–86.
- Witt J. Ex voto // Die Welt von Byzanz – Europas Östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur / Hrsg. L. Wamser. Stuttgart: Theiss, 2004.
- Xanthopoulou M. Les lampes en bronze à l'époque paléochrétienne Turnhout: Brepols, 2010 (Bibliothèque de l'antiquité tardive). 320 p.

BRONZE VOTIVE OBJECTS OF "A HAND WITH A CROSS" TYPE: AN ITEM FROM THE COLLECTION OF ARCHIMANDRITE ANTONIN (KAPUSTIN)

Larisa A. Golofast^{a, #}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: larisa_golofast@mail.ru

The article introduces a votive bronze hand with a cross from the collection of Archimandrite Antonin Kapustin, as well as a small catalog of similar items known to the author, which are kept in various museums and private collections. The study of the collection presented in the paper makes it possible to support the assumptions made by the researchers earlier: first, the objects in question were votive offerings to the temple;

this is indicated by bracelets and rings on some of them, as well as inscriptions and images on crosses; second, their use as votives was borrowed by Christians from pagan cults associated with various Middle Eastern deities, however, in a Christian context, they meant not only a plea for help and protection, but also symbolized the victory of Christianity over paganism, which was especially important during fierce struggle between receding religions and Christianity; third, items were mounted either on special stands, to which they were fixed with nails or rods, or on a shaft; fourth, the area of such hands is most likely confined to the Middle East, where they were produced, although it is possible that some objects were taken by pilgrims to other regions; fifth, their existence does not go beyond the early Byzantine period, until the Arab conquest of the beginning of the 7th century AD; it is impossible to compile a staged chronology due to the complete lack of information about the circumstances of finding currently known items (the only exception is the hand from the Second Cypriot hoard).

Keywords: Syro-Palestinian region, Holy Land, Christian archaeology, the early Byzantine period, collecting, votives.

REFERENCES

- Aybabina A.I., Khayredinova E.A., 2005. New Byzantine buckles from the southwestern Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, XI. Simferopol', pp. 289–313. (In Russ.)
- Bank A.V., Bessonova M.A. et al., 1977. Early Christian art of the 2nd–4th centuries AD. Art of the 5th–8th centuries AD. Art of Christian Egypt of the 4th–7th centuries AD. *Iskusstvo Vizantii v sobraniyakh SSSR: katalog vystavki [Art of Byzantium in the collections of the USSR: exhibition catalogue]*, 1. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. (In Russ.)
- Barasch M., 2000. The idol in the icon: some ambiguities. *Representation in Religion: Studies in Honor of Moshe Barasch*. J. Assmann, A.I. Baumgarten, eds. Leiden: Brill, pp. 1–26.
- Berndt S., 2018. The Gand Gesture and Symbols of Sabazios. *Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome*, II, pp. 151–168.
- Chekhanovets Ya., Belyaev L.A., 2019. Palestine Museum of Antonin Kapustin: state of the art. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine chronicle]*, 103, pp. 228–255. (In Russ.)
- Dirven L., 2008. Aspects of Hatrene Religion: A Note on the Statues of Kings and Nobles from Hatra. *The Variety of Local Religious Life in the Near East in the Hellenistic and Roman Periods*. Leiden; Boston: Brill, pp. 209–246.
- Drijvers H.J., 1977. Une main votive en bronze, Palmyre, dédiée à Ba'alshamén. *Semitica*, 27, pp. 105–116.
- Durand J., Mastoraki D., Giovannoni D., 2012. Chypre entre Byzance et l'Occident: IVe–XVIe siècle. Paris: Somogy éditions d'art. 413 p.
- El'nitskiy L.A., 1946. From the history of the Hellenistic cults in the Pontic (Dionysus-Sabazios). *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 8. C. 97–112. (In Russ.)
- François J., 2004. Les mains en bronze romaines et chrétiennes. *Desmos*, 37, pp. 7–14.
- Frazer M.E., 1979. Chandelier and hand holding cross. *Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century (Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art)*. K. Weitzmann, ed. New York, pp. 621–622.
- Gatier P.L., Bel N., 2008. Mains votives de la Phénicie romaine. *Monuments et Mémoires de la Fondation Eugène Piot*, 87, pp. 69–104.
- Guruleva V.V., 2007. “Russian museum to be opened soon in Palestine” (Museum of Archimandrite Antonin in Jerusalem). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny [Auxiliary sciences of history]*, 30. St. Petersburg, pp. 384–395. (In Russ.)
- Iglewska M., 2009. La main de Sabazios de Krasen en Bulgarie. *Folia archaeologica*, 26, pp. 223–228.
- Kuşseven P., 2007. The Cult of Jupiter Dolichenus: Origins and Iconography: A Master's Thesis. Department of Archaeology and Art History, Bilkent University. Ankara. 131 p.
- Lini G., 2015. Une collection byzantine à Genève. *Genava: revue d'histoire de l'art et d'archéologie*, 63, pp. 43–50.
- Manière-Lévêque A.-M., 1997. L'évolution des bijoux “aristocratiques” féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie. *Revue Archéologique*, 1. P. 79–106.
- Martiniani-Reber M., 2005. Trois mains votives chrétiennes au musée d'art et d'histoire. *Genava: revue d'histoire de l'art et d'archéologie*, 53, pp. 117–122.
- Mayzul's M., Zotov S., Antonov D., 2022. Voskovye nogi i zheleznye glaza. Votivnye praktiki ot Srednevekov'ya do nashikh dney [Wax legs and iron eyes. Votive practices from the Middle Ages to the present day]. Moscow: Slovo. 367 p.
- Metzger B.M., 1955. Considerations of Methodology in the Study of the Mystery Religions and Early Christianity. *Harvard Theological Review*, 48, pp. 1–20.
- Milchev At., 1977. On the cult of Sabazios in Lower Moesia and Thracia. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 2, pp. 58–76. (In Russ.)
- Minchev A., 2015. Ancient bronze lamps with stands from Bulgaria. *Dobrudzha [Dobruja]*, 30, pp. 247–274. (In Bulgarian).
- Popova R., 2009. The Road of Sabazios to the Northern Coast of the Black Sea: the Bosporan Kingdom. *Thracia*, 18. In *memoriam Alexandri Fol*. Sofia, pp. 165–183.
- Rom und Byzanz. Archäologische Kostbarkeiten aus Bayern. Katalog zur Ausstellung der Prähistorischen Staatssammlung München 20. Oktober 1998 – 14. Februar 1999. L. Wamser, G. Zahlhaas, eds. München: Prähistorischen Staatssammlung München und Hirmer Verlag, 1998. 255 p.

- Rosenthal-Heginbottom R., 2016. The 'Gesture of Blessing' in the Greco-Roman East. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva [Topical problems of the theory and history of art]*, VI, pp. 75–83.
- Ross M.C., 1964. Byzantine Bronze Hands Holding Crosses. *Archaeology*, vol. 17, no. 2, pp. 101–103.
- Seyrig H., 1939. Représentations de la main divine. *Syria*, 20, pp. 189–195.
- Stern E.M., 2001. Roman, Byzantine and Early Medieval Glass. 10 BCE – 700 CE. Ernesto Wolf Collection. New York: Hatje Cantx. 427 p.
- Trckova-Flamee A., 2010. The Cult of Sabazios. The Cult of a Gallo-Roman God on a Relief from Arlon/Aarlen (Belgium)? *Anistoriton*, vol. 12, no. 2, pp. 1–10.
- Vermaseren M., 1983. The Hands. Leiden: Brill. 48 p., LXXX pl. (Corpus Cultus Iovis Sabazii, I).
- Vikan G., 1984. Art, Medicine, and Magic in Early Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 38. *Symposium on Byzantine Medicine*, pp. 65–86.
- Witt J., 2004. Ex voto. *Die Welt von Byzanz – Europas Östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur*. L. Wamser, ed. Stuttgart: Theiss.
- Xanthopoulou M., 2010. Les lampes en bronze à l'époque paléochrétienne Turnhout: Brepols. 320 p. (Bibliothèque de l'antiquité tardive).
- Zalesskaya V.N., 1967. A Byzantine votive object in the Hermitage Museum collection and its prototypes. *Palestinskiy sbornik [Palestinian collection of articles]*, 17 (80). *Istoriya i filologiya stran Blizhnego Vostoka v drevnosti [History and philology of the Near East countries in antiquity]*. Moscow, pp. 84–89. (In Russ.)
- Zalesskaya V.N., 2006. Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii [Objects of Byzantine applied art of the 4th–7th centuries AD: collection catalogue]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 272 p.
- Zasetskaya I.P., 1995. Dating and origin of the finger-shaped fibulae from the Bosporan necropolis of the early medieval period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Taurica]*, VI. Simferopol'. C. 494–478. (In Russ.)

К 75-ЛЕТИЮ
Л. А. БЕЛЯЕВА

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕССАНЫ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ “КАРАВАННОГО ГОРОДА” НА ЮГЕ ИЗРАИЛЯ

© 2023 г. Я. Чехановец*

Университет Бен-Гуриона в Негеве, Беэр-Шева, Израиль

**E-mail: yanatchk@gmail.com*

Поступила в редакцию 08.01.2023 г.

После доработки 08.01.2023 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье рассматривается новый проект археологического исследования древней Нессаны, небольшого поселения византийского и раннеисламского периода (V–VII вв. н.э.), расположенного на юге Израиля, в юго-западной части пустыни Негев. Расцвет поселения связан с его местоположением: в византийский период Нессана становится важным караванным узлом на пути христианского паломничества из Святой Земли на Синай, к монастырю св. Екатерины. Пользуясь всеми экономическими благами паломничества, Нессана превращается в крупное урбанизированное поселение с населением около пяти тысяч человек, с многочисленными церквями и караван-сараями. Паломничество, несомненно, играло важнейшую роль в жизни поселения, что ясно отражено в свидетельствах папирусов V–VII вв., обнаруженных здесь в 1930-х годах. Выгодное расположение памятника на самом краю пустыни, множество церквей, папирусы, строительные надписи и паломнические граффити на нескольких языках, а также засушливый климат, способствующий сохранности органических материалов, превращают Нессану в уникальный объект для изучения археологической проблематики раннехристианского паломничества. Несмотря на интенсивную работу, проводившуюся в Нессане двумя археологическими экспедициями, стратиграфия памятника и его планировка до сих пор остаются неясными. В статье представлены предварительные результаты первого сезона полевых работ новой Нессанской экспедиции и обсуждается ряд вопросов, связанных с дальнейшим изучением памятника.

Ключевые слова: пустыня, поздняя античность, византийско-исламский переход, полевые исследования, Негев.

DOI: 10.31857/S0869606323020058, EDN: RFICRC

Памятник и история исследования. Нессана (Уджа аль-Хафир, Ницана) расположена на юго-западном краю пустыни Негев, в 5 км от современной израильско-египетской границы, вдали от Средиземного и Красного морей (рис. 1). По всей видимости, основанное уже в эллинистический период (III–II вв. до н.э.), в позднеримский период поселение становится военным форпостом. Сведения о ранних периодах противоречивы: так, набатейское происхождение памятника и его роль в системе набатейской караванной торговли пока что не подтверждаются археологическими данными. Мало известно и о римско-византийском военном присутствии в Нессане, о природе самого гарнизона, происхождении и функции его обитателей, их экипировке, снабжении и т.п. (дискуссию и обширную библиографию см.: Whately, 2016). Расцвет Нессаны в византийский период связан с развитием христианского паломничества: она оказывается послед-

ним на Святой Земле населенным пунктом, за которым начинается долгая и трудная дорога через Синайскую пустыню к монастырю Св. Екатерины. Процветает и сельское хозяйство: окрестности памятника полны следов террасного земледелия, по археологическим и историческим данным восстанавливаются и виды выращивавшихся здесь культур (Mayerson, 1962; Langgut et al., 2021).

Даже во времена своего расцвета Нессана не превратилась в город, оставаясь разросшимся сельским поселением, подобно другим урбанизированным деревням Негева: Ободе (Авдату), Собате (Шивте), Рухейбе (Реховоту) и Мемфису (Мамшиту). Судя по литературным источникам и эпиграфическим находкам, только одно поселение византийского Негева, Элуса (Халуца) определялось как город и даже имела своего епископа (Goldfus, Arubas, Bowes, 2000; Goldfus, Fabian, 2000; Schöne et al., 2019).

Рис. 1. Нессана, общий вид памятника. Фото: А. Wiegman and Y. Shmidov.

Fig. 1. Nessana, a general view of the site. Photo by A. Wiegman and Y. Shmidov

На протяжении ранних периодов своей истории поселение было ограничено вершиной естественного холма высотой ок. 275 м над уровнем моря, окаймленном с востока руслом вади аль-Хафир (Нахаль Эзоз). В византийский и раннеисламский период границы Нессаны расширяются и охватывают также плоскую равнину к востоку от вади, вместе составляя площадь порядка 200 дунамов, или 20 га (рис. 2). Холм и нижняя часть поселения были связаны каменной лестницей в 103 ступени; возможно, над руслом вади был выстроен мост. Нижняя часть города была четко распланирована по оси С—Ю, с двумя параллельными улицами, идущими вдоль русла вади, и перпендикулярными им переулками. Из общественных построек Нессаны на сегодня известны только византийские церкви. В отличие от большинства поселений Негева, водоснабжение Нессаны осуществлялось с помощью глубоких колодцев; часть из них использовалась вплоть до начала XX века. Вокруг города расположено несколько кладбищ (Betzer, 2021).

Заброшенный к IX в., памятник оживает только в канун Первой мировой войны, когда османские власти решают превратить его в административный и военный центр региона. Это новое поселение, известное как Уджа аль-Хафир, было построено прямо на развалинах и сильно повредило древности (рис. 3). В свете этих разрушений, особое значение для реконструкции древнего об-

лика поселения имеют свидетельства исследователей, посещавших руины Нессаны в конце XIX — начале XX в., особенно, составивших планы еще видимых древних построек: церквей, городских стен и т.п. (Musil, 1907. Р. 86; Woolley, Lawrence, 1915. Р. 118). Значительным подспорьем являются также схемы османских сооружений: административных и военных зданий на вершине холма и у его подножья, многочисленных барakov, складских помещений, колодцев, водоводов и т.п., составленные инспекторами Британской Службы древностей в 1920-х годах: эта графическая информация и фотографии памятника необходимы для точного выделения османского слоя и построения точной стратиграфии памятника.

В 1935–1937 гг. руины Уджа аль-Хафир привлекли внимание экспедиции Британской школы археологии под руководством Г.Д. Кольта, работавшей в соседней Собате (Шивте). Проблемы с питьевой водой вынудили экспедицию переместиться в Уджу. Раскопки проводились на естественном холме, где были раскрыты остатки позднееримского форта и две монументальные византийские церкви: свв. Сергия и Вакха, популярных “воинских” святых, в северной части холма (Excavations at Nessana, 1, 1962. Р. 33–43), и церкви Богородицы в южной (Excavations at Nessana, 1, 1962. Р. 43–45). Многочисленные находки — архитектура, керамический и нумизматический материал, а также заметки о геологии, костных

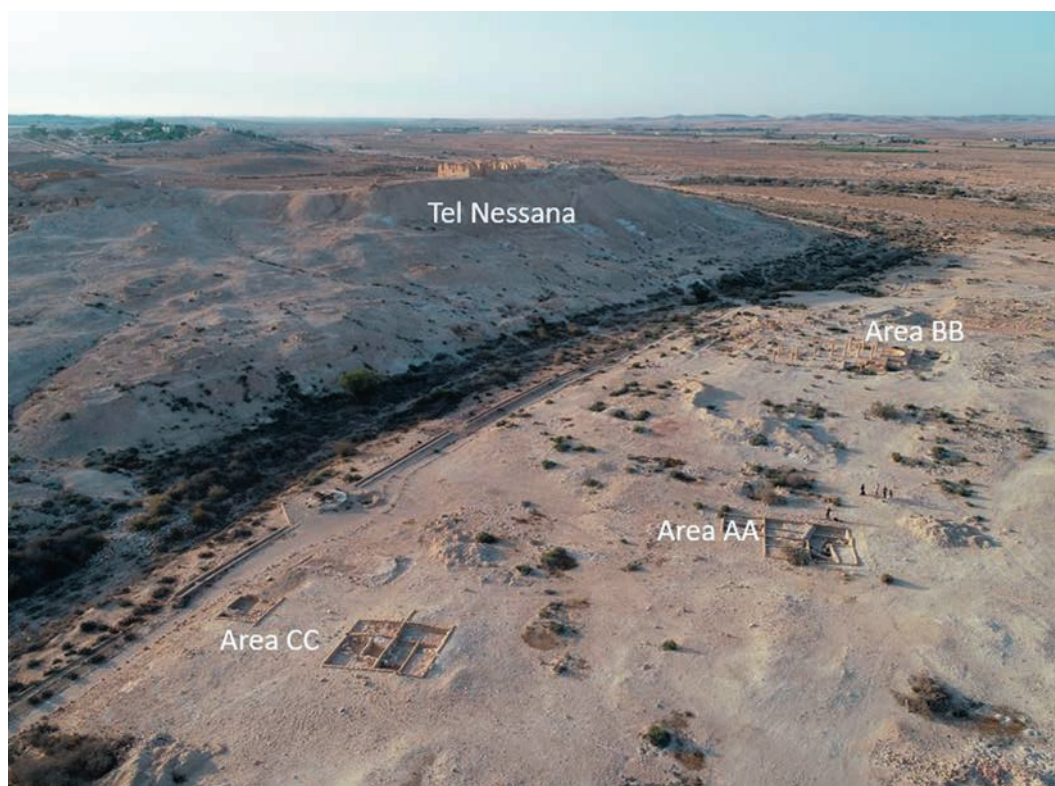

Рис. 2. Нессана, полевой сезон 2022 г. Фото: А. Wiegman and Y. Shmidov.

Fig. 2. Nessana, the 2022 field season. Photo by A. Wiegman and Y. Shmidov

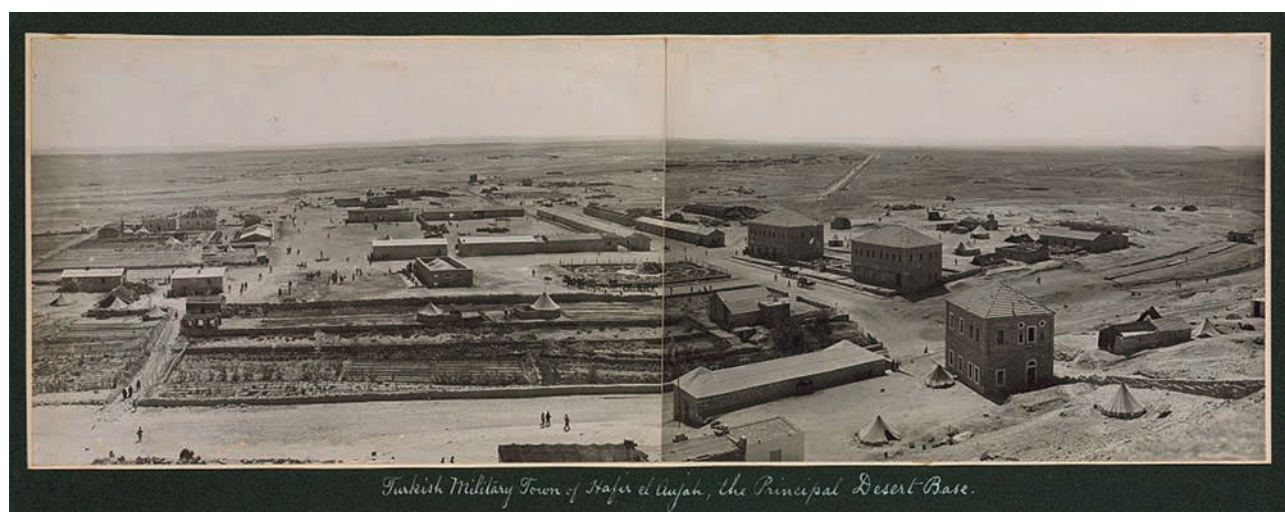

Рис. 3. Турецкий военный городок Уджа аль-Хафир, 1916 г. Library of Congress, Prints and Photographs Division, LC-DIG-ppmsca-13709-00042. <https://www.loc.gov/resource/ppmsca.13709/?sp=41&st=image>.

Fig. 3. Turkish military camp at Auja al-Hafir, 1916. Library of Congress, Prints and Photographs Division, LC-DIG-ppmsca-13709-00042. <https://www.loc.gov/resource/ppmsca.13709/?sp=41&st=image>

остатках, древесине и другой органике, были опубликованы со значительным опозданием, уже после Второй мировой войны. Главным открытием экспедиции стали два архива папирусов, най-

денных в обеих церквях. Папирусы, написанные на греческом, арабском и сиро-палестинском диалекте арамейского, датируются VI–VII вв. н.э. Уцелевшие благодаря засушливому климату, эти

частные и официальные документы, литературные и военные тексты сохранили ценнейшую информацию о жизни и экономике поселения, именах жителей, об их участии в местном земледелии и паломничестве (Stroumsa, 2008; Ruffini, 2011), а также выявили древнее название памятника: *Νεσσανα*. Хорошо сохранившиеся греческие тексты и часть арабских документов были опубликованы в 1950-х годах (Excavations at Nessana, 2, 1950; Excavations at Nessana, 3, 1958), однако сотни меньших фрагментов на греческом, арабском и арамейском были надолго забыты. Их оцифровка и публикация начаты совсем недавно Университетом Нью-Йорка (Hoyland, 2015; 2021a; 2021b).

В 1987 г. раскопки на памятнике были возобновлены экспедицией кафедры археологии Университета Бен-Гуриона в Негеве под руководством Д. Урмана и И. Шершевского (Nessana: Excavations and Studies, 2004; Shereshevski, 1991). На холме и у его подножья за девять лет полевых работ, продолжавшихся круглый год, было открыто более десяти участков с частными домами византийского и раннеисламского периода и еще одной церковью в нижней части поселения (Nessana: Excavations and Studies, 2004. P. 69*–101*) и небольшим монастырем на холме (Nessana: Excavations and Studies, 2004. P. 11*–21*). Экспедиция также провела раскопки под ступенями каменной лестницы, ведущей на холм, и установила дату ее постройки во II в. до н.э. Судя по предварительным публикациям и устным воспоминаниям участников раскопок, в Нессане был получен значительный археологический материал, масса керамических и нумизматических находок, стекла и органики, однако преждевременная смерть обоих руководителей экспедиции помешала полной публикации раскопок; более того, часть ценной полевой информации и ряд находок были безвозвратно утрачены.

Несмотря на значительный исследовательский интерес последних лет к памятникам пустыни Негев, само поселение Нессаны более 30 лет не разрабатывалось израильскими и зарубежными археологами. Причиной тому, в первую очередь, являются сложная история формирования позднейших слоев памятника, серьезные разрушения древних построек, причиненные османским строительством в канун Первой мировой войны, дальнейшее использование территории военной и гражданской администрацией Британского мандата в 1920–40-е годы, и наконец, разрушение османских построек израильской армией в 1956 г. Оставшиеся неопубликованными результаты раскопок 1990-х годов также затрудняли продолжение археологического исследования.

Сегодня археологические материалы Нессаны могут быть проанализированы на базе, созданной междисциплинарными исследованиями послед-

них двух десятилетий, достигших значительного прогресса в изучении позднеантичного наследия Негева, в том числе в вопросах, связанных с реконструкцией окружающей среды, климатических изменений и экологической устойчивости (Magness, 2003. P. 177–194; Avni, 2008; 2014. P. 261–267; Schöne et al., 2019; Bar-Oz et al., 2019; Marom et al., 2019; Fuks et al., 2021).

Археология паломничества. В византийский период Палестина, вероятно, впервые за всю свою историю, превращается в религиозный центр мирового значения, Святую Землю и сердце стремительно растущей христианской ойкумены. Христиане Рима и Северной Африки, Греции, Малой Азии, Сирии, Египта, Эфиопии, Персии, Кавказа и Месопотамии стремятся к святым местам Палестины, чтобы увидеть места земной жизни Христа и апостолов, принять участие в богослужениях, получить благословение святынь. Многие оставляют записи о своем путешествии. Литературные свидетельства раннего христианского паломничества хорошо изучены (наиболее важные исследования см.: Wilkinson, 1977; Hunt, 1982; Maravale, 1985; Stone, 1986; The Blessings of Pilgrimage, 1990; Pilgrimage in the Byzantine Empire..., 2002; Bitton-Ashkelony, 2005). Материальная культура этих путешествий пока что остается новым, развивающимся направлением археологии, лишь нащупывающим свою методологию (Kristensen, 2012; Yasin, 2012). В Израиле в этом направлении сделаны только первые шаги (Di Segni, 2020; Tchekhanovets, 2011; 2014; 2019; Tchekhanovets, Tepper, Bar-Oz, 2017; Pogorelsky, Stone, Tchekhanovets, 2019).

Нессана, не связанная традицией с ветхозаветными или евангельскими событиями, по всей видимости, не хранившая важных христианских реликвий, в византийский период становится чрезвычайно посещаемым местом. В первую очередь, это связано со стратегическим положением: это последняя на Святой Земле остановка перед началом дороги на Синай (Figueras, 1995; Mayerson, 1982; Külzer, 2020). Синайский полуостров с его святынями и монастырями и в древности привлекал множество паломников: следы их передвижения по синайским дорогам зафиксированы и археологически (Dahari, 2000; Negev, 1977; Stone, 1982; 2017). По всей видимости, Нессана предоставляла паломникам необходимое снабжение, проводников, животных и разного рода услуги. По свидетельствам папирусов, интенсивное паломничество продолжается и в раннеисламский период, по крайней мере до середины VIII в. (Stroumsa, 2008). Вероятно, именно паломническими нуждами можно объяснить и необыкновенное для небольшого поселения количество церкви — на сегодняшний день нам известно шесть — и множество надписей и граффити на

греческом, арамейском и армянском языках (Kirk, Welles, 1962; Figueras, 2004; Pogorelsky, Stone, Tchekhanovets, 2019).

Новые раскопки в Нессане¹. Научная проблематика археологии паломничества является основой нового проекта, начатого Университетом Бен-Гуриона в 2022 г. Влияние паломничества на структуру поселения и ее развитие в византийский и раннеисламский период, особые архитектурные характеристики местных церквей, выявление других общественных зданий в черте поселения и за его пределами — например, странноприимных домов, бань и т.п. — все это предполагается изучить в связи с письменными источниками: текстами папирусов и другими эпиграфическими свидетельствами. Особого внимания заслуживают датировка и вероятные причины заката Нессаны в аббасидский период и возможная связь этих событий с ослаблением христианского паломничества.

Принимая во внимание плачевное состояние публикаций предыдущих раскопок и частичную утрату находок и документации, первоочередной задачей новой экспедиции стала синхронизация всех имеющихся археологических данных. Вся существующая графическая документация памятника: карты, составленные путешественниками XIX в., планы раскопанных двумя предыдущими экспедициями зданий, архивный материал Британской Службы древностей и исторические фотографии Уджи аль-Хафир, была синхронизирована с подробной геодезической съемкой памятника и фотограмметрической моделью местности. Таким образом, результаты предыдущих раскопок, частично засыпанные и разрушенные османские постройки были точно привязаны к местности. В результате был составлен первый точный план памятника, сводящий воедино полную географическую и археологическую информацию по древней Нессане, включающий древний, византийско-исламский, и новый, османский, слои (рис. 4). Попытки провести геомагнитное исследование местности не увенчались успехом из-за насыщенности почв современным металлом: железной арматурой, снарядами, канистрами,

консервными банками и т.п. Традиционные методы полевой разведки, в сочетании с использованием ГИС-модели, оказались наиболее адекватными природе памятника и позволили зафиксировать следы сотен стен и десятков древних построек.

Для пробных раскопок были выбраны три участка в нижней части поселения, на восточном берегу вادي Эзоз, каждый со своей спецификой. На участке АА были раскрыты постройки, относящиеся к двум фазам поздневизантийского — раннеисламского слоя (Str. IIb, IIa), и расположенное над ними здание османского периода (Str. I), также ориентированное в плане по сторонам света (рис. 5). Ранняя постройка Str. IIb, ориентированная с С на Ю, стоит непосредственно на материковой скале мягкого белого известняка. Стены выстроены из хорошо обработанного местного камня с сердцевиной, заполненной галькой и мелким битым камнем. Подобно множеству построек Негева, здание имело сводчатые потолки, державшиеся на прилегающих к стенам прямоугольных опорах. На сегодняшний день раскрыто только две комнаты здания и планировка его неизвестна. Земляной пол здания был покрыт толстым слоем керамического лома, включавшего исключительно фрагменты тулова тарных кувшинов. Над полом и слоем керамики был зафиксирован метровой толщины слой темно-серых пепельных отложений (рис. 6). Подобные отложения, обнаруженные в жилых домах соседней Собаты (Шивты), были интерпретированы исследователями как следы мусорных куч, аккумулировавшихся в заброшенных постройках в омейядский период (Terreg, Var-Oz, 2019). В нашем случае, серый пепельный слой не стал последним в истории здания; часть стен была достроена, и следы мусора были перекрыты новым полом (Str. IIa). Находки обеих ранних фаз включали керамику и стекло VI–VII вв., кости животных и ботанический материал. Здание в поздней своей фазе было заброшено без всяких следов насильственного разрушения; его руины покрылись слоем наносной лессовой почвы. В начале XX в. над древними стенами было возведено узкое длинное здание, вероятно, складского назначения, выстроенное по оси З–В. Находки этого слоя (Str. I) включали типичную позднеосманскую серую газийскую керамику, множество аптечной посуды и консервные банки. Похожими находками характеризовались и раскопки на участке ВВ, открытом специально для пробного исследования материала Уджи аль-Хафир.

Участок СС был открыт после обнаружения апсиды церковного здания, шестой по счету церкви Нессаны. Раскопки небольшой часовни, возможно, бокового нефа базилики, были начаты в срочном порядке группой Службы Древностей

¹ Раскопки под руководством автора статьи проводятся кафедрой археологии Университета Бен-Гуриона в Негеве. Первый полевой сезон состоялся в июле–августе 2022 г. (IAA permits G-31/2022) при участии археологов А. Разюк, А. Леви и А. Переца (руководители участков), О. Погорельского (эпиграфика), Я. Шмидова и А. Вигмана (ГИС, моделирование, натурная съемка), Д. Фукса (археоботаника), К. Школьника (нумизматика), Н. Виллера (геоморфология) и О. Зеви (дигитализация), силами студентов кафедры и волонтеров. Мы глубоко признательны коллегам из Службы Древностей Израиля, Управления национальных парков и других институтов и организаций, в первую очередь — археологам Т. Гини и Р. Ляви. Проект осуществляется при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 56/V/22). См. также: nessanaexpedition.com.

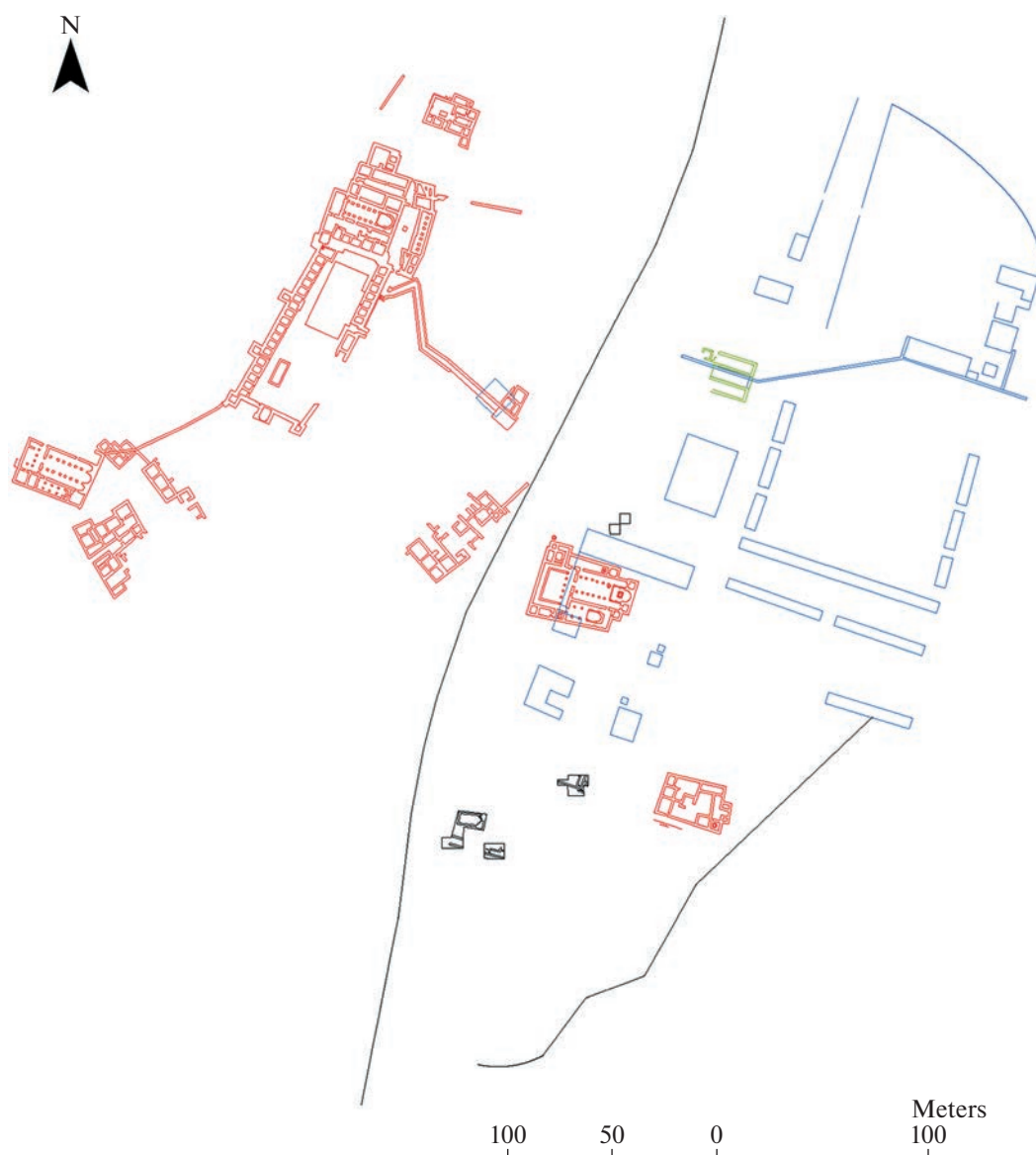

Рис. 4. Общий план памятника. Раскопки прошлых лет показаны красным цветом, турецкие постройки Уджи аль-Хафир — синим, утраченная церковь — зеленым, участки полевого сезона 2022 г. — черным.

Fig. 4. General plan of the site. Excavations of previous years are shown in red, remains of a lost church — in green, Turkish structures of Auja al-Hafir — in blue, and areas investigated during the 2022 field season — in black

Израиля² и продолжены в рамках настоящего проекта. Стены часовни были выявлены практически на дневной поверхности и сохранились только до уровня мощеных полов. Прилегающие к часовне с Ю и с ЮВ помещения сохранились лучше, в ряде квадратов был раскрыт внушительной слой обрушения верхнего этажа (рис. 7). В ряде помещений была раскрыта серия полов, с находками, включающими богатый керамический материал VI–VII вв., в том числе керамиче-

ские трубы и полые кирпичи (*tubuli*), свидетельствующие о расположенной поблизости бане. В слое обрушения сохранился и богатый органический материал: текстиль, веревки, древесина, зерна и семена. Все находки на этом участке относятся к слою Str. II, османского вмешательства не зафиксировано.

Работы первого полевого сезона (Tchekhanovets, 2023; Tchekhanovets et al., 2023) позволили составить представление о глубине культурного слоя памятника, уровне и природе материка, а также выявить базовую керамическую типологию

² А. Rasiuk, IAA permission Z-18/22.

Рис. 5. Участок АА. Фото: А. Wiegman and Y. Shmidov.

Fig. 5. Area AA. Photo by A. Wiegman and Y. Shmidov

Рис. 6. Слои пепла на участке АА. Фото: А. Wiegman and Y. Shmidov.

Fig. 6. Ash layers at area AA. Photo by A. Wiegman and Y. Shmidov

Рис. 7. Участок СС. Часовня и слои обрушения. Фото: А. Wiegman and Y. Shmidov.

Fig. 7. Area CC. Chapel and collapse layers. Photo by A. Wiegman and Y. Shmidov

Нессаны, особенно важную при почти полном отсутствии актуальных керамических публикаций византийского Негева. Эти данные позволят уточнить хронологические границы различных страт памятника и процессы его упадка и последующего разрушения.

В дальнейшем экспедиция Университета Бен-Гуриона планирует возобновить раскопки вплотную к нескольким раскопанным в 1990-х годах участкам, чей археологический потенциал не был исчерпан, в первую очередь к зданию так называемой Центральной византийской церкви в нижнем городе (Nessana: Excavations and Studies, 2004; Area F) и крупной жилой постройке позднеисламского периода, на стенах которой сохранились остатки росписей (Nessana: Excavations and Studies, 2004; Area J). Точечные раскопки позволят точно задокументировать сооружения и разрешить некоторые проблемы, имеющие решающее значение для установления хронологии памятника. Экспедиция также рассчитывает заново раскрыть еще одну церковь, обнаруженную еще до начала активной фазы строительства Уджи аль-Хафир (Lagrange, 1897; Huntington, 1911. P. 121–124) и с тех пор бесследно исчезнувшую. Локали-

зация этой церкви стала возможной благодаря кропотливой работе по синхронизации всей графической документации, связанной с Нессаной и ее окрестностями.

Главной задачей экспедиции остается воссоздание материальной культуры раннего христианского паломничества. Значительное место в этом исследовании будет уделено изучению эпиграфического материала, как уже известного, так и неопубликованного. Помимо упомянутой выше работе коллег по изучению фрагментарных папирусов, добавим, что и материалы раскопок 1990-х годов включают ряд неопубликованных эпиграфических находок, в частности, несколько греческих, арамейских и арабских остраконов. Эпиграфический корпус Нессаны недавно пополнился и грузинской паломнической надписью, зарисовка которой сохранилась в архивных материалах Британской Службы древностей (Tchekhanovets, Jojua, forthcoming). Такое лингвистическое разнообразие в далекой деревне на краю пустыни объяснимо исключительно местом Нессаны в паломнических маршрутах древности. Все эти данные свидетельствуют об огромном археологическом потенциале памятника.

THE PERSPECTIVES OF NESSANA: NEW STUDIES OF THE “CARAVAN CITY” IN SOUTHERN ISRAEL

Yana Tchekhanovets[#]

Ben-Gurion University of the Negev, Ber-Sheva, Israel

[#]E-mail: yanatchk@gmail.com

The article discusses a new project for the archaeological study of ancient Nessana, a small settlement of the Byzantine and early Islamic period (5th–7th centuries AD), located in Southern Israel, in the southwestern part of the Negev desert. The heyday of the settlement is connected with its location: in the Byzantine period, Nessana became an important caravan junction on the way of the Christian pilgrimage from the Holy Land to Sinai, to the monastery of St. Catherine. Using all the economic benefits of pilgrimage, Nessana was turning into a large urbanized settlement with a population of about five thousand people, with numerous churches and caravanserais. Pilgrimage undoubtedly played an important role in the life of the settlement, which is clearly reflected in the evidence of papyri of the 5th–7th centuries AD found there in the 1930s. The favorable location of the site on the very edge of the desert, many churches, papyri, building inscriptions and pilgrimage graffiti in several languages, as well as an arid climate conducive to the preservation of organic materials, make Nessana a unique object for studying the archaeological problems of the early Christian pilgrimage. Despite intensive work carried out in Nessana by two archaeological expeditions, the stratigraphy of the site and its layout are still unclear. The article presents the preliminary results of the first season of fieldwork of the new Nessana expedition and considers a number of issues related to the further study of the site.

Keywords: desert, Late Antiquity, Byzantine-Islamic transition, field research, Negev

REFERENCES

- Avni G., 2008. The Byzantine – Islamic Transition in the Negev: The Archaeological Perspective. *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*, 35, pp. 1–26.
- Avni G., 2014. The Byzantine – Islamic Transition in Palestine: An Archaeological Approach. Oxford. 448 p.
- Bar-Oz G., Weissbrod L., Erickson-Gini T. et al., 2019. Ancient Trash Mounds Unravel Urban Collapse a Century before the End of Byzantine Hegemony in the Southern Levant. *Proceedings of National Academy of Sciences*. 116 (17), pp. 8239–8248.
- Betzer P., 2021. Nessana Necropoleis: An Aerial and Ground Survey of Byzantine Era Cemeteries in the Israeli Negev. *Antiqua Oriente*, 19, pp. 277–300.
- Bitton-Ashkelony B., 2005. Encountering the Sacred: The Debate on Christian Pilgrimage in Late Antiquity. Berkeley. 270 p.
- The Blessings of Pilgrimage. P. Ousterhout, ed. Urbana, 1990. 150 p.
- Dahari U., 2000. Monastic Settlements in Southern Sinai in the Byzantine Period: The Archaeological Remains. Jerusalem. 250 p. (Israel Antiquities Authority Reports Reports, 9).
- Di Segni L., 2020. Epigraphic Evidence for Pilgrimage to the Holy Places. *Pilgrimage to Jerusalem: Journeys, Destinations, Experiences Across Times and Cultures*. F. Daim, ed. Mainz, pp. 23–30.
- Excavations at Nessana, 1. Ajuja Hafir, Palestine. H.D. Colt, ed. London: British School of Archaeology in Jerusalem, 1962. 311 p.
- Excavations at Nessana, 2. Literary Papyri. L. Casson, E.L. Hettich, eds. Princeton: Princeton University, 1950. 176 p.
- Excavations at Nessana, 3. Non-Literary Papyri C.J. Kraemer, ed. Princeton: Princeton University, 1958. 335 p.
- Figueras P., 1995. Monks and Monasteries in the Negev Desert. *Liber Annuus*, 45, pp. 401–450.
- Figueras P., 2004. Greek Inscriptions from Nessana. *Nessana: Excavations and Studies*, 1. D. Urman, ed. Beer-Sheva, pp. 222–242.
- Fuks D., Bar-Oz G., Tepper Y., Langgut D., Weissbrod L., Weiss E., 2021. The Rise and Fall of Viticulture in the Late Antique Negev Highlands Reconstructed from Archaeobotanical and Ceramic Data. *Proceedings of National Academy of Sciences*, 117, 33, pp. 19780–19791.
- Goldfus H., Arubas B., Bowes K., 2000. New Excavations in the East Church at Halutza (Elusa): Preliminary Report. *Journal of Roman Archaeology*, 13, pp. 331–342.
- Goldfus H., Fabian P., 2000. Halutza (Elusa). *Excavations and Surveys of Israel*, 111, pp. 93–94.
- Hoyland R., 2015. The Protection (Dhimma) of God and Muhammad in Early Islam: P. Nessana 77 Re-discovered. *Islamic Cultures, Islamic Contexts: Essays in Honor of Professor Patricia Crone*. B. Sadeghi, ed. Leiden; Boston, pp. 51–71.
- Hoyland R., 2021a. P. Nessana 56: A Greek-Arabic Contract from the Early Islamic Palestine and its Context. *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*, 51, pp. 133–148.
- Hoyland R., 2021b. The Arabic Papyri from Early Islamic Nessana. *Israel Exploration Journal*, 71, 2, pp. 224–241.
- Hunt E.D., 1982. Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire, AD 312–460. Oxford: Clarendon Press. 269 p.
- Huntington E., 1911. Palestine and its Transformation. Boston; New York. 444 p.
- Kirk G.E., Welles C.B., 1962. The Inscriptions. *Excavations at Nessana, 1. Ajuja Hafir, Palestine*. H.D. Colt, ed. London: British School of Archaeology in Jerusalem, pp. 131–197.
- Kristensen T.M., 2012. The Material Culture of Roman and Early Christian Pilgrimage. *HEROM*, 1, pp. 67–78.

- Külzer A., 2020. Pilgrims on their Way in the Holy Land: Roads and Routes According to Byzantine and Post-Byzantine Travel Accounts. *Pilgrimage to Jerusalem: Journeys, Destinations, Experiences Across Times and Cultures*. F. Daim, ed. Mainz, pp. 11–22.
- Lagrange F.M., 1897. De 'Ain Kseimeh à Gaza. *Revue Biblique*, 6, pp. 614–615.
- Langgut D., Tepper Y., Benzaquen M., Erickson-Gini T., Bar-Oz G., 2021. Environment and horticulture in the Byzantine Negev Desert, Israel: sustainability, prosperity and enigmatic decline. *Quaternary International*, 593–594, pp. 160–177.
- Magness J., 2003. The Archaeology of the Early Islamic Settlement in Palestine. Winona Lake. 240 p.
- Maravale P., 1985. Lieux saints et pèlerinages d'Orient: histoire et géographie des origines à la conquête arabe. Paris.
- Marom N., Meiri M., Tepper Y., Erickson-Gini T., Recife H., Weissbrod L., Bar-Oz G., 2019. Zooarchaeology and the Social and Economic Upheavals of Late Antique – Early Islamic Sequence of the Negev Desert. *Scientific Reports*, 9, 6702.
- Mayerson P., 1962. The Ancient Agricultural Regime of Nessana and the Central Negeb. *Excavations at Nessana, 1. Auja Hafir, Palestine*. H.D. Colt, ed. London: British School of Archaeology in Jerusalem, pp. 211–269.
- Mayerson P., 1982. The Pilgrim Routes to Mount Sinai and the Armenians. *Israel Exploration Journal*, 32, pp. 44–57.
- Musil A., 1907. Arabia Petraea II. Edom. Vienna.
- Negev A., 1977. The Inscriptions of Wadi Haggag, Sinai. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University. 100 p. (Qedem, 6).
- Nessana: Excavations and Studies. D. Urman, ed. Beer Sheva, 2004. 250 p.
- Pilgrimage in the Byzantine Empire: 7th to 15th centuries: Dumbarton Oaks Symposium, 5–7 May 2000. *Dumbarton Oaks Papers*, 2002, 56, pp. 59–241.
- Pogorelsky O., Stone M.E., Tchekhanovets Y., 2019. Armenians in the Negev: Evidence from Nessana. *Le Muséon*, 132, 1–2, pp. 123–137.
- Ruffini G., 2011. Village Life and Family Power in Late Antique Nessana. *Transactions of the American Philological Association*, 141, 1, pp. 201–225.
- Schöne C.A., Erickson-Gini T., Jordan F., Heinzelmann M., 2019. Elusa (I): Vorbericht zur Grabungs- und Surveykampagne 2019. *Kölner und Bonner Archaeologica*, 8 (2018), pp. 71–90.
- Shereshevski J., 1991. Byzantine Urban Settlements in the Negev Desert. Beer-Sheva. 277 p. (Beer-Sheva, V).
- Stone M.E., 1982. The Armenian Inscriptions from the Sinai. Cambridge. 250 p. (Harvard Armenian Texts and Studies, 6).
- Stone M.E., 1986. Holy Land Pilgrimage of Armenians before the Arab Conquest. *Revue Biblique*, 93, pp. 93–110.
- Stone M.E., 2017. Uncovering Ancient Footprints: Armenian Inscriptions and the Pilgrimage Routes of the Sinai. Atlanta. 203 p.
- Stroumsa R., 2008. People and Identities in Nessana: PhD Dissertation, Duke University.
- Tchekhanovets Y., 2011. Early Georgian Pilgrimage to the Holy Land. *Liber Annuus*, 61, pp. 453–471.
- Tchekhanovets Y., 2014. Miniature Diptych from Jerusalem. *Bizantinische Zeitschrift*, 107, 2, pp. 893–902.
- Tchekhanovets Y., 2019. Ring with Resurrection Scene from Umayyad Jerusalem. *Electrum*, 26, pp. 177–185.
- Tchekhanovets Y., 2023. Nessana, 2022. *Hadashot Arkheologiyot – Excavations and Surveys in Israel*, 134.
- Tchekhanovets Y., Jojua T. Georgian inscription from Nessana. (Forthcoming).
- Tchekhanovets Y., Rasiuk A., Levy A., Peretz A., Pogorelsky O., 2023. The Renewed Excavations at Nessana. *Archaeological Excavations and Research Studies in Southern Israel. 19th Annual Southern Conference*. A. Golani, ed. Beer-Sheva. (Hebrew).
- Tchekhanovets Y., Tepper Y., Bar-Oz G., 2017. The Armenian Graffito from the Southern Church of Shivta. *Revue Biblique*, 124, pp. 446–454.
- Tepper Y., Bar-Oz G., 2019. Shivta. *Hadashot Arkheologiyot – Excavations and Surveys in Israel*, 131.
- Whately C., 2016. Camels, Soldiers, and Pilgrims in Sixth Century Nessana. *Scripta Classica Israelica*, 35, pp. 121–135.
- Wilkinson J., 1977. Jerusalem Pilgrims before the Crusades. Warminster. 225 p.
- Woolley C.L., Lawrence T.E., 1915. The Wilderness of Zin. London. 160 p. (Palestine Exploration Fund. Annual, 1914–1915).
- Yasin A.M., 2012. Response: Materializing the Study of Late Antique Pilgrimage. *HEROM*, 1, pp. 261–275.

К 75-ЛЕТИЮ
Л. А. БЕЛЯЕВА

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ИУДЕЙСКОГО ПОЗДНЕАНТИЧНОГО
НЕКРОПОЛЯ БЛИЗ ПАВЛОВСКОГО МЫСА В КЕРЧИ

© 2023 г. Д. В. Бейлин^{1,*}, И. В. Рукавишникова^{2,**}, А. В. Куликов^{1,***}

¹Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: denis_beylin1979@mail.ru

**E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

***E-mail: kulikov_akra@mail.ru

Поступила в редакцию 05.02.2023 г.

После доработки 05.02.2023 г.

Принята к публикации 23.03.2023 г.

Исследование посвящено обнаружению позднеантичного некрополя на Павловском мысу в Керчи в Республике Крым. Найденные в 2020 г. надгробные плиты и их фрагменты маркируют территорию участка древнего некрополя. Основным является вопрос о принадлежности выявленного участка некрополя к иудейской общине Пантикапея или же общине поселения (городища) Ак-Бурун II первых веков нашей эры, расположенного к западу от одноименного мыса Ак-Бурун. Найдено 27 иудейских надгробий и отдельных фрагментов. На двенадцати надгробных камнях помещены изображения менор. У двух плит тщательно обработана одна из поверхностей, на которую, вероятно, краской были нанесены надпись и изображения. Судя по исследованиям XIX–XX вв., в районе мыса Ак-Бурун, вероятно, располагалось не менее двух иудейских некрополей – в районе Павловского мыса и у лазарета Керченской крепости близ Цементной слободки, где и были обнаружены иудейские надгробия. На основании анализа обнаруженных надгробных плит и эпитафий открытый участок некрополя предварительно можно датировать II–IV вв. н.э.

Ключевые слова: Республика Крым, Керчь, мыс Ак-Бурун, позднеантичный период, иудейский некрополь, каменные надгробия, меноры.

DOI: 10.31857/S0869606323020034, EDN: RFFKYE

Мысы Ак-Бурун и Павловский, с юга замыкающие Керченскую бухту, известны исследователям античных древностей Боспора прежде всего по раскопкам элитного курганного некрополя боспорской знати Юз-Оба эллинистического времени (Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012; Бутягин, Виноградов, 2014; Рукавишникова, Бейлин, Федосеев, 2022). Грандиозные курганные насыпи, возведенные над усыпальницами представителей высшей аристократии Пантикапея, стали топографической доминантой местности и неизбежно притягивали к себе особое внимание кладоискателей и археологов.

Весной 2020 г. от одного из жителей дачного поселка, расположенного между Павловскими створными маяками в районе Керченской крепости, поступило сообщение о находке в районе свалки мусора у открытых карьеров по добыче камня плиты с вырезанной иудейской символикой. При выезде на местность нами было осмотрено место находки надгробной плиты – на одном из равнинных участков, примыкающим с юга

к каменному карьере, расположенному в 1.5 км северо-западнее Павловского мыса и приблизительно в 500 м к западу от Равелина Керченской крепости.

Павловский мыс, являясь южной оконечностью мыса Ак-Бурун, получил свое название от береговой артиллерийской батареи, построенной по приказу А.В. Суворова в 1771 г. для обеспечения обороны пролива и входа в Керченскую бухту, только что вошедшую в состав Российской империи и названной в честь наследника престола цесаревича Павла Петровича Романова. В 1856 г. после окончания Крымской войны и заключения Парижского мира, по которому Россия обязывалась срыть все существующие на Черном море и укрепления и не строить новые, в районе мысов Ак-Бурун и Павловский в тайне начались подготовительные изыскательские работы, связанные с проектом укрепления и усиления Павловской батареи. На следующий год развернулись масштабные строительные работы по возведению Керченской крепости, которую спроектировал

наставник императора Александра II генерал-инженер Э.И. Тотлебен.

В последующие годы масштабы и интенсивность земляных работ по строительству крепости только возрастали, охватывая не только мысы Ак-Бурун и Павловский, но и широкие прилегающие территории, на которых возводились передовые укрепления и коммуникации, существенно изменившие исторический ландшафт. Строительство Керченской крепости было окончено к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В 1858 г. директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко начал археологические исследования курганов на Павловском мысу. В 1860 г. он поставил вопрос об археологических исследованиях курганных насыпей, разрушаемых военными (Бутягин, Виноградов, 2014. С. 13). В сентябре 1867 г. в результате производства земляных работ недалеко от Павловской батареи (вероятно, западней Равелина) рабочие раскопали 21 погребение, с сильно истлевшими скелетами, ориентированными головой на восток. Грунтовые могилы, перекрытые рваными плитами камня-дикаря, содержали захоронения, совершенные, вероятно, в традициях одного и того же погребального обряда. Наличие погребального инвентаря и его характер установить в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия подробных описаний. Свидетельство о том, что могилы оказались “очень бедными и однообразными”, может говорить и о полном отсутствии погребального инвентаря, что в целом не характерно для античной и позднеантичной боспорской погребальной традиции.

Цитируем: “Возле Павловской батареи, к западу у первого скалистого холма, рабочими обнаружены во многих местах земляные гробницы, покрытые дикарными камнями; таких гробниц вскрыто 21; все они оказались очень бедными и однообразными, имели длину каждая от 3 до 3^{1/4}, шириною 1^{1/2} и глубиною от 3/4 до 1 аршина, с остовами сильно истлевшими, лежащими головой на восток...”. В той же местности 30 сентября были открыты на глубине 1^{1/2} аршина от поверхности земли три обломка плит мягкого раковистого камня с неполными древними надписями (Корпус боспорских надписей (далее — КБН). С. 430). К сожалению, ознакомиться с погребальным инвентарем исследованных погребений возможности нет.

Впрочем, определение “бедные” вовсе не исключает наличия в могилах скудного (“простого”) погребального инвентаря, который не привлек внимание ни раскопавших могилы рабочих, ни самого директора Керченского Музея А.Е. Люценко.

В этом же районе 30 сентября 1867 г. А.Е. Люценко нашел три обломка надгробных плит с фрагментами надписей, содержащих иудейские

имена (КБН. № 735, 746, 777). На основании этого был сделан вывод о локализации иудейского некрополя в районе Павловского мыса (КБН. С. 430). В последующие годы некрополь и прилегающие к нему территории не исследовались, а точное местоположение открытых могил и места обнаружения фрагментов надгробий не было точно зафиксировано.

Всего в районе мыса Ак-Бурун было найдено около десятка иудейских надгробий. Так, в сентябре 1899 г., возле лазарета (район так называемой Цементной слободки), расположенного по левую сторону от шоссе, ведущего в Керченскую крепость (рис. 1), вместе с другими обломками плит с изображениями иудейских семисвечников, директором Керченского Музея В.В. Шкорпиллом была найдена надгробная плита с надписью на “иудейском языке” (Шкорпил, 1900. С. 107, 108) (КБН. № 736). Здесь же, уже в 1912 г., в могиле за Цементной слободкой (западнее уже упомянутого крепостного лазарета), Ю.Ю. Марти была обнаружена плита с еще одной иудейской надписью: “Самуил, сын Севера” (Марти, 1913. С. 71; КБН. № 743). Вместе с ней в могиле найдены две плиты с изображением “иудейского семисвечника”. Еще одно надгробие с иудейской символикой было найдено в районе Цементной слободки в 2013 г. Л.Ю. Беликом, между бывшим крепостным лазаретом и передовым люнетом Керченской крепости (Белик, 2016. С. 41–43).

Как справедливо отмечалось исследователями, в районе мыса Ак-Бурун, могли располагаться как минимум два иудейских некрополя: один — в районе Павловского мыса, другой — у лазарета Керченской крепости близ Цементной слободки, где и были обнаружены упомянутые иудейские надгробия.

В 2020 г. территория к западу от Керченской крепости, примыкающая к заброшенным каменным карьерам, где, по словам находчика, было найдено иудейское надгробие, обследовалось авторами статьи (рис. 1; 2). К югу от карьеров, на относительно ровной площадке размерами 200 × 80 м сохранились остатки каменных межевых оград заброшенных огородов. На уровне современной дневной поверхности местами фиксируются участки выходов скальпированной поверхности подстилающего почву скального массива. Мощностно визуально фиксируемых напластований грунта не превышает 0.4–0.8 м. Территория заброшенных огородов покрыта густой травой и кустарником, что затрудняет детальный осмотр поверхности. Тем не менее в микрорельефе нами были выявлены слабо читаемые впадины грабительских ям, заплывшие грунтом.

Межевые каменные наброски на границах дачных участков сформировались в процессе активного хозяйственного использования террито-

Рис. 1. План-схема Керченской крепости 1880 г. (Шкорпил, 1900) с указанием местоположения иудейского некрополя, обнаруженного В.В. Шкорпилем в 1899 г., и участка иудейского некрополя, обнаруженного в 2020 г. (а).

Fig. 1. Schematic plan of the Kerch fortress (1880) (Shkorpil, 1900) indicating the location of the Jewish necropolis found by V.V. Shkorpil in 1899 and the area of the Jewish necropolis discovered in 2020 (a)

рии и систематической перекопки грунта в 80–90-е годы прошлого века. Именно в одной из таких межевых каменных набросок были найдены первые плиты с иудейской символикой, а всего за сезон 2020 г. нам удалось собрать представительную коллекцию из 27 надгробий и фрагментов, причем 13 из них с надписями (каталог см. в приложении ниже). На 12 плитах сохранились изображения менор, что четко определяет конфессиональную принадлежность некрополя. Две плиты имеют тщательную обработку одной из поверхностей, на которую, вероятно, в древности красной краской были нанесены надпись и изображения иудейской символики.

Найденные в 2020 г. надгробные плиты и их фрагменты, вне всякого сомнения, маркируют зону некрополя местной иудейской общины. Вполне вероятно, что могилы, раскопанные при строительстве Керченской крепости в 1867 г., и обнаруженные А.Е. Люценко фрагменты иудей-

ских надгробий располагались если не на исследованном нами участке, то, судя по приведенным описаниям, где-то в непосредственной близости от него.

Совершенно справедлива постановка вопроса: принадлежит ли выявленный участок некрополя к иудейской общине Пантикапея или же он относится к близлежащему поселению (городищу) Ак-Бурун II, расположенному к западу от мыса Ак-Бурун. Остатки внушительных стен, башен и построек этого городища в своих заметках описывал П. Дюбрюкс (Дюбрюкс, 1858. С. 34–49; 2010. Т. 1, С. 295–304; Т. 2, С. 201–207. Рис. 472–477). Составленный П. Дюбрюксом план городища (рис. 2), а также довольно подробные описания строительных остатков дают основание полагать, что у Павловского мыса было обнаружено крупное укрепленное поселение либо городище. Сотрудник Керченского Музея С.А. Шестаков в свое время отождествил его с древним городом

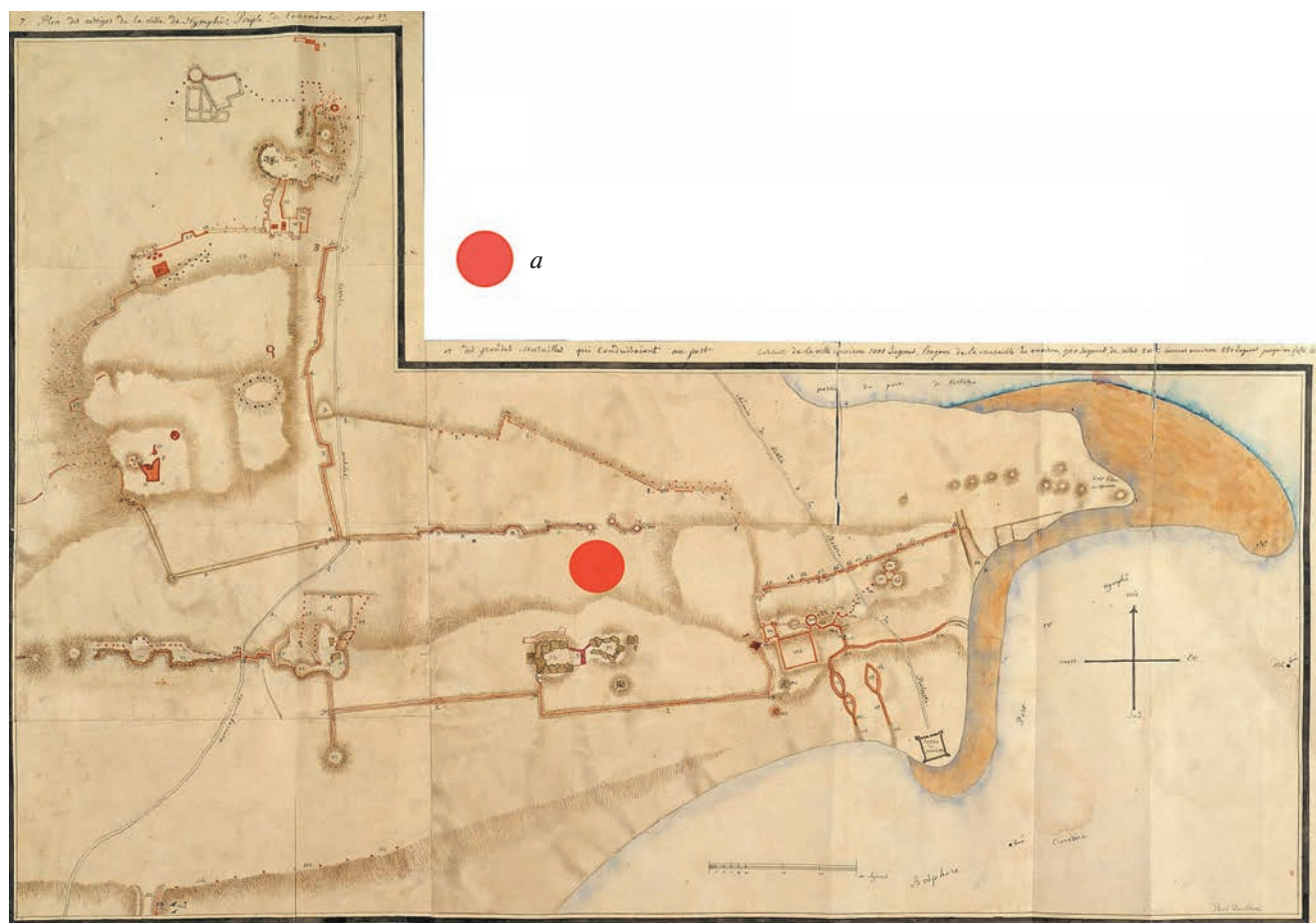

Рис. 2. “План развалин города Нимфеи (Анонимный Перипл) и большие стены, ведущие в порт...” Не позднее 1835 г. (Дюбрюкс, 2010. Т. 2. С. 204, 205. Рис. 476): *a* — примерное местоположение участка иудейского некрополя, обнаруженного в 2020 г.

Fig. 2. “Plan of the ruins of the city of Nymphaeum (Anonymous Periplus) and large walls leading to the port...” No later than 1835 (Dyubryuks, 2010. V. 2. P. 204, 205. Fig. 476): *a* — the (approximate) location of the Jewish necropolis site found in 2020

Гермисием (Шестаков, 1991; 1999; 2000), о котором есть упоминания у Помпония Мелы (Схог. II, 1) и Плиния Старшего (Nat. Hist. IV, 87).

С самого начала XIX в. остатки строений древнего городища активно разбирались на камень и вывозились в Керчь для строительства домов (Дюбрюкс, 1858, С. 39; 2010. Т. 1, С. 298). В августе 1827 г. П. Дюбрюкс осмотрел и описал остатки стен, башен и отдельных построек городища, и составил достаточно подробный его план, который имеет четкие топографические привязки. Спустя всего несколько десятилетий ситуация резко изменилась, и при неоднократных посещениях района Павловского мыса и раскопках курганов, связанных с работами по строительству Керченской крепости, никто из исследователей не упоминает о каких-либо остатках древних построек на месте предполагаемого городища.

Археологическими разведками разных лет в районе Керченской крепости был выявлен ряд

древних поселений, а также обнаружены сильно поврежденные участки культурного слоя, материалы из которых датируются широкими временными рамками: от конца VI в. до н.э. по VIII в. н.э. (Зинько, Пономарев, Бейлин, 2007). Не единичны и находки более позднего времени.

Строительство Керченской крепости, а также активная хозяйственная деятельность, изменившая ландшафт большей части территории мыса Ак-Бурун, вряд ли позволит найти и достаточно точно локализовать зафиксированные и нанесенные на план П. Дюбрюксом строительные остатки городища и определить истинные границы поселений, выявленные разведками предшественников и современников (Семенов, Кунин, 1962. С. 257; Шестаков, 1999; Котин, 2012. С. 57; Белик, 2016, С. 40, 41). Для археологических исследований наиболее перспективными являются территории дачного поселка, расположенного к северо-западу и западу от Керченской крепости.

Здесь отмечается наибольшая концентрация археологического материала, а на обрабатываемых отдельных частных участках визуально просматривается культурный слой, насыщенный бутовым камнем, золотом и керамикой. Это подтверждается и сообщениями собственников участков, указывающих, в том числе, и на многочисленные находки пантикапейских монет эллинистического и позднеантичного времени. Многочисленные находки позднебоспорских монет были зафиксированы и при раскопках территории поселения эпохи бронзы Госпиталь II (Бейлин и др., 2018), а также военно-полевого лагеря Керченской крепости (Рукавишников и др., 2018; 2019), которые расположены немного севернее упомянутого дачного поселка.

Таким образом, можно предположить, что поселение или городище, остатки которого были описаны П. Дюбрюксом, продолжало функционировать в позднеантичный период, а возможно, что и в ранневизантийское время (позднебоспорские монеты находились на Боспоре в обращении до VIII в.). Так что время основания поселения, отождествляемого с Гермисием (Ак-Бурун II), по-прежнему остается открытым вопросом, настоятельно требующим дополнительных историографических исследований и полевых работ. На наш взгляд, особое внимание обратить следует на топографию известных нам мест находок иудейских древностей в районе мыса Ак-Бурун. Обнаруженный в 1867 г. А.Е. Люценко и вновь выявленный нами в 2020 г. участок иудейского некрополя близ Павловского мыса, судя по плану П. Дюбрюкса, расположен в непосредственной близости от описываемых им строительных остатков городища. Участок иудейского некрополя, выявленный В.В. Шкорпилом в 1899 г. возле крепостного лазарета у Цементной слободки (см. выше), расположен в северной прикормовой части мыса Ак-Бурун в 2 км к СВ от участка некрополя 1867/2020 гг. На данном этапе изучения этих двух участков иудейского некрополя (или двух разных некрополей) преждевременно делать выводы об их принадлежности: либо к поселению у Павловского мыса, отождествляемого с Гермисием, либо к иудейской общине Пантикапея, даже несмотря на довольно большое расстояние между ними. На основании анализа обнаруженных надгробных плит и эпитафий (Бейлин, Яйленко, 2022), обнаруженный участок иудейского некрополя можно датировать II–IV(V?) вв. н.э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Каталог содержит 27 предметов, которые представлены пятью фрагментами и 22 надгробными плитами. 13 из них содержат надписи: на грече-

ском языке — 12 (№ 2–12) и на древнееврейском одна (№ 1). В пяти надписях упоминаются синагогальные титулы и должности покойных (№ 1–5). Так, надгробная плита № 2 содержала четыре строки (вторая строка не сохранилась, но текст эпитафии показывает, что она была). Буквы ВВА могут быть поняты двояко — как титул раббан или личное имя Раббан. Надпись начинается тем же почетным титулом, что и эпитафия № 1, но в форме $\rho\alpha\beta\beta\alpha\nu\acute{\iota}$, в стк. 3 стоит глагол $\kappa\acute{\iota}\eta\eta$ от обычной формулы $\acute{\epsilon}\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \kappa\acute{\epsilon}\iota\tau\alpha\iota$ “здесь лежит”, наконец, АΥΤΟС последней строки не что иное, как $\acute{\epsilon}\nu\iota\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ “годовалый ребенок”.

12 надгробных плит и их фрагментов содержат только изображение менор, различных по начертанию, форме и качеству исполнения, как различны по материалу, форме и качеству исполнения и сами надгробия (№ 13–25). Два надгробия не содержат вырезанных изображений, а имеют одну тщательно обработанную лицевую поверхность, на которую, судя по всему, краской наносилась надпись или изображение меноры (№ 26, 27).

Подробный анализ эпитафий сделан В.П. Яйленко (Бейлин, Яйленко, 2022), поэтому в каталоге мы приведем только их прочтение.

1. Плита надгробная (рис. 3, 1) подпрямоугольной формы. Верхняя грань плиты оформлена двумя шипами (псевдоакротериями), расположенными по обе стороны полуциркульного верхнего края. Сохранилась надпись на лицевой стороне в две строки, выполненная на древнееврейском языке. Первую строку занимает имя покойного, над ним схематичное мелкое изображение меноры с двух ветвях. На лицевой стороне и в углублениях букв сохранились следы красной краски.

Материал: известняк пористый (ракушечник), желтого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры: высота — 50, ширина — 36, толщина — 10 см; средняя высота букв 4–5 см.

Состояние: есть утраты и сколы.

Текст каждой строки читается справа налево:

Прочтение: $\text{לפד זקן זה תנה זה בזה שמאל}$

Перевод: “Самуил; в сей могиле покоится этот пресвитер, 584 (год)”

Датировка: III в. н.э. (584 г. понтийской (вифинской) эры = 281 г. н.э.).

2. Плита надгробная (рис. 3, 2) с эпитафией на лицевой стороне. Форма плиты реконструируется как прямоугольная. Сохранились четыре строки эпитафии, каждая справа утрачена.

Материал: известняк плотный, серого цвета.

Размеры: высота — 53, ширина по верхнему краю — 30, по нижнему краю — 42, толщина 7.5 см; высота букв от 4.5 до 6.4 см.

Состояние: плита обломана справа (скол стальной), сохранились левая и верхняя грани; на ле-

Рис. 3. Надгробные плиты участка иудейского некрополя, обнаруженного в 2020 г. Каталог.

Fig. 3. Tombstones from the area of the Jewish necropolis found in 2020. Catalogue

Рис. 3. Продолжение
Fig. 3. Continued

Рис. 3. Продолжение
Fig. 3. Continued

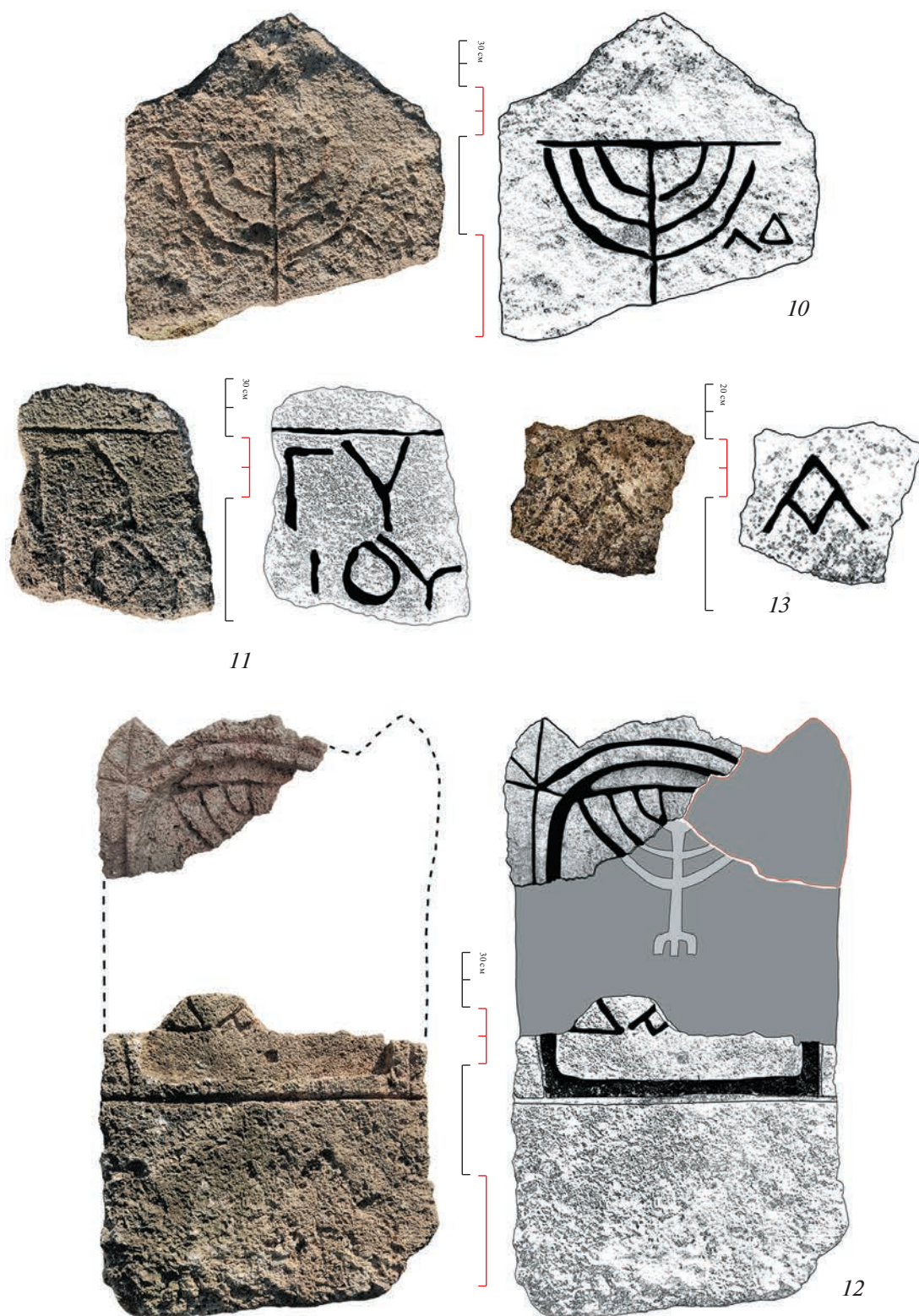

Рис. 3. Продолжение
Fig. 3. Continued

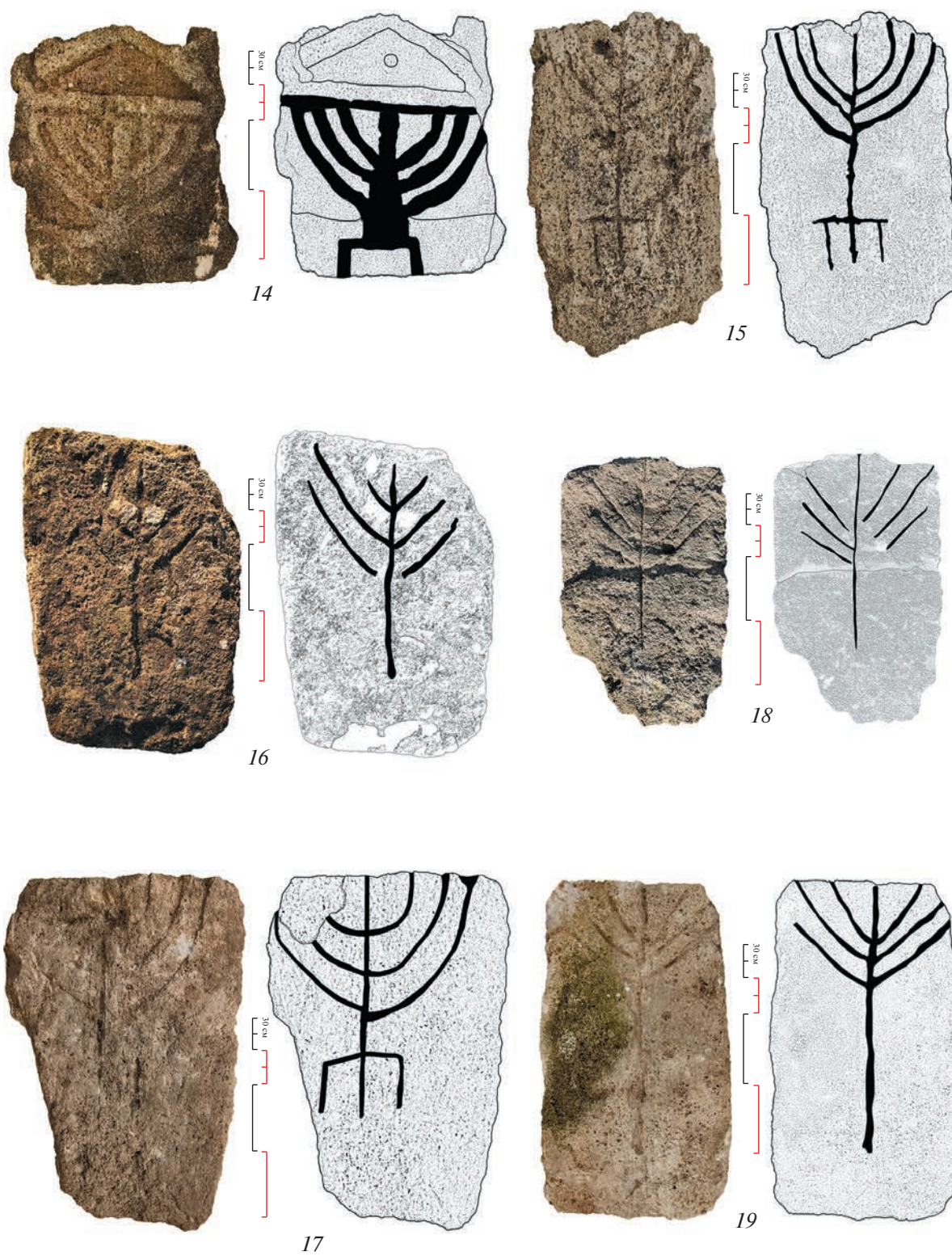

Рис. 3. Продолжение
Fig. 3. Continued

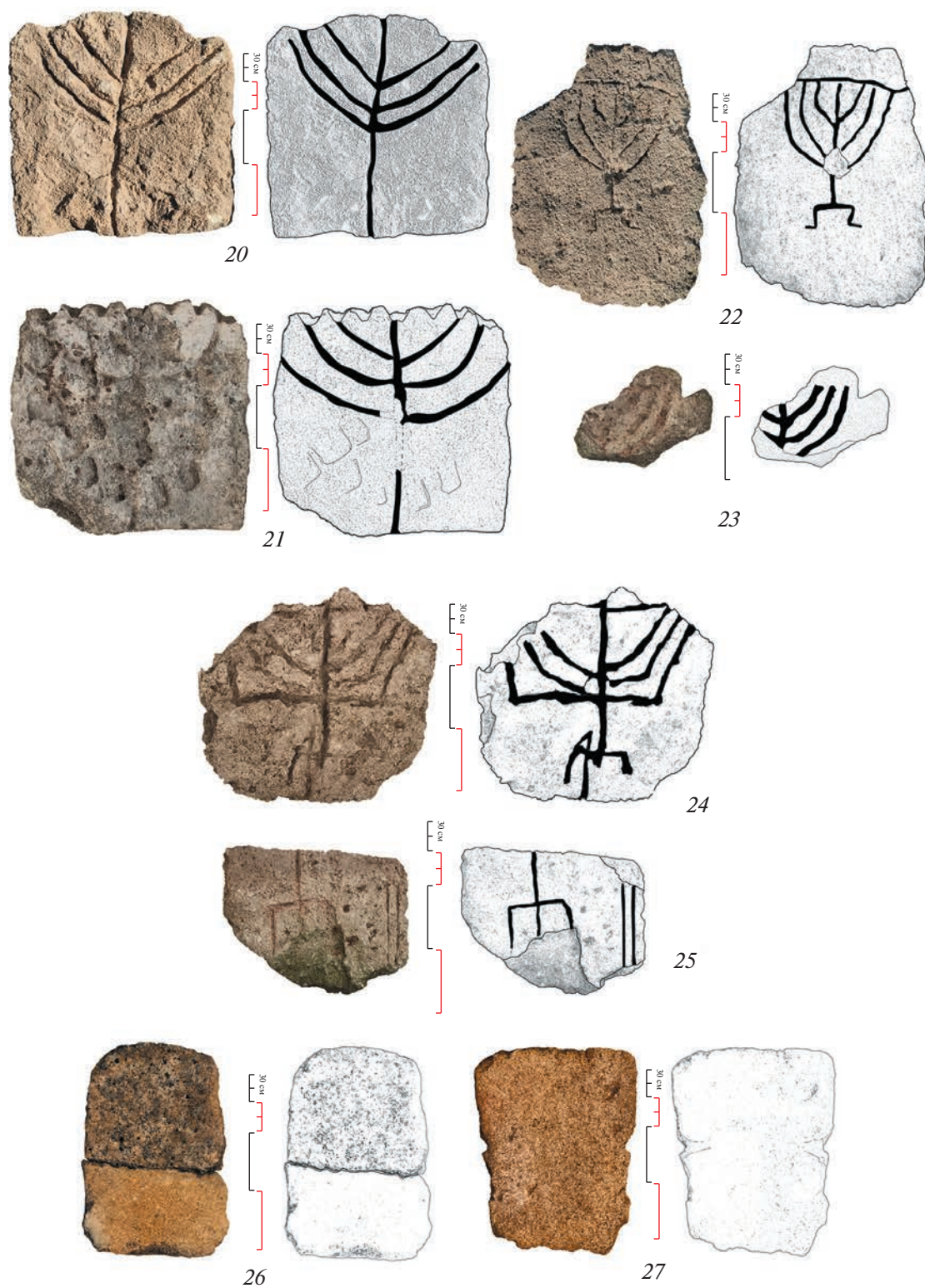

Рис. 3. Окончание
Fig. 3. End

вой грани следы отгески в виде косых бороздок; оборотная сторона обработана суммарно; нижняя часть рваная и неровная.

Надпись: первая строка: Ραββὶ Θ[εόμ]; вторая строка: |νησ[τος?]; третья строка: ἀρχη[συννα]; четвертая строка: |γωγό[ς].

Прочтение: Ραββὶ Θ[εόμ]|νησ[τος?] ἀρχη[συννα]|γωγό[ς]

Перевод: “рабби Теомнест (?), архисинагог”

Датировка: IV (V?) в. н.э.

3. Плита надгробная (рис. 3, 3) фрагментированная с двухстрочной эпитафией на лицевой стороне. Верхняя грань плиты оформлена двумя шипами (псевдоакротериями), расположенными по обе стороны горизонтально выровненного края. Сохранилось две строки эпитафии. На поверхности просматриваются следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк пористый, серого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 40.5, ширина по верхнему краю — 42, толщина — 6.5 см; средняя высота букв верхней строки — 9 см.

Состояние: плита сохранилась в двух фрагментах, нижняя часть утрачена; оборотная сторона плиты заровнена.

Надпись: первая строка: Ξιαγα[ς]; вторая строка: |ερεύ[ς].

Прочтение: Ξιαγα[ς] | ερεύ[ς]

Перевод: “Ксиаг, жрец”

Датировка: III–IV вв.

4. Плита надгробная (рис. 3, 4) с эпитафией и менорой на лицевой стороне. Частично сохранились четыре строки эпитафии, левая сторона надписи утрачена. В правой части надгробия изображена семисвечная менора с чертой, соединяющей концы рожков и ножкой на треножнике.

Материал: известняк пористый, серого цвета.

Размеры: сохранившаяся высота плиты — 42, ширина средней части — 29, основания — 20 см; возможная реконструируемая ширина верхней части — 36–38 см; толщина верхней части — 8, нижней — 9.5 см; высота букв — 4.2 см (в первой строке они крупнее — 6 см).

Состояние: плита обломана с левой стороны и сверху; оборотная сторона обработана частично, сохранились следы тесел.

Надпись: первая строка: [ρα]ββα[νι]; вторая строка: |... ἔνθ[ι]; третья строка: |α κῆρη [ἐνι]; четвертая строка: |αυτός.

Прочтение:

Вариант 1: [ρα]ββα[νι] |... ἔνθ[ι]|α κῆρη [ἐνι]|αυτός

Вариант 2: [Ρα]ββα[νι] | ἐνθάδε|| κῆρη [ἐνι]|αυτός

Перевод:

Вариант 1: “раббани *имярек* тут покоится, годовалый *ребенок*”

Вариант 2: “Раббан тут покоится, годовалый *ребенок*”

Датировка: IV (V?) в. н.э.

5. Плита надгробная (рис. 3, 5) с эпитафией на лицевой стороне. Частично сохранились две строки эпитафии, левая сторона надписи утрачена (по мнению В.П. Яйленко, надпись имела четыре строки). На поверхности просматриваются следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк пористый, серого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 26, ширина — 23.4, толщина — 8.5 см; средняя высота букв верхней строки — 3.5, нижней — 4.5 см.

Состояние: плита отбита сверху и справа; оборотная сторона обработана грубо; сохранились две последние строки надписи.

Надпись: первая строка: [ἐνθα κε; вторая строка: |ταλ Σα]; третья строка: δόκ, пре[ς]; четвертая строка: βύτερ[ος].

Прочтение: [ἐνθα κε|ταλ Σα]|δόκ, пре[ς]|βύτερ[ος]

Перевод: “тут лежит Задох, пресвитер”

Датировка: III в. н.э.

6. Плита надгробная (рис. 3, 6) подпрямоугольной формы с трехстрочной эпитафией на лицевой стороне. Верхняя грань плиты оформлена двумя выступающими шипами (псевдоакротериями), расположенными по обе стороны выровненного края. Сохранилось три строки эпитафии. В центральной части композиции расположена семисвечная менора (шесть ветвей), ограниченная сверху горизонталью. Менора изображена на трехножной подставке.

Материал: известняк пористый, серого цвета.

Размеры: высота — 49, ширина — 33, толщина — 11 см; средняя высота букв — 4.5 см.

Состояние: плита сохранилась полностью. На поверхности сколы и незначительные утраты. Обратная сторона плиты заровнена.

Первая строка: ἔξ, ἔξ; вторая строка: Θηο; третья строка: δώ → ρα.

Прочтение: ἔξ, ἔξ, |Θηο| ← δώ → ρα

Перевод: “О горе, горе, Феодора!”

Датировка: II–IV (V) вв. н.э.

7. Плита надгробная (рис. 3, 7) подпрямоугольной формы с двухстрочной эпитафией на лицевой стороне. В центральной части композиции расположена семисвечная менора (шесть ветвей), ограниченная сверху горизонталью. Над менорой двустрочная надпись. На лицевой стороне сохранились следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк пористый, желтого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры: высота — 54, ширина — 48, толщина — 9 см; высота букв — 4.5–8 см.

Состояние: на поверхности плиты сколы и утраты по краям; оборотная сторона плиты заровнена.

Надпись: первая строка: ΜΙΣΟΜΣΙΚ; вторая строка: ΚΡΙΣΟΝΟ[ς].

Прочтение: ΜΙΣΟΜΣΙΚ | Κρίσωνο[ς]

Перевод: “имярек (дочь / сын) Хрисона”

Датировка: III–IV (V) вв. н.э.

8. Плита надгробная (рис. 3, 8) подпрямоугольной формы с трехстрочной эпитафией на лицевой стороне. На лицевой стороне сохранились следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк пористый, серо-желтого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 54, ширина — 41, толщина — 12 см; высота букв — 10–12 см.

Состояние: утрачена (обломана) нижняя часть плиты; на поверхности сколы и утраты по краям; оборотная сторона плиты выровнена.

Надпись: первая строка: ΘΑΚΙ; вторая строка: ΟΥΜ; третья строка: (верхний правый угол буквы).

Прочтение: [ἐν]θα κί[τε Ἀββ]ακ[οῦμ] (?) или [ἐν]θα κί[τε Οὔμ[αρ] (?)

Перевод: “Здесь покойся (е. г.) Аввакум” или “здесь покойся (е. г.) Умар”

Датировка: IV в. н.э.

9. Плита надгробная (рис. 3, 9) подпрямоугольной формы с короткой двухстрочной эпитафией на лицевой стороне.

Материал: известняк пористый, серого цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 38, ширина — 34, толщина — 7 см; высота букв — 5 см.

Состояние: утрачена (обломана) верхняя часть плиты; на поверхности сколы и утраты по краям; оборотная сторона плиты хорошо обработана.

Надпись: первая строка: [? Λ]εῦ[ῖ]; вторая строка: ΑΝΑ.

Прочтение: [? Λ]εῦ[ῖ] | Ἀνᾶ

Перевод: “? Леви, сын Ана”

Датировка: II–III вв. н.э.

10. Плита надгробная (рис. 3, 10) подпрямоугольной формы с фрагментом эпитафии на лицевой стороне. Верх плиты оформлен в виде фронтона храма. В центральной части композиции расположена семисвечная менора (шесть ветвей), ограниченная сверху горизонталью, по обе стороны которой располагалась эпитафия. Нижняя часть семисвечника утрачена. Под правой нижней ветвью сохранились две буквы надписи — альфа с ломаной переключиной и дельта.

Материал: известняк плотный, серого цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 33, ширина — 27.5, толщина — 9 см; высота букв — 3.5–4 см.

Состояние: утрачена (обломана) нижняя часть плиты; на поверхности сколы и утраты по краям; оборотная сторона плиты хорошо обработана.

Сохранившаяся часть надписи: [...]ΑΔ[...]

Возможное прочтение: [e. g. ὁ δεῖνα | ἐνθ]ᾶδ[ε | κεῖται] либо [e. g. ἐνθ]ᾶδ[ε | κεῖται | ὁ δεῖνα]

Перевод: “имярек здесь лежит”, либо “здесь лежит имярек”

Датировка: II–III вв. н.э.

11. Плита надгробная (рис. 3, 11) подпрямоугольной(?) формы, с эпитафией на лицевой стороне. Сохранился фрагмент правой части плиты с фрагментами окончаний двух строк надписи. Под горизонтальной линией сохранились две строки эпитафии.

Материал: известняк плотный, серого цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 19, ширина — 17, толщина — 9 см; высота букв — 7.5 см.

Состояние: утрачена (обломана) большая часть плиты; на поверхности сколы и утраты по краям; оборотная сторона плиты хорошо обработана.

Надпись: первая строка: [...] ΓΥ[...]; вторая строка: [...]ΙΟΥ.

Возможное прочтение: [ῆ δεῖνα] γυ[νῆ | --]ίου

Перевод: “имярек, жена — ия”.

Датировка: II–III вв. н.э.

12. Плита надгробная (рис. 3, 12) фрагментированная, подпрямоугольной формы с выемчатым полем, оформленным кантом, который проработан врезными линиями. Сохранилась в двух фрагментах — нижней и верхней левой части. Центральная часть плиты обломана. Верх плиты оформлен в виде полуциркульного свода храма(?), украшенного по бокам акротериями. В верхней части композиции расположена рельефная семисвечная менора (шесть ветвей), под которой снизу(?) располагалась эпитафия. Нижняя часть семисвечника утрачена. В нижней части поля сохранились две начальные буквы надписи — дельта и альфа с ломаной переключиной. На поверхности следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк плотный, серого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры: Фрагмент 1: сохранившаяся высота — 31, ширина — 30, толщина — 8 см; высота букв — 5 см. Фрагмент 2: высота — 16, ширина — 22, толщина — 8 см.

Состояние: утрачена (обломана) центральная и правая часть плиты; на поверхности сколы и утраты по краям; оборотная сторона плиты заровнена.

Сохранившаяся часть надписи: ΔΑ [...]

Возможное прочтение: ε. г. [ὁ δεῖνα] Δά[νου],
либо [ἐνθα | κεῖται] Δά[νος]

Возможный перевод: “имярек, (сын, дочь) Дана”, либо “здесь лежит Дан”

Датировка: II–III вв. н.э.

13. Плиты надгробной фрагмент (рис. 3, 13), с фрагментом эпитафии в виде одной буквы на лицевой стороне. Сохранилась одна буква крупная “А” (альфа) с ломаной перекладиной. На поверхности следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк плотный, серого цвета; на поверхности следы пигмента красного цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 15, ширина — 14, толщина — 10 см; высота буквы — 6.5 см.

Состояние: фрагмент; на поверхности сколы и утраты по краям; обратная сторона плиты заровнена.

Датировка: II–IV вв. н.э.

14. Плита надгробная (рис. 3, 14) с глубоким рельефом на лицевой стороне. Верхняя часть плиты украшена фронтоном храма с двускатной крышей и выступающими короткими шипами (псевдоакротериями) по обеим сторонам. В центре фронтона помещена круглая розетка. В центральной части композиции в прямоугольном поле расположено объемное изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с широким основанием на двуножнике, ограниченной горизонталью сверху. На поверхности следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры: высота — 37, ширина — 31, толщина — 10.5–11 см; высота псевдоакротериев — 4, ширина — 5.5 см; размеры меноры: высота — 23, ширина — 24.5 см.

Состояние: обломом утрачен левый выступающий шип (псевдоакротерий); на поверхности плиты сколы и утраты по краям; обратная сторона плиты выровнена.

Датировка: II–IV вв. н.э.

15. Плита надгробная (рис. 3, 15) подпрямоугольной формы с врезным прочерченным рельефом на лицевой стороне. Верхняя часть плиты грубо обработана или обколота. В центральной части лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с закругленными ветвями. Менора изображена на основании в виде треножника (трехножной подставке).

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета.

Размеры: сохранившаяся высота — 48, ширина — 26, толщина — 9–10 см; размеры меноры: высота — 34, ширина — 21.5 см.

Состояние: грани плиты и нижний край обколота; обратная сторона плиты выровнена.

Датировка: II–IV вв. н.э.

16. Плита надгробная (рис. 3, 16) подпрямоугольной формы с врезным прочерченным рельефом на лицевой стороне. Верхняя грань плиты скошена вправо. В центральной части лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с прямыми ветвями. Менора изображена на прямом основании.

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета.

Размеры: высота — 51, ширина — 36, толщина — 11.5 см; размеры меноры: высота — 34, ширина — 26 см.

Состояние: грани плиты местами обколота; возможно, отбит верхний правый угол плиты; обратная сторона плиты частично выровнена.

Датировка: II–IV вв. н.э.

17. Плита надгробная (рис. 3, 17) подпрямоугольной формы с врезным прочерченным рельефом на лицевой стороне. В центральной части лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) со скругленными ветвями. Горизонталь над ветвями отсутствует либо утрачена. Менора изображена на основании в виде треножника (трехножной подставке).

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета.

Размеры: высота — 52–53, ширина — 36, толщина — 9.5–11 см; размеры меноры: высота — 33, ширина — 28 см.

Состояние: левая боковая грань плиты утрачена; в верхней левой части плиты утрачено изображение ветвей меноры; утраты по краям; обратная сторона плиты частично выровнена.

Датировка: II–IV вв. н.э.

18. Плита надгробная (рис. 3, 18) подпрямоугольной формы с врезным прочерченным рельефом на лицевой стороне. На верхней грани сохранилось основание широкого шипа. С обратной стороны в средней части плиты пропилен (следы резки или ломки камня). В центральной части лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с прямыми ветвями. Менора изображена на прямом основании.

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета.

Размеры: высота — 41.5, ширина — 26, толщина — 8 см; размеры меноры: высота — 38, ширина — 22 см.

Состояние: нижний левый угол плиты утрачен; на тыльной стороне плиты — пропилен; обратная сторона плиты частично выровнена.

Датировка: II–IV вв. н.э.

19. Плита надгробная (рис. 3, 19) подпрямоугольной формы с врезным прочерченным рельефом на лицевой стороне. В центральной части

лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с прямыми ветвями. Менора изображена на прямом основании.

Материал: известняк пористый, желто-серого цвета.

Размеры: высота — 48, ширина — 26, толщина — 10–11 см; размеры меноры: высота — 37.5, ширина — 24 см.

Состояние: боковые грани местами обколоты, углы сбиты; оборотная сторона плиты отесана.

Датировка: II–IV вв. н.э.

20. Плита надгробная (рис. 3, 20) подпрямоугольной формы с врезным прочерченным рельефом на лицевой стороне. Верхняя грань плиты оформлена двумя шипами (псевдоакротериями), расположенными по обе стороны полуциркулярного верхнего края. В центральной части лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с условно прямыми ветвями. Менора изображена на прямом основании.

Материал: известняк плотный, пористый, желто-серого цвета.

Размеры: высота — 42, ширина — 44.5, толщина — 10 см; размеры меноры: высота — 42, ширина — 37 см.

Состояние: боковые грани местами обколоты; оборотная сторона плиты грубо обтесана.

Датировка: II–IV вв. н.э.

21. Плита надгробная (рис. 3, 21) подпрямоугольной формы с врезным прочерченным рельефом на лицевой стороне. Верхняя грань плиты оформлена семью подтреугольными шипами, стилизованными под свечи. В центральной части лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) со слегка скругленными ветвями. Менора изображена на прямом основании. Изображение частично сбито широким прямым рабочим краем инструмента наподобие кирки.

Материал: известняк плотный, пористый, серого цвета.

Размеры: высота — 37, ширина — 39, толщина — 9–11 см; размеры меноры: высота — 37, ширина — 37 см.

Состояние: боковые грани местами обколоты; на лицевой поверхности следы широкого рабочего края кирки, многочисленные сколы; оборотная сторона плиты частично заровнена.

Датировка: II–IV вв. н.э.

22. Плиты надгробной фрагмент (рис. 3, 22). Сохранилась большая часть лицевой поля надгробия. В центральной части лицевой стороны расположено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с плавно скругленными ветвями, ограниченными сверху горизонталью. Менора

изображена на основании в виде двуножника (двуножной подставке). Возможно, над горизонталью прочерчена надпись (не читается). На поверхности следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры фрагмента: высота — 43, ширина — 31.5, толщина — 7.5–9 см; размеры меноры: высота — 23, ширина — 18 см.

Состояние: плита обломана со всех сторон; оборотная сторона плиты грубо обтесана.

Датировка: II–IV вв. н.э.

23. Плиты надгробной фрагмент (рис. 3, 23). Сохранилась правая верхняя часть поля надгробия. В поле сохранилась правая часть рельефной семисвечной меноры (шесть ветвей) со слегка скругленными ветвями. В правой верхней части плиты сохранился выступ в виде шипа (акротерий?). На поверхности следы пигмента красного цвета.

Материал: известняк пористый, желто-серого цвета; пигмент красного цвета.

Размеры фрагмента: высота — 16, ширина — 22, толщина — 6.5 см; размеры фрагмента меноры: высота — 10, ширина — 11 см.

Состояние: многочисленные сколы, выщербины.

Датировка: II–IV вв. н.э.

24. Плиты надгробной фрагмент (рис. 3, 24). Края утрачены, сохранилась центральная часть поля надгробия. На лицевой стороне помещено изображение семисвечной меноры (шесть ветвей) с преломленными под тупым углом ветвями, ограниченными сверху горизонталью. Менора изображена на основании в виде треножника (трехножной подставке).

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета.

Размеры фрагмента: высота — 34, ширина — 35.5, толщина — 9 см; размеры меноры: высота — 28, ширина — 29 см.

Состояние: плита обломана со всех сторон; оборотная сторона плиты грубо обработана.

Датировка: II–IV вв. н.э.

25. Плиты надгробной фрагмент (рис. 3, 25). Сохранилась центральная часть поля надгробия. С правой стороны размечен кант поля в виде двух глубоко прочерченных вертикальных линий. В центральной части поля сохранилась нижняя часть меноры в виде центрального ствола семисвечника на треножнике (трехножной подставке).

Материал: известняк пористый (ракушечник), желто-серого цвета.

Размеры фрагмента: высота — 23, ширина — 31, толщина — 6–7 см; размеры сохранившейся ниж-

ней части меноры (треножника): высота — 16–17, ширина — 10 см.

Состояние: верхняя, нижняя и левая части плиты утрачены; оборотная сторона плиты носит следы грубой отески.

Датировка: II–IV вв. н.э.

26. Плита надгробная фрагментированная (рис. 3, 26). Сохранилась в виде двух фрагментов. Поверхности тщательно обработаны. Верхний край скруглен. Вероятно, плита содержала эпитафию или простую надпись с именем погребенного, нанесенную красной краской.

Материал: известняк пористый, желто-серого цвета.

Размеры фрагмента: высота — 36,5, ширина — 22–25, толщина — 6 см.

Состояние: надгробие сохранилось в виде двух стыкующихся фрагментов.

Датировка: III–V(?) вв. н.э.

27. Плита надгробная (рис. 3, 27) подпрямоугольной формы, изготовленная, по видимости, из древнего якоря с врезным перехватом по середине, в качестве надгробия использованного вторично. В срединной части плиты проточена неглубокая бороздка, наиболее четко проработанная на боковых гранях. С тыльной стороны края скошены к центру поля поверхности. Вероятно, плита содержала эпитафию или простую надпись с именем погребенного, нанесенную красной краской.

Материал: известняк пористый, желто-серого цвета.

Размеры фрагмента: высота — 35, ширина — 24–27, толщина — 7,5–8 см.

Состояние: надгробие сохранилось полностью; на гранях сколы; оборотная сторона обработана небрежно.

Датировка: III–IV вв. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейлин Д.В., Кислый А.Е., Михайлов А.М., Рогудеев В.В., Шарапа А.В., Юрочкин В.Ю. Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение) // Древности Боспора. Т. 23. М.: ИА РАН, 2018. С. 9–35.
- Бейлин Д.В., Яйленко В.П. Новые иудейские эпитафии II–IV вв. н.э. из Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 4. С. 115–146.
- Белик Л.Ю. История исследования объектов археологии на мысе Ак-Бурун // Боспорские чтения. Вып. XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 39–43.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 2. Курганы на мысе Ак-бурун. Симферополь, Керчь, 2014 (Боспорские исследования; supplementum 13). 184 с.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1. Симферополь; Керчь, 2012 (Боспорские исследования; supplementum 9). 288 с.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 2. Симферополь; Керчь, 2017. 288 с.
- Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // Записки Одесского общества истории и древностей. IV. Одесса, 1858. С. 3–84.
- Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина; пер. с фр. Н.Л. Сухачёв. СПб.: Коло, 2010. 2 т. (728 + 312 с.)
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Археологические разведки на хоре Тиритаки // Боспорские исследования. Вып. XVI / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь, 2007. С. 291–310.
- Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965. 951 с.
- Корпус боспорских надписей: альбом иллюстраций. СПб., 2004. 431 с.
- Котин М.А. Разведки на мысу Ак-Бурун в Керчи // Археологічні дослідження на Україні 2011 р. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2012. С. 57.
- Марти Ю.Ю. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // Записки Одесского общества истории и древностей. XXXI. Одесса, 1913. С. 1–88 (прил.)
- Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Белик Л.Ю., Гаспарович С.Г. Курганный комплекс Нижний Солнечный I // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25). С. 276–283.
- Рукавишникова И.В., Белик Л.Ю., Гаспарович С.Г., Ермолин С.А. Исследования курганной группы Нижний Солнечный I // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. Т. 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 399–417.
- Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф. Курганы Госпитальный. М.: ИА РАН, 2022 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 28). 592 с.
- Семенов С.А., Кунин В.Э. Разведки на Керченском полуострове // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962. С. 257–262.
- Шестаков С.А. О локализации боспорского города Гермисия // Проблемы археологии и истории Боспора: к 165-летию основания Керченского музея древностей: тез. докл. конф. (13–19 окт. 1991 г.) / Отв. ред. Э.В. Яковенко. Керчь, 1991. С. 37–38.

Шестаков С.А. К вопросу о локализации боспорского города Гермисия // Археология и история Боспора: сб. науч. ст. Т. 3 / Ред.-сост. Н.Ф. Федосеев. Керчь, 1999. С. 103–112.

Шестаков С.А. Дополнительные данные для локализации боспорского города Гермисия // Пантикапей — Боспор — Керчь — 26 веков древней столице: мате-

риалы междунар. конф. (г. Керчь, 13–15 сент. 2000 г.) / Отв. ред. П.И. Иваненко. Керчь, 2000. С. 123–125.

Шкорпил В.В. Надгробные надписи, приобретенные Мелек-чесменским музеем в 1899 году // Записки Одесского общества истории и древностей. 22. Одесса, 1900. С. 101–108.

ON THE LOCALIZATION OF THE LATE ANTIQUITY JEWISH NECROPOLIS NEAR CAPE PAVLOVSKY IN KERCH

Denis V. Beylin^{a,#}, Irina V. Rukavishnikova^{b,##}, Alexey V. Kulikov^{a,###}

^aInstitute of Crimean Archaeology RAS, Simferopol, Russia

^bInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: denis_beylin1979@mail.ru

^{##}E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

^{###}E-mail: kulikov_akra@mail.ru

The study deals with the discovery of a Late Antiquity necropolis on Cape Pavlovsky in Kerch, the Republic of Crimea. The tombstones and their fragments found in 2020 mark the territory of the ancient necropolis. The main question under discussion is whether the newly identified area of the necropolis belonged to the Jewish community of Panticapaeum or the community of the settlement (fortification) Ak-Burun II of the first centuries AD located to the west of Cape Ak-Burun. 27 Jewish tombstones were found, some of them have survived only in fragments. Twelve tombstones have preserved images of the menorah. Two stones have one of the surfaces carefully processed. Probably, an inscription and images were made on these surfaces with paint. Judging by the studies of the 19th–20th centuries, in the vicinity of cape Ak-Burun there were probably at least two Jewish necropolises: one of them located near Cape Pavlovsky and the other — at the infirmary of the Kerch fortress near Cementnaya Slobodka, where Jewish tombstones were discovered. Based on the analysis of the found tombstones and epitaphs the newly discovered area of the necropolis can be preliminarily dated to the 2nd–4th centuries AD.

Key words: Republic of Crimea, Kerch, Cape Ak-Burun, Late Antiquity, necropolis, gravestones, menorah.

REFERENCES

- Belik L. Yu., 2016. History of studying archaeological objects at Cape Ak-Burun. *Bosporskie chteniya [Bosporan readings]*, XVII. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya [Cimmerian Bosporus and the barbarian world in the classical period and the Middle Ages. Researchers and research]*. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, eds. Kerch', pp. 39–43. (In Russ.)
- Beylin D.V., Kislyy A.E., Mikhaylov A.M., Rogudeev V.V., Sharapa A.V., Yurochkin V.Yu., 2018. Excavations of the Bronze Age settlement of Hospital II in Kerch (preliminary report). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 23. Moscow: Institut arkhologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 9–35. (In Russ.)
- Beylin D.V., Yaylenko V.P., 2022. New Judean epitaphs of the second-fourth centuries AD from Kerch. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological and cultural studies]*, 4, pp. 115–146. (In Russ.)
- Butyagin A.M., Vinogradov Yu.A., 2014. Yuz-Oba. Kurganny nekropol' aristokratii Bospora [Yuz-Oba. Mound necropolis of the Bosporan aristocracy], 2. Kurgany na myse Ak-burun [Mounds at Cape Ak-burun]. Simferopol', Kerch'. 184 p. (Bosporskie issledovaniya, supplementum 13).
- Dyubryuks P., 1858. Description of the ruins and traces of ancient cities and fortifications that once existed on the European coast of the Cimmerian Bosporus, from the entrance to the strait near the Yenikal lighthouse to Mount Opuk, inclusive, at the Black Sea. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Transactions of the Odessa Society of History and Antiquities]*, IV. Odessa, pp. 3–84. (In Russ.)
- Dyubryuks P., 2010. *Sobranie sochineniy [Collection of works]*. I.V. Tunkina, ed., comp., N.L. Sukhachev, transl. St. Petersburg: Kolo. 2 vols. (728 + 312 p.)
- Korpus bosporskikh nadpisey [Corpus of Bosporan inscriptions]. Moscow; Leningrad, 1965. 951 p.
- Korpus bosporskikh nadpisey: al'bom illyustratsiy [Corpus of Bosporan inscriptions: An album of illustrations]. St. Petersburg, 2004. 431 p.
- Kotin M.A., 2012. Surveys at Cape Ak-Burun in Kerch. *Arkheologichni doslidzhennya na Ukraïni 2011 p. [Archaeological research in Ukraine in 2011]*. Kiïv: Institut arkhologii Natsional'noi akademii nauk Ukraïni, p. 57. (In Russ.)
- Marti Yu.Yu., 1913. Description of the Melek-Chesme mound and its sites in connection with the history of the Bosporan Kingdom. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Transactions of the Odessa Society of His-*

- tory and Antiquities*], XXXI. Odessa, pp. 1–88. (In Russ.)
- Rukavishnikova I.V., Belik L.Yu., Gasparovich S.G., Ermolin S.A., 2019. Studies of the Lower Solnechny I mound group. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. [Crimea – Taurica. Archaeological research in the Crimea in 2017–2018]*, 1. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 399–417. (In Russ.)
- Rukavishnikova I.V., Beylin D.V., Belik Yu.L., Gasparovich S.G., 2018. The mound group of Lower Solnechny I. *Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2017 [Cities, settlements, necropolises. Excavations of 2017]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 276–283. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25). (In Russ.)
- Rukavishnikova I.V., Beylin D.V., Fedoseev N.F., 2022. Kurgan Gospital'nyy [The Hospitalny mound]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 592 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 28).
- Semenov S.A., Kunin V.E., 1962. Surveys on the Kerch Peninsula. *Arkheologiya i istoriya Bospora [Archaeology and history of the Bosporus]*, II. Simferopol', pp. 257–262. (In Russ.)
- Shestakov S.A., 1991. On the localization of the Bosporus city of Hermision. *Problemy arkheologii i istorii Bospora: k 165-letiyu osnovaniya Kerchenskogo muzeya drevnostey: tezisy dokladov konferentsii [Problems of archaeology and history of the Bosporus: to the 165th anniversary of the Kerch Museum of Antiquities: Abstracts of the conference reports]*. E.V. Yakovenko, ed. Kerch', pp. 37–38. (In Russ.)
- Shestakov S.A., 1999. To the localization of the Bosporus city of Hermision. *Arkheologiya i istoriya Bospora: sbornik nauchnykh statey [Archaeology and history of the Bosporus: Collected scientific articles]*, 3. N.F. Fedoseev, ed., comp. Kerch', pp. 103–112. (In Russ.)
- Shestakov S.A., 2000. Additional data for the localization of the Bosporus city of Hermision. *Pantikapey – Bospor – Kerch' – 26 vekov drevney stolitse: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Panticapaeum – Bosporus – Kerch – 26 centuries of the ancient capital: Proceedings of the International conference]*. P.I. Ivanenko, ed. Kerch', pp. 123–125. (In Russ.)
- Shkorpil V.V., 1900. Gravestone inscriptions acquired by the Melek-Chesme Museum in 1899. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Transactions of the Odessa Society of History and Antiquities]*, 22. Odessa, pp. 101–108. (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N., 2012. Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora [Yuz-Oba. Mound necropolis of the Bosporan aristocracy], 1. Simferopol'; Kerch'. 288 p. (Bosporskie issledovaniya, supplementum 9).
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N., 2017. Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora [Yuz-Oba. Mound necropolis of the Bosporan aristocracy], 2. Simferopol'; Kerch'. 288 p.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu., Beylin D.V., 2007. Archaeological surveys at the Tyritake chora. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]*, XVI. V.N. Zin'ko, ed. Simferopol'; Kerch', pp. 291–310. (In Russ.)

КЛАД БОСПОРСКИХ МОНЕТ начала III в. до н.э. ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ (поселение Тиховский 1)

© 2023 г. М. Г. Абрамзон^{1,2,*}, С. Н. Остапенко^{3,**}, А. В. Сурков^{4,***}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

³ Государственный историко-археологический музей-заповедник “Фанагория”, Сенной, Россия

⁴ ООО “Археологическое общество Кубани”, Ростов-на-Дону, Россия

*E-mail: abramzon-m@mail.ru

**E-mail: osn-23@mail.ru

***E-mail: surkovarh@mail.ru

Поступила в редакцию 11.08.2022 г.

После доработки 11.08.2022 г.

Принята к публикации 11.10.2022 г.

В статье публикуется клад пантикапейских бронзовых монет начала III в. до н.э., найденный при раскопках меотского поселения Тиховский 1 (Красноармейский район Краснодарского края) в 2021 г. Клад содержит 152 монеты типа “голова сатира/голова льва, осетр” с надчеканками “звезда” и “горит”. В междуречье Кубани, Протоки и Ангелинского ерика сосредоточена группа меотских поселений, с которой связан ряд подобных монетных кладов, сокрытых на рубеже IV/III вв. до н.э. Эти клады маркируют максимальную восточную границу Боспорского царства и локализуют меотские территории, присоединенные в ходе боспорской экспансии на восток.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Восточное Приазовье, монетные клады, денежное обращение, меоты.

DOI: 10.31857/S0869606323010026, **EDN:** MBAVKT

Меотское поселение Тиховский 1 расположено на территории рисовых чеков хут. Тиховский (Трудобеликовское сельское поселение, Красноармейский район Краснодарского края), в правобережной пойме р. Кубань вблизи места отделения от нее рукава — р. Протоки (рис. 1). Поселение (размерами 159 × 107 м) было открыто в ходе разведочных работ П.М. Соколовым в 2020 г. в зоне строительства автомобильных дорог А-289 Краснодар — Славянск-на-Кубани — Темрюк и А-290 Новороссийск — Керчь. II этап. Микрорельеф памятника заметно сnivelирован многолетней плантажной распашкой. В 2021 г. экспедицией ООО “Археологическое общество Кубани” (г. Ростов-на-Дону) под руководством А.В. Суркова на памятнике проводились охранно-спасательные раскопки на площади 8278 м². Археологический материал позволил датировать поселение IV — первой четв. III в. до н.э. Керамика представлена фрагментами меотской и боспорской столовой и кухонной посуды, амфор Синопы, Гераклеи, Менды, Фасоса, Хиоса; пифосов, лутериев, сероглиняного светильника — меотской реплики античного светильника. Среди изделий из бронзы — височное кольцо в 1.5 обо-

рота, с пирамидками на концах, IV в. до н.э. (Бочковой и др., 2005. С. 189–190; Иванов, 2020. С. 21, 22); два перстня IV–III в. до н.э. (Петренко, 1978. С. 61. Тип 6; Бочковой и др., 2005. С. 173–177. Рис. 1, 3; Иванов, 2020. С. 23–24); трехгранный пирамидальный наконечник стрелы (отдел 3 тип 2, по классификации А.И. Мелюковой; см. Мелюкова, 1964. Рис. 1).

Памятник Тиховский 1 принадлежит к кругу неукрепленных меотских сельских поселений IV–III вв. до н.э., расположенных в восточной части Приазовской низменности на правом берегу Нижней Кубани в границах современных Красноармейского и Славянского районов Краснодарского края. Основное количество этих памятников сосредоточено в междуречье Протоки и Ангелинского ерика (рис. 1). Кроме Тиховского 1 к настоящему моменту здесь известно еще семь меотских поселений этого времени: у ст. Полтавской, хут. Беликова, в ст. Старонижестеблиевской, Славянске-на-Кубани, у ст. Ивановской, хут. Свистельникова (Иванов, 2019. С. 19). Археологический материал исследованного памятника типичен для меотских сельских поселений у восточной границы Боспорского царства. Это

Рис. 1. Карта кладов боспорских монет IV–III вв. до н.э. на меотских поселениях Восточного Приазовья: 1 – Беликов; 2 – Староджерилиевская; 3–5 – Старонижнестеблиевская; 6 – Кубрисострой; 7 – Славянск-на Кубани; 8 – Тиховский 1.

Fig. 1. Map of hoards of the 4th–3rd centuries BC Bosphoran coins found in the Maeotian settlements in the Eastern Azov region: 1 – Belikov; 2 – Starodzhherilievskaya; 3–5 – Staronizhnesteblievskaya; 6 – Kubrisostroy; 7 – Slavyansk-on-Kuban; 8 – Tikhovskiy 1

остатки обожженного саманного кирпича и глиняной обмазки, характерные для строительной традиции меотских памятников Прикубанья, набор керамики, значительную долю которой составляет меотская сероглиняная посуда, другую – красноглиняная продукция Боспора (см. Лимберис, Марченко, 2010. С. 195). Импортная керамика здесь так же, как и в слоях большинства меотских поселений IV – первой четв. III в. до н.э., представлена в основном продукцией Гераклеи, Менды, Фасоса и лишь изредка Хиоса, в отличие от поселений Азиатского Боспора, где амфоры Хиоса преобладают (Улитин, 2006. С. 13–19).

С другой стороны, особенно подчеркивается связь этой группы меотских поселений с монет-

нымикладами, сокрытыми на данной территории в очень короткий момент – в конце IV – начале III в. до н.э. (Иванов, 2019. С. 20, 21). Нам известно 10 кладов из меотских поселений в Восточном Приазовье. Самый ранний из них – клад из окрестностей хут. Беликова (СН XI, 28¹) включал только пантикапейские тетрагалки типа “голова сатира/протома грифона, осетр, ПАН” (Анохин, 1986. № 111), чеканившиеся ок. 330–315 гг. до н.э. Все остальные клады целиком (или почти) состояли из монет типа “голова сатира / голова льва, осетр, ПАН” с надчеканками в виде

¹ Здесь и далее ссылки на номера кладов в издании Coin Hoards. Vol. XI (Abramzon, Kuznetsov 2021).

Элементный состав сплава монет из Тиховского клада (данные РФА)
Elemental composition of the alloy of coins from the Tikhovsky hoard (XRF data)

№ в кладе	Инв. № ФМ-КП-106/	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Fe	Ni
56	58	94.85	3.40	0.24	—	0.45	0.72	0.09	0.20	0.03
57	59	97.26	1.40	0.65	—	0.15	0.20	0.04	0.26	0.02
58	60	97.39	1.57	0.12	—	0.31	0.26	0.03	0.27	0.02
59	61	96.52	2.49	0.10	—	0.26	0.32	0.04	0.25	—
60	62	95.42	12.13	0.17	—	0.43	0.54	0.08	0.27	—
61	63	93.37	5.18	0.28	0.02	0.32	0.44	0.11	0.26	0.02
62	64	88.44	10.88	0.06	—	0.14	0.05		0.35	0.07
63	65	93.25	2.34	0.93	0.02	0.98	1.82	0.15	0.48	0.02
64	66	92.77	4.86	0.32	0.02	0.53	1.11	0.13	0.23	0.03
146	110	92.32	3.99	0.59	—	0.97	1.66	0.23	0.21	—
147	111	93.18	4.42	0.16	—	0.55	1.19	0.18	0.27	0.02
148	112	92.80	4.64	0.19	—	0.65	1.31	0.18	0.21	—
149	113	94.72	2.42	0.31	—	0.73	1.43	0.15	0.21	—
150	122	95.20	2.70	0.17	—	0.56	1.00	0.12	0.23	—
151	132	92.17	6.53	0.13	—	0.29	0.49	0.09	0.26	0.03

горита (на аверсе) и звезды — на реверсе (Анохин, 1986. № 130–131), к которым изредка подмешивались один-два других типа периода начала денежного кризиса на Боспоре. Таковы клады из Славянска-на-Кубани (СН XI, 40), Старонижнестеблиевской (СН XI, 42–43, 61), Кубрисостроя (СН XI, 44), Полтавской (СН XI, 48), Староджерилевской (СН XI, 59), неизвестных мест находок в Красноармейском районе (СН XI, 48, 51).

Эти клады боспорских монет IV–III вв. до н.э. особенно важны для решения вопроса о максимальной восточной границе Боспорского царства и локализации меотских территорий, присоединенных в ходе боспорской экспансии на восток. Топография кладов позволяет обозначить границу денежного обращения: она проходит по линии Раевская — Крымск — Старонижнестеблиевская (Аптекарев, 1989. С. 54; Абрамзон, Фролова, 2007–2008. С. 30), что очерчивает территорию расселения меотских племен, вошедших в состав Боспорского царства (Лимберис, Марченко, 2010. С. 189).

В ходе раскопок летом 2021 г. на поселении Тиховский 1 был найден клад из 152 бронзовых пантикапейских монет начала III в. до н.э., находившихся в донце красноглиняной кружальной миски или кувшина. Контейнер с монетами оказался перевернут и разрушен при распашке (рис. 2). Клад поступил в фонды Государственного историко-культурного музея-заповедника “Фанагория” (монеты: инв. № ФМ-КП-106/1–152 Н3423–3574; ГК 32214373–32215461; сосуд: инв. № ФМ-КП-107 А2281; ГК 32215419) (Приложение; рис. 3). Все монеты принадлежат к одному

типу “голова безбородого сатира/голова льва, осетр, ПАН” с надчеканками в виде горита (на аверсе) и звезды — на реверсе (Анохин, 1986. № 130–131) и делятся на две группы. Раннюю группу образуют 142 монеты, клейменные с использованием сопряженных пуансонов с изображениями звезды и горита. Операция контрамаркирования производилась всегда аккуратно (звезда — на аверсе, горит — на обороте), однако изредка клейма меняются местами: звезда помещается на реверсе, горит — на аверсе. Отметим присутствие в Тиховском кладе трех экземпляров (№ 136–138), на которых клеймо “горит” наложено на аверс, а “звезда” — на реверс. В крупном Старонижнестеблиевском кладе 1986 г. (СН XI, 61) такие монеты тоже редки — всего 4 из 1209. В том же комплексе, как и в Тиховском кладе (№ 12, 34), имеются всего две монеты, надчеканенные только одним клеймом — звездой на лицевой стороне, а горит на оборотной стороне отсутствует.

Вторую (позднюю) группу образуют 10 монет (№ 143–152) с изображениями звезды и горита, вырезанными в штемпелях (Анохин, 1986. № 131). Эта имитация контрамаркированных монет для подтверждения их курса в условиях денежного кризиса отражает попытку боспорского монетного двора выпускать монеты с привычными для населения дополнительными изображениями, вырезая их непосредственно в штемпелях аверса и реверса, что в свою очередь свидетельствует о достаточно длительном обращении подобных монет с надчеканками (Карышковский, 1960. С. 140, табл. 1, 19, 20).

Рис. 2. Тиховский клад *in situ*.

Fig. 2. Tikhovky hoard *in situ*

Выборка из 15 монет подверглась исследованию неразрушающим методом безэталонного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Определение элементного состава монетного сплава выполнялось в реставрационной лаборатории Государственного историко-археологического музея-заповедника “Фанагория” на энергодисперсионном спектрометре M1 Mistral (Bruker) (напряжение 50 кВ, мощность 50 Вт, программное обеспечение XSpecPro). Стандартное время измерения составило 30 сек. Для всех монет анализ выполнялся в едином стандарте — с отбором проб с трех точек на поверхности монет для корреляции полученных результатов (таблица). Интерпретация результатов выполнялась по средним значениям содержания элемента в сплаве, полученным в результате обработки данных (методику см.: Сапрыкина, Гунчина, 2017). В выборку вошли 10 монет первой (ранней) группы и 5 монет — второй (поздней). Монеты ранней группы (Анохин, 1986. № 125) были выпущены около 315–300 гг. до н.э. (см. Шелов, 1956. С. 216. № 61), монеты второй — в начале III в. до н.э.

Полученные новые данные РФА не подтверждают выводы предыдущих исследований о чеканке монет типа “голова сатира / лев, осетр” из оловянно-свинцовой бронзы с заметным содержанием свинца — до 5–6% (Смекалова, Дюков, 2001. С. 49). Большинство монет оказались изготовленными из оловянной бронзы с содержанием олова в пределах 1.5–12% (в среднем 3–5%) и свинца на уровне микропримесей (но не лигатуры), в среднем менее 0.2%. Содержание меди в монетах первой группы — в среднем 96%, второй — 93%.

Особенно интересны результаты анализа металла монет № 63, 64, 146–150, отчеканенных из сплава с присадкой сурьмы (Sb 1–1.82%). Данный факт предполагает использование источника сурьмяной бронзы, откуда поступила партия сырья на боспорский монетный двор. Это могли быть ближайшие к Боспору месторождения Кавказа и Предкавказья, где сурьмяные сплавы получили распространение с эпохи бронзы (Гак и др., 2014). Однако следует напомнить об изготовлении из сурьмяной бронзы монет Керкинитиды и части монет-дельфинчиков Ольвии. До 0.6%

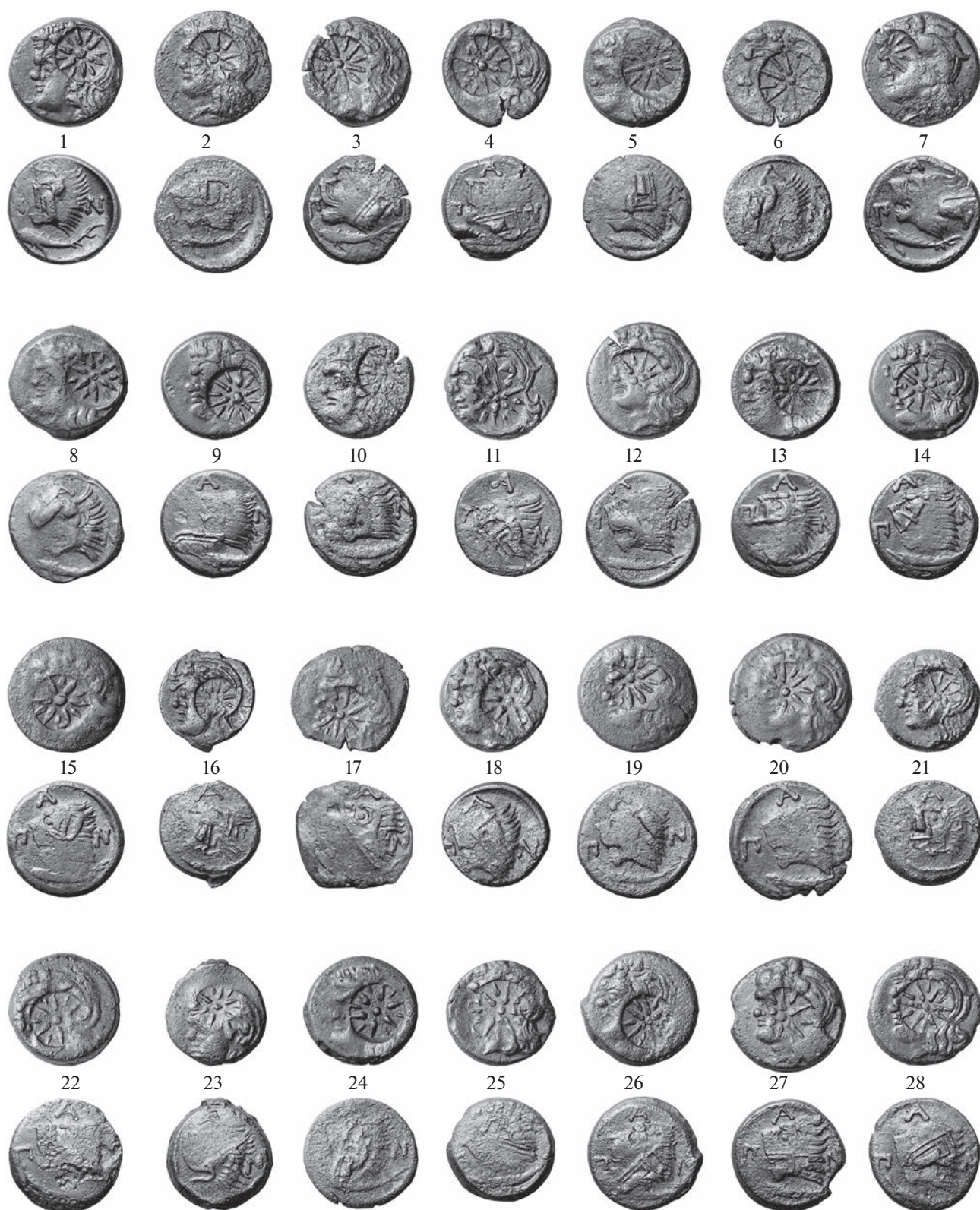

Рис. 3. Клад с поселения Тиховский 1 (2021 г.).
Fig. 3. Hoard from the Tikhovsky 1 settlement (2021)

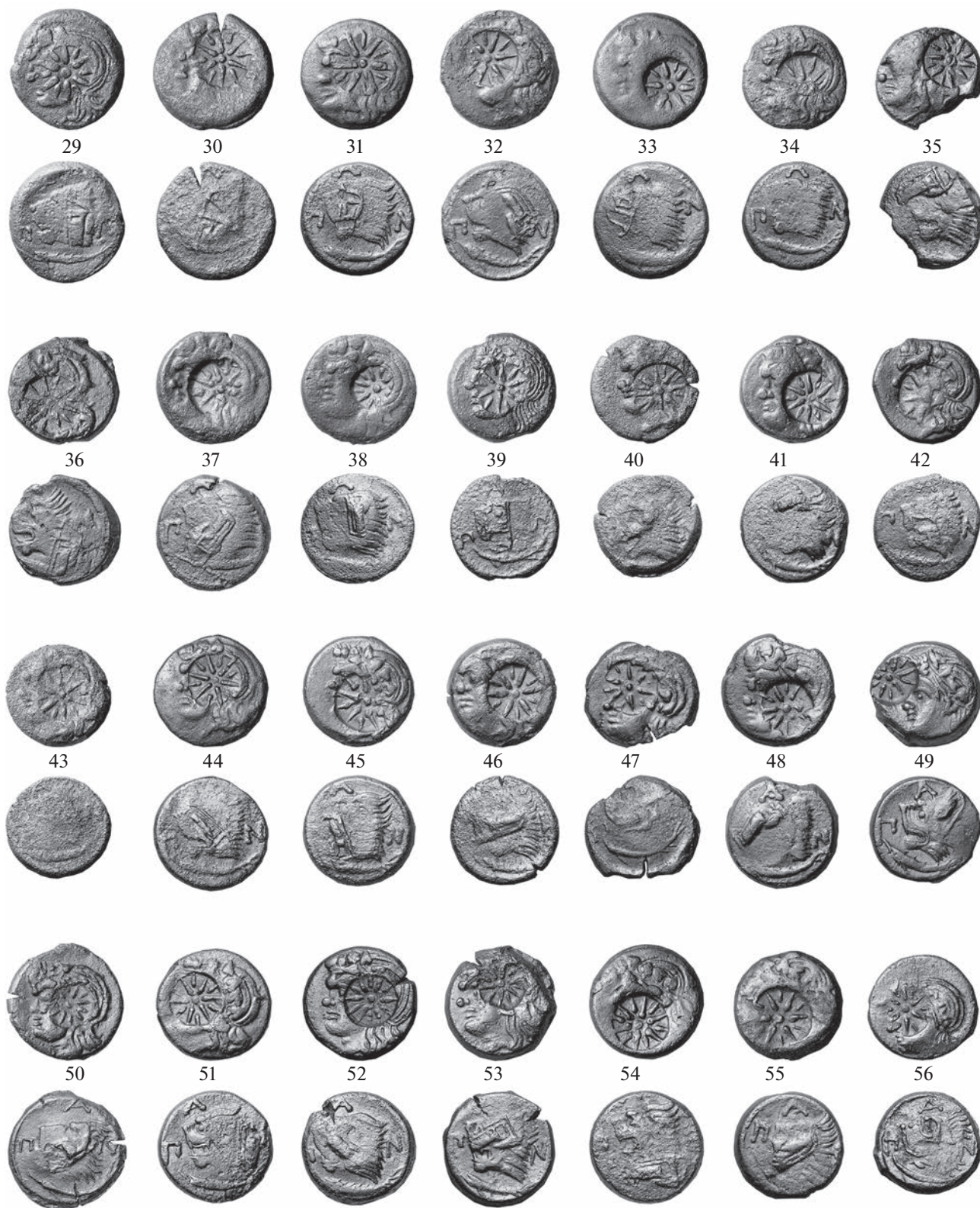

Рис. 3. Продолжение
Fig. 3. Continued

Рис. 3. Продолжение
Fig. 3. Continued

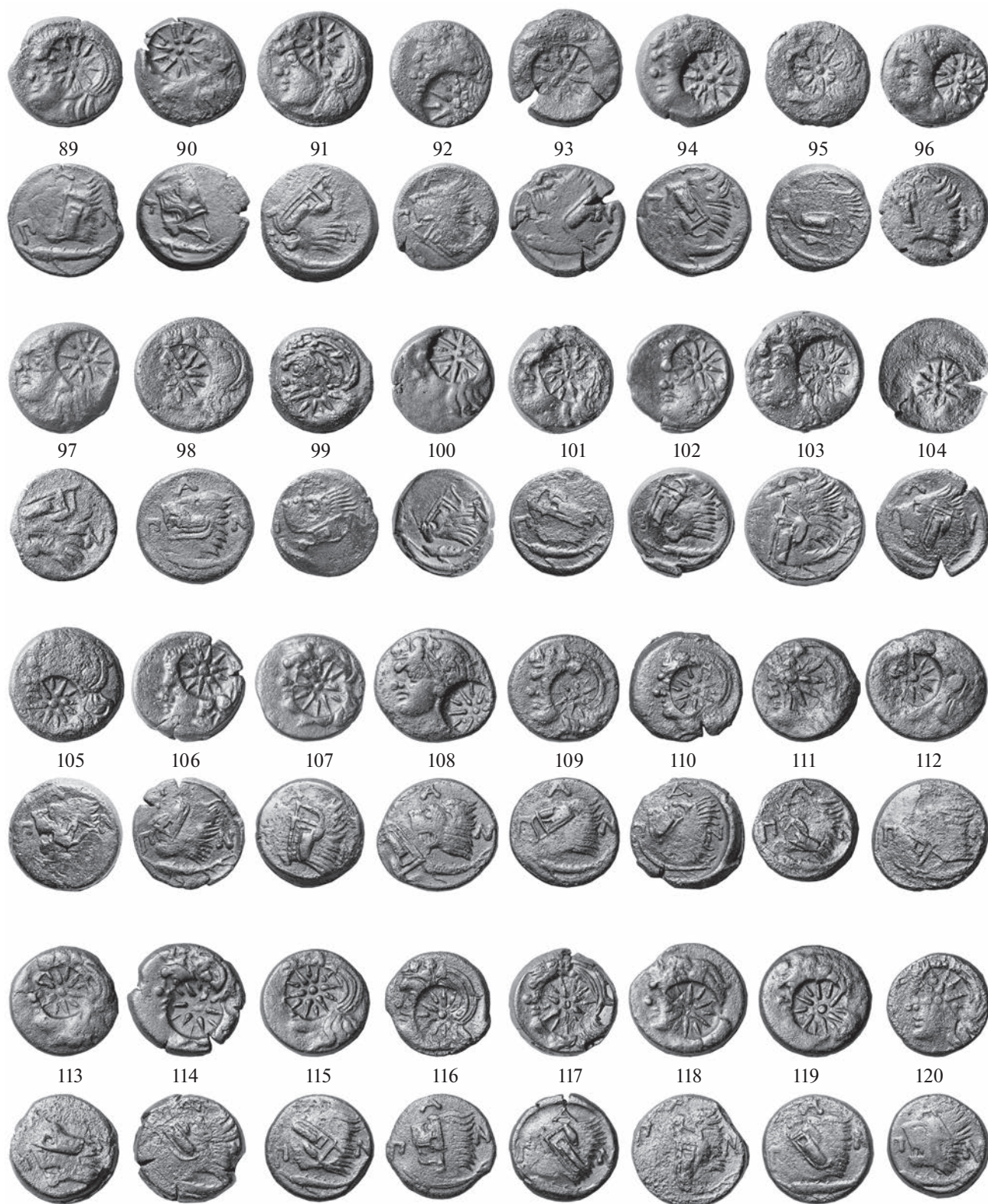

Рис. 3. Продолжение
Fig. 3. Continued

Рис. 3. Окончание
Fig. 3. End

сурьмы содержится в чеканных монетах Херсонеса и Керкинитиды IV в. до н.э., что предполагает единый источник сплава для обоих городов (Кутайсов и др., 2020. С. 33, 34), а возможно, и Боспора. Потенциальными ближайшими источниками сурьмяной бронзы для чеканки полисов Север-Западного Причерноморья могли быть месторождения Байя Маре и Байя Спрые (Румыния) и Рудняны (Словакия).

Предполагается, что на монетные дворы Тир, Ольвии и Херсонеса медное сырье поступало с месторождений Балкано-Карпатского рудного пояса, северо-запада Малой Азии, Кавказа (Смекалова, Дюков, 2001. С. 120–124; Heinrich, Neubauer, 2002). В настоящее время в качестве главного источника поступления медно-полиметаллических руд в Северное Причерноморье считается Северная Анатолия, но скорее всего импорт металла происходил из разных источников (Кутайсов и др., 2020. С. 59). Вряд ли источники меди для Боспора отличались. Между тем изготовление части монет Тиховского клада (прежде всего второй, поздней, группы) из сплава с сурьмой указывает на использование в начале III в. до н.э. меди из месторождений полиметаллических руд Кавказа.

Итак, Тиховский клад, типичный для меотских поселений монетный комплекс начала III в. до н.э., вместе с тем представляет новое ценное

свидетельство ареала обращения боспорских монет и исторического контекста эпохи. Повсеместное сокрытие однотипных кладов на Боспоре в начале III в. до н.э. было вызвано общими экономическими причинами (началом денежного кризиса) и, возможно, обострением военно-политической ситуации. О последнем говорит концентрация заметной группы кладов одинакового состава в междуречье Кубани, Протоки и Ангелинского ерика, на территории меотских сельских поселений, подчиненных Боспору. Находки этих кладов позволяют считать, что в IV–III вв. до н.э. Западное Прикубанье (Восточное Приазовье) не только находилось в сфере экономического влияния Боспора, но и входило в состав Боспорского царства.

Авторы искренне благодарят А.В. Иванова, сотрудника Южного регионального центра археологических исследований (г. Краснодар), сотрудника ИВИ РАН, за определение керамического материала и бронзовых украшений и О.Л. Гунчину, начальника отдела реставрации ГИАМЗ “Фанатория”, за проведенные исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-00057.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог Catalogue

№ в кладах (рис. 3)	Инв. № ФМ- КП-106/	Вес, г	Диаметр, мм	№ в кладах (рис. 3)	№ ФМ- КП-106/	Вес, г	Диаметр, мм	№ в кладах (рис. 3)	№ ФМ- КП-106/	Вес, г	Диаметр, мм
1	1	7.92	20	52	54	6.48	20	103	105	6.67	19
2	2	7.03	20	53	55	8.58	20	104	106	5.21	21
3	3	6.74	19	54	56	7.61	20	105	107	7.47	20
4	4	7.20	19	55	57	6.59	19	106	109	6.25	20
5	5	7.18	19	56	58	5.49	19	107	114	6.37	19
6	6	5.13	19	57	59	6.32	19	108	115	6.62	21
7	7	6.77	20	58	60	7.40	19	109	116	5.38	19
8	8	6.98	20	59	61	5.57	19	110	117	6.82	20
9	9	6.63	19	60	62	6.76	19	111	118	6.71	18
10	10	7.12	19	61	63	8.19	20	112	119	6.49	21
11	11	6.40	19	62	64	5.56	19	113	120	6.94	19
12	12	6.34	20	63	65	6.94	19	114	121	7.21	19
13	13	6.72	19	64	66	7.59	19	115	123	6.20	19
14	14	6.61	19	65	67	6.49	19	116	124	4.72	19
15	15	6.84	20	66	68	6.50	21	117	125	6.47	19
16	16	4.52	18	67	69	7.53	21	118	126	8.33	20
17	17	6.69	21	68	70	6.15	19	119	127	6.70	19

Окончание

№ в кладе (рис. 3)	Инв. № ФМ- КП-106/	Вес, г	Диаметр, мм	№ в кладе (рис. 3)	№ ФМ- КП-106/	Вес, г	Диаметр, мм	№ в кладе (рис. 3)	№ ФМ- КП-106/	Вес, г	Диаметр, мм
18	18	6.02	19	69	71	8.22	19	120	128	6.42	18
19	19	7.49	21	70	72	5.75	19	121	129	7.42	19
20	20	7.60	21	71	73	7.07	20	122	130	5.80	20
21	21	4.81	18	72	74	6.53	19	123	131	7.15	20
22	22	5.98	19	73	75	6.33	19	124	133	6.86	19
23	23	6.42	18	74	76	7.18	20	125	134	6.92	20
24	25	6.06	20	75	77	5.77	19	126	135	7.34	20
25	26	7.15	19	76	78	7.35	20	127	136	5.20	19
26	27	6.95	20	77	79	6.42	19	128	137	5.24	21
27	28	8.08	20	78	80	7.02	19	129	138	5.21	19
28	29	4.95	20	79	81	6.57	17	130	139	5.33	20
29	30	6.80	21	80	82	4.90	19	131	140	7.06	22
30	31	7.00	21	81	83	7.14	20	132	141	6.57	19
31	32	6.17	19	82	84	7.76	21	133	142	6.93	19
32	34	8.10	21	83	85	8.58	21	134	143	7.26	20
33	35	6.96	20	84	86	6.76	19	135	144	5.39	22
34	36	5.16	18	85	87	5.61	18	136	145	5.62	19
35	37	6.56	19	86	88	7.90	20	137	146	6.31	20
36	38	5.51	19	87	89	6.05	21	138	147	6.77	19
37	39	5.84	20	88	90	5.07	20	139	148	4.97	18
38	40	5.51	20	89	91	6.11	20	140	149	7.13	21
39	41	5.31	19	90	92	7.70	20	141	150	6.76	19
40	42	4.89	19	91	93	6.86	20	142	151	6.87	19
41	43	7.27	19	92	94	6.39	19	Группа 2			
42	44	5.44	20	93	95	7.17	20	143	24	5.65	18
43	45	5.39	18	94	96	6.92	19	144	33	6.72	20
44	46	5.31	20	95	97	5.18	19	145	108	5.42	19
45	47	6.21	19	96	98	5.95	19	146	110	6.46	20
46	48	7.01	19	97	99	5.53	19	147	111	6.72	19
47	49	5.29	20	98	100	5.99	20	148	112	5.56	19
48	50	7.46	20	99	101	4.36	18	149	113	5.21	19
49	51	7.48	19	100	102	6.87	19	150	122	5.98	19
50	52	5.03	20	101	103	5.93	19	151	132	5.23	19
51	53	5.67	20	102	104	7.09	19	152	152	4.79	18

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь: Адеф-Украина, 2007–2008 (Боспорские исследования. Supplementum; т. 2). 872 с.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.

Аптекарев А.З. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. // Первая Кубанская архео-

логическая конференция (Краснодар, 05–07 марта 1989 г.): тез. докл. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1989. С. 63–65.

Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Т. 5. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 172–218.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // NARTAMONGÆ. 2014. Vol. XI, № 1, 2. С. 87–132.

- Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья во второй половине V — III вв. до н.э. // Боспорские исследования. Т. 38. Керчь: Керченская гор. тип., 2019. С. 17–38.
- Иванов А.В. Меотский могильник “Фурожан” в Западном Закубанье. Краснодар: Вольная Н.Н., 2020. 148 с.
- Карышковский П.О. Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 139–141.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меоты // Античное наследие Кубани. Т. I / Ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 186–217.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-4). 91 с.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н., Дубинина Л.И., Губанов Ю.Б., Куликов А.В., Фридрихсон С.К., Гаврилюк А.Н. Монетные сплавы Керкинитиды. СПб.: Алетей, 2020 (Археометрия Причерноморья; вып. 2). 72 с.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. М.: Наука, 1978 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д 4—5). 144 с.
- Сапрыкина И.А., Гунчина О.Л. Химический состав металла боспорских статов Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статов из Фанагории. М.: ИА РАН, 2017 (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 5). С. 272–483.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2001. 204 с.
- Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII — первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2006. 24 с.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н.э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 222 с., 5 л. ил.
- Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus. Leuven; Paris; Bristol, 2021 (Colloquia Antiqua; 32). 410 p.
- Heinrich C.A., Neubauer F. Cu—Au—Pb—Zn—Ag Metallogeny of the Alpine — Balkan — Carpathian — Dinaride Geodynamic Province // Mineralium Deposita. 2002. Vol. 37, № 6–7. P. 533–540.

A HOARD OF THE EARLY THIRD-CENTURY BC BOSPORAN COINS FROM THE EASTERN AZOV REGION (the settlement of Tikhovsky 1)

Mikhail G. Abramzon^{a,b,#}, Sergey N. Ostapenko^{c,##}, Alexey V. Surkov^{d,###}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia;

^b Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

^c “Phanagoria” State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Sennoy, Russia

^d “Archaeological Society of Kuban” LLC, Rostov-on-Don, Russia

[#] E-mail: abramzon-m@mail.ru

^{##} E-mail: osn-23@mail.ru

^{###} E-mail: surkovarh@mail.ru

The paper presents a hoard of the early third-century BC Panticapaeum bronze coins, found during excavations at the Maeotian settlement of Tikhovsky 1, Krasnoarmeisky district of Krasnodar Territory, in 2021. The hoard contains 152 coins with “Pan / lion head, below sturgeon” bearing countermarks of a star and a bow-case. In the interfluvium of the Kuban, Protoka and Angelinsky Erik, a group of Maeotian settlements is located, which is associated with a pattern of similar coin hoards concealed at the turn of the 4th and 3rd centuries BC. These hoards indicate the easternmost border of the Bosporan kingdom and localize the Maeotian territories annexed during the Bosporan expansion to the east.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Eastern Azov region, coin hoards, currency, Maeotians.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Frolova N.A., 2007–2008. Korpus bosporskih kladov antichnykh monet [Corpus of Bosporan hoards of antique coins], I (1834–2005 gg.). Simferopol'; Kerch': Adef-Ukraina. 872 p. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum, 2).
- Abramzon M.G., Kuznetsov V.D., 2021. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus. Leuven; Paris; Bristol. 410 p. (Colloquia Antiqua, 32).
- Anokhin V.A., 1986. Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosphorus]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.
- Aptekarev A.Z., 1989. On the eastern border of the Bosporan kingdom in the second half of the 4th — the first half of the 3rd century BC. *Pervaya Kubanskaya arkhеologicheskaya konferentsiya: tezisy dokladov [First Kuban archaeological conference. Abstracts]*. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 63–65. (In Russ.)
- Bochkovoy V.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Burials with amphorae from the burial ground of the Spor-

- noye fortified settlement. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and research on the archaeology of the Kuban]*, 5. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 172–218. (In Russ.)
- Gak E.I., Mimokhod R.A., Kalmykov A.A., 2014. Antimony in the Bronze Age of the Caucasus and south of Eastern Europe. *NARTAMONGÆ*, vol. XI, no. 1, 2, pp. 87–132. (In Russ.)
- Heinrich C.A., Neubauer F., 2002. Cu–Au–Pb–Zn–Ag Metallogeny of the Alpine – Balkan – Carpathian – Dinaride Geodynamic Province. *Mineralium Deposita*, vol. 37, no. 6–7, pp. 533–540.
- Ivanov A.V., 2019. The Maeotians of the Eastern Azov region in the second half of the 5th – 3rd century BC. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]*, 38. Kerch': Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, pp. 17–38. (In Russ.)
- Ivanov A.V., 2020. Meotskiy mogil'nik "Furozhan" v Zapadnom Zakuban'e [The Maeotian burial ground "Furozhan" in Western Trans-Kuban Region]. Krasnodar: Vol'naya N.N. 148 p.
- Karyshkovskiy P.O., 1960. New materials to the history of monetary crisis at the Bosporus in the first half of the 3rd century BC. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 3, pp. 139–141. (In Russ.)
- Kutaysov V.A., Smekalova T.N., Dubinina L.I., Gubanov Yu.B., Kulikov A.V., Fridrikhson S.K., Gavriluk A.N., 2020. Monetnye splavy Kerkinitidy [Coinage alloys of Kerkenitis]. St. Petersburg: Aleteyya. 72 p. (Arkheometriya Prichernomor'ya, 2).
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2010. The Maeotians. *Antichnoe nasledie Kubani [Ancient heritage of the Kuban]*, I. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 186–217. (In Russ.)
- Melyukova A.I., 1964. Vooruzhenie skifov [Armament of the Scythians]. Moscow: Nauka. 91 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-4).
- Petrenko V.G., 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.e. [Scythian decorations of the 7th–3rd centuries BC]. Moscow: Nauka. 144 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4–5).
- Saprykina I.A., Gunchina O.L., 2017. Chemical composition of metal of the Bosporan staters from the Phanagoria 2011 hoard. *Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Klad pozdnobosporskiykh staterov iz Fanagorii [A hoard of late Bosporan staters from Phanagoria]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 272–483. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 5.). (In Russ.)
- Shelov D.B., 1956. Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e. [Coinage of the Bosporus of the 6th–2nd centuries BC]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 222 p., 5 ill.
- Smekalova T.N., Dyukov Yu.L., 2001. Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ya: Bospor, Ol'viya, Tira [Coinage alloys of the Pontic states: the Bosporus, Olbia, Tyra]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 204 p.
- Ulitin V.V., 2006. Torgovye svyazi plemen Prikuban'ya s antichnym mirom v kontse VII – pervoy polovine I v. do n.e. (po dannym amfornoy tary): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Trade relations of the tribes of the Kuban region with the Classical world at the end of the 7th – the first half of the 1st century BC (based on amphorae evidence): an author's abstract of the Doctorate Thesis in History]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk. 24 p.

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВОЙ КЛАД ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ДЕРЕВНИ СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА ПОД НОВГОРОДОМ

© 2023 г. А. А. Кудрявцев^{1,*}, А. А. Гомзин^{1,**}, П. Г. Гайдуков^{1,***},
О. П. Доброва^{2,****}, В. А. Волхонский^{3,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия

³Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород, Россия

*E-mail: a-kudravnsev@yandex.ru

**E-mail: gomzin_a@mail.ru

***E-mail: russianchange@yandex.ru

****E-mail: russa-dolya@mail.ru

*****E-mail: zvonar-a@mail.ru

Поступила в редакцию 26.12.2022 г.

После доработки 26.12.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В статье представлена характеристика денежно-вещевого клада конца X — начала XI в., найденного в 2014 г. в окрестностях деревни Старая Мельница под Новгородом. Место его обнаружения было обследовано в 2018 г. В 2021 г. комплекс поступил в фонды Новгородского музея-заповедника. В его составе 153 предмета различных категорий, среди которых есть как типично славянские украшения, так и подвески скандинавского происхождения, а также поясной набор огузско-печенежского происхождения, серебряные монеты (дирхамы и милиарисии), весовые гири и стеклянные предметы (бусы и вставки / накладки). В Новгородской округе это лишь третий подобный клад. По своему составу он наиболее близок комплексу, выявленному около деревень Горошково и Любоежа в Новгородском Поозерье, и некоторым Гнездовскимкладам. Тем не менее сочетание ряда признаков (детали поясного набора, украшенные позолотой и чернью, гири, два подражания саманидским дирхамам с птичьими (соколиными) головками, увенчанными крестом) позволяет обозначить его исключительный характер для Древней Руси.

Ключевые слова: Новгород, Новгородская округа, денежно-вещевой клад, поясной набор, дирхамы, подражания с птичьими головками, милиарисии.

DOI: 10.31857/S0869606323020113, **EDN:** RFTZTP

В 2021 г. в фонды Новгородского музея-заповедника поступил крупный денежно-вещевой клад второй половины X в. — начала XI в., состоящий из 153 предметов различных категорий¹.

Комплекс был случайно найден в 2014 г. в 9 км к юго-западу от Новгорода в глухом заболоченном смешанном лесу в достаточном отдалении от ближайших речных магистралей (рек Волхов и Веронда) и современных населенных пунктов Новгородского района (ближайшие из них — д. Старая Мельница, расположенная в 3,5 км к северо-востоку от места обнаружения и д. Сутоки — в 4,5 км к западу).

Обстоятельства находки клада точно неизвестны. Место обнаружения комплекса было обследовано в 2018 г., каких-либо следов, указывающих на способ его сокрытия, не выявлено. В ходе разведочных работ были перебраны отвалы, образовавшиеся при выемке вещей. В них найдено 16 стеклянных бусин и 2 стеклянные вставки. Эти предметы подтвердили указанное местоположение клада и были включены в его состав.

После на предполагаемом месте сокрытия комплекса был выкопан шурф. Мощность отложений от дневной поверхности до материка составила 20 см. Каких-либо признаков поселенческого объекта не выявлено, но в профилях шурфа зафиксированы следы распашки (Кудрявцев, 2019. С. 22, 23). Перед образованием леса данный участок подвергался хозяйственному освоению,

¹ Авторы выражают благодарность М.П. Гайдукову (реставрация гирек), А.О. Дмитриевой (рисунки вещей), А.Н. Каменскому, М.П. Курбановой (фотографии вещей), М. Богучкову, А.В. Долгих, Н.В. Енисовой, А.В. Комару, В.В. Новикову, Вл.В. Седову, Е.М. Ушанкову (научная консультация).

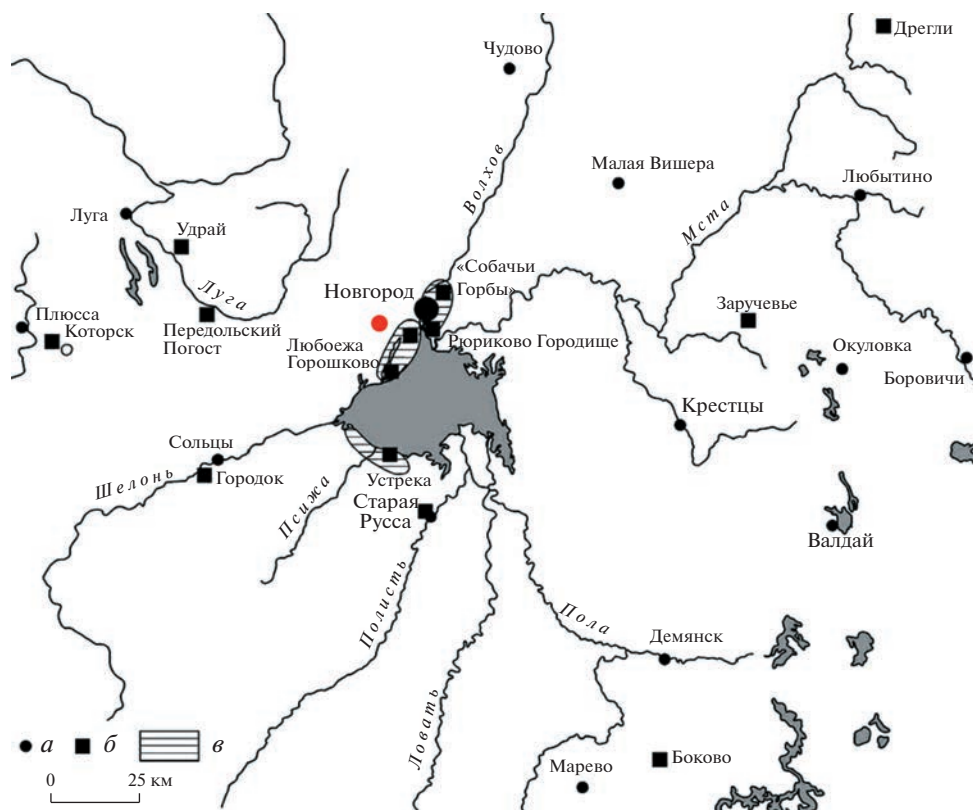

Рис. 1. Пункты находок отдельных предметов и комплексов скандинавского происхождения эпохи викингов на территории Приильмения: а — современные населенные пункты; б — пункты предметов и комплексов скандинавского происхождения эпохи викингов; в — зоны концентрации «случайных» скандинавских находок (Торопов, 2014. Рис. 1). Красным обозначено место находки денежно-вещевого клада 2014 г.

Fig. 1. Sites of finding individual objects and complexes of Scandinavian origin of the Viking Age in the Lake Ilmen region: а — modern settlements; б — locations of objects and complexes of Scandinavian origin of the Viking Age; в — areas of concentration of “accidental” Scandinavian finds (Tоропов, 2014. Fig. 1). Red indicates the location where the hoard of coins and artefacts was found in 2014

что, очевидно, происходило уже после сокрытия клада.

Территория, окружающая место его находки, является фактически белым пятном на археологической карте ближайшей Новгородской округи. Она мало изучена, какие-либо поселенческие или погребальные памятники древнерусского времени здесь не выявлены (рис. 1). Судя по письменным источникам, эти земли начинают активно осваиваться только в XVI–XVIII вв. В этот период через Сутоцкий погост (на месте современной д. Сутоки) проходила трасса Новгородско-Псковской дороги, а на берегах рек Веронды и Видогощи в XV–XVI вв. появилось несколько монастырей (Секретарь, 1999. С. 343).

Ближайшие археологические исследования ограничены лишь локальными разведками с целью поиска местоположения бывшего Николаевского Сутоцкого монастыря на кладбище д. Сутоки (Кудрявцев, Волхонский, 2020). При этом данный участок с запада прилегает к Ильменскому Поозерью — микрорегиону, который насыщен

археологическими памятниками конца I — начала II тыс. н.э., а также отмечен концентрацией случайных находок североευропейского происхождения (Носов, Плохов, 2005. С. 122, 123; Торопов, 2014).

Рассматриваемый клад характеризуется наличием предметов женского убора, бочонковидных весовых гирек, серебряных монет, массивных деталей мужского поясного набора, что выделяет его из общей массы комплексов этой категории.

В сводке Г.Ф. Корзухиной учтен только один комплекс, происходящий из ближайшей Новгородской округи — клад 1906 г., найденный в урочище Соба́чьи Горбы, расположенном к северу от Новгорода (1954. С. 22, 23; 100, 101, № 55). В его составе помимо арабских, византийских и западноевропейских монет были серебряные шейные гривны, браслеты и бусы. Датируется комплекс не ранее середины XI в. (Фасмер, 1926. С. 291, № 37; Потин, 1967. С. 141, № 195; Жилина, 2014а. С. 231, № 55; Медведева, 2016; Пахомов, 2020. С. 21, № 9).

В 2001 г. на поле между деревнями Горошково и Любоежа в южной части Поозерья собран клад серебряных изделий X–XI вв., представленный бусами, подвесками различных типов, обломками височных колец, перстнями, фрагментами шейных гривен. Монетная часть клада содержит 14 монет, чеканенных в VIII–X вв. (Торопов, 2009; 2014. С. 227, 228; Жилина, 2014а. С. 212–215, № 236).

Значительную часть денежно-вещевого клада 2014 г. составляют серебряные женские украшения: семь лунниц, шесть круглых полусферических подвесок (медальонов), две дисковидные подвески, две бусины, шейная гривна, подвеска “гнездовского типа”, а также четыре пуговицы.

Все определяемые лунницы относятся к ширококорым, они округлы, концы загнуты вовнутрь. Все экземпляры повреждены, по всей видимости, это произошло при изъятии клада, или можно предположить, что они были деформированы при распашке (рис. 2, 1). Четыре из них сохранились лишь в небольших фрагментах. Привески украшены различными сочетаниями напаянных полушарий и геометрических фигур из зерни – линейно-геометрический стиль, являющийся основным для древнерусских лунниц X в. (Жилина, 2005. С. 72, 76). Сверху у каждой лунницы присутствует цилиндрическое ушко для подвешивания, украшенное треугольниками и ромбами из зерни.

Описанные экземпляры близки к лунницам Гнездовских кладов 1867, 1870, 1885, 1993, 2001 гг. (Сизов, 1902. Табл. IV, 6; Гушин, 1936. Табл. IV, 3, 5, 8, 10, 11; Корзухина, 1954. Табл. VIII, 32, 34; Пушкина, 1996. С. 175, 176. Рис. 2; Авдусина, 2014. С. 98. Рис. 2, 1, 2). В комплексе, найденном между деревнями Горошково и Любоежа в Поозерье, также присутствуют пять лунниц. Все они украшены рядами зерни, образующими треугольники (Торопов, 2014. С. 227. Рис. 2).

В кладе 2014 г. представлены шесть круглых выпуклых полусферических подвесок (медальонов), идентичных друг другу (рис. 2, 2). Как и лунницы, они украшены в линейно-геометрическом стиле, имеют цилиндрическое ушко для подвешивания, украшенное зернью в виде двух ромбов и двумя параллельными рядами зерни по краям. В центре подвесок расположен выступ в виде полушария, обрамленный тремя кольцами из зерни и тонкой проволокой. Само полушарие также украшено семью шариками. На остальной части подвески орнамент образует четыре треугольника из зерни, которые разделяют параллельные двойные зерновые полосы. Всю композицию по краю подвески окружает еще одно кольцо зерни.

Полусферические подвески, как и лунницы, являются общеславянскими украшениями (Жилина, 2005. С. 67). Подвески с практически аналогичным орнаментом присутствуют в Гнездовском

комплексе 1993 г. (Пушкина, 1996. С. 178. Рис. 3, 1–3), кладах, обнаруженных у Елецкого монастыря близ Чернигова и д. Скадино в районе г. Остров (Рыбаков, 1949. С. 53. Рис. 23; Корзухина, 1954. С. 100. Табл. XXV, 12, № 53). На территории Древней Руси наиболее ранние находки полусферических подвесок, датируемых серединой X – началом XI в., происходят из Екимавского городища, Киева и Гнездова (Рябцева, 2005. С. 122).

Из клада 2014 г. происходят две дисковидные подвески, украшенные в завитковом стиле (рис. 2, 3). Одна из них декорирована четырьмя волютами, выполненными в технике филигрании, а также крупными гранулами зерни. По краям подвеска оконтурена двойной сканной проволокой. Оригинальное крепление подвески не сохранилось и было заменено приклепанным пластинчатым ушком с продольными валиками. Вторая подвеска значительно обломана по верхнему и правому краям, крепление также утрачено. Она была украшена пятью завитками из штампованной филигранной проволоки, из которых сохранились только четыре. Одиночные крупные гранулы зерни опоясаны проволокой. По краям подвеска также обведена двойной линией.

Подобные украшения имеют скандинавское происхождение и весьма редки на территории Древней Руси, где они датируются X – первой половиной XI в. Семь таких подвесок происходят из Гнездовского клада 1867 г., две подвески – из Гнездовского клада 1993 г. Известны они среди находок Владимирских курганов (Спицын, 1905. С. 115, 141. Рис. 167, 172–175; Гушин, 1936. Табл. IV, 19–23, 25; Пушкина, 1996. С. 178. Рис. IV, 3, 4). В Новгородской земле они представлены одним фрагментом подвески с четырьмя волютами в составе клада 2001 г. из Поозерья, несколькими экземплярами из кургана № 27 могильника Которск III, одной подвеской в составе украшения из погребения № 18 могильника у с. Дрегли (Торопов, 2014. С. 236. Рис. 6, 2). В Новгороде дисковидная подвеска с волютами выявлена в грунтовом погребении № 2 могильника, открытого на улице Обороны. Некрополь датируется первой половиной XI в. (Исаев, Гайдуков, Олейников, 2018. С. 126. Рис. 7, 1). В Скандинавии дисковидные подвески выявлены в ряде кладов, погребениях Бирки (Stensberger, 1958. Abb. 19, 6–10; Жилина, Макарова, 2008. С. 138. Рис. 14, 2, 3).

Литая круглая подвеска “гнездовского типа” изготовлена из серебра с позолотой, выполнена в стиле Борре (рис. 2, 4). На ней изображен зверь с изогнутым туловищем, развернутым в фас и четко выраженными четырьмя лапами. Голова зверя вынесена на ушко подвески, она изображена в виде антропоморфной маски. Ободок в верхней части прерывается двумя лапами, а в нижней –

Рис. 2. Серебряные украшения и детали одежды. 1 – лунницы; 2 – полусферические подвески; 3 – дисковидные подвески; 4 – привеска “гнездовского типа”; 5, 6 – бусины; 7 – пуговицы.

Fig. 2. Silver jewellery and garment details. 1 – lunular pendants; 2 – hemispherical pendants; 3 – disc-shaped pendants; 4 – Gnezdovo type pendant; 5, 6 – beads; 7 – buttons

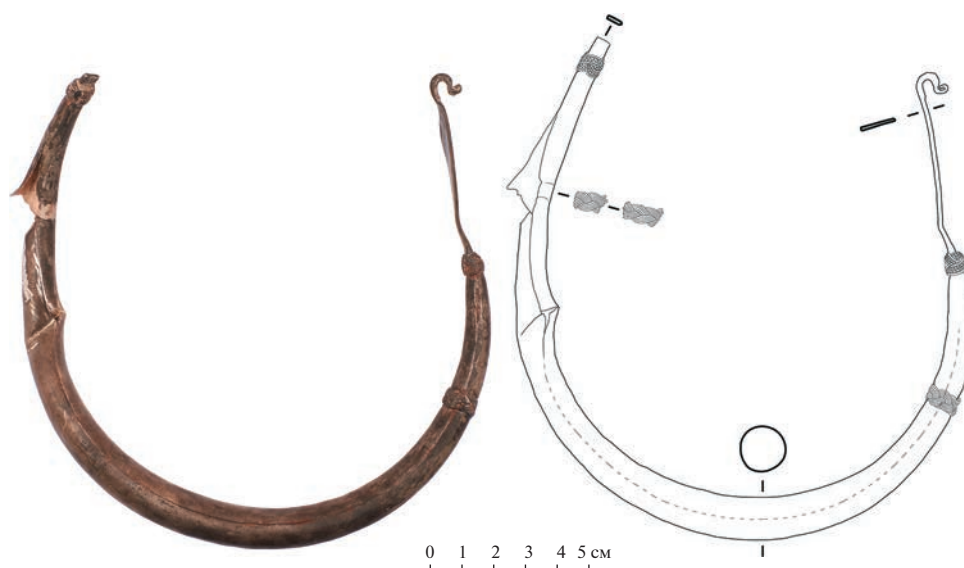

Рис. 3. Серебряная шейная гривна.

Fig. 3. Silver neck ring

четырьмя рельефными выступами. Туловище и ободок оформлены поперечной штриховкой.

Типологию подвесок “гнездовского типа” на широком древнерусском материале разработала А.С. Деметьева. В ее сводке отмечен фрагмент литейной формы с Рюрикова городища, а также еще две подвески из Новгорода — одна является случайной находкой, другая — найдена на Ильинском раскопе (Деметьева, 2007. С. 24, 233, 240. Рис. 1, 5; 9, 3; 10, 7; 12, 6, № 5, 76, 100). С.Е. Торопов ввел в научный оборот данные об еще 13 предметах из Приильмения: 8 из них принадлежат кладу, выявленному в Поозерье, а 7 серебряных позолоченных подвесок этого комплекса идентичны по размеру и характеру изображения (2014. С. 231. Рис. 5, 2–7). Они наиболее близки рассматриваемому экземпляру из клада 2014 г. Впрочем, их только отличают более подробный рисунок туловища, иное оформление ободка и меньшее количество выступов. По классификации А.С. Деметьевой подобные подвески относятся к типу А IV (2007. С. 214, 229, 230. Рис. 3, 6, 7; Табл. 2).

В состав клада 2014 г. входят также две серебряные бусины. Одну из них в центре опоясывает завязанный узлом двойной обруч (ободок), сверху и снизу обрамленный рядами зерни. По сторонам от ободка бусина украшена двумя рядами треугольников из зерни, направленных вершинами к краям. Канал бусины с двух сторон также украшен кольцами зерни (рис. 2, 5). Подобные бусины представлены в Гнездовских кладах 1867, 2001 гг. и комплексе из Поозерья 2001 г. (Гущин,

1936. С. 54. Табл. II; Авдусина, 2014. С. 99. Рис. 3, 4; Торопов, 2014. С. 227. Рис. 2).

Следующая бусина овально-коническая в сечении украшена в весьма редком завитковом стиле (рис. 2, 6). На ее верхнюю и нижнюю части в районе каналов нанесено по семь накладных спиралей из скани, что более характерно для бусин XI в. (Жилина, 2010. С. 158. Рис. 90). Остальное ее пространство орнаментировано завитками (волютообразными фигурами). В центре каждого завитка помещена крупная гранула. Семь бусин, украшенных завитками, представлены в Гнездовском кладах 1867 г. (Гущин, 1936. С. 54. Табл. II). Аналогии им также есть в Скандинавии: в Швеции из Карлеви, Стора Рик, кладах из Вальбо и Варби (Stensberger, 1958. Abb. 12, 2). По мнению Н.В. Жилиной, такие бусы не имеют дальнейшего типологического продолжения в последующем древнерусском материале (2003–2004. С. 58, 102). Точных аналогий бусине из клада 2014 г. не выявлено.

В комплексе 2014 г. также представлены четыре сферические пуговицы с проволочным ушком, спаянные из двух полусфер (рис. 2, 7). Нижняя часть пуговиц оканчивается пирамидкой зерни из четырех шариков. Тисненные шарообразные пуговицы присутствуют в Гнездовском кладах 2001 г., Белогостицком клада (Рябцева, 2005. С. 129. Рис. 48, 15; Авдусина, 2014. С. 99. Рис. 3, 6). Пуговицы, аналогично украшенные пирамидкой зерни, выявлены в погребениях могильника Удрай II (Рябцева, 2005. С. 129. Рис. 48, 14). Вероятно, фрагменты подобных пуговиц с такими гроздевидными окончаниями присутствуют в комплексе

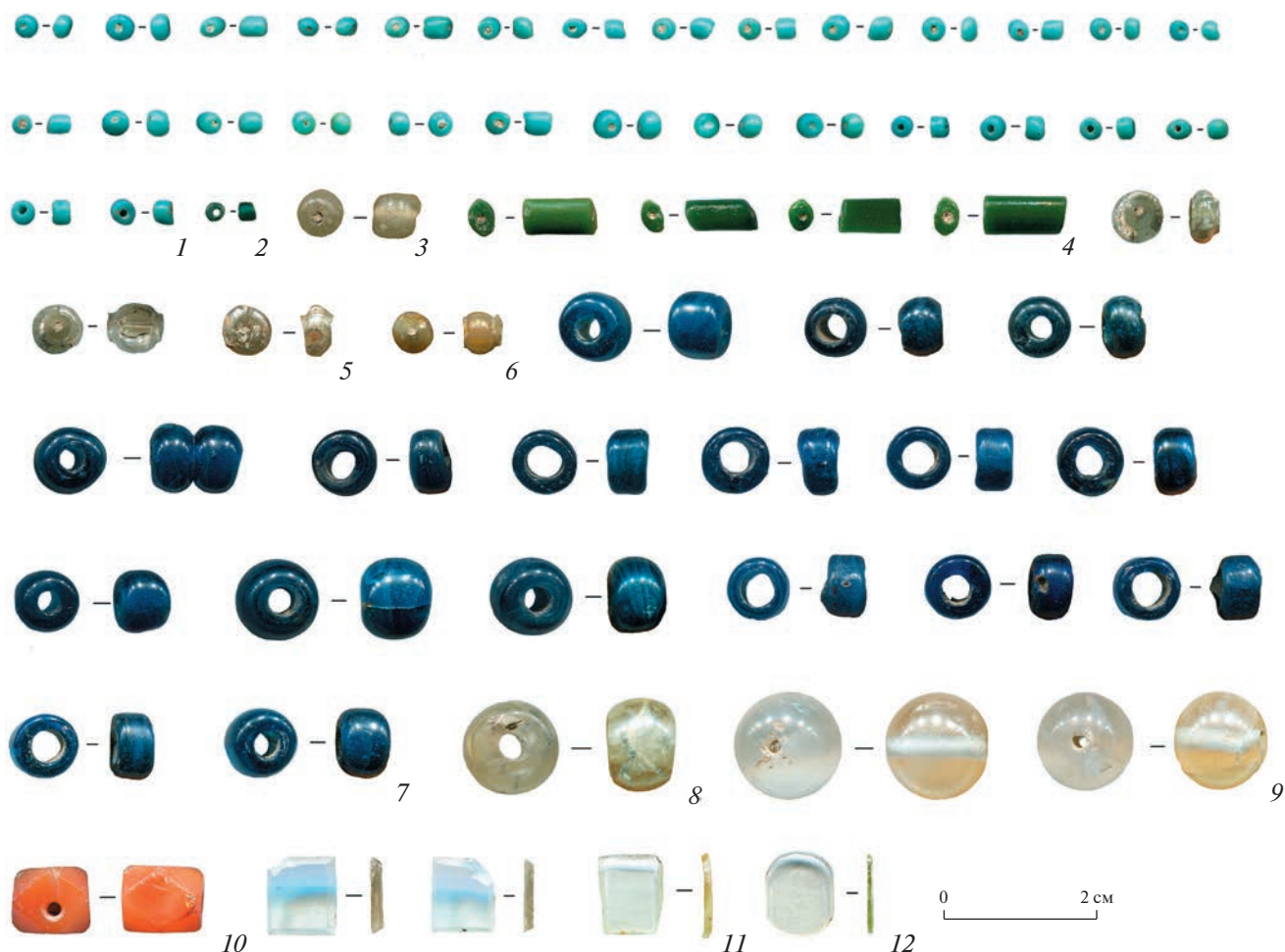

Рис. 4. Бусы, бисер и вставки/накладки. 1–6 – бусы из тянутой трубочки; 7, 8 – навитые бусы; 9 – шарообразная бусина; 10–14-гранная бусина; 11, 12 – вставки / накладки. 1–8, 11, 12 – стекло; 9 – горный хрусталь; 10 – сердолик.

Fig. 4. Beads, marbles and inserts / applique. 1–6 – beads from a drawn tube; 7, 8 – wound beads; 9 – a spherical bead; 10–14-faceted bead; 11, 12 – inserts / applique. 1–8, 11–12 – glass; 9 – rock crystal; 10 – carnelian

предметов из урочища Собачьи Горбы, выявленном в 2002 г. (Торопов, 2014. С. 230. Рис. 4, 6–9).

Гривна клада 2014 г. является пластинчатой, полый, утолщающейся к середине, с четырьмя перевитиями в виде плетенки, состоящей из двух лент (рис. 3). Два из них расположены в центральной части обруча, их ленты оформлены в виде четырех полос. Остальные перевития находятся в верхней части гривны, в месте перехода полый области к стержням замка. Их ленты не разделены на полосы, а украшены двумя линиями овальных гранул.

Охарактеризовать замок гривны затруднительно, так как в древности она получила повреждения – был обломан один из концов, на котором, вероятно, должна была находиться петля. На другом конце сохранился крючок на плоском стержне. При выемке клада гривна пострадала еще значительно, получив разрывы и деформации обру-

ча и частично утратив одно из перевитий. Гривны данного типа более характерны для XI в. (Корзухина, 1954. С. 25; Жилина, 2014а. С. 27. Рис. 114, 23). При этом пока не выявлено шейных обручей, украшенных подобным образом. Оформление перевитий (особенно центральных) аналогично плетеному орнаменту в деревянной резьбе ряда бытовых изделий из Новгорода, датирующихся второй половиной X в. Подобный декор сформирован под влиянием скандинавской художественной традиции (Жилина, 2014б. С. 292. Рис. 7).

Коллекция стеклянных предметов клада насчитывает 61 изделие. К ним можно добавить 14-гранную бусину из сердолика (рис. 4, 10) и два экземпляра шарообразных бус из горного хрусталя (рис. 4, 9). Стеклянные предметы принадлежат двум категориям: бусам (57 экз.) и накладкам или вставкам (4 экз.). Наибольшую группу представляют бусы, изготовленные из тянутой трубочки –

рубленный бисер бирюзового непрозрачного стекла (29 экз.), зеленого прозрачного (1 экз.) и бесцветного стекла (1 экз.; рис. 4, 1–3); так называемые бусы-трубочки зеленого непрозрачного стекла (4 экз.; рис. 4, 4), три серебростеклянные лимонки (рис. 4, 5), а также экземпляр лимонки, на котором верхний слой защитного стекла и фольга не сохранились (рис. 4, 6). Другая группа представлена серийно навитыми синими (кобальтовыми) бусами — 17 экз. (рис. 4, 7), а также 1 зонной бусиной бесцветного прозрачного стекла (рис. 4, 8). Все перечисленные бусы широко встречаются на территории Древней Руси и представляют синхронный типологический набор (Щапова, 1956; Львова, 1968; Доброва, 2018).

Сложнее обстоит дело с интерпретацией стеклянных вставок/накладок. Представлены они усеченно-пирамидальными, подпрямоугольными пластинами (3 экз.) и прямоугольной со скругленными углами (1 экз.) пластиной, изготовленными из бесцветного стекла (рис. 4, 11, 12). Края тщательно зашлифованы. Сами изделия плоские, толщиной 1–1.5 мм. Изготовлены из фрагментов стеклянных сосудов. Однозначной интерпретации их назначения у нас нет. Очень похоже по морфологии изделия, но из сиреневого стекла, известны в Гнездовском кладе 2007 г., где они выполняют роль вставок в гнезда перстней (Пушкина, 2009. С. 530–532. Рис. 2, 3, 4)². Гнездовский клад 2007 г. датирован Т.А. Пушкиной второй половиной X в., ближе к концу столетия.

Другой вариант интерпретации указанных предметов — накладки на одежду или какое-то изделие. В пользу этой версии говорит довольно обширная группа рубленого бисера, что, возможно, свидетельствует о его назначении либо в качестве декоративного элемента при вышивке, и тогда он мог сочетаться со стеклянными накладками. Либо наряду с другими бусами, изготовленными из тянутой трубочки, рубленный бисер составлял второе ожерелье. Его использование вместе с навитыми бусами синего стекла неизбежно влекло бы попадание бисера в канал отверстий последних (диаметр рубленого бисера — 3 мм, диаметр канала навитых синих бус — 3–5 мм). При этом нельзя не отметить, что большинство накладок на одежду изготовлено из цветного стекла, и их края, как правило, не подвергались тщательной шлифовке. Находки накладок известны по материалам Киева (камерное погребение № 49), Гнездова (камерное погребение Оль-30) и Пскова (камерное погребение № 7) и Рюрикова городища (Ивакин, 2005. С. 288, 289; Ениосова, Пушкина, 2012. С. 58–60; Френкель, 2016. С. 448, 457, 458). Погребение Оль-30 датируется Т.А. Пушкиной и

Н.В. Ениосовой второй половиной X в., к этому же времени Г.Ю. Ивакин относил погребение в Киеве. Однако Я.В. Френкель предложил для него более узкую датировку — в рамках последней четверти X в., этим же временем он датировал и находки из Пскова.

Клад содержит набор из восьми железных бочонковидных (сферических) гирек с оболочкой из медного сплава (рис. 5). На четырех из них фрагментарно сохранилась круговая орнаментация, нанесенная по периметру плоских граней.

Сферические гирьки входят в состав Гнездовских кладов 1993 и 2001 гг., Брилевского комплекса конца IX в., Подборовского рубежа X–XI вв. В Новгороде они представлены в I Неревском кладе, датированном 70-ми годами X в., а также в кошельке, найденном в южной части Новгородского детинца вместе со складными весами в слоях первой половины XI в. (Жуковский, 2013. С. 103; Пахомов, 2020. С. 23, 25, № 15; 20).

Поясной набор состоит из пряжки, трех наколочников ремня и 22 бляшек сердцевидной формы. Бляшки принадлежат к двум основным вариантам, отличающимся как в деталях, так и общим абрисом. Более узкие и “острые” (с острым окончанием) составляют первый вариант, представленный 5 бляшками. Более широкие и “тупые” могут быть включены во второй вариант, к которому отнесены 17 бляшек, причем у 1 из них есть прямоугольная металлическая рамка.

У узких бляшек первого варианта декор следующий: по контуру каплевидного, несколько выпуклого щитка проходит полоска обрамления, состоящая из двух ограничивающих ее валиков и заключенной между ними последовательности округлых бугорков или гранул, напоминающих жемчужную обнизь или скань (рис. 6, 5). Поле щитка занято сложной выпуклой фигурой, состоящей из криновидной фигуры, направленной к заострению, и соединенных с нею двух завитков, которые можно рассматривать как основания крина. Общая фигура крина и завитков обрамлена валиком, который образует между завитками своеобразный “побег” с перехватом. От соединения крина с завитками к внешним “плечам” бляшек отходят два энергичных побега. В уплощенной части под завитками расположено выпуклое и широкое поле с рамкой, имеющей килевидное завершение, с двумя завитками по краям и побегом внутри, очень напоминающим крест.

Бляшки второго варианта имеют схожий декор с двумя особенностями: крин в килевидной части у них более широкий и имеет своеобразные “листья” по сторонам, а завитки в килевидной рамке закручиваются у них с другой стороны и в другие стороны (рис. 6, 6). Отметим, что и в первом, и во втором вариантах на позолоченных серебряных поверхностях выделяются участки черни: чернь

² По консультации Н.В. Ениосовой, вставки все же не сиреневого, как отмечено в публикации Т.А. Пушкиной, а бесцветного стекла.

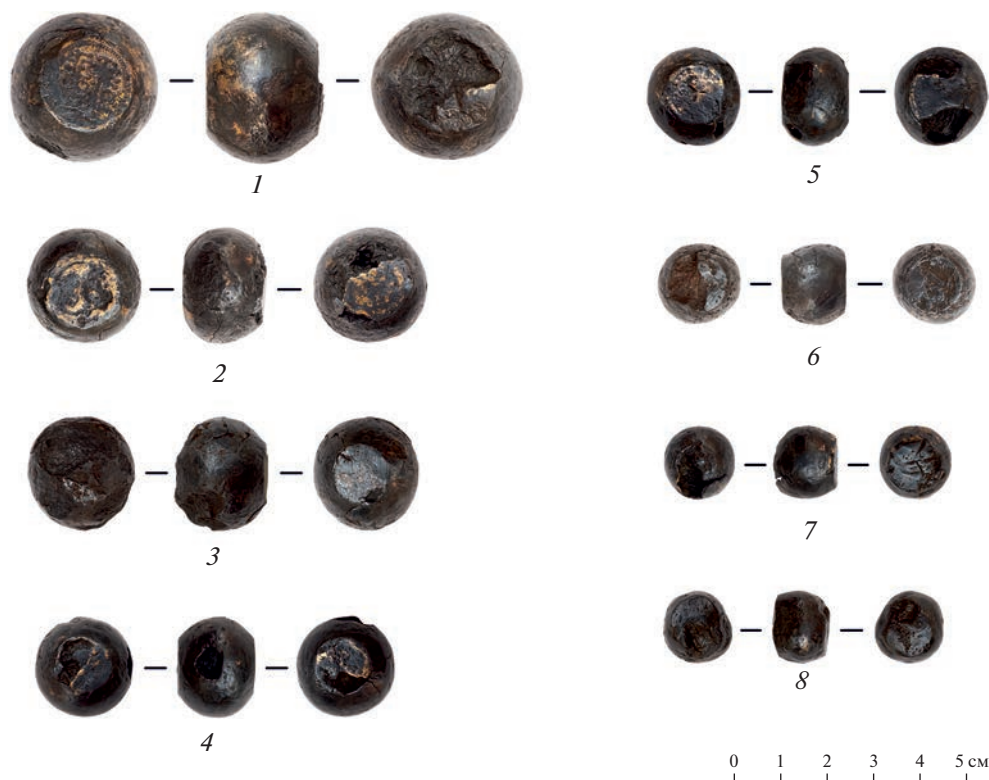

Рис. 5. Гири (железо, медный сплав). 1—85.39 г; 2—32.09; 3—30.69; 4—25.31; 5—18.58; 6—10.78; 7—8.08; 8—4.59 г.

Fig. 5. Weights (iron, copper alloy). 1—85.39 g; 2—32.09 g; 3—30.69 g; 4—25.31 g; 5—18.58 g; 6—10.78 g; 7—8.08 g; 8—4.59 g

украшает среднюю часть поверхности центрального крина и двух его боковых побегов, а также поверхность килевидного поля с крестовидными кринами.

Имеются также три наконечника ремня: две схожих, как будто заостренных (треугольником) узких пластины разной длины с окончанием в виде ласточкиного хвоста (рис. 6, 2, 3), а также более сложная и широкая пластина с ланцетовидным окончанием.

Наконечники с окончанием в виде ласточкиного хвоста украшены следующим образом: более длинный по периметру украшен гранулами с ободками, тогда как у меньшего на острие этих гранул нет. У меньшего наконечника поле занимает сложный криновидный орнамент, нанизанный на продольную ось, тогда как у большего наконечника на фоне выделяется ось или перегородка, по сторонам которой расположены отдельные завитки. Поле и в том, и в другом случае заполнено чернью.

Более крупный наконечник с ланцетовидным окончанием выделяется богатством и сложностью обработки поверхности (рис. 6, 4). Он украшен так, как будто он был составлен из двух схожих, но все же различающихся в деталях “каплевидных” или сердцевидных бляшек, сросшихся в

единое целое по продольной оси. Декор этих бляшек внутри наконечника состоит из пояса гранул, середину занимают сложноразветвленные побеги с небольшими острыми кринами в завершении, состоящими из трех листков. В основании каждой из двух составных частей находится площадка с крестовидным крином. В боковых промежутках между изображенными бляшками присутствуют дополнительные крины, а в ланцетовидном окончании декор из гранул удвоен, так что получается двойной пояс. Серединные полоски кринов, поле площадок в их основании, а также поля боковых кринов заполнены чернью.

К тому же кругу вещей с криновидным узором принадлежит и пряжка ремня (рис. 6, 1). Ее основание составляет подобие бляшки с заостренным “тыльным” окончанием, к этому основанию на шарнире приделана собственно дуга пряжки и ее язычок с уплощенным расширяющимся окончанием. Основания язычка и дуги имеют рифленый профиль, а дуга сердцевидной формы сверху украшена точечным узором между двух ободков.

На теле основания пряжки две полосы черни с точечным узором сходятся к окончанию, украшенному отдельным стилизованным крином, основанном на двух завитковых отростках, под-

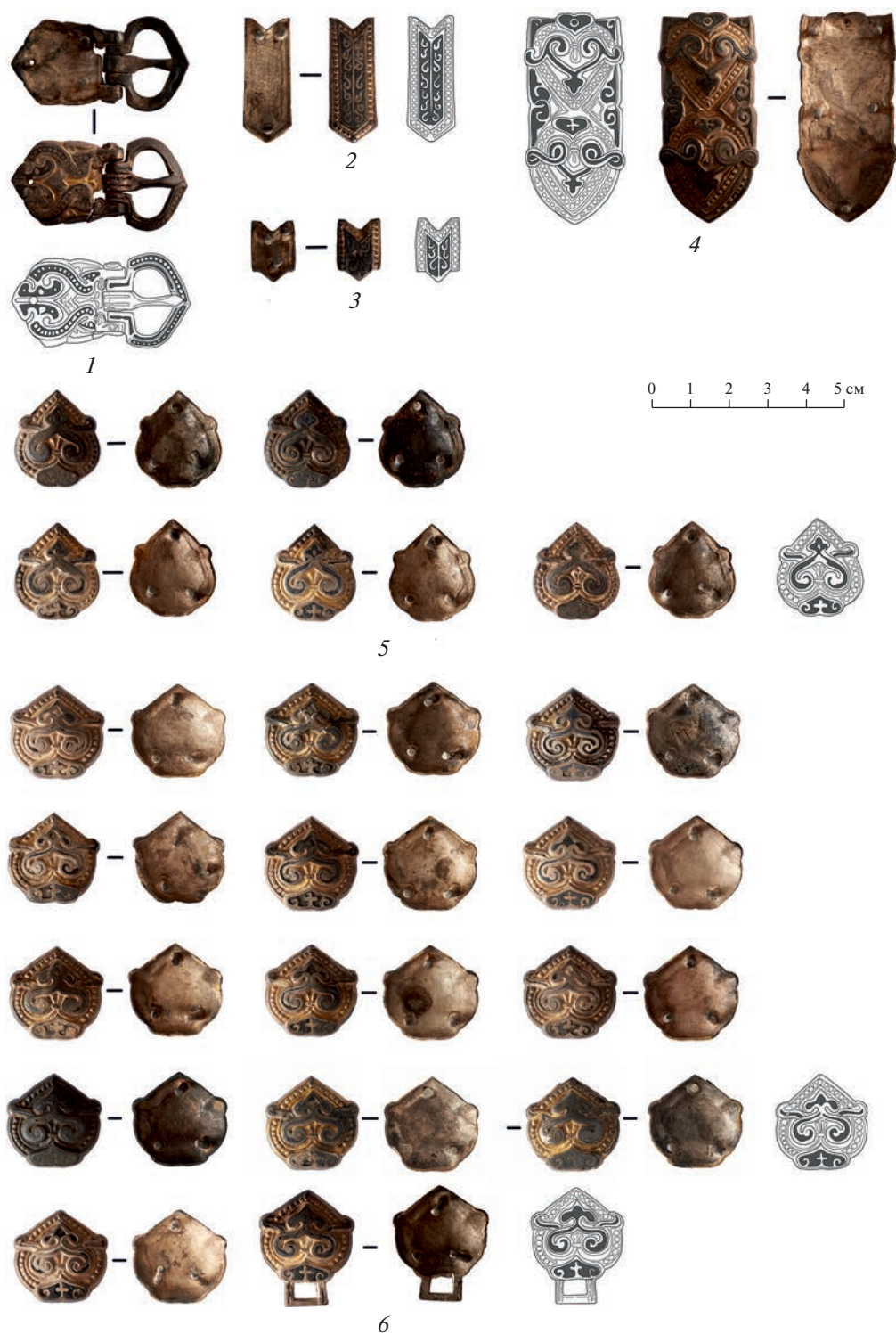

Рис. 6. Детали поясного набора (серебро, позолота, чернь). 1 — пряжка; 2–4 — наконечники ремня; 5 — ременные бляшки первого варианта; 6 — ременные бляшки второго варианта.

Fig. 6. Details of the belt set (silver, gilding, niello). 1 — buckle; 2–4 — belt tips; 5 — belt plaques of the first variant; 6 — belt plaques of the second variant

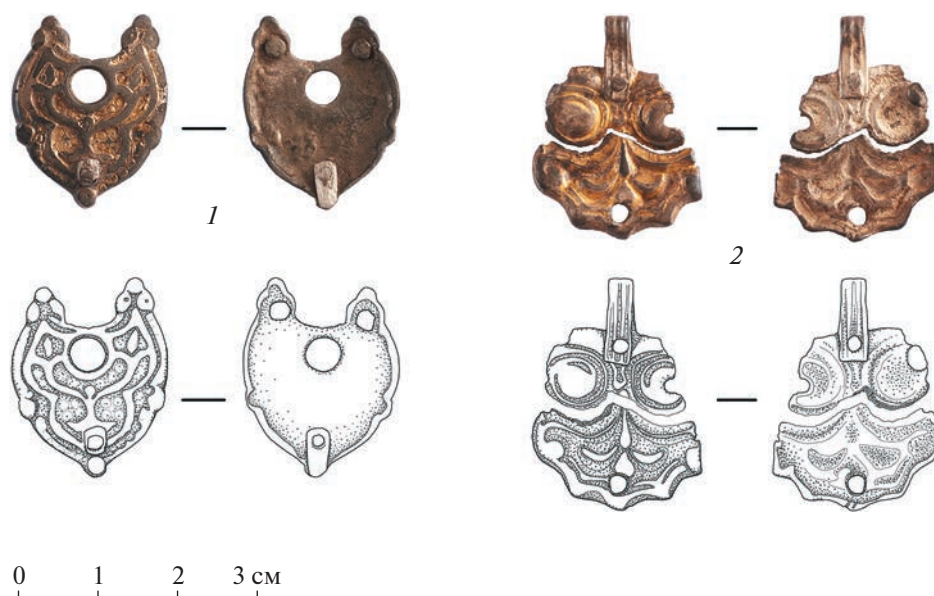

Рис. 7. Накладки, превращенные в подвески (серебро, позолота).
Fig. 7. Applique turned into pendants (silver, gilding)

кладкой этого узора служит золоченый фон с килевидной “арочкой”.

На краях практически всех элементов поясного набора можно увидеть расслоения, которые показывают, что верхний слой металла отличается от основы по составу.

Г.Ф. Корзухина обращала внимание на малое количество поясных наборов в древнерусскихкладах. По ее сводке ременные накладки были найдены лишь в шести комплексах, из них ко второй половине X — XI в. относятся только два: Шпилевский клад, от которого сохранилось всего три бляшки и клад у Елецкого монастыря под Черниговым (Корзухина, 1954. С. 59, № 19, 35; Даркевич, 1976. С. 54. Табл. 39, 2, 3).

В состав Елецкого комплекса входили 57 литых серебряных позолоченных бляшек и в том числе ременные наконечники. Б.А. Рыбаков датировал его началом XI в. (1949. С. 53, 54. Рис. 21, 22). В.В. Мурашева определяет его к “южному” центру производства ременной гарнитуры и относит к кочевническому кругу древностей XI в. (2000. С. 93). По уровню мастерства ременные украшения из Елецкого монастыря вполне можно соотнести с деталями поясного набора из клада 2014 г. В эту линию можно добавить и два наборных пояса из Саркела. Их бляшки покрыты позолотой и украшены чернью (Макарова, Плетнева, 1983. С. 67. Рис. 3).

Черневые наборные пояса характерны для юга Восточной Европы, территориально они были распространены от Болгарии до Предуралья, но в основном встречаются в огузских и печенежских

захоронениях. Отмечены они и в погребениях дунайских болгар и финно-угров Поволжья.

Аналогии указывают на принадлежность наборного пояса клада 2014 г. к огузско-печенежскому кругу древностей. Отметим, что в комплексе 2001 г. из Поозерья выделены бляшки, декор которых также позволяет отнести их к кочевническому кругу древностей (Комар, 2018. С. 210. Рис. 77, 34). С определенной осторожностью можно говорить о влиянии византийской культуры на художественную стилистику и орнаментику поясного набора из публикуемого клада.

К иной манере относятся две накладки, переделанные позднее в подвески: одна из них имеет форму кокошника с вогнутым основанием и круглым отверстием около него, тогда как другая похожа на древесный лист с выступами. Накладка украшена побегами, в целом образующими криновидный узор, имитирующий тот, что мы видим на накладках ременного набора (рис. 7, 1).

Листовидная накладка имеет рельефный узор, исходящий от двух выступающих “глазков” и образующий завитки и валики по краям. Пластинчатое ушко с продольным валиком на заклепке (рис. 7, 2). По форме оно совпадает с ушками, приделанными к монетам и одной из дисковидных привесок рассматриваемого клада.

Судя по декору, эти изделия также происходят из кочевнического мира, вероятно, того же огузско-печенежского круга. Превращенные в подвески ременные бляшки южного происхождения фиксируются в древнерусских курганах и Бирке (Комар, 2018. С. 162, 203).

Рис. 8. Монеты. 1–3 – Византия, Константин VII и Роман II, Константинополь, 945–959 гг. (2.82; 2.67; 0.64 г соответственно); 4 – Саманиды, Ахмад б. Исма'ил, аш-Шаш, 296 г.х. (908/909 г.) (2.47 г); 5 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Фарван, 315 или 316 или 318 г.х. (927/928 или 928/929 или 930/931 г.) (3.14 г); 6 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Балх, 324 г.х. (935/936 г.) (3.2 г); 7 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Нисабур, 324 г.х. (935/936 г.) (1.75 г); 8 – Саманиды, Нух б. Наср, аш-Шаш, 33(5?) г.х. (946/947(?) г.) (2.13 г); 9 – Саманиды, Нух б. Наср, Бухара, 340 г.х. (951/952 г.) (2.63 г); 10 – Саманиды, Мансур б. Нух, Бухара, 357 г.х. (967/968 г.) (2.31 г); 11 – Саманиды, Мансур б. Нух, не ранее 363 г.х. (973/974 г.), большой дирхам (8.02 г); 12 – Саманиды, Мансур б. Нух, выпускные сведения утрачены, по штемпелям – Амул, 357 г.х. (967/968 г.) (0.53 г); 13 – Саманиды, выпускные сведения утрачены, X в. (1.18 г); 14, 15 – подражания дирхамам Насра б. Ахмада с птичьими (соколиными) головками, 940 – 950-е годы (2.92, 2.38 г соответственно).

Fig. 8. Coins. 1–3 – Byzantium, Constantine VII and Romanos II, Constantinople, 945–959 (2.82; 0.64 g, respectively); 4 – Samanids, Ahmad b. Isma'il, al-Shash, 296 AH (908/909) (2.47 g); 5 – Samanids, Nasr b. Ahmad, Farwan, 315 or 316 or 318 AH (927/928 or 928/929 or 930/931) (3.14 g); 6 – Samanids, Nasr b. Ahmad, Balkh, 324 AH (935/936) (3.2 g); 7 – Samanids, Nasr b. Ahmad, Naysabur, 324 AH (935/936) (1.75 g); 8 – Samanids, Nuh b. Nasr, al-Shash, 33(5?) AH (946/947(?) g.) (2.13 g); 9 – Samanids, Nuh b. Nasr, Bukhara, 340 AH. (951/952) (2.63 g); 10 – Samanids, Mansur b. Nuh, Bukhara, 357 AH (967/968) (2.31 g); 11 – Samanids, Mansur b. Nuh, not earlier than 363 AH (973/974), multiple dirham (8.02 g); 12 – Samanids, Mansur b. Nuh, the coinage information is lost, according to the dies – Amul, 357 AH (967/968) (0.53 g); 13 – Samanids, mint and date lost, 10th century (1.18 g); 14, 15 – imitations of the dirhams of Nasr b. Ahmad with bird (falcon) heads, 940–950s (2.92, 2.38 g respectively)

Монетная часть клада представлена 3 милиарисиями Византийской империи (2 целых, 1 фрагмент) (рис. 8, 1–3); 10 дирхамами Саманидов (7 целых, 1 обрезан по периметру, 2 фрагмента) (рис. 8, 4–13); 2 подражаниями куфическим монетам (1 целое, 1 фрагментировано) (рис. 8, 14, 15) и 12 неопределенными мелкими частями дирхамов, многие из которых имеют запатинированные обломанные края, что может свидетельствовать о частичном повреждении монет еще до изъятия клада.

Милиарисии отчеканены в Константинополе при Константине VII Порфирогенете и Романе II в 945–959 гг. (Grierson, 1973. P. 537, 557, 558, № 21. Pl. XXXVII, 21.1). Все они имеют обломанные затертые пластинчатые ушки, прикрепленные заклепками (рис. 8, 1–3).

Распределение дирхамов Саманидов по амирам: Ахмад б. Исма‘ил — 1, Наср б. Ахмад — 3, Нух б. Наср — 2, Мансур б. Нух — 3, не установлен — 1 экз. Места чеканки: Амул — 1, Балх — 1, Бухара — 2, Нисабур — 1, Фарван — 1, аш-Шаш — 2, не установлено — 2 экз. 2 монеты имеют прикрепленные с помощью заклепок пластинчатые рельефные ушки с продольными валиками (рис. 8, 6, 9). Еще у 1 ушко гладкое с заостренными концами (рис. 8, 11). На 2 дирхамах ушки не сохранились, однако присутствуют следы их крепления в виде просверленных отверстий с придавленными закраинами (рис. 8, 5, 7).

Старшая монета клада — Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, аш-Шаш, 296 г.х. (908/909 г.) (Тизенгаузен, 1853. С. 121, вариант 1) (рис. 8, 4). Младшая — Саманиды, Мансур б. Нух, не ранее 363 г.х. (973/974 г.), большой дирхам (дирхам с широким полем) с нечитаемыми выпускными сведениями (рис. 8, 11).

Среди неопределенных мелких фрагментов присутствуют части еще двух больших дирхамов. Поскольку считается, что чеканка подобных экземпляров началась не ранее середины 970-х годов (Album, 2011. P. 152, 154), то с учетом династической и хронологической характеристик, время формирования клада по его монетной составляющей может быть отнесено к периоду последней четверти X — начала XI в.

Наиболее примечательной частью монетной выборки комплекса являются два подражания саманидским дирхамам Насра б. Ахмада с птичьими (соколиными) головками, увенчанными крестом, в поле лицевой стороны (рис. 8, 14, 15). Оба они принадлежат к типу FM/BC I по классификации Г. Рисплинга, и отнесены им к группе “христианских” подражаний (Rispling, 1987. P. 76–85). Всего выделено три типа подобных монет, из которых первый является самым многочисленным. Однако говоря об этом, следует в то

же время понимать, что все указанные подражания очень редки, и экземпляров типа I известно немногим более десятка (Rispling, 1987. P. 77; Рисплинг, 2015. С. 77).

Необходимо отметить и то обстоятельство, что в одном комплексе оказались сразу два подражания с птичьими головками. Для находок на территории Древней Руси это беспрецедентно, обычно рассматриваемые монеты встречаются поодиночке. Еще два подобных экземпляра зафиксированы в польском кладе Дзержница II, сформировавшемся в 980-е годы, однако там они представлены небольшими фрагментами (Frühmittelalterliche Münzfunde aus Polen, 2017. S. 155, № 4252, 4253).

Принято считать, что датировка рассматриваемых подражаний приходится на 940–950-е годы. Однако вопрос о месте их чеканки окончательно еще не решен и продолжает оставаться дискуссионным. Несмотря на скандинавское происхождение большинства экземпляров, исследователи, руководствуясь монетной стилистикой и историко-культурным контекстом, предлагают связывать их выпуск с Древней Русью или Волжской Булгарией (Кулешов, 2015. С. 26, 28–31; Рисплинг, 2015. С. 78, 79; Rispling, 1987. P. 83–85).

Хронологически и территориально ближайшей аналогией монетной части публикуемого клада можно считать выборку из комплекса, найденного в Поозерье у деревень Горошково и Любоежа. Помимо украшений и бытовых предметов в кладе содержалось 14 серебряных монет (все, кроме одной, с ушками), половину из которых составляли саманидские дирхамы, в том числе и большие, в частности с именем Мансура б. Нуха, аналогично маркировавшие младшую часть выборки. Кроме того, присутствовали по одной монете Умайадов и Аббасидов и два подражания брактеата. Монет с птицами не было, однако вместо них примечательной составляющей оказались три джигала правителей Охинда второй половины VIII — X в. (Торопов, 2014. С. 227–229).

Денежно-вещевой клад из окрестностей деревни Старая Мельница по составу украшений наиболее близок Гнездовским комплексам. В Новгородской округе определенные аналогии можно отметить в кладе из Поозерья, неоднократно упоминавшемся выше. Публикуемый комплекс также ярко демонстрирует пеструю этнокультурную среду, сложившуюся в Приильменье к X в. Он содержит как типично славянские украшения, так и подвески скандинавского происхождения. Поясной набор свидетельствует о принадлежности его владельца к военно-административным кругам или княжескому окружению.

Сочетание в данном комплексе украшений, весовых гирек и поясного набора позволяет обозначить его исключительный характер, особенно

для Новгородской земли, где находки денежно-вещевых кладов более редки, чем в других регионах Древней Руси. Датировка его вещевой коллекции не противоречит дате монетной части — последняя четверть X — начало XI в. Отметим только, что некоторые типы украшений, представленные в кладе, более характерны для XI в.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН “Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье” (№ НИОКТР 122011200266-3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусина С.А.* Гнездовский клад 2001 года // Славяне и иные языки...: к юбилею Натальи Германовны Нedoшивиной / Отв. ред. Н.И. Астахова. М.: Гос. ист. музей, 2014 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 198). С. 98–115.
- Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 82 с.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока, VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Дементьева А.С.* “Подвески гнездовского типа” на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 211–271.
- Доброва О.П.* Стекланные бусы Гнездова по материалам раскопок Центрального городища // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С.Ю. Каинов. М.: Гос. ист. музей, 2018 (Тр. Гос. ист. музея; вып. 210). С. 102–126.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев; Судак: Горобец, 2012. С. 34–85.
- Жилина Н.В.* Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // *Stratum plus*. 2005. № 5 (2003–2004). С. 21–170.
- Жилина Н.В., Макарова Т.И.* Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН, 2008. 296 с.
- Жилина Н.В.* Зернь и скань в Древней Руси. М.: ИА РАН, 2010. 260 с.
- Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014а. 400 с.
- Жилина Н.В.* Древнерусское прикладное искусство в эпоху становления государственности // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев. М.: Вологда: Древности Севера, 2014б. С. 286–298.
- Жуковский М.О.* Наборы весовых гирек из древнерусских кладов IX–XI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто и памяти члена-корреспондента АН СССР А.П. Новосельцева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. С. 101–106.
- Ивакин Г.Ю.* Погребения X — первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхнего монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XV вв. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 285–304.
- Исаев А.А., Гайдуков П.Г., Олейников О.М.* Великий Новгород. Софийская сторона (ул. Обороны, д. 2) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25). С. 124–131.
- Комар А.В.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiado, 2018. 424 с.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.
- Кудрявцев А.А.* Отчет об археологических разведках на территории бывшего Николаевского Сутоцкого монастыря в д. Сутоки Новгородского района Новгородской области в 2018 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 59699. 2019.
- Кудрявцев А.А., Волхонский В.А.* Археологические разведки на месте бывшего Николаевского Сутоцкого монастыря в 2018 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 33. Материалы XXXIII научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.Л. Янина / Отв. ред. Е.А. Рыбина. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2020. С. 100–105.
- Кулешов Вяч.С.* Дирхам с изображением увенчанного крестом сокола (Rispling FM/BM II) в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв.: нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М.: Гос. ист. музей, 2015. С. 26–31.
- Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968. С. 64–94.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А.* Пояс знатного воина из Саркела // Советская археология. 1983. № 2. С. 62–77.
- Медведева М.В.* Клад из урочища Собачьи Горбы. К истории находки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2016. С. 290–297.
- Мурашева В.В.* Древнерусские ремесленные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* Новые раскопки поселений в северном Приильменье // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005 (Тр. ИИМК РАН; т. XVIII). С. 122–154.
- Пахомов Н.П.* Монетные клады Новгородской области. М.: ИА РАН, 2020. 124 с.

- Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IX. Л.: Советский художник, 1967. С. 106–188.
- Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М.: Археогр. центр, 1996. С. 171–186.
- Пушкина Т.А. Новые монетно-вещевыеклады из Гнездова // Великий Новгород и Средневековая Русь. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 525–532.
- Рислинг Г. О типологическом контексте и датировке нового типа подражаний с соколиной головкой (Rispling FM/BC III) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года: памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936 – 20.10.2015): материалы докладов и сообщений. М.: Гос. ист. музей, 2015. С. 77–79.
- Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 / Под ред. Н.Н. Воронина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 11). С. 7–93.
- Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН: Нестор-История, 2005. 384 с.
- Секретарь Л.А. Утраченные монастыри Шелонской пятины: Троицкий Видогощский, Николаевский Сутоцкий, Николаевский Струпинский // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 1999. С. 343–350.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902 (Материалы по археологии России; № 28). 136 с.
- Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 15. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1905. С. 84–172.
- Тизенгаузен В.Г. О саманидских монетах. СПб.: Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1853 (Записки императорского Археологического общества; т. VI, 1). 237 с.
- Торопов С.Е. Два уникальных комплекса древнерусских ювелирных украшений // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. 2008. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2009. С. 7–10.
- Торопов С.Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильмень: из коллекций Новгородского музея // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 225–252.
- Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Т. I. Л., 1926. С. 287–308.
- Френкель Я.В. Изделия из стекла и янтаря из камерных погребений Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2 / Отв. ред. И.К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 446–466.
- Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1 / Под ред. А. В. Арциховского и Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55). С. 164–179.
- Album S. Checklist of Islamic Coins. 3rd edition. Santa Rosa, 2011. 324 p.
- Frühmittelalterliche Münzfunde aus Polen. Inventar I. Grosspolen. Warszawa, 2017. 954 s.
- Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III, part II. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1973.
- Rispling G. Coins with Crosses and Bird Heads – Christian Imitations of Islamic Coins? // Fornvännen. Vol. 82. Stockholm, 1987. P. 75–87.
- Stensberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. 1. Stockholm; Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1958. 383 s.

THE HOARD OF COINS AND ARTEFACTS FROM THE VICINITY OF THE STARAYA MELNITSA VILLAGE NEAR NOVGOROD

Andrey A. Kudryavtsev^{a,*}, Andrey A. Gomzin^{a,##}, Petr G. Gaidukov^{b,###},
Olga P. Dobrova^{b,####}, Vyacheslav A. Volkhonsky^{c,#####}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^bPaleoethnology Research Center, Moscow, Russia

^cNovgorod Museum-Reserve, Veliky Novgorod, Russia

*E-mail: a-kudrvtsev@yandex.ru

##E-mail: gomzin_a@mail.ru

###E-mail: russianchange@yandex.ru

####E-mail: russa-dolya@mail.ru

#####E-mail: zvonar-a@mail.ru

The article features the characteristics of the coin and artefact hoard of the late 10th – early 11th century AD found in the vicinity of the village of Staraya Melnitsa near Novgorod in 2014. The place of its finding was examined in 2018. In 2021, the complex entered the funds of the Novgorod Museum-Reserve. The hoard consists of 153 items of various categories, including both typically Slavic jewellery and pendants of Scandinavian origin, as well as a belt set of Oghuz-Pecheneg origin, silver coins (dirhams and miliarensia), weights and glass objects (beads and inserts / overlays). This is only the third hoard of such significance in Novgorod Region. In its composition, it is most similar to the complex found near the villages of Goroshkovo and Lyuboezha in the Novgorod Poozerye (lake district), and to some of the Gnezdovo hoards. Nevertheless, a combination of a number of features (details of a belt set ornamented with gilding and niello, weights, two imitations of Samanid dirhams with bird (falcon) heads crowned with a cross) make it possible to claim its exceptional character for Rus.

Keywords: Novgorod, Novgorod vicinity, hoard of coins and artefacts, belt set, dirhams, imitations with bird heads, miliarensia.

REFERENCES

- Album S., 2011. Checklist of Islamic Coins. 3rd edition. Santa Rosa. 324 p.
- Avdusina S.A., 2014. The Gnezdovo hoard of 2001. *Slavyane i inye yazytsi...: k yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshiviny [Slavs and other tribes...: to the anniversary of Natalya Germanovna Nedoshivina]*. N.I. Astashova, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 98–115. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 198). (In Russ.)
- Darkevich V.P., 1976. Khudozhestvennyy metall Vostoka, VIII–XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii Evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya [Artistic metal of the Orient, 8th–13th centuries AD: small oriental metalwork objects in the territory of the USSR's European part and the Trans-Urals]. Moscow: Nauka. 199 p.
- Dement'eva A.S., 2007. "Pendants of the Gnezdovo type" on the territory of Rus in the 10th–12th centuries AD. *Gnezdovo. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy pamyatnika [Gnezdovo. The results of comprehensive studies of the site]*. V.V. Murasheva, ed. St. Petersburg: Al'faret, pp. 211–271. (In Russ.)
- Dobrova O.P., 2018. Gnezdovo glass beads based on excavations of the Central fortified settlement. *Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy i issledovaniya [Gnezdovo archaeological complex. Materials and research]*, I. S.Yu. Kainov, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 102–126. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 210). (In Russ.)
- Eniosova N.V., Pushkina T.A., 2012. Finds of Byzantine origin from the early city centre of Gnezdovo in the light of contacts between Rus and Constantinople in the 10th century AD. *Sugdeyskiy sbornik [Sugdean collection of papers]*, V. Kiev; Sudak: Gorobets, pp. 34–85. (In Russ.)
- Fasmer R.R., 1926. List of coin finds registered by the Numismatics and Glyptics Department of the Academy for the History of Material Culture in 1920–1925. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy for the History of Material Culture]*, I. Leningrad, pp. 287–308. (In Russ.)
- Frenkel' Ya.V., 2016. Objects of glass and amber from the chamber graves of the Starovozeneskiy necropolis: an experience of cultural and chronological attribution. *Drevnerusskiy nekropol' Pskova X – nachala XI veka [Old Rus necropolis of Pskov of the 10th – early 11th century AD]*, 2. I.K. Labutina, eds. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 446–466. (In Russ.)
- Frühmittelalterliche Münzfunde aus Polen. Inventar I. Grosspolen. Warszawa, 2017. 954 p.
- Grierson Ph., 1973. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, vol. III, part II. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks.
- Gushchin A.S., 1936. Pamyatniki khudozhestvennogo remesla Drevney Rusi X–XIII vv. [Monuments of the Rus artistic craft of the 10th–13th centuries AD]. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 82 p.
- Isaev A.A., Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., 2018. Veliky Novgorod. St. Sofia part (2, Oborony street). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 g. [Towns, settlements, burial grounds. Excavations in 2017]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 124–131. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25). (In Russ.)
- Ivakin G.Yu., 2005. Burials of the 10th – first half of the 11th century AD from the excavations in the St. Michael Golden-Domed Monastery (1997–1999). *Rus' v IX–XV vv. Vzaimodeystvie Severa i Yuga [Rus in the 9th–15th centuries AD. Interaction between North and South]*. N.A. Makarov, A.V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 285–304. (In Russ.)
- Komar A.V., 2018. Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii [History and archaeology of the ancient Magyars during the Migration period]. Budapest: Martin Opitz Kiado. 424 p.
- Korzukhina G.F., 1954. Russkie klady IX–XIII vv. [Hoards of Rus of the 9th–13th centuries AD]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 156 p.
- Kudryavtsev A.A., 2019. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii byvshego Nikolaevskogo Sutotskogo monastyrya v d. Sutoki Novgorodskogo rayona Novgorodskoy oblasti v 2018 g. [Report on archaeological survey on the territory of the former St. Nicholas in Sutoki Monastery, the village of Sutoki, Novgorod District, Novgorod Region in 2018]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 59699.

- Kudryavtsev A.A., Volkhonskiy V.A., 2020. Archaeological survey on the territory of the former St. Nicholas in Sutoki Monastery in 2018. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 33. *Materialy XXXIII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.L. Yanina [Proceedings of the XXXIII Scientific conference to the 90th anniversary of V.L. Yanin]*. E.A. Rybina, eds. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 100–105. (In Russ.)
- Kuleshov Vyach.S., 2015. A dirham with an image of a falcon crowned with a cross (Rispling FM/BM II) in the State Hermitage Museum collection. *Russkoe denezhnoe obrashchenie v X–XVII vv.: numizmaticheskiy sbornik k 60-letiyu Petra Grigor'evicha Gaydukova [Monetary circulation in Rus in the 10th–17th centuries AD: a numismatic collection of papers for the 60th anniversary of Pyotr Grigoryevich Gaidukov]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 26–31. (In Russ.)
- L'vova Z.A., 1968. Glass beads from Staraya Ladoga. Part I. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of papers of the State Hermitage Museum]*, 10. Leningrad, pp. 64–94. (In Russ.)
- Makarova T.I., Pletneva S.A., 1983. A belt of a noble warrior from Sarkel. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2, pp. 62–77. (In Russ.)
- Medvedeva M.V., 2016. A hoard from Sobachyi Gorby. To the history of the find. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 30. *Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika [Proceedings of the XXX Scientific conference to the 150th anniversary of the Novgorod Museum-Reserve]*. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 290–297. (In Russ.)
- Murasheva V.V., 2000. Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniya (X–XIII vv.) [Plate decorations of Rus belts (10th–13th centuries AD)]. Moscow: Editorial URSS. 136 p.
- Nosov E.N., Plokhov A.V., 2005. New excavations of settlements in the northern Lake Ilmen region. *Nosov E.N., Goryunova V.M., Plokhov A.V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya [A fortified settlement near Novgorod and the settlements of the Lake Ilmen region]*. St. Petersburg, pp. 122–154. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, XVIII). (In Russ.)
- Pakhomov N.P., 2020. Monetnye klady Novgorodskoy oblasti [Coin hoards of Novgorod Region]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 124 p.
- Potin V.M., 1967. Topography of finding West European coins of the 10th–13th centuries AD on the territory of Rus. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage Museum]*, IX. Leningrad: Sovetskiy khudozhnik, pp. 106–188. (In Russ.)
- Pushkina T.A., 1996. The new Gnezdovo hoard. *Drevnyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 1994. *Novoe v numizmatike [New achievements in numismatics]*. Moscow: Arkheograficheskii tsentr, pp. 171–186. (In Russ.)
- Pushkina T.A., 2009. New hoards with coins and artefacts from Gnezdovo. *Velikiy Novgorod i Srednevekovaya Rus' [Velikiy Novgorod and Medieval Rus]*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 525–532. (In Russ.)
- Rispling G., 1987. Coins with Crosses and Bird Heads – Christian Imitations of Islamic Coins? *Fornvännen*, 82. Stockholm, pp. 75–87.
- Rispling G., 2015. On the typological context and dating of a new type of falcon head imitations (Rispling FM/BC III). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2015 goda: pamyati Niny Andreevny Frolovoy (24.01.1936 – 20.10.2015): materialy dokladov i soobshcheniy [Numismatic readings of the State Historical Museum in 2015: In memory of Nina Andreevna Frolova (24.01.1936 – 20.10.2015): Papers and reports]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 77–79. (In Russ.)
- Ryabtseva S.S., 2005. Drevnerusskiy yuvelirnyy ubor [Jewellery adornments of Rus]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk: Nestor-Istoriya. 384 p.
- Rybakov B.A., 1949. Antiquities of Chernigov. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and research on the archaeology of Rus towns]*, 1. N.N. Voronin, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 7–93. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 11). (In Russ.)
- Sekretar' L.A., 1999. Lost monasteries of the Shelon Pyatina: Holy Trinity in Vidogoshch, St. Nicholas in Sutoki, St. Nicholas in Strupino. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 13. Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 343–350. (In Russ.)
- Shchapova Yu.L., 1956. Glass beads of old Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]*, 1. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 164–179. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 55). (In Russ.)
- Sizov V.I., 1902. Kurgany Smolenskoj gubernii [Mounds of Smolensk Province], 1. Gnezdovskiy mogil'nik bliz Smolenska [The Gnezdovo burial ground near Smolensk]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 136 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 28).
- Spitsyn A.A., 1905. Vladimir area mounds. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [News of the Imperial Archaeological Commission]*, 15. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, pp. 84–172. (In Russ.)
- Stensberger M., 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, 1. Stockholm; Uppsala: Almqvist & Wiksell. 383 p.
- Tizengauzen V.G., 1853. O samanidskikh monetakh [On Samanid coins]. St. Petersburg: Tipografiya ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. 237 p. (Zapiski imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva, VI, 1).
- Toropov S.E., 2009. Two unique complexes of Rus jewellery. *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika [Yearbook of the Novgorod State United Museum-Reserve]*, 2008. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 7–10. (In Russ.)

- Toropov S.E., 2014. Random finds of Scandinavian Viking Age items in the Lake Ilmen region: from the Novgorod Museum collections. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 20. St. Petersburg, pp. 225–252. (In Russ.)
- Zhilina N.V., 2005. The Slavonic-Russian filigree of the 8th–10th centuries AD. *Stratum plus*, 5 (2003–2004), pp. 21–170. (In Russ.)
- Zhilina N.V., 2010. Zern' i skan' v Drevney Rusi [Granulation and soldered skan in Rus]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 260 p.
- Zhilina N.V., 2014a. Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniy [Hoard of Rus of the 9th–13th centuries AD. Classification, style and chronology of jewellery]. Moscow: URSS. 400 p.
- Zhilina N.V., 2014b. Applied art of Rus during the period of the formation of statehood. *Rus' v IX–XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries AD: Society, state, and culture]*. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 286–298. (In Russ.)
- Zhilina N.V., Makarova T.I., 2008. Drevnerusskiy drago-tsennyy ubor – splav vliyaniy i traditsiy IX–XIII vv.: Khudozhestvennye stili i remeslennye shkoly [Jewellery adornment of Rus – a combination of influences and traditions of the 9th–13th centuries AD: Artistic styles and craft schools]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 296 p.
- Zhukovskiy M.O., 2013. Sets of weights from hoards of Rus of the 9th–11th centuries AD. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Ekonomicheskie osnovy formirovaniya gosudarstva v drevnosti i srednevekov'e. XXV Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto i pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR A.P. Novosel'tseva [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Economic bases of state formation in antiquity and the Middle Ages. XXV Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto and in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A.P. Novoseltsev]*. Moscow: Institut vseobshchey istorii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 101–106. (In Russ.)

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ИЗ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

© 2023 г. А. А. Гиппиус^{1,*}, В. И. Завьялов^{2,**}¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: agippius@mail.ru

**E-mail: v_zavyalov@list.ru

Поступила в редакцию 22.03.2022 г.

После доработки 06.07.2022 г.

Принята к публикации 11.10.2022 г.

Корпус текстов на бересте пополнился еще одним документом, найденным при раскопках Кремля Переяславля Рязанского (совр. Рязань). Грамота происходит из Введенского раскопа, расположенного в юго-восточной части Кремля. Стратиграфическая датировка находки — вторая половина XV в. До настоящего времени на памятнике находили писала и фрагменты бересты с рисунками. Грамота представляла собой свернутый в рулон кусок бересты с оборванными еще в древности верхним и нижним краями. В трех сохранившихся строках документа читается фрагмент литературного текста — записи прогностического содержания, читаемой под 6967 (1459) г. в рядовых пасхалиях XV в. Рязанская берестяная грамота — ярчайшее материальное свидетельство эсхатологических ожиданий, которые получили распространение в русском обществе в эту эпоху.

Ключевые слова: Переяславль Рязанский, берестяная грамота, пасхалии, эсхатология.

DOI: 10.31857/S0869606323020071, **EDN:** RFJOOX

14 августа 2021 г. в Кремле Переяславля Рязанского (совр. Рязань) была найдена первая в городе берестяная грамота. Находка происходит из зачистки 8 пласта западного участка Введенского раскопа. Несколькими днями ранее был найден фрагмент бересты, на котором были прочерчены не поддающиеся интерпретации знаки (рис. 1). По аналогии с берестяной грамотой № 1 из Торжка (НГБ XI. С. 121), артефакт был определен как упражнение в письме человека (ребенка?), еще не освоившего по-настоящему буквы.

Введенский раскоп расположен в юго-восточной части Кремля вблизи улицы Рабочих (рис. 2). Раскоп площадью 364 м² (14 × 26 м) разбит в непосредственной близости от кромки террасы р. Лыбедь. Узкой стороной раскоп ориентирован параллельно кромке террасы так, что отклонение от линии север—юг составило 45°. Раскоп получил название Введенский по располагавшейся рядом, судя по планам XVIII в., Введенской башне Кремля Переяславля Рязанского (Завьялов, 2020). Культурные напластования на исследуемом участке, судя по рекогносцировочному шурфу, заложенному в восточном углу раскопа, составляют не менее 4 м.

Культурный слой Введенского раскопа, начиная с 6 пласта, отличается повышенной влажно-

стью, в нем хорошо сохраняются изделия из органических материалов — дерева, кожи, бересты.

Разработанная В.В. Судаковым хронологическая шкала керамики Переяславля Рязанского (2019) позволяет достаточно обоснованно датировать стратиграфические пласты. Керамический комплекс 8 пласта, в котором была найдена берестяная грамота, однороден — он представлен в основном фрагментами горшков типа IV (по В.В. Судакову), бытовавших в XV в. (рис. 3). Керамика более позднего времени представлена единичными фрагментами. Это дает основания датировать слой именно XV столетием (скорее, его второй половиной)¹.

О применении бересты в Переяславле Рязанском в качестве материала для письма свидетельствует целый ряд находок. Так, в 1978 г. при рытье траншеи на улице Рабочих примерно в 250 м к северу от Введенского раскопа на глубине до 2 м был найден фрагмент бересты (боковая часть туеса), на которой изображен всадник на лошади. Лошадь впряжена в волокушу, на которой сидит человек в остроконечном головном уборе (Челяпов, 1989. С. 100). На Житном раскопе, располо-

¹ Следует отметить, что, вероятно, в связи с распространением бумаги число берестяных грамот во второй половине XV в. резко сокращается. В Новгороде этим временем датируется лишь один документ (грамота № 495).

Рис. 1. “Упражнение в письме”.

Fig. 1. “Practice in writing”

Рис. 2. Участок раскопа, где была найдена берестяная грамота.

Fig. 2. The location at the excavation site where the birchbark letter was found

женном в 300 м к северо-западу от Введенского, были найдены два писала (Завьялов, 2013. С. 62). Одно из них относится к типу 15 (по А.А. Медынцевой). Найдено писало в 11 пласте, который датируется второй половиной XVI – началом XVII в. Другое писало происходит из 16 пласта (первая половина XVI в.). Оно относится к типу 8, одному из наиболее распространенных в Новгороде Великом (Овчинникова, 2000. С. 54).

Найденная на Введенском раскопе грамота представляла собой свернутый в рулон кусок бересты с оборванными еще в древности верхним и нижним краями. Размеры грамоты 2 × 7,9 см.

Текст состоит из трех строк (верхняя строка была обрезана, но буквы восстановимы) (рис. 4, 1, 2):

...

---[р](а)[з]ум[ну : о бра]^(т)

врѣм бѣгаі бежи :

невѣриа бѣша при

...

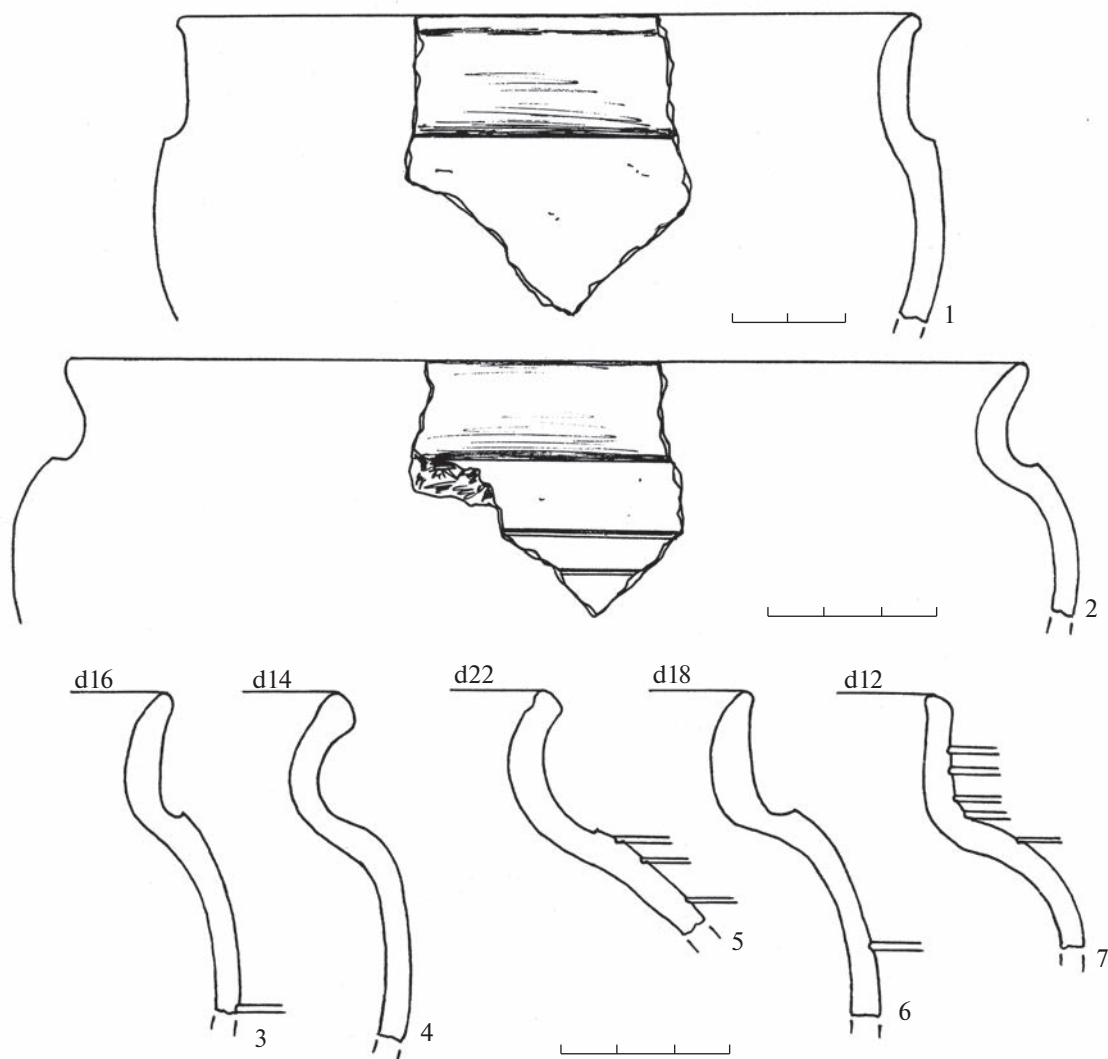

Рис. 3. Керамика VIII пласта. Вторая половина XV в.

Fig. 3. Pottery of layer VIII. Second half of the 15th century AD

Палеографический анализ грамоты по методике А.А. Зализняка (2000) позволяет датировать ее временем после 1340 г., предпочтительно — после 1380. Эту датировку задают формы следующих букв: *В VIб* “верх. косая в точку правее угла” 1320> (1340>); *Ж 5б* “плечо у верха мачты” 1240> (1360>); *И III* “диагональ” 1340> (1380>); *I IIIб* “с пересечкой (с засечками)” 1240>; *Р IVб* “углом вниз, прямолинейные” 1240> (1300>); *А IIIа* “V-образный язычок, острые” 1280> (1340>). Верхняя хронологическая граница вероятного времени создания текста данной методикой не определяется. В почерках рукописных книг и актов свойственные грамоте начертания одинаково представлены в XV–XVI вв.

Из языковых особенностей отметим сохранение этимологического *ль* под ударением (*бѣгаі*, *невѣриа*, также в неполногласии *врѣмѣ*) и его замену на *е* в безударной позиции (*бежи*). Такое распределение, впервые выявленное Л.Л. Васильевым в памятниках московской деловой письменности, широко распространено на великорусской территории; отмечалось оно и в рязанских грамотах XV–XVI вв. (Филиппова, 2000).

В грамоте уверенно опознается фрагмент литературного текста, известного в рукописях под названием “Изложение пасхалии седьмая тысяча последнего ста” (т.е. последней сотни лет седьмой тысячи). Этот памятник представляет собой так называемую рядовую пасхалию — собрание расположенных по годам сведений о дате

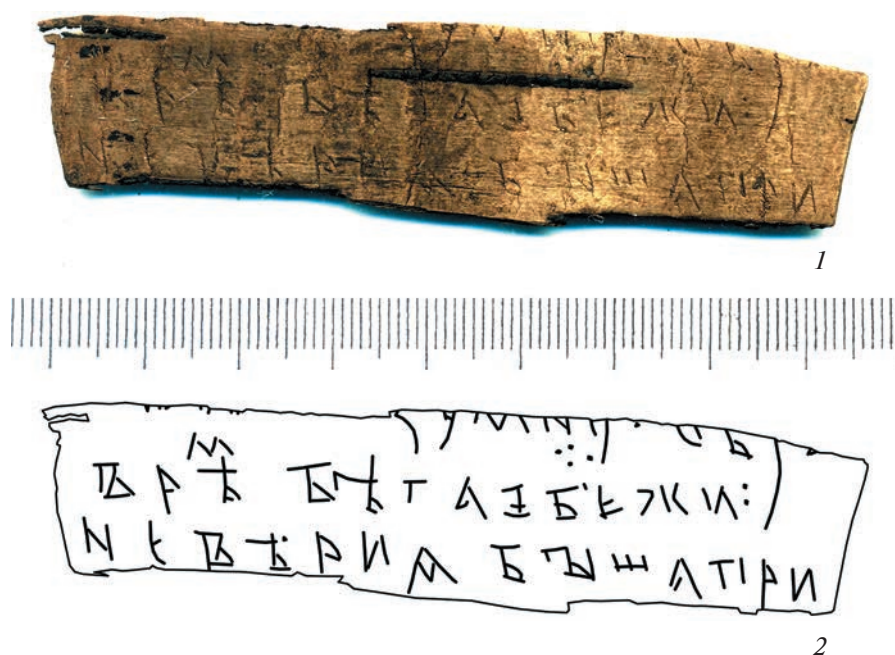

Рис. 4. Берестяная грамота из Переяславля Рязанского: 1 — фотография и 2 — прорисовка грамоты.

Fig. 4. Birchbark document from Pereyasavl Ryazansky: 1 — photograph and 2 — drawing of the document.

Пасхи и связанных с ней праздников. Все рядовые пасхалии, имевшие хождение на Руси до конца XV в., заканчивались 7000 г. от Сотворения мира (1492 г. от Рождества Христова). В этом году, согласно распространенной в Византии и славянских странах концепции, отводившей существованию мироздания семь тысяч лет, ожидался конец света. Сфокусированные на этой дате эсхатологические ожидания получили в русском обществе XV в. самое широкое распространение, окрасив собой духовную атмосферу эпохи (см. Алексеев, 2002. С. 63–68). Их ярким выражением являются записи прогностического характера, читаемые в рядовых пасхалиях под определенными годами (6935–36, 6953, 6967, 6978, 6990 и др.) и описывающие знамения и бедствия, которые должны принести эти годы (см. об этих записях: Романова, 2002. С. 87–114). Самая пространная из них и чаще других встречающаяся в рукописях — запись под 6967 (1459) г. Эсхатологическое значение этой даты определялось, с одной стороны, совпадением праздников Пасхи и Благовещения, последним перед 7000 г., а с другой — отнесением к этому году (отстоящему от 7000 г. на 33 года) Рождества Антихриста, знаменующего начало “последнего времени” (см.: Алексеев, 2002. С. 64). Запись в пасхалии под 6967 г. как раз и содержит интересующий нас текст. Приводим ее по рукописи РГБ, Собр. Троице-Серг. Лавры (ф. 304), № 762, выделив совпадающие с грамотой слова:

“Зде страх, зде скорбь, зде бѣда велика. В распятии Х(ри)с(то)вѣ сии бысть кроуг с(о)лнцу 23, лоун(ѣ) 13, и сие лѣто на конци явися, вѣньже чаемъ всемирное пришествие твое. О вл(а)д(ы)ко, оумножишася безакония на земли, пощади нас, о вл(а)д(ы)ко, исполнь н(е)бо и землю славы твоя, пощади нас! Бл(а)гословенъ грядый во имя г(о)с(под)не, пощади нас. Блюдѣте убо извѣстно и разумнѣ, о братие, кто хоцетъ быти в то врѣмя. Бѣгай, бѣжи неверия: быша при нас Измаилы” (л. 247–247 об.)².

С незначительными разночтениями, не затрагивающими смысла фразы, выделенный фрагмент представлен и в других списках Пасхалии (см. детальное сопоставление в (Романова 2002. С. 96–101)). В списке РГБ, Кир.-Бел. XII, а также списках РГАДА, Мазур. 741 и ГИМ, Епарх. 108, окончание записи имеет вид: “бѣгаа бѣжи невежи невѣрия, быша и при нас Измаилы, зде и дозде и паки” (Романова, 2002. С. 98). Более других отклоняется от архетипа версия, процитированная в Софийской II и Львовской летописях, где вместо “извѣстно и разумнѣ” читается “извѣстно разумѣте”. В статью 6967 г., отраженного этими летописями независимого летописного свода 1480-х годов, запись включена целиком со ссылкой на Пасхалию и в сопровождении евангельской цитаты, объясняющей, почему предска-

² <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-762/#image-248> (дата обращения: 21.03.2022).

ние не сбылось: “Господь бо не хощеть смерти грѣшникомъ, но ожидая покаянія. Рече Господь: не вѣсте дни и часа, въ ньже Сынъ челоувѣчскій приидеть. И тогоже лѣта не бысть ничьтоже” (ПСРЛ, 20. С. 264).

Выписка, сделанная составителем грамоты, отстывает от Пасхалии еще больше, заменяя “разумно” на “разумну” и опуская слова “кто хощеть быти в то”. Этот пропуск существенным образом меняет прагматику текста. Запись в Пасхалии обращена к тем, кому доведется жить в роковой год (“хощеть быти” — форма сложного будущего, означающая “будет”). Для составителя грамоты этот год, по-видимому, уже наступил. “О, братья, время!” — обращается он к своей аудитории, очевидно, имея в виду настоящее время. Это дает основание рассматривать 6967 (1459) г. как *terminus post quem* написания грамоты, подтверждая ее стратиграфическую датировку второй половиной XV в.

Каким образом была модифицирована предыдущая фраза, сказать невозможно (мыслима, например, конструкция: “достойт/подобает быти разумну”), но ясно, что масштаб вмешательства выходит за рамки варьирования текста в списках. Маловероятно поэтому, чтобы грамота воспроизводила целиком запись в пасхалии. Скорее, она содержала выдержку из нее в составе особого словесного произведения, например, церковной проповеди. Возможен и промежуточный вариант: на бересте могла быть записана только цитата, препарированная для последующего использования в проповеди. Примеры такого рода литературных заготовок уже имеются в фонде берестяных грамот: это грамота № 17 из Торжка (вторая пол. XII в.), содержащая отрывок из “Слова о Премудрости” Кирилла Туровского, и новгородская грамота № 507 (кон. XII — нач. XIII в.) — фрагмент из толкования на “Отче наш” (см. Сичинава, 2022).

Отдельного комментария заслуживают “измаилы”, упоминанием которых грамота, как и запись в Пасхалии, вероятно, заканчивалась. В контексте эсхатологического прорицания их естественно отождествлять с измаильтянами, потомками библейского Измаила, сына Авраама от рабыни Агари. Согласно предсказанию известного на Руси памятника византийской апокалиптики — апокрифического “Откровения Мефодия Патарского” — владычество измаильтян должно было предшествовать событиями “последнего времени”. В конце XI в. составитель Начального летописного свода — предшественника “Повести временных лет” — отождествил с “сынами Измаиловыми” половцев (см. Карпов, 2014. С. 256, 257; Добровольский, 2013). За “измаилами” в Пасхалии также предлагалось видеть историческую основу — нашествие Едигея 1408 г. (Варлаам, 1860.

С. 17) или татарские набеги середины XV в. (Лурье, 1997. С. 371). Иначе трактовал это место Г.М. Прохоров, который, опираясь на версию Кирилло-Белозерского списка, писал: “[М]не кажется, что автор Измаилами называет здесь невеж, которым свойственно „невѣрие“ и которые были как при нем, так и раньше („зде и дозде“)” (Прохоров, 1981. С. 59). В пользу такой трактовки говорит упоминание в записи не измаильтян, а именно “измаилов”: форма множественного числа личного имени наилучшим образом объясняется переходом его в нарицательное существительное³. Отсутствие у пассажи исторической подоплеки предполагает и А.А. Романова (2002. С. 102), считая, что запись “является отрывком переводного текста, источник которого еще предстоит определить”. О том, что в своем исходном виде запись не содержала аллюзии к русским реалиям, говорит находка А.А. Турилова, обнаружившего факт использования другой прогностической записи рядовой пасхалии, помещенной в ней под 6935—6936 гг. и явно принадлежащей тому же автору, в житии сербского деспота Стефана Лазоревича, составленном Константином Костенечским (Турилов, 1988. С. 33). В пользу переводного происхождения записи можно привести и лингвистический аргумент: сочетание “бѣгая бѣжи”, превратившееся в той ветви традиции записи, к которой восходит грамота, в “бѣгаи бѣжи”, калькирует греческий тавтологический оборот (*figura etymologica*) φεύγων φεύγε, который, судя по данным “Thesaurus linguae graecae”, неоднократно встречается в святоотеческой литературе: см., например: “Εἴτε γέρον · ἢ φεύγων φεύγε τοὺς ἀνθρώπους ἢ ἐμπαίζων τοῖς ἀνθρώποις καὶ τῷ κόσμῳ μὀρὸν σεαυτὸν” [‘Или избегай людей, или, смеясь над миром и людьми, юродствуй’] (Aprophthegmata Eccl. et Gnom. 8: 31)⁴.

Важно, однако, что непосредственным источником надписи послужил текст, близкий к приведенному выше из списка Троицк. 762, в котором отсутствует упоминание “невежи”, нет слов “зде и дозде и паки” и союза “и” перед “быша”. В таком усеченном контексте фраза “быша при насъ Измаилы” вряд ли могла быть понята в ее первоначальном смысле, указанном Г.М. Прохоровым. Скорее, ее можно было истолковать в духе уже упомянутого “Откровения” псевдо-Мефодия — как

³ Основанием для такой трансформации (аналогичной той, какую претерпело имя Хама) могло стать сравнение Измаила в Библии с диким ослом, онагром (Быт. 16: 12).

⁴ Как указал нам Д.В. Сичинава, *figura etymologica* на основе того же корня встречается и в Библии, например, в Иов 27:22: “и вержетъ на него, и не пощадитъ, изъ руку его бѣжаніемъ побѣжитъ”. Исходный греческий оборот φεύγει φεύγει в свою очередь калькирует древнееврейский (bārōwah yibrāh).

указание на то, что пришествие “измаилов”-измаильтян уже свершилось, а следовательно, и финал человеческой истории вот-вот должен наступить. Показательно, что в некоторых списках “измаилов” действительно заменяют “измаильтяне” (Романова, 2002. С. 98).

Достоверно известно, что запись в пасхалии под 6967 г. произвела немалое воздействие на умы современников. Ее прямо упоминает новгородский архиепископ Геннадий в предисловии к составленной по истечении рокового 7000 г. пасхалии на восьмую тысячу: “Да еще к тому некто написал: “зде страх, зде скорбь, акы в Распятии Христове съ круг бысть, сие лето и на концы явися, в нем чаем и всемирное тое Пришествие” — ино о том молва была в людех, не токмо простых, но и непростых; многих сумнение бысть” (Романова, 2002. С. 102, 103)⁵. Рязанская берестяная грамота — ярчайшее материальное свидетельство этих “сомнений” и наглядная иллюстрация того, каким образом апокалиптические настроения, возникшие в среде образованных книжников, транслировались в широкие массы городского населения Руси XV в.

Использованы результаты проекта “Семиотика книжного и некнижного текста — славянский мир между Западом и Востоком”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2022 г., и результаты НИОКТР № 122011200264-9.

Благодарим Д.В. Сичинаву, участвовавшего в прочтении и анализе грамоты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — нач. XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 347 с.
- Варлаам. Обзорение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 2. Отд. III. С. 1—69.
- Добровольский Д.А. Восприятие половцев в летописании XI—XIII вв. // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 286—294.
- Завьялов В.И. Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2007—2009 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: Рязанский ист.-архитектур. музей-заповедник, 2013. С. 20—69.
- Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Т. X. М.: Русские словари, 2000. С. 134—429.
- Карпов А.Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М.: Квадрига, 2014. 390 с.
- Лурье Я.С. Послания Геннадия Новгородского и вопрос о конце мира в XV в. // Harvard Ukrainian Studies. V. XIX (1995). Камень КраєЖгъльнь. Rhetoric of the Medieval Slavic world. Cambridge, 1997. С. 358—374.
- Овчинникова Б.Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X—XV вв. Свод археологического источника // Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000. С. 45—105.
- Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. Ч. 1. СПб.: Археогр. комис., 1910. 418 с.
- Прохоров Г.М. Книги Кирилла Белозерского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 36. Л., 1981. С. 50—70.
- Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 429 с.
- Сичинава Д.В. Берестяная грамота № 507 — древнейший русский комментарий к “Отче наш”. 2022. (В печати)
- Судаков В.В. Керамика Житного раскопа // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. М.: Таус, 2019. С. 101—139.
- Турилов А.А. О датировке и месте создания календарно-математических текстов — “семитысячников” // Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. “Отреченные” книги. Астрология. Минералогия / Под ред. Р.А. Симонова. М.: Наука, 1988. С. 27—38.
- Филиппова И.С. Рязанские деловые источники XIV—XVI вв.: качество ф // Лингвистическое источниковедение и история русского языка / Отв. ред. А.М. Молдован, В.В. Калугин. М.: Древлехранилище, 2000. С. 153—168.
- Челяпов В.П. Береста с рисунком из кремля Переяславля Рязанского // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 198. С. 100—102.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Т. X. Из раскопок 1990—1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. 430 с.
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте. Т. XI. Из раскопок 2001—2014 гг. М.: Русские словари, 2015. 288 с.

⁵ Слова Геннадия иногда воспринимались как свидетельство существования списков Пасхалии, в которых запись читалась под 6700 г. Однако, поскольку такие списки отсутствуют, более вероятно считать, вслед за А.А. Романовой, что Геннадий имел в виду лишь один из источников распространенных с приближением 7000 г. эсхатологических ожиданий.

BIRCHBARK LETTER FROM PEREYASLAVL RYAZANSKY

Alexey A. Gippius^{a, #}, Vladimir I. Zavyalov^{b, ##}^aHigher School of Economics, Moscow, Russia^bInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia[#]E-mail: agippius@mail.ru^{##}E-mail: v_zavyalov@list.ru

The corpus of texts on birch bark was replenished with another document found during excavations in the Kremlin of Pereyaslavl Ryazansky (modern Ryazan). The letter comes from the Vvedensky excavation site located in the southeastern part of the Kremlin. The stratigraphic dating of the find is the second half of the 15th century AD. Styluses and fragments of birchbark with drawings have already been found on the site. The letter was a piece of rolled birchbark with the upper and lower edges torn off centuries ago. The three surviving lines of the document produce a legible fragment of a literary text – a record of predictive meaning read under the year 6967 (1459) in ordinary paschal tables of the 15th century AD. The Ryazan birchbark letter is the clearest material evidence of the eschatological expectations that became widespread in Russian society in that period.

Keywords: Pereyaslavl Ryazansky, birchbark letter, paschal table, eschatology.

REFERENCES

- Alekseev A.I., 2002. Pod znakom kontsa vremen: Ocherki russkoy religioznosti kontsa XIV – nach. XVI vv. [Under the sign of the end of the world: Studies in Russian religiosity of the late 14th – early 16th century AD]. St. Petersburg: Aleteyya. 347 p.
- Chelyapov V.P., 1989. Birch bark with a drawing from the Kremlin of Pereyaslavl Ryazanskiy. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 198, pp. 100–102. (In Russ.)
- Dobrovol'skiy D.A., 2012. Perception of the Cumans in chronicles of the 11th–13th centuries AD. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 39, pp. 286–294. (In Russ.)
- Filippova I.S., 2000. Ryazan business sources of the 14th–16th centuries: quality of б. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic source study and history of the Russian language]. A.M. Moldovan, V.V. Kalugin, eds. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 153–168. (In Russ.)
- Karpov A.Yu., 2014. Issledovaniya po istorii domongol'skoy Rusi [Research on the history of pre-Mongol Rus]. Moscow: Kvadriga. 390 p.
- Lur'e Ya.S., 1997. Letters from Gennady of Novgorod and the question of the world's end in the 15th century AD. *Harvard Ukrainian Studies. Vol. XIX (1995). Крає Жгълнь Stone. Rhetoric of the Medieval Slavic world*. Cambridge, pp. 358–374. (In Russ.)
- Ovchinnikova B.B., 2000. Styluses of Old Novgorod in the 10th–15th centuries AD. Corpus of the archaeological source. *Problemy istorii Rossii* [Issues of the History of Russia], 3. Ekaterinburg, pp. 45–105. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], XX. L'vovskaya letopis' [Lvov chronicle], 1. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1910. 418 p.
- Prokhorov G.M., 1981. Books by Cyril of Beloozero. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury (Proceedings of the Department of Rus Literature)], 36. Leningrad, pp. 50–70. (In Russ.)
- Romanova A.A., 2002. Drevnerusskie kalendarно-khronologicheskie istochniki XV–XVII vv. [Old Russian calendar-chronological sources of the 15th–17th centuries AD]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 429 p.
- Sichinava D.V., 2022. Berestyanyaya gramota № 507 – drevneyshiy russkiy kommentariy k “Otche nash” [Birchbark letter No. 507 – the earliest Russian commentary to the Lord's Prayer]. (In print).
- Sudakov V.V., 2019. Ceramics of the Zhitny excavation site. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo* [Materials on the archaeology of Pereyaslavl Ryazansky], 3. Kompleksnye arkheologicheskie issledovaniya Pereyaslavlya Ryazanskogo [Comprehensive archaeological research of Pereyaslavl Ryazansky]. Moscow: Taus, pp. 101–139. (In Russ.)
- Turilov A.A., 1988. On the dating and place of creation of “seven-thousanders” – calendar-mathematical texts. *Estestvennonauchnye predstavleniya Drevney Rusi: Schislenie let. Simvolika chisel. “Otrechennye” knigi. Astrologiya. Mineralogiya* [Natural science ideas of Rus: Years reckoning. Symbolism of numbers. “Repudiated” Books. Astrology. Mineralogy]. R.A. Simonov, ed. Moscow: Nauka, pp. 27–38. (In Russ.)
- Varlaam, 1860. A review of the manuscripts from the personal library of St. Cyril of Beloozero. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities], 2. III, pp. 1–69. (In Russ.)
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., 2000. Novgorodskie gramoty na bereste [Novgorod letters on birch bark], X. Iz raskopok 1990–1996 gg. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh

- vnestratigraficheskoe datirovanie [From the 1990–1996 excavations. Palaeography of birchbark letters and their non-stratigraphic dating]. Moscow. 430 p.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A.*, 2015. Novgorodskie gramoty na bereste [Novgorod letters on birch bark], XI. Iz raskopok 2001–2014 gg. [From the 2001–2014 excavations]. Moscow: Russkie slovari. 288 p.
- Zaliznyak A.A.*, 2000. Palaeography of birchbark letters and their non-stratigraphic dating. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste [Novgorod letters on birch bark]*, X. Moscow: Russkie slovari, pp. 134–429. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I.*, 2013. Research on the Zhitny excavation site in the Kremlin of Pereyasavl Ryazansky (2007–2009). *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on the archaeology of Pereyasavl Ryazansky]*, 2. Ryazan': Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, pp. 20–69. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I.*, 2020. The Vvedenskiy excavation area in Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin: Launch of excavations. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 259, pp. 301–314. (In Russ.)

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

**SCHIBILLE N. ISLAMIC GLASS IN THE MAKING: CHRONOLOGICAL
AND GEOGRAPHICAL DIMENSIONS. LEUVEN: LEUVEN UNIVERSITY
PRESS, 2002. 261 p. (STUDIES IN ARCHAEOLOGICAL SCIENCES 7)**

© 2023 г. О. С. Румянцева*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: o.roumiantseva@mail.ru*

Поступила в редакцию 30.12.2022 г.

После доработки 30.12.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323020162, EDN: RGOPRW

Книга Надин Шибиль, посвященная производству и распространению исламского стекла, представляет собой фундаментальное обобщение всех имеющихся на сегодня аналитических данных о его химическом и изотопном составе, происходящих с обширной территории исламского мира. Она подводит итог международному исследовательскому проекту “Маршрутами стекла: экономика стекла I тыс. н.э. на картах”, давшему специалистам огромный пласт новой информации об истории производства стекла раннеисламского времени. В книге изложена новая концепция технологических преобразований, распространения “рецептов” и навыков, приведших к формированию раннеисламской стеклоделательной традиции, на доступных сегодня данных о составе стекла. Работа основана на масштабной базе данных, содержащей более 5000 результатов анализов — как опубликованных ранее, значительная доля которых была получена и введена в научный оборот автором книги совместно с другими исследователями, так и представленных впервые. В книге рассмотрены все основные регионы производства раннеисламского стекла: Египет, Левант, Месопотамия, Центральная Азия и Пиренейский полуостров VII–XII вв. Для выявления различий в его составе представлен широкий географический и хронологический фон, охватывающий период от римского времени до XII в. на пространстве от Гибралтарского пролива до Иранского плато, что способствовало в первую очередь выделению географических различий для продукции различных стеклоделательных центров.

Анализ огромного массива собранных и обобщенных данных позволил исследовать эволюцию раннеисламских стеклоделательных традиций, воссоздать в динамике региональные модели производства с акцентом на их технологические и

экономические аспекты и на этой основе выявить периоды наиболее активных изменений и различия в региональных практиках и на рынках сбыта стекла. В исследовании намечены основные вехи в развитии производства, торговли и потребления стекла на рубеже I/II тыс. н.э., выявлены предпосылки и причины изменений, происходивших в эту эпоху.

Одно из центральных мест в монографии занимает тема кардинальной трансформации, которую проходит стеклоделательное производство и его рынки в конце I тыс. н.э. К X в. производство стекла на основе природной соды в центрах Восточного Средиземноморья, установившееся на период более чем в полтора тысячелетия, полностью прекращается. Появляются и распространяются новые рецепты, основанные на использовании в качестве сырья золы растений — галофитов в исламском мире и древесной в Европе эпохи Каролингов. Увеличивается количество стекловаренных центров, при этом объемы их продукции продолжают снижаться. Однако стекло не только продолжает оставаться важной частью повседневной жизни, но и активно используется в архитектуре. Геополитические изменения, которые повлекло за собой арабское завоевание (первоначально не оказавшее заметного влияния на индустрию), запустили фундаментальные изменения в производстве и обмене продукцией стеклоделательного производства, в результате дав импульс развитию более или менее независимых локальных производственных традиций. В монографии показано, как за короткий период времени трансформируется исламское стеклоделие в связи с экспансией и основанием новых крупных городов и халифских резиденций.

Одной из первостепенных прикладных задач, на которой базируется исследование, стало выявление признаков химического состава, позволя-

ющих различать продукцию различных производственных центров и таким образом определять время и регион производства стекла, делая этот материал неоценимым источником по экономической и культурной истории исламского времени. В первую очередь важно было наметить эти признаки для стекла, сваренного на основе золы растений-галофитов. Ранее исследователям удалось сделать это для римского и раннесредневекового стекла, производившегося на основе так называемой природной соды. Это было проще, так как для содового стекла намного легче выделяется серия элементов, присутствующих только в песке, который стеклоделы использовали в качестве сырья. В стекло зольное многие из них попадают также с золой растений¹, поэтому необходимы были дополнительные критерии, позволяющие различать продукцию разных стеклоделательных центров.

Многие признаки, позволяющие по составу различать стекло разного географического происхождения, заимствованы из более ранних работ, однако в книге они впервые изложены систематически; для исламского стекла значительная их часть выделена автором монографии. В итоге для шести макрорегиональных групп, среди которых Египет, Сиро-Палестинский регион, Месопотамия, Центральная Азия, Пиренейский полуостров и Сицилия, определено шесть соотношений химических элементов, позволяющих различать их между собой: K_2O/P_2O_5 , MgO/CaO , Li/Na_2O , Th/Zr , La/TiO_2 , Cr/La .

Соотношения Th/Zr и La/Ti , прежде использовавшиеся для анализа происхождения содового стекла, позволяют различать и зольное стекло Египта и Леванта. Соотношение Cr/La — маркер, ранее позволивший разделить продукцию стекловаренных центров Египта и Месопотамии позднего бронзового века, в определенной степени дает возможность выделять и продукцию из Месопотамии сасанидского/раннеисламского времени. Стекло Месопотамии (представленное группой Самарра 2) отличают высокие значения соотношений K_2O/P_2O_5 , MgO/CaO , Li/Na_2O и Cr/La .

Египетское стекло (на основании данных, полученных по гирькам для взвешивания монет исламского периода) характеризуется высокими концентрациями тяжелых элементов, что выражается в самых низких значениях соотношений Th/Zr и La/TiO_2 .

Левантийское зольное стекло (по материалам из Тира) отличают самые низкие содержания тяжелых элементов и чуть более высокое соотношение K_2O/P_2O_5 по сравнению с египетским стеклом.

¹ Здесь и далее речь идет о золе солончаковых растений-галофитов.

Средиземноморское стекло левантийского и египетского происхождения имеет в среднем более низкое значение MgO/CaO по сравнению с другими производственными зонами, за исключением Сицилии.

Стекло исламского периода из Сицилии, произведенное на основе золы солончаковых растений, отличается от восточно-средиземноморского более высоким соотношением Li/Na_2O и особыми значениями Zr/TiO_2 .

Пиренейская и центральноазиатская группы демонстрируют наибольшую вариабельность состава на уровне элементов, характеризующих источник кремния; их признаки все еще не очень четко выделены. На уровне флюсов, пиренейское зольное стекло отличается одно из самых низких содержаний калия в соотношении K_2O/P_2O_5 , тогда как уровень магния в нем довольно высок (что выражает соотношение MgO/CaO). Пиренейские зольные стекла, как и сицилийские, имеют тенденцию к самым высоким Li/Na_2O соотношениям, выражающим различия в зольном сырье и способах его обработки.

Основная часть книги состоит из четырех глав, каждая из которых посвящена отдельному географическому региону — центру раннеисламского стеклоделательного производства — Египту, Сиро-Палестинскому региону, Месопотамии, Пиренейскому полуострову. Наибольшее внимание уделяется регионам с долговременной историей производства стекла: Египту, Леванту и Месопотамии.

Глава о *египетском стеклоделии* начинается с обобщения данных о производстве, существовавшем здесь до прихода ислама. Автором рассмотрены все известные на сегодня археологические свидетельства стекловаренного производства, а также аналитически выделенные группы химического стекла египетского происхождения, начиная с римского времени до VII в.; рассмотрены и зоны распространения каждой из групп в Европе и средиземноморском регионе. Особый интерес представляет сюжет о связи рабочих свойств стекла и его состава. Разница температуры горячей обработки (“плавления”) стекла, происходящего из двух конкурирующих регионов производства — Египта и Леванта, — могла составлять в разные хронологические периоды от 45 до 70°C, что сказывалось, прежде всего, на затратах топлива во вторичных мастерских неполного цикла, работающих на привозных полуфабрикатах. Более низкие температуры, необходимые для работы с египетским материалом, обеспечили в итоге его преобладание на рынке в рамках средиземноморской системы торговли сырцом.

Стекловаренные мастерские раннеисламского времени на территории Египта неизвестны, и наиболее важным источником информации о составе стекла, начиная с VII в., являются стеклянные

ные гири-разновесы для взвешивания монет и клейма на сосудах. Они содержат имена египетских правителей и должностных лиц, по которым достоверно определяются их происхождение и время изготовления. Начало исследованию их состава положил Б. Гратюз (здесь и далее ссылки на литературу см. в рецензируемой книге), однако в рамках проекта “Маршрутами стекла...” база анализов была существенно увеличена; усовершенствована и методика анализа, благодаря чему расширен набор изучаемых элементов. Исследование состава находок конца VII – начала XIII вв. показало, что существенные изменения, произошедшие за этот период в египетском стеклоделении, совпадают со сменой региональных правителей и администрации. Это позволило подтвердить выдвинутое ранее предположение о том, что организация стекловаренного производства в Египте находилась в ведении региональной власти. Исследование также подтвердило преемственность модели централизованного производства стекла с VII/VIII до начала XI в.: на разных этапах в рамках этого периода на территории Египта одновременно циркулирует продукция лишь одного стекловаренного центра. Изучение состава стеклянных гирек для монет позволяет наиболее точно определить время производства стекла разного состава (египетские группы 1А-С и 2), делая его прекрасным хронологическим индикатором, и время перехода региональных производственных центров с природной соды на новый тип сырья – золу солончаковых растений.

Последняя монетная гирька, изготовленная из содового стекла, датируется 868 г., маркируя не только финал традиции производства содового стекла, но и конец правления Аббасидов в Египте. Вероятно, существенное влияние на развитие стеклоделательного ремесла оказали ограничения на добычу и резкий рост цен на природную соду. После этого монетные гири на 100 лет исчезают, появляясь вновь в 969 г., когда Египет становится центром Фатимидского халифата. За это время египетские производители стекла полностью переходят на золу галофитов. Изменения, произошедшие в стекловаренном производстве за этот период, находят выражение в разнообразии составов весовых гирек эпохи Фатимидов и Айюбидов: из семи групп, выделенных на основании состава, лишь четыре могут относиться к египетской продукции; стекло для изготовления остальных, вероятно, импортировалось в Египет из Леванта и Месопотамии. При этом египетское зольное стекло демонстрирует высокий уровень маркеров вторичного использования, в то время как для левантского – эти признаки не выделяются. Это позволило автору предположить импорт в Египет “свежего” левантского сырья, от которого египетские мастера были в достаточной степени зависимы в этот период.

Важным источником по истории исламского стеклоделия в Восточном Средиземноморье стали результаты анализов более 900 образцов мозаичной смальты из Великой мечети Омейядов в Дамаске, построенной на пике монументального строительства в городе в начале VIII в. Подавляющее большинство ее мозаик – из содового стекла египетского происхождения; очевидно, что они были заказаны в Египте для строительства мечети, причем в Дамаск была привезена готовая смальта или заготовки для нее, а не стекло-сырец. Эти выводы подтверждаются и данными по другим архитектурным комплексам: они показывают, что египетское стекло гораздо шире использовалось для раннеисламских мозаик, чем сиропалестинское, даже несмотря на географическую близость Дамаска к левантским центрам. При этом наблюдается связь между цветом смальты и ее происхождением, очевидно, указывая на специализацию египетских и левантских центров, производивших стекло ярких цветов. Строительство мечети в Дамаске, вероятно, послужило важным фактором интенсификации египетского производства стекла и, возможно, переменам в модели его распределения, в котором решающую роль сыграла центральная власть.

Начиная с первых веков нашей эры, египетское стеклоделие представляется широкомаштабным и централизованным производством; на протяжении нескольких столетий сменяющие друг друга египетские центры, ориентированные на “внешнего потребителя”, активно снабжают сырьем средиземноморский рынок. Наиболее существенные изменения в отрасли происходят после арабского завоевания. Содовое стекло египетских групп VIII – IX вв. еще продолжает производиться в промышленных масштабах, но география его распространения существенно сужается. Лишь очень немногочисленные находки из подобного стекла происходят из Западного Средиземноморья; в то же время просто невероятное его количество экспортируется в Левант и Сирию. Когда Дамаск становится столицей Омейядского халифата, налаженные торговые пути меняются, и экономическим сердцем становится Великая Сирия. Интернациональная торговля стеклом заметно сокращается между VII и IX вв., уступая место региональным торговым сетям.

Распад единого Аббасидского халифата и приход к власти в Египте Тулунидов в конце IX в. крайне негативно сказались на производстве стекла (по крайней мере, исходя из тех данных, что получены по гирикам для монет). Начиная с эпохи Фатимидов, производство возрождается, но уже на основе зольного стекла, часть которого импортируется из Леванта. Очевидно, в это время происходит перелом в организации стеклоделательного производства в Египте и переход от единственного источника и производственного

центра к множественным, вероятно, не столь масштабным, как ранее.

Глава о производстве стекла в *Великой Сирии*, как и глава о Египте, начинается с обобщения данных о стекловаренных центрах Сиро-Палестинского региона с рубежа эпохи эллинизма и римского времени. Арабское завоевание не оказало здесь заметного воздействия ни на организацию, ни на масштабы производства стекла, ни на его сырьевую базу до конца VIII — начала IX в. Тенденция к снижению уровня натрия в левантском содовом стекле в раннеисламское время отчасти может быть обусловлена масштабами производства стекла в Египте, когда резко возросший спрос на него в начале VIII в. мог повлечь за собой ограничения на экспорт природной соды в Левант. По мнению исследователей, стекло наиболее поздней группы местного производства — левантской II — было, вероятно, ориентировано на местные рынки, в отличие от более раннего, широко распространенного повсеместно в Средиземноморье и Европе. Возможно, что с арабским завоеванием торговые пути существенно поменяли направление. Учитывая высокую температуру горячей обработки и ограниченную зону распространения левантского стекла VIII в., можно предположить, что оно в меньшей степени использовалось для производства посуды и в большей — в архитектуре.

Объем стекла, необходимый для удовлетворения нужд монументального строительства начала VIII в. в Дамаске, намного превосходит производственные мощности стекловаренного центра в Бет Элизере, производившего стекло левантской II группы. По современным расчетам, площадь всех мозаик в мечетях Великой Сирии и в регионе Хийяз этого времени составляет около 22000 м²; на их выкладку необходимо было около 500 т стекла, и этот объем не включает оконное стекло и лампы. Это объясняет, почему большинство мозаик этого времени имеет египетское происхождение. Именно в начале VIII в. начинается импорт в Сиро-Палестинский регион египетского стекла.

Ключевым вопросом в истории раннеисламского стеклоделия является дата перехода левантских стекловаренных центров на зольное стекло; здесь это происходит раньше, чем в Египте. Согласно данным недавних исследований М. Пелпса, Я. Фристоуна, Я. Горин-Розен и Б. Гратюза, самое раннее зольное стекло на территории Леванта датируется серединой VIII в. Однако Н. Шибиль ставит эту дату под сомнение: если использовать более осторожный подход, то самые ранние зольные стекла Леванта происходят из Ракки в Сирии, где в конце VIII/начале IX в. была построена резиденция халифа и где был ранее изучен большой комплекс раннеис-

ламских стеклоделательных мастерских — как первичных стекловаренных, так и вторичных, занимавшихся производством готовых изделий из стекла-сырца. Эти материалы ранее были комплексно исследованы Д. Хендерсоном. По мнению автора монографии, производство стекла на основе галофитов в Великой Сирии могло начаться в последней декаде VIII — самом начале IX в., т.е. по меньшей мере на век ранее, чем в Египте.

По данным Д. Хендерсона, состав стекла одной из групп в Ракке позволяет предполагать, что традиция его производства на основе золы галофитов была принесена сюда из Месопотамии: в постройке резиденции здесь были задействованы стеклоделы из Междуречья. Письменные источники подтверждают, что это была распространенная практика. Наряду с ним в Ракке производилось и зольное стекло состава, типичного для Сиро-Палестинского региона. В целом же данные о составе стекла — химического и изотопного — из разных производственных комплексов позволяют говорить о существовании в Сиро-Палестинском регионе четырех или пяти стекловаренных центров, работавших на разных типах зольного сырья и источниках кремнезема. Одним из важнейших факторов, повлиявших на смену традиции стекловарения в регионе, явилось, очевидно, ограничение на экспорт египетской природной соды (если не на полную его остановку) в период монументального строительства в Дамаске, развернувшегося в начале VIII в., куда переживающие подъем египетские стекловаренные центры экспортировали свою продукцию в поистине индустриальных масштабах.

Однако во второй половине IX — конце X в. поток ресурсов опять меняется. В Египте в IX в. сокращается производство содового стекла, тогда как в Великой Сирии происходит его ощутимый взлет с использованием нового для региона рецепта на золе растений. При этом Сиро-Палестинский регион сохраняет преемственность централизованной модели производства стекла в индустриальных масштабах и его экспорта по крайней мере до XI в. включительно. Сиро-палестинское зольное стекло IX в. встречено в Ираке и на Синае, а также на многих памятниках Израиля. Начиная с конца X в. стекло, произведенное в Тире, в больших объемах поставляется в Египет, а скоро, вероятно, начинает поступать и к северу, распространяясь вдоль побережья Малой Азии — в Византийскую империю. Единичные находки изделий из левантского зольного стекла встречены в IX–X вв. в Италии, на Сицилии и Пиренеях. Однако левантское стекло уже никогда не достигнет прежних масштабов экспорта, как более раннее содовое — ни по объемам, ни по широте географического распространения. Египетское стеклоделие на золе растений развивалось позже

и в меньших масштабах, чем сиро-палестинское — его импорты за пределами Египта встречаются крайне редко. Однако Египет снова становится известен своими предметами роскоши из стекла.

На территории *Месопотамии* рецепт производства стекла на основе золы галофитов последовательно сохраняется — по меньшей мере с I в. н.э., а возможно, и с позднего бронзового века. Отсутствие здесь археологических свидетельств производства, предшествующих комплексу в Ракке на севере Сирии, где встречено стекло, изготовленное в традициях Месопотамии, делает результаты анализов единственным источником, позволяющим судить о стеклоделии в регионе. В эпоху Сасанидов, судя по данным химического и изотопного состава стекла (наиболее представительное комплексное его исследование ранее было проведено для стекла Вей Ардашира II. Мир-ти и др. исследователями), можно предполагать параллельное существование на территории Месопотамии различных традиций его варки, основанных на использовании золы разных растений (или разных их частей) или различных способов ее обработки. Это фундаментально отличает местное стеклоделательное производство от средиземноморского. Некоторые признаки указывают также на меньшие масштабы производства стекла местными центрами, по сравнению со средиземноморскими — как в сасанидское, так и в раннеисламское время.

Несмотря на 150-летний перерыв между падением Сасанидской империи и свидетельствами раннеисламского производства, в стеклоделии между ними наблюдается определенная преемственность. Раннеисламские стекловаренные мастерские были, очевидно, сконцентрированы в крупных городских центрах, связанных с резиденциями правителей (аль-Ракка (Сирия), Самарра (Ирак), возможно, Ктесифон (Иран)) или крупными торговыми узлами — такими, как портовый город Сираф (Иран). Возможно, как ранее предполагал Д. Хендерсон, ремесленники (как варившие стекло, так и производители готовых изделий) были мобильны и передвигались вместе с двором правителя, уже начиная с сасанидского периода. В то же время, несмотря на значительные объемы местного производства, например, в Ракке (а возможно, и в других центрах), сюда импортировались и готовые изделия, а также, вероятно, часть стекла-сырца. Это может говорить об определенной специализации данных центров. Данная особенность также отличает стеклоделательное производство в Месопотамии от восточно-средиземноморского. Восходят к сасанидским традициям и рецептам и техники окрашивания и глушения стекла — за исключением, вероятно, синего и красного (окрашивавшихся соответственно кобальтом и медью): технология и сырье для их окрашивания сменились где-то

между сасанидским и раннеисламским периодами в Месопотамии.

Особую группу представляет собой стекло *Северо-Восточного Ирана и Центральной Азии*. Используемые при его изготовлении сырьевые материалы и технологии производства отличаются от тех, что применялись в Месопотамии. Об истоках стекловарения в Центральной Азии практически ничего не известно, возможно, их стоит искать в сасанидских традициях, развивавшихся в Месопотамии в III–IV вв. Состав стекла предположительно восточноиранского/центральноазиатского производства, охарактеризованный в монографии в первую очередь на основании материалов из Мерва (Туркменистан), позволяет выделить признаки, отличающие его от произведенного в Месопотамии; некоторые из них были известны и по более ранним публикациям Р. Брилла и других исследователей. В стекле, сваренном в Месопотамии, выше соотношение MgO/CaO и ниже содержание оксида фосфора; для среднеазиатского — характерно более высокое содержание калия, чем в стекле Месопотамии и Восточного Средиземноморья (более 4% K_2O), а также высокие концентрации рубидия, цезия и, возможно, бария, связанные с высоким уровнем калия. Центральноазиатское стекло также отличается низкое, по сравнению со стеклом Месопотамии, соотношение Cr/La и часто — высокое содержание оксида алюминия. Разница прослеживается и в концентрациях циркония и гафния. В целом же для центральноазиатского стекла сложно выделить по составу четкие группы, так как в нем нет соответствия между признаками, характеризующими источник кремнезема и золы. Оно очень вариабельно по содержанию оксида алюминия (от 1 до 4.5%) и соотношению хрома и лантана. Стекло с высоким содержанием алюминия (в частности, встреченное в Мерве) изготовлено на сырье, богатом полевыми шпатами и тяжелыми минералами.

Эволюция исламской традиции производства стекла рассмотрена и для области *аль-Андалус* на юге Пиренейского полуострова, находившейся под арабским владычеством. В конце VIII — начале IX в. на фоне дефицита ближневосточного импорта, выраженного в интенсификации практик вторичной переработки стеклосырья, здесь развивается принципиально новая технология производства свинцово-кремнеземного стекла. Его исключительно раннее время появления (до 818 г.) указывает, по мнению автора, на независимое развитие здесь данной традиции стеклоделания, не имеющее аналогов в исламском мире и даже предшествующее переходу от содового сырья к зольному в Египте и, возможно, в Леванте. Вероятно, короткий период его существования на Пиренеях объясняется не самыми оптимальными рабочими свойствами. Поэтому примерно с сере-

дины — второй половины IX в. здесь появляется другой тип стекла, которое изготавливалось на основе свинца и золы растений с высоким содержанием натрия (вероятно, импортировавшейся из Восточного Средиземноморья золы галофитов); зона концентрации и изотопный состав позволяют предполагать его производство в районе Кордовы. С X в. оно становится в Андалусе преобладающим типом. Помимо стекла местного производства здесь встречается также импортное — из Восточного Средиземноморья и Месопотамии, а также мозаики из стекла с высоким содержанием бора — состав, характерный для малоазиатского/византийского производства.

Стекло Сицилии X–XI вв. напоминает по составу левантийское и египетское, отличаясь по содержанию лития и бора. В целом состав сицилийского стекла на уровне следовых элементов очень индивидуален, что позволяет, вероятно, рассматривать его как продукцию местного производства.

Использование подхода, основанного на широком географическом охвате материалов из основных регионов исламского мира и репрезентативной выборке данных о составе стекла, охватывающих широкий спектр элементов (как основного состава, так и следовых), позволило автору книги выявить значимые региональные различия в организации и развитии стеклоделательного производства, связав их с глобальными изменениями в системе экономических связей и сфере межрегионального обмена в исламском мире. Многие из этих изменений начались сразу после распада Западной Римской империи в V в., набрав темп уже после арабского завоевания. Одним из важнейших факторов, повлиявших на развитие стеклоделательного производства, стало перемещение центра коммерческой активности в столицу Омейядского халифата в Дамаск и Великую Сирию в конце VII в. Расцвет монументального строительства в начале VIII в. и импорт для его нужд невероятных объемов стеклянной смальты египетского производства постепенно привели к финалу производства содового стекла в Леванте, в противовес все еще переживающему расцвет египетскому стекловарению, основанному на эксплуатации местных источников природной соды. В это время огромное количество стекла прибывало из Египта в Левант, который ранее был не только способен обеспечить собственные потребности в стекле, но и являлся лидером на международном рынке. Двумя с половиной веками позже межрегиональная торговля стеклом меняет направление. За это время в левантийском стекловарении происходит переход с содового сырья на зольное, за которым следует новый подъем производства. В конце X в. левантийское зольное стекло начинает импортироваться в Египет. Археологические и “химические” данные

позволяют заключить, что изменениям в технологии Левант обязан стеклоделам из Месопотамии, которые были привлечены к строительству дворцовой резиденции халифа в Ракке в конце VIII — начале IX в., где ими были основаны стеклоделательные мастерские.

Египетское стеклоделие идет другим путем, что могло быть связано с децентрализацией административной системы при Омейядах и Аббасидах и относительной независимости Египта примерно на протяжении века, между 868 и 969 г. Распространение зольного стекла здесь прослеживается по гирькам для монет с последней четверти X в., хотя более раннее его производство здесь и не может быть полностью исключено. Содовое стекло все еще производилось здесь примерно до 870-х годов, определяя *terminus post quem* для развития широкомасштабного производства зольного стекла в регионе. По времени это совпадает с введением ограничений на добычу природной соды в Египте. Таким образом, переход к зольному сырью происходит здесь существенно позже, чем в Леванте — по крайней мере отчасти благодаря наличию здесь ее природных месторождений. Начало систематического производства зольного стекла в Египте, по всей видимости, было связано с установлением здесь власти Фатимидов и основанием в последней четверти X в. столицы в Каире, что дало импульс новому этапу динамичного развития стеклоделательного производства в Египте.

Главные различия между традиционными стеклоделательными центрами и центрами в Центральной Азии, на Пиренейском полуострове и на Сицилии выражаются, вероятно, в объемах производства и широте распространения его продукции. Производство стекла в Египте, Леванте и Месопотамии было гораздо более масштабным, по крайней мере до XI в. На сегодня по-прежнему недостаточно данных о начале производства стекла в Центральной Азии. Согласно новым данным, некоторые характеристики состава стекла аль-Андалуса на Пиренеях свидетельствуют о местных инновациях, появившихся во второй половине VIII — первой четверти IX в. Впоследствии на Пиренейском полуострове развилась местная технология варки стекла на основе золы растений и свинца. Одновременно готовые стеклянные изделия продолжают привозиться сюда из Восточного Средиземноморья, особенно из Леванта и Месопотамии. Производство зольного стекла в исламской традиции, вероятно, прочно установилось как на Пиренеях, так и на Сицилии.

Геополитическая ситуация могла быть одним из важнейших факторов, влиявших на производство и распространение стекла. Установление столицы халифата в Дамаске, сопровождавшееся строительством значительного количества объек-

тов монументальной архитектуры, очевидно, послужило причиной изменений в торговых сетях и распространении стеклянных изделий. Основание новых столичных резиденций в Великой Сирии и Месопотамии, а также на Пиренейском полуострове, вероятно, послужили триггером для интенсивного развития местных производств. Когда центр политического и экономического могущества переместился из Дамаска в Багдад после Аббасидской революции 750/751 гг., происходит сокращение поставок стекла с Востока в Западное Средиземноморье. Это, в свою очередь, могло стимулировать развитие местного производства свинцового стекла на Пиренеях, как ответ на растущую независимость Кордовского Эмирата, который был основан в аль-Андалусе.

Автор отмечает недостаток данных о распространении и возможном производстве зольного стекла в Магрибе для формирования целостной картины развития средиземноморского стеклоделательного производства в раннеисламское время. Этот “недостающий кусок пазла” между юго-западом исламского мира на Пиренеях и Восточным Средиземноморьем не позволяет на сегодня оценить, в частности, роль Магриба в зарождении стеклоделательного производства на основе галофитов в Западном Средиземноморье

и его возвращении в Египет в раннеисламское время.

Безусловно, многие затронутые в монографии сюжеты могут быть развиты в дальнейшем на новых массивах данных о составе стекла, который является важнейшим источником знаний об экономической истории, ремесленных традициях и организации стеклоделательного производства — как это было блестяще продемонстрировано в монографии Надин Шибиль об исламском стекле. Ее фундаментальный труд выводит наши знания об исламском стекле на принципиально новый уровень, существенно расширяя при этом возможности исследователей извлекать новую историческую информацию из состава археологического стекла, происходящего с обширных просторов исламского мира и найденного за его пределами. Эту монографию, как и многие другие работы ее автора, можно найти в открытом доступе в сети интернет.

Работа подготовлена в рамках госзадания ИА РАН “Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.) (НИОКТР № 122011200267-0).

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

**ЧИЖОВ С. И. РУССКАЯ НУМИЗМАТИКА. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОПЫТ / ПОД РЕД. П. Г. ГАЙДУКОВА, М. А. СМИРНОВОЙ. М.:
ООО “РУССКОЕ СЛОВО”. Учебник, 2022. LXVI+. 582 с.: ил.
(История русской науки. Исследования и материалы. IV)**

© 2023 г. А. В. Чернецов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: avchernets@yandex.ru*

Поступила в редакцию 16.12.2022 г.

После доработки 16.12.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

DOI: 10.31857/S086960632302006X, EDN: RFISRN

В свое время публикация фундаментальной библиографии, составленной известным нумизматом С.И. Чижовым (1870–1921 гг.) и готовившейся в 1904–1920 гг., не была осуществлена. Эти научно-справочные материалы представляют собой продолжение незавершенной работы еще одного видного исследователя, А.К. Маркова (1858–1920 гг.). Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) рекомендовала публикацию этой библиографии, однако издать ее в послереволюционные годы не удалось. В представленном виде книга была подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и издана на средства РФФИ.

В 2009 г. картотека С.И. Чижова, посвященная печатным работам, опубликованным в 1700–1918 гг., была обнаружена в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН. Ее объем составляет 4425 записей, из них на русском языке — 2247, на иностранных языках — 1831, архивных материалов — 41, публикаций из раздела “*Personalia*” — 306. Ряд неучтенных С.И. Чижовым публикаций указан в Приложении III (с. 498–508) и в сноске 180 на с. LXI, LXII к вводной статье (еще 129 номеров). Таким образом, список отмеченных в опубликованной книге публикаций и единиц архивного хранения 4554.

Чтобы оценить значение библиографических данных, собранных С.И. Чижовым, необходимо сопоставить их с более ранними опытами в той же области, а также с теми, которые появились за время, пока его материалы не были опубликованы. Здесь можно отметить “Библиографический указатель” С.Г. Громачевского (1904). Указатель содержит около 780 записей; провинциальный автор не претендовал на создание фундаментальной сводки. В 1935 г. в эмигрантской парижской газете появились сведения о завершении рукопи-

си “Указатель нумизматической литературы” М.Ю. Гаршина (с. XXXVIII). Эта подборка включает около 3000 наименований; она не была своевременно опубликована. В настоящее время рукопись хранится в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа (с. XXXVIII, XXXIX; в опубликованное в рецензируемом издании дополнение к материалам Чижова она по неясной причине не попала). В 1982 г. на правах рукописи М.Б. Северовой была опубликована аннотированная библиография российских нумизматических публикаций XVIII в., которая включает 70 оригинальных и переводных работ. В 1997 г. в Одессе был опубликован “Библиографический указатель” Е.Ф. Яковчука, являющийся своеобразным продолжением труда Громачевского. В него вошли 425 публикаций, вышедших в 1904–1917 гг. Издание страдает неполнотой и иными недостатками. Работа И.В. Волкова (2001) включает значительный список нумизматической литературы 1901–2000 гг., причем описано 114 дореволюционных публикаций. Как видим, рассмотренные публикации и рукописные материалы значительно уступают библиографии С.И. Чижова по объему охваченного материала.

Существует, однако, опубликованная в США в 2014 г. фундаментальная библиография В.З. Арефьева “*Bibliographia numismatica Russiæ*”, в которой собрано не менее 7000 записей (к сожалению, не пронумерованных автором). Работа посвящена памяти М.Ю. Гаршина. Многие публикации описаны недостаточно подробно, так как не были просмотрены зарубежным автором *de visu*. Отдельные работы сопровождаются развернутой аннотацией. Описание работ нередко сопровождается указанием рецензий на них (в этом плане книга Арефьева уступает библиографии Чижова,

последовательно стремившегося учесть все отклики на описываемые публикации).

Книга В.З. Арефьева остается малодоступной российскому читателю, однако специалистам, подготовившим рецензируемое издание, удалось с нею ознакомиться (с. XLII, XLV, сн. 199). В крупнейших зарубежных публикациях, посвященных всемирной нумизматической библиографии, отечественная литература представлена очень слабо (с. XLII).

Для уточнения значимости вклада С.И. Чинова в разработку отечественной нумизматической библиографии важно оценить его соотношение с явившейся первоначально основой его труда неоконченной работой А.К. Маркова. Ее рукопись хранилась в Москве в собрании книг П.В. Зубова. Она была датирована 1889 г. с указанием, что текст был исправлен А.А. Куником (1814–1899 гг.). Количество записей определено приблизительно (“777 занумерованных названий, к коим прибавлено много дополнений, включенных, по-видимому, позднее” — с. 397, № 4082). Судя по звездочке, которой помечена данная запись, рукопись была недоступна составителям рецензируемого издания.

Несмотря на некоторую неопределенность приведенных сведений, очевидно, что подавляющее большинство материалов, собранных в библиографии С.И. Чинова, подготовлено им самим. Очевидно также, что концепция издания и его структура не были полностью заимствованы им у А.К. Маркова. Примечания к некоторым библиографическим описаниям включают ссылки на библиографию Маркова, но они сравнительно немногочисленны. Вероятно, С.И. Чижов делал их только в тех случаях, когда описания Маркова были оставлены в неизменном виде.

Необходимо отметить, что количественная характеристика монументального библиографического труда С.И. Чинова все же остается не до конца ясной. Краткие ссылки на рецензии и другие отзывы на включенные в примечания к нумерованным описаниям изданий во многих случаях дублируются отдельными записями, также снабженными номерами, но это сделано далеко не во всех случаях. В ряде случаев указано, что данные об издании заимствованы из библиографической публикации, с указанием выходных данных последней, которая, однако, не включена в состав основного корпуса занумерованных изданий (см.: с. 50, № 439; с. 95, № 843; с. 207, № 1919; с. 300, № 2894; с. 300, № 2903; с. 338, № 3453; с. 339, № 3469; с. 365, № 3743).

Не всегда можно в полной мере согласиться с подходом С.И. Чинова и его современных издателей к систематизации публикуемых печатных и рукописных материалов. Так, на с. 178, 179 под № 1665 описана книга А.А. Сибирского о боспор-

ских монетах, оставшаяся недопечатанной. Вероятно, она сохранилась в единичном экземпляре (и тогда следовало бы указать место его хранения). То же сочинение было полностью опубликовано по-французски (с. 375, № 3871). При этом ссылка на рецензию на вышедшую французскую версию книги ошибочно помещена в статье, посвященной русскому изданию, а в записи о публикации той же книги по-французски отсутствует. На с. 205 под № 1902 упоминается издание лекций В.К. Трутовского, тираж которого уничтожался автором после выхода из печати. На с. 215, № 2006а и с. 222, № 2075 фигурируют публикации с пояснением “не окончены печатанием”. На с. 234, № 2176 и с. 400, № 4105 описаны напечатанные таблицы, подготовленные для не вышедших книг. На с. 152, № 1783 указано, что таблицы к данной публикации печатались отдельно в увеличенном виде в качестве учебного пособия.

На с. 234 под № 2175 описан труд С.А. Шодуара, представленный помимо основного тиража экземпляром, отпечатанным на веленовой бумаге и поднесенный автором Николаю I. Среди единичных или крайне редких печатных “изданий” своеобразная “листовка” — “роспись” состава коллекции великого князя Георгия Михайловича (с. 46, 47, № 415, рис. 35). Подобный объект, вероятно, следовало бы описывать как единицу архивного (библиотечного) хранения. Отметим наличие в библиографии публикации Н.Е. Струйского, поэта-графомана, издателя, бескорыстного энтузиаста роскошно оформленных книг (с. 190, № 1766). На с. 398 № 4096 описан рукописный каталог частного собрания, с таблицами, “исполненными рельефом на фольге в цвет металла, из которого чеканена монета”.

В своем стремлении составить полную российскую нумизматическую библиографию С.И. Чижов неизбежно должен был столкнуться с известной неопределенностью границ изучаемого материала. На первый взгляд, исследования иностранных авторов, посвященные монетам, отчеканенным за пределами России и не использовавшимся на ее территории, не должны включаться в его сводку. Вопрос, однако, осложняется тем, что такие работы могли создаваться, например, немецкими учеными, являвшимися российскими подданными или приезжими иностранцами, основная или значительная часть наследия которых была связана с российской нумизматикой. По замыслу составителя, любое переводное нумизматическое сочинение, опубликованное в русском переводе, автоматически также должно было быть включенным в библиографию по отечественной нумизматике.

В библиографии, составленной С.И. Чижовым, почти половину составляют работы на ино-

странных языках. Значительная часть из них — публикации российских подданных немецкого и польского происхождения. Необходимо также иметь в виду, что ранние периодические издания Российской академии наук публиковались на латинском и французском языках. Труды Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества первоначально печатались по-французски. Одна из первых, опубликованных в России, нумизматических статей Х.Д. Френа была издана в Казани на арабском языке (с. 212, 213, № 1992). В библиографию включена одна статья на турецком языке (с. 345, № 3543; название указано в французском переводе) и еще одна по-армянски (с. 394, № 4069; запись включает русский перевод названия).

Картотека, которая легла в основу публикуемой библиографии, была первоначально организована С.И. Чижевским в порядке русского алфавита (безотносительно к языку оригинала). При подготовке к изданию нынешние редакторы резонно разделили ее на часть, опубликованную кирилловским шрифтом, и часть, напечатанную с использованием латинского алфавита. При этом первая часть получила не вполне удачное название “Литература на русском языке”. Дело в том, что эта часть включает статью словацкого ученого Я. Шафарика, опубликованную на сербском языке (с. 229, № 2150), а также ряд работ известного историка М.С. Грушевского, опубликованных по-украински (с. 56, 57, № 496—501). По неясным причинам в состав “литературы на русском языке” попали уже упоминавшаяся арабоязычная работа Х.Д. Френа и еще одно сочинение того же автора, опубликованное на латыни (с. 213, № 1993).

Стремление к полноте составляемой библиографии неизбежно приводило к тому, что в нее попадали дилетантские и полу-дилетантские сочинения. Среди них описания частных собраний, сильно варьирующие по уровню владения материалом, пособия, предназначенные для собирателей (нередко с указанием стоимости монет). Помимо того, что сейчас включается в понятие нумизматической литературы, С.И. Чижов включал в свою библиографию публикации, посвященные законодательству, связанному с производством и обращением монеты (с. 3, № 2; с. 60, № 534—536), технике чеканки и контроля качества монетного металла (с. 128, № 1186; с. 232, 233, № 2164—2169; с. 508, № 4526), кредитным билетам и ассигнациям, наконец, способам чистки нумизматических материалов, деятельности фальшивомонетчиков и фабрикация антикварных подделок редких монет (с. 184, № 1708; с. 503, № 44732). На с. 36, № 336 находим сообщение о чеканке монет из переплавленных трофейных пушек. На с. 63, № 567 описано использование стереоскопа для выявления фальшивых ассигнаций (ср. с современными методиками, применяемы-

ми для штемпельного анализа). Им учтены многочисленные справочники об обменном курсе отечественных и зарубежных денежных знаков (с. 26, № 230; с. 39, № 317; с. 53, № 455 и др., всего 32 наименования). Наряду с изучением монет его библиография отражает публикации, посвященные медалям и орденам, монетовидным амулетам. Специальное внимание уделено медальерному искусству и выдающимся медальерам (с. 17, № 135; с. 134, № 1216; с. 164, № 1523; с. 238, № 2220; с. 254, № 2400; с. 262, № 2493; с. 342, № 3504; с. 398, № 4090; с. 401, № 4109; с. 500, № 4436), в частности Ф.П. Толстому (1783—1873 гг.), автору знаменитой серии медалей, посвященных Отечественной войне 1812 г. (с. 155, № 1427; с. 383, № 3966, 3967).

Наряду с редкими публикациями малоизвестных авторов в библиографию включены многочисленные имена специалистов высокого класса, нередко ученых, круг интересов которых не ограничивался нумизматикой. Поэтому данная сводка имеет большое значение также для исследователей в области истории науки в широком плане. Скрупулезно собиравшаяся С.И. Чижевским информация, несомненно, будет широко использоваться для биобиблиографии не только профессиональных нумизматов, но и выдающихся антиковедов, востоковедов и славистов, ученых, разрабатывающих социально-экономическую проблематику, историю техники и производств.

Среди имен, фигурирующих в библиографии, такие известные нумизматы, как А.Д. Чертков (1879—1858 гг.), П.С. Савельев (1814—1859 гг.), А.В. Орешников (1855—1933 гг.), Х.Д. Френ (1782—1851 гг.), В.Г. Тизенгаузен (1825—1902 гг.). Из известных ученых, для которых нумизматика не являлась основным занятием, отметим такие имена, как К.Ф. Калайдович (1792—1832 гг.), А.Л. Бертье-Делагард (1842—1917 гг.), А.С. Уваров (1825—1884 гг.), В.В. Латышев (1855—1921 гг.), М.И. Ростовцев (1870—1952 гг.). Из числа иностранцев в библиографию попали первый серьезный исследователь русского летописания А.Л. Шлецер (1735—1809 гг.), А.И. Сильвестр де Саси (1758—1838 гг.), Т. Моммзен (1817—1903 гг.), С. Рейнак (1858—1932 гг.). Отметим наличие в рецензируемой публикации имен, хорошо известных археологам. Это, кроме уже упомянутого А.С. Уварова, Д.Я. Самоквасов (1841—1911 гг.), Д.Н. Анучин (1843—1923 гг.), А.А. Спицын (1856—1931 гг.), В.А. Городцов (1860—1945 гг.). Представлены в библиографии и классики скандинавской археологии — Х.Ю. Томсен (1788—1865 гг.), Й.-Я. Ворсо (1829—1885 гг.), О. Монтелиус (1841—1921 гг.) и Т.И. Арнэ (1879—1965 гг.).

В библиографии С.И. Чижова за начальный рубеж принят 1700 г. Тем не менее в нее так или иначе должны были попасть некоторые публика-

ции и рукописи более раннего времени. Среди них известный стихотворный букварь, созданный иеромонахом Карионом Истоминым для обучения царевича Алексея Петровича и опубликованный с гравюрами Леонтия Бунина (с. 78, № 688). Библиографическая заметка отмечена досадной неточностью — приведенная дата от Сотворения мира (7199 г.) не соответствует дате публикации (7202 г., т.е. 1694 от Р.Х.). Первая дата, указанная на титульном листе букваря, обозначает дату написания Карионом Истоминым текста (1691/2 г.); дата завершения работы гравера указана Буниным в заключении к книге. В букваре в ряду объектов, название которых начинается с буквы “з”, представлена “златица”. Несмотря на схематизм изображения ясно, что это наградной получервонец, предназначенный для участников Крымских походов 1687 и 1689 гг., с изображением малолетних царей-соправителей Петра и Иоанна на одной стороне и правительницы царевны Софьи Алексеевны — на другой (характерно, что выбрана сторона с царевой). Среди множества представленных на гравюрах букваря мотивов есть еще один, связанный с денежным обращением — мошна, фигурирующая на странице, посвященной букве “м”. В библиографию С.И. Чигова попало факсимильное издание букваря, датированное 1881 г. Более доступное воспроизведение того же издания (Тарабрин, 1916), в котором кроме гравюр Леонтия Бунина воспроизведены миниатюры трех рукописей того же букваря, в рецензируемое издание не попало.

Сведения о русском денежном счете и изображении монет дорегулярной чеканки отразились в записках двух иностранцев, посетивших Россию в XVII в., которые были опубликованы в России в XIX в., в библиографии С.И. Чигова отсутствуют, но отмечены в дополнениях, помещенных редакторами в рецензируемом издании. Это записки А. Олеария, голштинского посланника в России в 1633–1635 и 1636–1639 гг., опубликованные в 1647 г. (с. 503, № 4468, 4469), и альбом австрийского посланника А. Мейерберга (с. 502, № 4461–4464). Отметим, что одновременно с первым изданием на русском языке, подготовленным Ф. Аделунгом в 1827 г., вышло немецкоязычное, выходные данные которого не приведены, равно как и название первой публикации А. Олеария на немецком языке.

Досадным упущением рецензируемой книги, не устраненным при составлении дополнений, является отсутствие в библиографии первой европейской публикации, посвященной введению в России регулярной чеканки монет по западному образцу Петром I. Это помещенная в гамбургском журнале “*Historische Remarques über die neuesten Sachen in Europa*” от 21 ноября 1702 г. статья “*Ihro Majestät Petri ißt regierenden Czaars in Moscau Thaler von Anno 1701*”, сопровождающая-

ся изображением полтины новой чеканки. Между тем этот факт хорошо известен любителям отечественной нумизматики из выдержавшей несколько изданий популярной книги И.Г. Спасского (1962. С. 23, 24, рис. 12).

Среди наиболее ранних иностранных публикаций, имеющих отношение к российской нумизматике, отметим два амстердамских издания 1671 г., в которых имеются сведения о понтийских и боспорских монетах (с. 277, 278, № 3898 и 3899) и одно нюрнбергское 1682 г., в котором имеются описания и изображения отдельных монет Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (с. 378, № 3902).

Написанное по заказу Екатерины II сочинение Ф.-М.А. Вольтера (1694–1778) “История Российской империи в царствование Петра Великого” по неясной причине представлено в библиографии не французским оригиналом (первый том вышел в 1759 г.), а немецким переводом 1761 г. (с. 387, № 4001). Кстати, это сочинение было опубликовано в 1809 г. в русском переводе, также не вошедшем в сводку С.И. Чигова.

В дополнение, составленное при подготовке рецензируемого издания, было вполне резонно включено классическое исследование важнейшего памятника русского летописания А.Л. Шлёцера “Нестор” (с. 507; № 4519), в котором имеются сведения о денежном обращении Древней Руси. При этом указание на то, что русский перевод этого сочинения Д.И. Языкова был опубликован в 1809–1819 гг., отсутствует (Шлёцер, 1809).

В ряде случаев от внимания С.И. Чигова, тщательно собиравшего все, что возможно, включая публикации, содержащие неоригинальную или ошибочную информацию, ускользали основополагающие труды крупнейших историков (Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского), несмотря на то что они содержали разделы, посвященные торговле и денежному обращению, справочные издания, содержащие нумизматическую информацию, среди которых встречаются не только редкие, но и хорошо известные читательской публике издания.

Начнем с “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля (первое издание 1863–1866 гг.). В этом словаре мы найдем множество терминов, так или иначе связанных с нумизматикой. Речь идет не только об элементарных примерах типа “алтын”, “гривна”, “деньга”. В словаре наличествуют и более редкие слова, этимология которых нередко требует пояснений. Это “арапчик”, “лобанчик”, “пучковый” (Даль. 1955. Т. I. С. 21; Т. II. С. 597; Т. III. С. 537).

Два из этих слов расшифровываются В.И. Далем как “голландский червонец”. Современные нумизматы знают, что под указанными названиями на самом деле фигурировали золотые монеты

русской чеканки, имитирующие голландские червонцы, тайно изготавливавшиеся в России более столетия — с 1735 по 1867 г. Это была полноценная и полновесная золотая монета, предназначавшаяся преимущественно для выплаты жалования войскам, находившимся в зарубежных походах. В бюрократической служебной переписке такие червонцы именовались “известной монетой”. Начиная с эпохи наполеоновских войн “тиражи” этих монет доходили до нескольких миллионов. Имело место даже некоторое перепроизводство голландских червонцев, и ими начали выдавать жалование войскам на окраинах, в частности на Кавказе и в Средней Азии. Трудно дать всей этой истории однозначную оценку. Можно сказать, что имела место своего рода “добросовестная фальсификация”. Молчание вокруг происхождения этих монет было нарушено в конце XIX в. (сначала в одном из трудов великого князя Георгия Михайловича, потом в энциклопедии Брокгауза—Эфрона). Но указание на знакомство с ними народа уже было зафиксировано в словаре В.И. Даля.

Русские названия, обозначавшие изготавливавшуюся в секрете “известную монету”, достаточно любопытны. Наиболее прозрачен термин “пучковый”. Он появился по той причине, что на таких червонцах изображался закованный в латы воин с пучком стрел в руке. Эти стрелы, в свою очередь, являлись аллюзией, вызывающей ассоциацию с гербом Нидерландов (на котором пучок стрел представлен в лапе геральдического льва). Термин “арапчик” показывает, что человек в рыцарских доспехах представлялся русским людям экзотическим существом, подобием дикаря. Возможно, рыцарь даже воспринимался как нечто вроде чертика (дьявола в церковной книжности нередко иносказательно назывались “ефиопами”). Сложнее объяснить происхождение названия “лобанчик”. Скорее всего, оно первоначально относилось к разнообразным иноземным золотым монетам с изображением головы монарха (отсутствующим на голландских червонцах). Одна дореволюционная публикация, посвященная этой скандальной криминально-конспирологической истории, попала в библиографию С.И. Чиждова (с. 218, № 2033).

Вероятно, включения в эту библиографию могли бы заслужить материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, словарь церковнославянского языка Г.М. Дьяченко, этимологический словарь русского языка А.Г. Преображенского (первые два тома вышли до революции). Сведения по нумизматике можно найти в “Реальном словаре классических древностей” Ф. Любкера, опубликованном в русском переводе в 1883—1885 гг. (2001. С. 465—467). Краткие сведения по нумизматике древнего мира можно найти в “Иллюстрированной полной популярной библейской энциклопедии” архим. Никифора (1891. С. 485 и др.).

Отмечу, что здесь указаны лишь немногие издания, заслуживающие включения в библиографию Чиждова, и только те из них, которые автору рецензии подсказала память по ходу ознакомления с текстом.

Указанные пробелы библиографии С.И. Чиждова не могут быть поставлены ему в упрек. Отчасти они могут быть объяснены тем, что он являлся лишь продолжателем сбора материала, начатого другим специалистом. Чиждов мог полагать, что все, что представляло первостепенный интерес, уже включено в библиографию А.К. Марковым, и он сконцентрировал внимание на узко специальных работах и мелочах. Можно полагать, что прилагал основные усилия к каталогизации публикаций, появившихся после 1889 г., на котором обрывалась библиография Маркова. При этом, заняв с 1903 г. должность секретаря Московского нумизматического общества, он имел возможность пристально следить за появлением новых нумизматических публикаций. Кроме того, его работа осталась незавершенной. Последние годы жизни С.И. Чиждова явно не благоприятствовали полноценной библиографической работе.

В ряде случаев в библиографии С.И. Чиждова встречается устаревшее словоупотребление, не всегда понятное современному читателю. По-видимому, во многих случаях в современном издании его следовало сопровождать пояснениями. На с. 4, № 23 упоминается коллекция богдохана Цянь Луна. Богдохан (богдыхан) — обычная в дореволюционной России форма передачи титула китайских императоров. Монарх, носивший это имя, правил в 1735—1796 гг. Собрание китайских и иных монет было послано им в составе посольских даров Екатерине II, большой любительнице раритетов и экзотики. На с. 14, № 111 упоминается находка монет около Гекчайского озера (современное название — Севан). На с. 55, № 481 среди топонимов указана Ташкия (регион Ташкента?). На с. 65, № 582 упоминается византийский император Феодосий II Юнейший. Более принято называть его Феодосий Малый (Младший). На с. 114, № 1028 и с. 384, № 3972 приводится имя мамлюкского султана Бибарса (сейчас принято написание Бейбарс). На с. 276, № 2650 фигурирует Ibn-Foszlan. В наше время этот средневековый арабский путешественник известен как Ибн-Фадлан. На с. 86, № 743, с. 300, № 2903 и с. 343, № 3515 упомянут бактрийский царь Дмитрий (нужно Деметрий). На с. 117, № 1061 находим г. Нисабур (Нишапур), на с. 314, № 2002 — Кубечи (Кубачи). На с. 234, № 2176 речь идет об аньяньских монетах (т.е. аннамских). Аннам — центральная часть современного Вьетнама. На с. 252, № 2365 университет г. Галле неудачно назван Галльским. На с. 255, № 2405 упоминается Тиен-цзин (Тяньцзинь). Недоумение

вызывает пояснение на с. 271, № 2598 “Сугдея (ныне Самаркандская обл.)”. Сугдея – средневековое название Судака в Крыму. В данном случае речь идет о Согде, Согдиане (в французском названии статьи “Sogdiane”). На с. 293, № 2798 фигурирует нормандское подражание монете Ярослава Мудрого. Речь идет о норманнском (скандинавском) подражании, а не о Нормандии. На с. 319, № 3178 упомянуты два царя по имени Митрадат (более общепринято написание Митридат). На с. 342, № 3499 указана национальная принадлежность коллекционера (сарт). Так до революции обычно называли узбеков.

Отметим ряд других неточностей в написании имен и т.п. Имя автора, важного для нумизматов сочинения известного британского востоковеда, указано в рецензированной книге как С. Лейн-Пул (с. 103, № 902, рис. 87). Между тем на титульном листе переводного издания этой книги имя автора имеет другое написание (Лэн-Пуль). Думается, что для облегчения библиотечного поиска нужно указывать то имя, которое фигурирует на титуле и обложке, а уточненную, более современную, версию транскрипции можно при этом привести в скобках. Написание названия одного и того же античного города в Северном Причерноморье – Керкинитиды – отмечено непоследовательностью. На с. 21, № 179 это Керкинит, на с. 187, № 1729 – Каркинит, наконец, на с. 286, № 2737 название звучит как Киркинитиды. На с. 266 при описании одной статьи использованы две версии фамилии автора (Dolgoroukij и Dolgorouky). На с. 273, № 2617 находим Charmou вместо Charmoy. На с. 294, № 2814 R. Hakluyt, известный описаниями морских путешествий и географических открытий британских мореплавателей, фигурирует как Halkuyt. И ошибочное, и правильное написание его фамилии наличествует в именном указателе (с. 540). На с. 300, № 2901 находим Cimméren вместо Cimmérien. На с. 315, № 3100 фамилия Freudenthal (Фройденталь) транскрибирована как Фреденталь. На с. 319, № 3181 замечена ошибка в передаче польского названия публикации. Вместо Cabinet Madalów следует читать Gabinet Medalów. На с. 339, № 3469 вместо Ingoslavenskih должно быть Jugoslavenskih. На с. 356, № 3653 неправильно расшифрована дата MDCCCXXXIII (соответствует 1823, а не 1828 г.).

Отдельные досадные погрешности можно найти и в именном указателе. Среди них Анна Иоановна (с. 512). Ее отчество принято писать через два “н”. На той же странице фигурируют “атабеки моссульские”. В данном случае одна буква “с” лишняя. На с. 513 фамилию Баре следует писать с двумя “р”. Безин (Безун) – мнимый персонаж (часть надписи, ошибочно принятая за имя собственное). Имя известного итальянского автора эпохи Возрождения Бембо обычно передается как Пьетро (а не Пиетро). На с. 515 без иници-

алов указан Валиханов. Очевидно, это Чокан Чингисович – известный деятель казахской культуры. Владимир, названный только по имени – все тот же Владимир Святой (Красное Солнышко), который фигурирует в указателе отдельно. Отмеченный на с. 516 Гарун Эр-Рашид более известен как Гарун Ар-Рашид или Аль-Рашид. То же лицо попало в указатель как Harun Raschid (с. 540), без указания, что это то же самое лицо. Дайлемиты на с. 517 более известны как дейлимиты. Дмитрий (с отсылкой к с. 352, № 3613) – это Лжедмитрий, что прямо указано во французском названии публикации. Зенон и Зинон на с. 519 – один и тот же византийский император. Констант II (с. 521) чаще пишется с конечным “т”. Магомет II (с. 524) – это турецкий султан Мехмед Завоеватель. Менгу и упомянутый отдельно Монгке-хан (Менгу-кан русских летописей) – это великий хан Мункэ. Все Михаилы, отмеченные без пояснений, это Олег-Михаил Святославич, кроме фигурирующего на с. № 1705. Последний, по-видимому, архангел Михаил. Нестор, отдельно упомянутый на с. 526 (с отсылкой к с. 79, № 692), тождествен с летописцем Нестором. Окай более известен как Угэдэй. Имя Г. Отрепьева следовало сопроводить отсылкой (см.: Лжедмитрий). Имя Петр, оставленное в указателе без дополнительных пояснений, в двух случаях является, очевидно, христианским именем Святополка Окаянного (с. 25, № 219 и с. 223, № 2081). Рескупорис и Рискупорид на с. 529 – разные написания одного и того же имени нескольких боспорских царей. Имя Эвфидем (с. 535) обычно передается как Эвтидем. Указанное на с. 536 имя F. Adelung не сопровождается отсылкой к упоминанию того же ученого в русской транскрипции на с. 511. Имя падишаха Империи Великих Моголов Aurenk Szeb (с. 537) по-русски обычно пишется в одно слово – Аурангзеб. Под именем Basillii Tschernigoviae скрывается наиболее вероятный заказчик знаменитой “черниговской гривны” Владимир Мономах. Челлини (с. 538), очевидно, знаменитый Бенвенуто. Dynamis (с. 539) с пояснением “о нем” – царица Динамия. Heinrich von der Osten den Sacken (с. 540) – по неясной причине имя указано перед фамилией. Héthem – по-видимому, Гетум. Il-Chanor (с. 541) с пояснением “о нем” – неправильно понятое название династии Ильханов (Хулагуидов). Juan с пояснением “о них” обозначает не испанское имя “Хуан”, а китайскую династию Юань. Под именем Katharina скрывается российская императрица Екатерина I. Историческая область Польши Куявия присутствует в указателе как Kujawien (с. 542) с пояснением “о них”. Коронованная особа, известная своей драматической судьбой, отмечена как Maria Stuart (с. 544) с пояснением “о нем” (!). Упоминание графа Н.П. Румянцева, представленного в русской части указателя, в его латинской части вы-

глядит как Romszoff (с. 545). На той же странице находим S.A. La Princesse Ismail (где S.A. обозначает “Ее высочество”). Речь идет о вдове египетского хедива Исмаила. Имя Simbat (с. 546) порусски транскрибируется как Смват. Имя Teridate (с. 547) обычно передается как Тиридат, Трдат. Théophano Muzalon с пояснением “о нем” — это Феофано Музалон, супруга Олега Святославича. Tilly, очевидно, Иоганн Церклас, знаменитый полководец времен Тридцатилетней войны. В дополнительном указателе на с. 550 находим Дмитрия Шемяку и Дмитрия Юрьевича Галицкого. В обоих случаях имеется в виду одно лицо. На с. 553 упомянут “Стефан Улош” (надо Урош) Милутин. Кстати, фамилия В. Ягича, автора статьи об упомянутом выше монархе, передана в рецензируемом издании неточно (Ягић — с. 455, сноска 6).

Отметим еще несколько недочетов рецензируемой публикации. На с. 14, № 106 находим приемник вместо преемник. На с. 20, № 162 очевидно, что вместо европейские должно быть еврейские. На с. 24, № 202 упомянута “самая древняя славянская монета IX в.” (по-видимому, определена неверно). На с. 25, № 222 и на с. 254, № 2395 упоминаются китайские монеты в виде “кельтовлопат”. Монеты в виде различных изделий, в частности лопат и мотыг, известны в старом Китае (Быков, 1969. Табл. III, 15; Табл. IV, 16–20; Табл. IX, 50–59), но они не имеют никакого сходства с кельтами, обычно использовавшимися в качестве топоров. На с. 82, № 727 фигурируют китайские монеты “в виде сабель”, их более принято называть монетами-ножами (Там же. Табл. V, 21, 22; Табл. VI, 23, 24; Табл. VIII, 48, 49). На с. 39, № 307 упомянут рубль [Василия Дмитриевича] Кирдяпы. О чем идет речь, остается неясным. На с. 180, № 1668 в названии статьи упоминается “скифская лучна”. Последнее слово требует пояснения. На с. 215, № 2009 упомянут неясный объект — “жетон-змеевик Доминиканского ордена”. На с. 219, № 2047 “наперстный крест для духовенства” вместо наперсный. На с. 347, № 3561 находим “Donă” вместо Două. Вероятно, какое-то количество упущений, не отмеченных мною, найдут античники, востоковеды и другие специалисты.

Остановлюсь на некоторых недоработках редакторского плана. В ряде случаев пояснения, следующие после выходных данных публикации, приводятся не на русском, а на языке издания, как правило, по-немецки, но встречаются также французские и польские примечания (с. 260, № 2479; с. 274, № 2624, с. 286, № 2736 и далее, всего 17 случаев). Думаю, что в случае публикации библиографии при жизни С.И. Чижиова все эти иноязычные пассажи были бы переведены на русский язык. В ряде случаев название публикации полностью повторяется в перечне рецензий, иногда даже по два раза (с. 20, № 162; с. 33, № 308;

с. 42, № 398 и далее, всего 23 случая). Ряд публикаций, имеющих французское название, снабжены вызывающим сомнение пояснением “текст на немецком яз.” (с. 283, № 2699 и далее, 6 случаев). На с. 382, № 3960 статья в итальянском нумизматическом журнале на итальянском языке описана как франкоязычная.

Примечания С.И. Чижиова к описываемым публикациям и архивным материалам сильно варьируют по объему и информативности. Многие из них очень важны. В изданиях XIX в. на обложке и титульном листе порой указывалась фамилия издателя, или переводчика, а не автора. Благодаря С.И. Чижову мы во многих случаях имеем возможность с этим разобраться. В одних случаях мы имеем дело с “добросовестной” дезинформацией, в других — это скорее плагиат или компиляция (см.: с. 945, № 838; с. 243, № 2275; с. 249, 250, № 2339, 2342). Отдельные авторы уделяли особое внимание ограничению возможности ознакомления с рукописями предшественников, причем порой в печать проникали сведения, которые в наше время обычно не публикуют (см., например, с. 192, № 1783; с. 193, № 1796).

С.И. Чижов не предпослал своей библиографии обобщающего предисловия; в его пояснениях отсутствуют сколько-нибудь развернутые оценки и сравнения, характеристики научных направлений. Все это можно отыскать в работах по истории нумизматики, в частности, в историографическом разделе недавно опубликованной П.Г. Гайдуковым докторской диссертации Н.П. Бауера (2014). Главное, что удалось сделать С.И. Чижову, — создать наиболее полную библиографию российской нумизматики рассматриваемого периода, в которой учтено большое число исследовательских и иных публикаций, в том числе выходивших в провинциальных и малотиражных изданиях, зачастую выпадавших из поля зрения позднейших исследователей.

Учитывая то обстоятельство, что завершение работы велось в трудные годы и было прервано смертью ученого, к этой библиографии не должны предъявляться претензии, связанные с отдельными пробелами и незавершенной окончательной авторской редакторской обработкой текста. Отмечу, что П.Г. Гайдуковым и М.А. Смирновой была проделана большая работа по структурированию и унификации как основной части текста, так и по составлению весьма полезных указателей.

Книга сопровождается вступительным очерком жизни и творчества С.И. Чижиова, полезным именным указателем (около 1050 российских и зарубежных авторов), списком периодических и продолжающихся изданий (более 380) и изображениями титульных листов наиболее значительных нумизматических изданий (более 230). В ви-

де приложений даны документальные биографические материалы о Чижове и его письма.

Опубликованная книга представляется весьма полезным подспорьем как для нумизматов и специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам, так и для историков, интересующихся экономической историей, библиографов, учащейся молодежи, краеведов и коллекционеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арефьев В.З.* Bibliographia numismatica Russiae, Oder vollständiger Überblick der russischen Münz- Siegel- und Wappenkunde, nebst erlesenen Werken über Wirtschaft und Bankwesen, gedruckt vor dem Jahre 1917 = Библиотека нумизматическая Российская или полный обзор российской литературы по монетному делу, печатам и гербоведению, с прибавлением избранных трудов по государственному хозяйству и банковскому делу, появившихся в печати до 1917 года. Philadelphia, 2014. 616 р.
- Бауер Н.П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. М.: Русское слово, 2014. 816 с.
- Быков А.А.* Монеты Китая. Л.: Советский художник, 1969. 78 с.
- Громачевский С.Г.* Библиографический указатель литературы по русской нумизматике. Житомир, 1904. 110 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1955. 3 т. (700 + 780 + 556 с.)
- Карион Истомин.* Лицевой букварь Кариона Истомина / Предисл. и коммент. И.М. Тарабрина. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916 (Древности. Труды Московского Археолог. о-ва; XXV). 83 с., 39 л. ил.
- Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 512 с.
- Никифор (архимандрит).* Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. М., 1990. 902 с.
- Нумизматическая литература в России XVIII в.: Общий обзор. Аннотированная библиография 1710—1800 гг. / Сост. М.Б. Северова. Л.: Гос. Эрмитаж, 1982. 37 с.
- Русская нумизматика и история денежного обращения XIV — начала XX вв.: Материалы к библиографии 1901—2000 гг. / Сост. И. В. Волков. М., 2001. 100 с.
- Спаский И.Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 3-е изд. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 224 с.
- Шлецер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Ч. I / Пер. с нем. Д. И. Языкова. СПб.: Императорская тип., 1809. 476 с.
- Яковчук Е.Ф.* Библиографический указатель нумизматической литературы. Одесса: Астропринт, 1997. 73 с.

**IX ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ ИМ. ПРОФЕССОРА В.В. ЗАЙКОВА
“ГЕОАРХЕОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИНЕРАЛОГИЯ – 2022”
(ЮУ ФНЦ МИГ УрО РАН, г. Миасс, 19–21 сентября 2022 г.)**

© 2023 г. П. С. Анкушева^{1,*}, Н. Н. Анкушева^{2,**}, А. В. Епимахов^{3,***}

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

²Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН, Миасс, Россия

³Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

*E-mail: polenke@yandex.ru

**E-mail: ankusheva@mail.ru

***E-mail: epimakhovav@susu.ru

Поступила в редакцию 07.10.2022 г.

После доработки 21.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323020022, EDN: REWXQE

Растущая необходимость применения естественнонаучных методов в познании прошлого стимулирует формирование междисциплинарных научных связей между специалистами различного профиля. Одной из площадок для их объединения с 2014 г. стала ежегодная конференция “Геоархеология и археологическая минералогия”, учредителем которой является Институт минералогии УрО РАН (ныне – ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН) в г. Миассе.

Создатель и главный идейный вдохновитель этого мероприятия – доктор геолого-минералогических наук, профессор Виктор Владимирович Зайков – изначально организовал его в рамках Школы для молодых исследователей. Основной гуманитарной целью было формирование творческих связей между организациями геологического и археологического профиля, а также ускоренное вовлечение способных молодых людей в сферу междисциплинарных исследований. С 2019 г. оргкомитет принял решение преобразовать мероприятие из Школы в полноценную “взрослую” конференцию, что способствовало значительному расширению ее тематического и географического охвата. С этого же года начаты публикации расширенных материалов конференции (Proceedings) в издательстве Springer под названием “Geoarchaeology and Archaeological Min-

eralogy. Proceedings of Geoarchaeological Conference, Miass, Russia” в рамках серии “Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences”.

В 2022 г. мероприятие состоялось уже в девятый раз. Наряду с учредителем конференции в ее организации приняли активное участие крупнейшие вузы областного центра Челябинской области: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Южно-Уральский государственный университет. В конференции участвовали более 40 ученых, представлявших научные и образовательные учреждения из 16 городов России, Казахстана, Абхазии, Азербайджана, Испании: Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Челябинск, Тюмень, Нижний Тагил, Екатеринбург, Кемерово, Иркутск, Томск, Ижевск, Сыктывкар, Пушкино, Донецк, Сухум, Баку, Гранада. Всего было заслушано 30 докладов. Список участников включал как признанных специалистов, так и молодых ученых, в том числе школьников, специализирующихся на археологии.

От имени учредителя конференции участников приветствовал директор ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН В.Н. Удачин. Он отметил, что анонсированные доклады и опубликованные в сборнике материалы являются ярким примером потрясающих

результатов, достигнутых далеко отстоящими друг от друга в тематическом плане научными направлениями. С приветственным словом от оргкомитета также выступил А.В. Епимахов (ЮУрГУ, г. Челябинск). Он отметил приток новых участников, в том числе молодых специалистов, и пожелал конференции долгого будущего.

Работа конференции проходила в смешанном (очном и дистанционном) формате в ходе последовательных заседаний пяти секций. Первая из них (ведущий А.В. Епимахов) была посвящена общим проблемам археометрии и применению естественнонаучных методов к археологическим объектам. Секция началась с доклада Ю.Б. Серикова (РГППУ, г. Н. Тагил), посвященного различным областям применения рудных минералов в культовой сфере древнего населения. Далее Г.В. Требелева (ИА РАН, г. Москва), возглавляющая международный коллектив ученых, рассказала о новейших результатах полевых геоархеологических работ по поиску возможных локализаций звеньев Понтийского лимеса на побережье Северо-Западной Колхиды. Доклад самого ведущего секции освещал результаты сравнения изотопов стронция в различных типах археологических биоматериалов бронзового века Южного Урала. Вторая половина секции включала серию новаторских тематических исследований по применению различных методов естественных наук к культурным слоям и артефактам. Здесь преобладали исследования южноуральских древностей: химический состав почв поселений позднего бронзового века (И.П. Алаева, Л.Н. Плеханова, И.В. Чечушков с соавторами), магнитные свойства медных шлаков (Л.В. Суровицкий). Отдельно стоит отметить работу по определению породы дерева для орудий, найденных в результате новейших полевых работ на Маркульском городище (Республика Абхазия) (доклад Н.Ю. Сунцовой). Исследование стало прекрасным примером комплексного подхода, сочетающего результаты микроструктурного анализа с данными письменных источников, этнографии и материаловедения.

Во второй секции (ведущий А.О. Хотылев) преобладали доклады, посвященные составу и источникам каменного сырья в широких культурно-хронологических рамках Северной Евразии: различных стадий каменного века Барабы (А.С. Климов, А.В. Веретенников), эппалеолита Приэльбрусья (Е.В. Дороничева), античной Фанагории (А.О. Хотылев). В сообщении П.И. Калинина и Н.И. Шишиловой, посвященном знаменитому Бородинскому кладу начала II тыс. до н.э., указаны

возможные источники серпентинита для производства части изделий. Серпентинизированные ультраосновные породы, типичные для Северного Кавказа, могли служить сырьем для топоров, а материал для наконечников булавы мог сформироваться при метаморфизме доломитов магнезиальных скарнов. Широкий методический охват этой секции также отражает работа международного коллектива авторов под руководством Н.Н. Скакун. Проведенные ими опыты по изготовлению сланцевых ножей “улу” из могильника Эквен (I тыс. до н.э., Чукотка) позволили зафиксировать следы нескольких стадий обработки сырья, что может служить одним из источников для технико-трассологической интерпретации этих и подобных им артефактов. Наконец, любопытный артефакт представил в своем докладе председатель Оргкомитета конференции А.М. Юминов — каменный сосуд из лимонитовой жеоды, найденный на поселении бронзового века Левобережное (Южное Зауралье). Результаты минералогического анализа позволили предположить, что сосуд использовался для хранения минеральной краски. Доклад вызвал жаркую дискуссию, поскольку подобные находки в регионе ранее известны не были.

На третьей секции обсуждались естественнонаучные методы, применяемые к древней керамике (ведущий И.А. Блинов). Несмотря на то что в этом году секция стала наименьшей по количеству докладов, уже несколько лет это направление стабильно занимает собственную нишу в работе конференции. Были освещены три работы. На основе анализа керамического комплекса поселения Мочище в лесостепном Зауралье С.А. Григорьев и Н.П. Салугина предположили восточное, западносибирское происхождение федоровских керамических традиций. Доклад М.А. Кульковой, посвященный кварцевой дресве в гончарстве памятников Причерноморья, отличался поистине широким методическим списком — в нем были отмечены практически все распространенные в отечественных и зарубежных научных изысканиях анализы, применяемые к керамическим массам: РСФА, РФА, петрографический анализ, микронзондовые исследования SEM-EDX, термогравиметрия ДТА-ТГ, рентгеновская микрофотография — m-CT. Уже традиционными для конференции стали доклады, сочетающие минералого-геохимические изыскания с результатами технико-технологического анализа по методике А.А. Бобринского. В этом году с таким сообщением выступила М.Е. Клемешова, изучившая формовочные массы плинфы и пифосов из раскопок Маркульского городища.

Самой многочисленной по количеству докладов (впрочем, как и в прошлые годы) стала секция по археометаллургии (ведущий Д.А. Артемьев). Это не удивляет, поскольку данная тематика составляет основу научных интересов организаторов конференции — геоархеологической группы ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН. Различные технологические этапы металлопроизводства в культурах Евразийской металлургической провинции — от организации горного дела до изготовления готовых изделий — обсуждались в докладах *М.Н. Анкушева*, *П.С. Анкушевой*, *И.А. Блинова* с соавторами. Чрезвычайно фундированное сообщение о рецептурах меди и сплавов петровской культуры эпохи бронзы Южного Зауралья и Северного Приоболжья представили *А.Д. Дегтярева* (Тюменский НЦ) и *С.В. Кузьминых* (ИА РАН, Москва). Авторами было выделено четыре металлургические группы, медная руда для которых поступала с месторождений Южного Зауралья, а олово в виде слитков и готовых изделий — из Центрального Казахстана. *С.В. Кузьминых* с соавторами (*В.Ю. Луньков* и др.) в другом докладе обсудил группу наконечников копий разряда КД-2 рубежа III/II тыс. до н.э. Волго-Уральского региона: их элементный состав, культурную принадлежность и радиоуглеродную хронологию. Еще одной группе металлических изделий эпохи бронзы Волго-Уралья — серпам с крюками — был посвящен доклад молодого специалиста из Уфы *Е.В. Берсенева*. Он вызвал жаркую дискуссию не только по поводу применения геометрической морфометрии, с которой была связана работа, но и статистических операций в целом и объективности “искусственного интеллекта” в типологических процедурах индивидуальных находок.

Несмотря на доминирование цветной металлургии в тематическом поле секции, производство железа в эпоху средневековья также обсуждалось на конференции. *В.И. Завьялов* (ИА РАН, Москва) представил результаты археометаллографических исследований русских селищ Мякинино 1 и 2. Автором установлены существенные различия в технико-технологических стереотипах памятников, которые отражают различные условия обеспечения местного населения продукцией кузнечного ремесла. К выводу о небольших объемах железоделательного производства пришла в своей работе *И.С. Астахова* (ИГ Коми НЦ, г. Сыктывкар), изучившая металлические предметы из раскопок городища Кобылиха (Большеземельская тундра) при помощи микронзондового анализа.

Последняя секция объединила работы по применению геоинформационных технологий в археологии (ведущая Г.В. Требелева). Не первый год материалы конференции обогащают труды коллектива уфимских ученых под руководством *И.И. Бахшиева*, связанные с определением структуры памятников бронзового века при помощи аэрофотосъемки беспилотными летательными аппаратами. В этом году был представлен доклад, отражающий конструктивные особенности синташтинских круглоплановых поселений в Зауральской Башкирии. Дешифрирование данных дистанционного зондирования Земли позволило *Е.А. Мануиловой* (Институт физики Земли, Москва) реконструировать древнюю гидросеть Таманского полуострова. Эти два доклада являются прекрасной иллюстрацией того, насколько современные геоинформационные технологии не только расширяют наше представление о вмещающем археологическом ландшафте, но и служат важным, а иногда и незаменимым подспорьем при проведении полевых археологических разведок. Наконец, завершающим докладом конференции было сообщение *А.А. Герцена* (Институт географии РАН, Москва), посвященное историко-картографическому и топонимическому подходу в геоархеологии. На примере изучения храмовых комплексов автор убедил слушателей, что междисциплинарность при проведении исторических исследований в современных реалиях является единственным возможным путем развития научного прогресса в этой области.

Каждую конференцию ежегодно завершает полевая экскурсия с посещением интереснейших археологических и/или геологических объектов Челябинской области. В 2022 г. для участников была организована пешеходно-автобусная экскурсия в район г. Карабаш на месторождение Золотая гора — уникальное по геологическому строению и минеральному составу, и Французский “замок” (рудник Холмистый) в пос. Наилы — место добычи хризотил-асбеста в XIX в., где сохранились развалины зданий фабрики и цехов, технологического колодца, затопленный карьер и рельсы для транспортировки руды.

Таким образом, участие в конференции интересно и актуально для геологов, археологов, историков и музейных работников. Оно способствует координации и повышению эффективности подготовки и обмена научными идеями научных специалистов самых различных направлений.

С момента основания мероприятия Оргкомитет приветствует свободное распространение научных знаний. В связи с этим все выпуски материалов конференции, а также архив видеотрансляции находятся в открытом доступе на сайте <https://meetings.chelscience.ru/geoarcheology/>.

Научная конференция “Геоархеология и археологическая минералогия” и представленный обзор подготовлены в рамках бюджетной темы ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН № 122062100023-5 и госзадания Минобразования РФ № FENU 2020-0021.

К ЮБИЛЕЮ НАТАЛИИ НИКОЛАЕВНЫ ТЕРЕХОВОЙ

© 2023 г. В. И. Завьялов^{1,*}, А. С. Алешинская^{1,**}, С. В. Кузьминых^{1,***}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: v_zavyalov@list.ru

**E-mail: asalesh@mail.ru

***E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.01.2023 г.

После доработки 10.01.2023 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606323020216, EDN: RHGDIJ

19 июня 2023 г. отмечает юбилей Наталия Николаевна Терехова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Именно с лабораторией связана вся многолетняя научная деятельность Наталии Николаевны. Закончив в 1957 г. исторический факультет МГУ, она приходит на работу в Институт археологии и вливается в группу молодых ученых, ставших костяком формирующегося научного подразделения, направившего свои усилия на внедрение методов естественных и технических наук в археологию. Последние годы учебы на истфаке

отмечены для Наталии Тереховой активной экспедиционной деятельностью: студенткой старших курсов она принимает участие в раскопках С.В. Киселева знаменитого Большого Салбыкского кургана в Хакасии, отождествляемого с “царскими” некрополями кочевнической знати тагарской культуры Минусинской котловины.

Общение с С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой определило тему первых научных исследований Н.Н. Тереховой. Уже в 1959 г. в журнале “Советская археология” выходит ее первая статья “Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае”. По инициативе руководителя группы по применению естественнонаучных методов в археологии Б.А. Колчина Наталия Николаевна приступила к изучению проблемы технологии изготовления древних изделий из чугуна. Для овладения методами металлографии она, как и ее сотоварищи Е.Н. Черных и Н.В. Рындина, прослушала курс лекций в Московском институте стали и сплавов. Изучение монгольских и китайских изделий из чугуна привело исследовательницу к выводу о том, что в столице монгольской империи Каракоруме существовал местный центр чугунолитейного производства, продукция которого не только использовалась для местных нужд, но и экспортировалась в другие центры. К сожалению, политическая ситуация (ухудшение советско-китайских отношений в начале 1960-х годов) не позволила Н.Н. Тереховой продолжить начатую работу.

В начале 1970-х годов Наталия Николаевна приступила к изучению технологии изготовления древних артефактов из цветного металла. Приоритетным направлением в ее исследованиях становится история ранней металлургии юга Средней Азии. Первые результаты поисков нашли отражение в статье “Технология изготовления первых металлических орудий у древних земледельцев Южной Туркмении” (1974). Итогом этих работ стала кандидатская диссертация “История

металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении”, защищенная в Институте археологии в 1975 г. В том же году она была опубликована в сокращенном виде. В этом труде впервые в мировой археологии дан технологический анализ массовых серий древнейших медных изделий (структурному анализу подвергнута коллекция из 73 предметов, технологически изучено более 150). Н.Н. Терехова доказывает существование местной металлообработки на юге Средней Азии на привозном сырье. Она попыталась установить общие закономерности развития ближневосточной металлургии и металлообработки в V–IV тыс. до н.э. Результаты данного исследования были высоко оценены не только археологами СССР, но и получили признание за рубежом: свидетельством тому публикация труда Н.Н. Тереховой в США (*“A History of Metallworking Production Among Ancient Agriculturalists of Southern Turkmenia”*, 1981).

Наталья Николаевна успешно сочетала научную и научно-организационную работу: она долгие годы являлась ученым секретарем лаборатории, возглавляла группу металлографии. Много сил и времени она отдавала работе с молодыми специалистами, чтобы передать им свои знания и опыт. Под научным влиянием Н.Н. Тереховой в 70–80-е годы XX в. сформировались такие исследователи, как В.И. Завьялов, Ю.А. Семыкин, О. Папахристу, Т.С. Мехтиев.

В 1980-е годы в своих исследованиях Наталья Николаевна вновь возвращается к черному металлу — она приступает к изучению проблемы становления и развития ранней железной индустрии в археологических культурах Восточной Европы III–I тыс. до н.э. При разработке этой темы был сделан важный вывод о существовании на Северном Кавказе одного из наиболее древних центров железообработки на территории Восточной Европы, прослежено его влияние на сложение черной металлургии у племен ананьинской культуры Среднего Поволжья (*“Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период”*, 1983).

Наталья Николаевна обладает редкой способностью бесконфликтно работать в коллективе. Не подавляя чужого мнения, она умеет находить верное направление, объединяющее различные точки зрения. Именно благодаря ее такту и науч-

ному видению стали возможными подготовка и публикация коллективной монографии *“Очерки по истории железообработки в Восточной Европе”* (1997), в которой были систематизированы, обобщены и осмыслены многочисленные, но разнородные и разнообразные данные по технике и технологии обработки черных металлов в Восточной Европе, начиная с раннего бронзового века и до эпохи средневековья. В дальнейшем именно Н.Н. Терехова наметила основную проблематику исследований группы металлографии: *“Традиции и инновации в производственной культуре древних народов (на примере кузнечного ремесла)”*, *“Сложение производственных традиций в древнерусском кузнечестве”*, *“Этнокультурные взаимодействия в производственной сфере”*, *“Модели технологического развития кузнечного производства”*. Результаты многолетних научных поисков коллектива (В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова) нашли отражение в монографиях *“Русское кузнечное ремесло в Золотоордынский период и эпоху Московского государства”* (2007), *“История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий”* (2009), *“Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси”* (2012), *“Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского”* (2013), в написание которых Наталья Николаевна внесла неоценимый вклад.

Более 40 лет отдала Н.Н. Терехова журналу *“Советская археология”*. Редакторская работа во многом определила научный стиль ученого, для которого характерны ясность изложения, четкость формулировок, обоснованность выводов. Ее исследованиям присущи историзм, умение видеть за мелкими, подчас разрозненными фактами сложные процессы, протекавшие в древнем ремесле. В своих работах она постоянно подчеркивает, что металлография — лишь метод для решения культурно-исторических задач.

Наталья Николаевна и сегодня в научном поиске. Заканчивая работу над очередной монографией, она уже обдумывает план следующего исследовательского проекта. Пожелаем же Наталии Николаевне доброго здоровья, творческого долголетия и новых успехов в выбранном научном направлении.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110154 от 4 февраля 1993 г.,
выдано Министерством печати и информации Российской Федерации

Подписано к печати 24.05.2023 г. Дата выхода в свет 14.06.2023 г. Формат $60 \times 88^{1/8}$ Усл. печ. л. 25.42 Уч.-изд. л. 26.0
Тираж 21 экз. Зак. 6221 Бесплатно

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по госконтракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция»,
109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6
Отпечатано в типографии «Book Jet» (ИП Коняхин А.В.),
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, 18, тел. (4912) 466-151

16+